

КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
КОНСТАНТИНУ ГЕРАСИМОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ТБИЛИСИ 2011

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ФОНД РУССКИЙ МИР

ПРОЕКТ РЕАЛИЗОВАН ЗА СЧЕТ ГРАНТА, ПРЕДОСТАВЛЕННОГО ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР»

Руководитель проекта НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

МКПС «РУССКИЙ КЛУБ» ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ
АННЕ НАВОДНИЧЕЙ ЗА ПОМОЩЬ И УЧАСТИЕ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОЕКТА

ISBN 978-9941-0-3643-9

15 лет назад, в возрасте 72 лет от нас ушел выдающийся ученый, библиофил, поэт, профессор Константин Герасимов.

Он воспитал целую плеяду поколений учеников и оставил глубокий след в деле изучения русской литературы и истории книги.

К.Герасимов занимался педагогической деятельностью и в Тбилисской Духовной Академии и Семинарии, и не случайно значительная часть его уникальной личной библиотеки впоследствии была передана в дар именно этим учебным заведениям.

Константин Сергеевич принадлежит к высокому рангу тех избранных, чья жизнь продолжается в этом мире и после кончины и для многих является примером добра и милосердия.

Да охранит Господь его бессмертную душу и да упокоит ее в сонме праведных.

*Католикос-Патриарх Всея Грузии,
Архиепископ Мцхетский и Тбилисский,
Митрополит Пицундский и Сухумо-Абхазский
ИЛИЯ II
1 июля, 2011 г.*

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Илия II' (Ilia II) with a cross at the beginning and a stylized flourish at the end.

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

АРИСТОКРАТ ЯМБИЧЕСКИХ КРОВЕЙ

Огромный котиче, пожилой и усатый, возлежа на подоконнике, протягивает толстую лапу в открытую дверцу клетки, где подпрыгивает в притворном испуге такой же старенький чиж. Но вот плешивый чижик по-хозяйски устраивается на лапе старого друга, которого, по правде говоря, никогда не страшился, да и не с чего – станет ли Кот унижаться до мелкого хулиганства и рисковать своим авторитетом важнейшей в доме персоны – Хранителя Великой Библиотеки...

И пусть читателю не покажется фантазией сказочника этот кусочек библейского рая. Все описанное относится к разряду невыдуманных историй, и Великая библиотека – тоже реальность, хотя, увы, реальность бывшая.

Эта домашняя картинка – своего рода экспозиция к рассказу о легендарном профессоре Тбилисского государственного университета Константине Сергеевиче Герасимове. Рассказу, который будет существенно расширен и дополнен специально присланными нам материалами авторитетных друзей и коллег профессора Герасимова, собранными здесь, под одной обложкой.

Итак, слегка перефразируя Р.Л. Стивенсона (к слову, «Остров сокровищ» Константин Сергеевич считал лучшим романом для юношества), «в нынешнем, 20... году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда»... зимним вечером 1980 года я, 17-летний первокурсник факультета русской филологии ТГУ, впервые переступил порог уютного дома профессора Герасимова.

«Я помню, словно это было вчера», как Константин Сергеевич взял на руки своего Котофея и попросил: «А ну, покажи, какой ты большой!» - и котяра, довольно жмурясь, вытянулся во весь свой богатырский рост. А потом вопросительно уставился на меня – мол, впечатлился ли гость?

Да, в добрый час вошел я под сень этого Храма Книги, ибо не прошло и месяца, как я почувствовал себя включенным в тот узкий круг приближенных единомышленников, которым Константин Сергеевич открывал, пусть и не все, но сокровенные уголки своего духовного мира, потаенные клады «города мертвецов», как он называл свою уникальную библиотеку.

Когда профессора Герасимова, поэта, тончайшего знатока литературы и культуры, исследователя-сонетолога, эссеиста, спрашивали: «Чем отличается библиофил от книголюбя?», Константин Сергеевич, в свойственном ему притчево-метафорическом стиле, отвечал: «Представьте себе, что у вас разваливаются туфли, и вы с превеликим трудом накопили денег на новую пару. Идете в обувной магазин, а по дороге, на витрине у букиниста, видите прижизненное издание... Ну, скажем, Гумилева... Любитель почешет в затылке и пойдет за обувкой, а библиофил купит книгу и вернется домой босиком»...

Библиотека Константина Герасимова была одним из богатейших частных собраний на территории бывшего СССР. Более 15 тысяч жемчужин мирового литературного, культурного, научного наследия (Чейза, Хэммета и иже с ними профессор никогда не беспокоил).

- Я начинал с малого, почти что на голом месте. Отец, многоопытный инженер Сергей Авдеевич, читал вслух по вечерам римских классиков в оригинале, это были семейные чтения – традиция, ныне окончательно почившая в бозе, - рассказывал Константин Сергеевич во время одной из бесед начала 90-х гг. – А дед мой, Авдей Яковлевич, был страстным библиофилом. После революции он работал в типографии. Так что процесс рождения книги я запомнил и полюбил с детских лет. Юность моя выпала на Великую Отечественную войну. Не до книг тогда было, стояла одна задача – выжить. И маме, чтобы не уморить нас голодом, пришлось распродать собрание Авдея Яковлевича. Вот когда во мне проснулся настоящий библиофильский азарт, и пока я не вернул роскошное издание «Пиковой дамы» с иллюстрациями Александра Бенуа, покоя не обрел. С тех пор начали формироваться мои библиофильские вкусы. По окончании войны букинистические магазины России, Прибалтики и других республик буквально ломались от раритетов и редких изданий; в те времена все были заняты мыслями «о хлебе насущном»; иностранцам в СССР пути были заказаны, конкурировать они с нами, как в нынешние времена, не могли, прежде всего обеспечивая финансовое преимущество. Таким образом, как писал Руставели, «поле и мяч – твои». Увы, порода истинных букинистов в наши дни вымерла. Не осталось таких, каким был, к примеру, Серго Мдивани и иже с ним – рыцари книги, книгочеи и книговеды, знавшие – кому какой «лакомый кусок» припрятать «по назначению». Редкие книги – дорогой товар, но в те времена за них просили гроши...

С 1964 года преподаю в ТГУ историю книги и книгопечатания. На эту тему у меня есть все основное, выходявшее из печати. С

детства собираю мировую классику. Причем не случайные издания, а снабженные научным комментарием. Еще одна сфера интересов – литературоведение, история и теория стиха. И здесь «не счесть алмазов» на книжных полках. Особенно это касается литературы по сонету».

Любовь к сонету Константин Сергеевич пронес через всю жизнь, в чем можно убедиться, внимательно изучив его записные книжки. Но и без них автор этих строк не раз был свидетелем упоенных рассуждений Константина Сергеевича о природе сонета, его сходстве с принципами готической архитектуры; не раз доводилось и в буквальном смысле успокаивать профессора Герасимова, когда он слышал или читал о сонетах, не подчиняющихся строгим канонам жанра (а Константин Сергеевич считал сонет именно жанром, а не просто твердой стихотворной формой). Такие неправильные сонеты он называл «жалкими калекками, достойными сбрасывания в пропасть, как это делали с увечными младенцами в Спарте». Подробнее о великом романе профессора Герасимова с сонетом читатель узнает из его программной статьи «Диалектика канонів сонета», публикуемой в настоящем издании.

О задачах, которые он ставит себе как библиофил, Константин Сергеевич рассказал в другой беседе, состоявшейся в 1996 году: *«Я задался целью собрать всю римскую классику на латинском языке, причем изданную не позднее XVII века. Изданий XVIII века у меня много, но тогда уже началось массовое книгопечатание, а я больше ценю подлинные раритеты. Книгоиздательство до XVII века – это всегда произведение искусства, имеющее особый аромат. Я составил список из 30 авторов, и «плюс» после каждой фамилии ставил лишь тогда, когда добывал полное собрание сочинений. Всего пока собрал 300 книг. Спецкурс по истории книги навел меня на мысль коллекционировать фирменные экземпляры выдающихся книгоиздателей средневековой Европы. В моей коллекции, кроме изданий первопечатника Иоганна Гутенберга, представлена практически вся галерея великих книжников. Это: венецианцы Мануции (XV-XVI вв.), французы Плантен, Этьен, Фробен (XVI в.), итальянец Джунта (XVI в.), француз Дидо, итальянец Бодони ди Парма, англичанин Баскервиль (XVIII в.), голландцы Эльзевиры (XVII в.), русские духовные книги XVII в., первое прижизненное издание «Тилемахиды» Тредиаковского, прижизненные издания Ломоносова, Державина... Особый раздел в библиотеке отведен изданиям Библии на различных языках мира. Еще один раздел посвящен миниатюрным изданиям. Любя книгу, я стал немного*

алхимиком. Изобрел растворы, способы излечения раритетов от всякой нечисти. Книги в моих руках дышат спокойно, особенно те, которые попали ко мне из трущоб. Мне кажется, они знают, что здесь будут излечены, и они благодарят меня. Есть в библиотеке и рукописи – тибетские молитвы, лютеранские свитки с карикатурами на папу римского, грузинские рукописи... Но самый забавный и уникальный раритет – новгородская берестяная грамота XV века, гласящая: «Челобитная от Иосифа брату своему Фоме. Переслеживай о Таньке и чтоб не блудила чего зря».

Мою встречу с Нелли (Лейлой – у всех трех сестер было по два имени – В.С.) Манафовой Гусейновой, сестрой убиенной супруги Константина Сергеевича, Нателы (Софьи – В.С.) Манафовой, иначе как мистической назвать нельзя. Буквально накануне мы, составители данного сборника, в очередной раз обошли кладбище в поисках могилы Константина Сергеевича. Но, несмотря на то, что место для погребения выбирал я, Владимир Сарисвили, свежих могил оказалось столько, что не помогли даже визиты к директору кладбища и подробное изучение регистрационных книг.

- Как вы меня узнали?! – изумилась Нелли Манафова.

Я ответил, что образ Константина Сергеевича и всего его окружения никогда не стирался в моей памяти.

Разумеется, Нелли Манафова, несмотря на очень тяжелое самочувствие, согласилась сопроводить нас к месту погребения Константина Сергеевича, известному на тот день, как оказалось, только ей одной.

Спустя неделю мы встретились дома у Нелли Манафовой, которая передала нам хранившийся у нее фотоархив и бесценную Библию с дарственной надписью Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II. Она сказала: «Берите все. Я вам доверяю». Далее мы, с разрешения Нелли Манафовой, записали нашу беседу на диктофон. Запись эта оказалась исторической – как последняя живая связь с земным микрокосмом Константина Сергеевича - поскольку спустя несколько дней после нашей встречи Нелли Манафова перестала отвечать на звонки. Зная, что иногда она ночует у близких, мы не очень встревожились. Но через несколько дней в Патриархии Грузии, опекавшей Нелли Манафову, узнали, что она скончалась и уже похоронена на Кукийском кладбище в Тбилиси. Патриархия взяла на себя все расходы по погребению Нелли Манафовой, а отпевал ее сам Католикос-Патриарх Илия II.

Мы приводим фрагменты записи нашей беседы с некоторыми сокращениями, касающимися обвинений в нечистоплотности людей

из близкого окружения К.С.Герасимова. Мы не стали редактировать текст, чтобы он в полной мере передал взволнованный и благодарный тон, которым с нами разговаривала Нелли Манафовна.

Нелли Гусейнова. Константин Сергеевич был необыкновенный человек, необыкновенный. Он был моим другом. Не потому, что он был мужем моей сестры. Мы с ним очень дружили. Я очень рада, что нашелся человек, который продолжит его дело, ведь Константин Сергеевич многого не доработал, не успел. Володя Саришвили взялся за это, и Господь вознаградит его за все его деяния. Но вообще все решил мой сын. Зная Володю, он решил подарить ему архив. И благодаря моему сыну, Гарри Константиновичу Бабяну, делается такое доброе дело.

В.Саришвили. А вы помогли найти могилу Константина Сергеевича...

Н.Зардалишвили. Благодаря вам мы выяснили, что значительная часть библиотеки была передана в Духовную семинарию и Публичную библиотеку.

Н.Г. Да, об этом даже была статья в газете. Мы отдали библиотеку очень скоро после смерти Котика.

Н.З. Кто именно передал библиотеку?

Н.Г. Я лично. Сестры уже не было в живых. Натела очень скоро после Котика скончалась – через год и пять месяцев. Он – в июле 1996-го, она – в декабре 1997-го. Она прожила без него очень мало, но в этот период она очень много книг отдала [одному из его учеников]. Он все время у нее бывал. Я часто ходила туда после смерти Котика, и он все время там перебирал книги. Но Натела была женщина с характером, и я, к сожалению, не имела права вмешиваться... Значительную часть библиотеки Гарри передал в Публичную библиотеку. Сама Натела показывала тогдашнему руководству Публичной библиотеки книги голландцев Эльзевиров... На тот момент их было девять. У кого они сейчас?

Благодаря Константину Сергеевичу я дружу с Патриархом. Он не знает моей фамилии, говорит: «Пропустите Герасимову!» Я несколько раз ему говорила, что я не Герасимова, но он все равно называет меня так. Он хорошо помнит Константина Сергеевича, всегда говорит: «У меня очень хорошая память». Последний раз я была у Патриарха 6 марта, обедала с ним, на обеде были профессора из университета...

Мне его очень жалко. Как Котик относился к нашим родным! Я говорила Нателе: «Зачем ты его ругаешь? Не всякий родственник

сделает то, что делает Котик для твоих родных». Ирочка и Марина, дочери нашей третьей сестры Тины (Мадины – В.С.), переводчицы с турецкого, обе закончили университет. Потом сестра с дочерьми переехала с мужем, полковником Али Ишмурадовым, в Ташкент, хотя Котик умолял оставить их в Тбилиси. Ирочка была очень способная...

Н.З. Простите за вопрос, но почему у Константина Сергеевича и вашей сестры не было детей?

Н.Г. Не знаю... Натела очень долго лечилась... Он очень любил племянниц Нателы, говорил: «Это мои дети». А знаете, почему они уехали в Ташкент? Они удрали от него. Он чувствовал очень большую ответственность, преследовал их своим контролем, контролировал каждый шаг – куда идете, когда встретить... То, что он делал для моих племянниц, родной отец не сделал. Даже когда они учились в школе, его все там знали, с ним считались.

Н.З. Вы были знакомы с родственниками Константина Сергеевича?

Н.Г. У него были родственники в Москве – двоюродный брат, Олег (Олег Герасимов (1929-1997) – сын Георгия Авдеевича Герасимова, актер, режиссер, педагог, профессор, декан актерского факультета Школы-студии МХАТ, сценарист и режиссер диско-спектакля «Алиса в стране чудес», 1976 с участием Владимира Высоцкого – В.С.). Он часто приезжал к нам, я помню. И двоюродный брат в Сухуми, моему, Александр, мы к нему ездили отдыхать. Где они сейчас?

Н.З. А кто были его друзьями?

Н.Г. Гиви Чахава, Бендукидзе, Васильев... Константин любил застолье, это не секрет. Натела злилась – он всегда компании собирал у себя. Хотя он так красиво накрывал стол – редкая женщина так делает.

Н.З. Они с Нателой дружно жили?

Н.Г. Вначале – да. А в конце отношения разладились.

Н.З. Виной этому был Константин Сергеевич?

Н.Г. Нет, не думаю... Он очень часто приходил ко мне, он дружил с моим мужем, тоже Котиком. Я ему как-то в сердцах сказала – вы ссоритесь, она за тобой не смотрит, в каком ты виде, ты не должен так ходить, у вас разлад, ну так брось ее! А он ответил: «Нелли, вы подумали, когда сказали это? Я ее люблю, я не могу без нее жить». Я была удивлена... Потом Натела жила у мамы. Он постоянно приходил к ней, приносил подарки, деньги... Она не брала... Да, я хотела вам сказать – в Духовной семинарии преподает русский язык одна из его студенток. Она мне как-то мне рассказала: «Ни одного подобного Константину Сергеевичу лектора, педагога, у нас не было.

Это было что-то редкое. Мы слушали его с раскрытыми ртами»...

Н.З. Ну, мы сами – его ученики.

В.С. И сами сидели с раскрытыми ртами...

(Нелли Манафовна передает книгу с автографом Патриарха и фотографии).

Н.Г. Все берите. Все. Я вам абсолютно доверяю. То, что я могла найти, я нашла. Но куда делось все остальное? Патриарх подарил Константину Сергеевичу несколько книг, но я нашла лишь одну. И сейчас есть люди, которые метят забрать у меня эту книгу. Она бесценна. Я даже боюсь, что живу одна...

А ваш сборник будет, будет. Я буду молиться за вас.

Так завершилось наше первое и последнее посещение дома Нелли Манафовны.

А теперь вернемся к прерванному рассказу Константина Сергеевича: *«Книгособирательство, литературоведческая страсть свели меня с великими библиофилами, подлинными чемпионами Павлом Берковым – 28 000 книг, Михаилом Алексеевым – 30 000 книг. Нам приходилось соблюдать осторожность, ведь далеко не все попытки приобрести редкую книгу поощрялись всемогущими советскими идеологами. Но, к чести книжной братии, доносчиков на нашем Олимпе не было»*. Надо заметить, что до горбачевской перестройки информация о редкостных и запрещенных книгах предназначалась лишь для ушей уже упомянутых особо приближенных. Константин Сергеевич тщательно скрывал в те годы от посторонних глаз драгоценные раритеты, хранимые им в подвале при особом температурном режиме. Мало ли на свете лихих людей, да и с КГБ дело иметь не хотелось, ведь профессор Герасимов получал по различным неафишируемым каналам книги запрещенных авторов из-за границы. Он знакомил нас, избранных, с этими изданиями, но одалживать не только запрещенные, но и просто книги, не любил, хотя хозяином был щедрым и гостеприимным. И мы его понимали – ведь оторвать от себя книгу, пусть даже на время – это значит поколебать устоявшийся, взлелеянный тобою мир.

По до конца непонятным мне причинам скрывал Константин Сергеевич и свои великолепные стихотворения, лишь в конце жизни издав восхитительный сборник *«De profundis»* («Из глубины»). Выдающиеся профессора-филологи, ученые с мировой известностью, Сергей Иванович Кормилов и Олег Иванович Федотов трогательно благодарили за доставленные в Москву на конференцию, в которой я принимал участие, сборники (чуть ли не последние из сохранившихся

у меня) поэзии Константина Сергеевича.

«В возрасте 7 лет я прочитал сонеты Жозе Мариа де Эредиа, - продолжает свой рассказ Константин Сергеевич. - Это стало связующим звеном моего знакомства с Игорем Стефановичем Поступальским, переросшего в дружбу, о которой хочу сказать особо. Это был человек, не имевший никаких ученых степеней, но на конференциях к его гостиничному номеру выстраивалась очередь из докторов и академиков, желавших с ним побеседовать или проконсультироваться. Игорь Стефанович, солагерник Мандельштама, был свидетелем последних дней великого поэта. Поступальским собрана уникальная библиотека, начало которой было положено в разоренной усадьбе Набокова, отца автора «Приглашения на казнь» и «Лолиты». Десятилетним ребенком Игорь Поступальский выуживал из пруда и со свалки книги, выброшенные пролетариями, и таскал их домой. Он подарил русскому читателю многих французских символистов – под его редакцией выходили книги Эредиа, Леконта де Лиля, Рембо... Работу над изданием Верлена прервала смерть... И этот, не побоюсь громкого слова, великий человек, всю жизнь нуждался. У меня слезы наворачивались на глаза, когда в качестве ответного жеста пригласив меня в московский ресторан, он, расплачиваясь, достал узелок с мелочью и принялся отсчитывать монетки презрительно скривившему губы официанту.

Теплые воспоминания остались у меня от дружбы со знаменитым тбилисским библиофилом Владимиром Эльснером. В свое время он работал специальным корреспондентом журнала «Аполлон», где публиковались циклы стихотворений Черубины де Габриа, Анны Ахматовой, Николая Гумилева и других классиков Серебряного века русской поэзии. Диссертацию я защитил по творчеству Валерия Брюсова. (Разумеется, это был не случайный выбор, ведь творчество Брюсова представляет собой наиболее яркий в истории русской литературы синтез науки и поэзии, что так соответствовало духу творчества самого Константина Сергеевича – В.С.) Судьба свела меня с его вдовой – Иоанной Матвеевной. Она была женщиной своеобразной. Скажем, Маяковского не любила за то, что «он был такой высокий, что когда входил в комнату, мне становилось неудобно за невытертую на шкафах пыль». Не жаловала она и Зинаиду Гиппиус – за брюки и декольте. Я получил доступ к библиотеке Брюсова, величайшей сокровищнице. Особенно впечатлен я был книгами о магии, которые поэт выписывал из Нюрнберга во время работы над романом «Огненный ангел». Диссертацию на тему «Научные

интересы В.Я. Брюсова в его поэтическом творчестве» я защищал в 1964 году, в Тбилисском государственном педагогическом институте им. А.С. Пушкина, под руководством блестящего, легендарного литературоведа, доктора филологических наук Ваню Семеновича Шадури. Горжусь дружбой с сыном Вячеслава Иванова Дмитрием Вячеславовичем, кавалером Ордена Почетного легиона. На днях отослал ему письмо. Он работает над пятым томом собрания сочинений отца, и я надеюсь пополнить свою библиотеку этим изданием... Я верю, что книгу не заменишь никаким телевизором и видео. Книга бессмертна, а жизнь, отданная книге, прожита не зря».

И еще фрагменты, на этот раз из нашего интервью 1990 года:

- Константин Сергеевич, вы вели и ведете уникальные и весьма популярные в студенческой среде спецкурсы – «Русская философская поэзия», «История научной фантастики», «Психология художественного творчества». Циклу лекций «История книги», ставшему уже знаменитым в вашем прочтении, исполнилось четверть века...

- Да, эти спецкурсы я очень люблю. Конечно, кроме них я читаю и основной курс – историю русской литературы. Но о четвертьвековом юбилее «Истории книги» хочется сказать особо. Прекрасно, что Тбилисский университет – единственный (других не знаю), где филологам читается курс по истории книгопечатания. Нам мало что известно о величайшем открытии цивилизации – начале книгопечатания в Европе. Так же мало известно и о книгопечатании в Грузии, непечатый край работы – и в области исследования грузинских рукописных книг. Это – пласт культуры, подлежащий изучению. А знать культуру страны, где бросил якорь, должен каждый.

- На вчерашней лекции вы сетовали, что студенты стали меньше читать...

- Конечно, телевидение незаменимо как источник информации. Но оно общедоступно. А беря в руки книгу, только подготовленный читатель может стать собеседником Платона, Данте, Пруста... Но не всегда ослабление интереса к чтению – целиком на совести подрастающего поколения. Мы сталкиваемся с чудовищной уродливостью школьных и вузовских учебных программ. Вся мировая литература непостижима без знания вершины вершин – Библии... А ее не видно ни на школьных партах, ни в студенческих аудиториях. Не только с точки зрения здравого смысла, но и как преподаватель Тбилисской Духовной академии и семинарии, где я веду историю книги, а в семинарии – историю русской литературы, я убежден в

благотворном влиянии евангелистских истин на формирование личности. Наши же учебные программы создают искаженное представление о мире, в котором мы живем. Взять, хотя бы, понятие «классового гуманизма». Что это означает? Можно убивать детей кулаков, расстреливать царских детей, но нельзя трогать «социально близких»?! Если бы это был просто абсурд!.. А ведь это абсурд воинствующий. Он пропагандирует «положительного» героя, стреляющего в «классового врага». Гуманизм – это человеколюбие, и для нас нет иной системы моральных ценностей, кроме христианской.

- Константин Сергеевич, вы – один из ведущих брюсоведов страны. Почему вы увлеклись именно творчеством Брюсова?

- Этот человек пытался «объять необъятное». Может быть, он «последний из могикан» в век информационного взрыва, когда универсализм Леонардо или Ломоносова уже недостижим, поскольку мозг не успевает обрабатывать лавинообразно нарастающий поток информации. Вот почему мне близок Брюсов, чей пылкий взор проникал во многие тайны науки. Я тоже не сторонник «узкой» специализации; готовясь к чтению спецкурса по научной фантастике и научно-философской поэзии, серьезно изучал естественные науки: биологию, астрономию, физику. Думаю, что «узкая» специализация неизбежно ведет к ограничению мировосприятия в целом.

- Соединение интереса к двум сферам интеллектуального бытия человечества – естественной и гуманитарной – сказалось и на ваших поэтических пристрастиях?

- Да, я давний и верный поклонник сонета. И вот почему. Поэзия XX века стала аморфной, приобретает, к сожалению, расплывчатые строфические очертания. Сонет же – идеальный синтез формы и содержания, пробный камень мастерства.

- Вы не только поклонник, но и пропагандист сонета. Ведь именно по вашей инициативе состоялись уже два всесоюзных симпозиума в ТГУ, посвященных теории и истории сонета. Сборник трудов участников первого симпозиума «Гармония противоположностей» вышел в свет, труды участников второго симпозиума, проведенного в прошлом году, ждут своего часа.

- Мне хочется вспомнить два вечера, проведенных в рамках прошлогоднего симпозиума. Вечер сонетов Шекспира, на котором в числе других был прочитан, как ты помнишь, блестящий доклад профессора Гейдельбергского университета Хорста Меллера. Его версии, связанные с многими загадками гениального цикла сонетов Шекспира, кажутся более чем убедительными, и не только

мне. В Доме-музее Тициана Табидзе, одного из самых ярких грузинских сонетистов, был проведен вечер грузинского сонета... Форма сонета, привившаяся к стволу грузинской поэзии, обрела неповторимое воплощение в творчестве многих видных художников слова, но прежде всего – поэтов из объединения «Голубые роги». При сохранении своеобразия, искони свойственного грузинской поэзии, это движение к сонету я считаю движением от системы изобразительных средств, характерных для восточного искусства художественного слова – к образному миру европейской поэзии.

- Константин Сергеевич, в нашу эпоху стал чрезвычайно актуальным вопрос взаимопроникновения литератур. Пожалуйста, несколько слов о ваших взглядах на проблему художественного перевода...

- Однажды у меня с великим мэтром филологии Михаилом Леоновичем Гаспаровым состоялся интересный диалог: - Как вы думаете, удачен ли брюсовский перевод «Энеиды» Вергилия? - Об этом трудно судить не владея латынью. - Да, но если вы владеете латынью, то зачем вам перевод?

- Это из области парадоксов?

- Разумеется. Ведь не могут все люди знать все языки. И поэтому талант переводчика, равный таланту поэта (а такое, хоть и редко, но случалось), – неоценимый подарок национальной литературе. К сожалению, мы все еще подчас грешим отношением к переводчику как к проводнику в поезде, следующим из Языка в Язык. А это не так. Переводчик – соавтор. Иногда (крайне редко, правда), перевод даже может превосходить оригинал. Вспомним, хотя бы, песни Беранже в «исполнении» Василия Курочкина. И все-таки моя исходная точка – поэзия «непереводима, родному языку верна».

- Константин Сергеевич, многое в вашей жизни связано с Йенским, Тюбингенским и Гейдельбергским университетами...

- Да, у нашего университета хорошие контакты с этими научными центрами, с учеными-филологами, работающими в них. Недавно я принял участие в Гейдельбергском симпозиуме, посвященном творчеству Вячеслава Иванова. Моя работа, прочитанная на симпозиуме, будет опубликована на немецком языке.

- И последний вопрос. Имидж современного ученого – каким он должен быть? Согласны вы с тезисом, что быть слишком серьезным – несерьезно?

- Ученый должен быть академичным. Однако хранить достоинство – не значит заносчиво сжимать губы и не отвечать на приветствия. Наоборот, открыто идти навстречу людской любознательности – наш

долг. И приобщать к прекрасному, бездонному в своей глубине миру литературы – тоже.

Неповторимый, аристократический юмор профессора Герасимова был в университетских кругах притчей во языцех. Однажды студенты задали ему провокационный вопрос – в чем величие романа Чернышевского «Что делать?»

Что делать – надо отвечать. Сказать правду, что роман бездарный, так ведь стукачи в аудитории сидят и ждут, и мы знали – кто именно. А Чернышевский – из стада «священных коров» советской идеологии. Его трогать низ-зя, сослужат. И Константин Сергеевич нашел достойный выход. «Владимир Ильич Ленин считал этот роман выдающимся явлением литературы, - многозначительно заявил профессор, - а вот Надежда Константиновна Крупская придерживалась противоположной точки зрения. Я же не охотник вмешиваться в споры между мужем и женой».

В другой раз на экзамене «гусынеподобная» лимитчица, по досадному недоразумению Небесной канцелярии оказавшаяся в рядах студентов-филологов, заявила Константину Сергеевичу, что честно искала во всех библиотеках повести Белкина, но найти не смогла.

- Это же Пушкин, - застонал профессор.

- Я всю ночь сегодня не спала с Пушкиным в руках, - гордо парировала юный литератор, - а вот Белкина нигде не нашла.

Но главная «соль» впереди. Распираемый желанием излить душу по поводу столь чудовищного для филолога невежества, Константин Сергеевич встречает в коридоре коллегу, узко специализировавшегося на «передовой, идейно выдержанной современной литературе», и рассказывает свежие новости. Ученые вдоволь посмеялись, и, сквозь густой хохот, коллега вдруг огорошил Константина Сергеевича фразой: «Представляешь, до чего дожили наши библиотеки, даже Белкина в них не найдешь!»

Константина Сергеевича по праву можно назвать «Рыцарем сонета», этой сложнейшей четырнадцатистрочной формы стиха, обладающей жанрообразующими признаками. Работы Константина Сергеевича по диалектике канонов сонета, по параллелям между архитектурой сонета и готической архитектурой, по теории Венка сонетов – 15-ти сонетов, каждый из которых начинается с последней строки предыдущего, а последний, магистрал, составляется из первых и последних строк 14-ти предыдущих, были признаны классическими еще при жизни профессора Герасимова как в Грузии, так и в России, и в Германии.

Верный своему, не будет преувеличением сказать, схимническому служению сонету, Константин Сергеевич организовал две международные конференции по сонету в ТГУ, и это были не просто симпозиумы, а воистину программные, фундаментальные научные форумы, отблеск которых и по сей день не потускнел в мире высшей филологии. А то, что мне, 25-летнему «юниору» Константин Сергеевич доверил выступить в 1989 г. перед такими мэтрами как З. Плавский, А. Горфункель и многие другие, да еще и с таким докладом, как авторские переводы сонетов Шекспира, останется подарком на всю оставшуюся жизнь. Как и реплика З. Плавского: «Не надо, не надо других... У нас есть свой переводчик...»

Несколько лет, вплоть до вхождения в необратимую стадию подкосившей его болезни крови, профессор Герасимов руководил созданным им же Пушкинским обществом, объединявшим филологов и писателей всех возрастов. Выбор автором этих строк диссертационной темы по сонетам К.Бальмонта также был вдохновлен Константином Сергеевичем, оставившим много преданных и блестяще проявивших себя на филологическом поприще учеников как в Грузии, так и за ее пределами.

В последний путь Константина Сергеевича я проводил сонетом, опубликованным тем печальным летом 1996 года в газете «Закавказские военные ведомости».

СОНЕТ ПАМЯТИ К.С. ГЕРАСИМОВА

Аристократ ямбических кровей,
Князь дактиля, анапеста владетель,
Печальный продолжатель и радетель
Династии сонетных королей.

Повержен амфибрахий и хорей,
Их победитель – их же благодетель.
А ветер пусть срывает двери с петель –
Мэтр недоступен буйству декаблей.

Нет, здесь не башня из слоновой кости –
Сюда идут поклонники и гости,
Плывут друзья из-за семи морей.

Здесь места нет невеждам и тупицам.
Здесь – царство книг. И вечным датским принцем
Остался он в империи своей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1942-1994

СЛОВО МАСТЕРА

К.С.Герасимов был персоной, личностью особенной, хочется сказать – избранной и элитарной. Такова и его поэзия. При всей общечеловеческой значимости его стихотворений, они, тем не менее, лишены той, в скверном смысле слова, простоты и незамысловатости, которая в конечном итоге обесценивает произведение. Его стихотворения – «замысловаты».

«Поэзия, прости Господи, должна быть немного глуповата», - процитировала Герасимову по прочтении книги его стихотворений «Из глубины» его коллега и приятельница, бескомпромиссная Лина Хихадзе, профессор ТГУ. Но известные пушкинские слова, при всей любви к Пушкину, Герасимову – не указ. Он не собирался, в угоду и на потребу публике, скрывать уникальную начитанность, трагическое мировосприятие, склонность к глубокому размышлению и интеллектуальному анализу, презрительное отношение к толпе, ощущение себя как избранника, иронию, переходящую в беспощадный сарказм... (Хотя не таков ли и сам Пушкин, например, в «Из Пиндемонти»?)

Путь лирического героя Герасимова, то есть путь самого поэта, исполнен страдания и отчаяния. А как иначе? «Во многой мудрости...» и, добавим, в обнаженной душе, остром уме, самолюбивой натуре – всегда много печали. Таков удел Поэта, и читатель должен быть с ним на равных. Только на такого читателя и рассчитывал Герасимов, только подобного читателя он и берет себе в собеседники. И беседа получается исключительная по насыщенности, богатству, разнообразию мыслей и эмоций. Но даже сквозь самые горькие и горестные строки проступает силуэт не только гордого и одинокого творца, но и человека, обладавшего замечательным умением светло улыбаться - чувство юмора, чувство комического было у него ярким и особенным. «Односторонне серьезны только догматические и авторитарные структуры, - заметил М.Бахтин в «Эстетике словесного творчества».- Серьезность нагромождает безвыходные ситуации, смех подымается над ними...»

К.С.Герасимов писал, по большей части, сонеты (первый сонет был им написан в возрасте 19 лет, в октябре 1943 года), совершенствуя и оттачивая мастерство сонетиста, всегда оставаясь Поэтом. Он является автором нескольких новых форм циклов сонетов, помимо классической – венка сонетов, а именно: венец сонетов (цикл из четырех «английских» сонетов, последний из которых состоит из трех «сонетных ключей» - заключительных двестишестидесяти первых трех сонетов); созвездие сонетов (цикл из семи сонетов – трех «французских»

и трех «английских», чередующихся друг с другом, и седьмого, состоящего из «сонетных ключей» трех «английских» сонетов); корона сонетов (цикл из семи сонетов – шести «французских» и седьмого, состоящего из шести заключительных терцетов предыдущих сонетов и одной дополнительной строки – в отличие от классического понимания короны как венка венков).

«Было бы закономерным и своевременным признать сонет наиболее современным средством поэтического освоения парадоксальной диалектики бытия на высоко логическом уровне метаязыка искусства», - писал К.С.Герасимов.

Сонет – форма безукоризненная, безупречная, выверенная, как сама Вселенная. Или собор. «Сонет и собор, сонет – модель мироздания» - так должна была называться одна из статей Герасимова, план которой имеется в архиве. Попытка написать сонет – это всегда попытка сделать шаг на пути к совершенству, а сделать такую попытку дано лишь тому, кто в себе самом ощущает начала всех начал, кто осознает самого себя и как воплощение совершенства, и как скопище всех несовершенств мира...

О чем будет размышлять читатель Герасимова? Что почувствует и осознает? Веру в бессмертие, страх смерти, отчаянное одиночество, рыцарское и чувственное отношение к женщине, презрение к черни, рабству, скотству, избранность и исключительность творца, книжника, умника... Но главное – это абсолютная убежденность, что именно Слово дарует свободу в жизни и бессмертие в веках.

Н.Зардалишвили

НАДПИСЬ НА «ТРОФЕЯХ» ХОЗЕ МАРИИ ДЕ ЭРЕДИА ¹

Бессмертный ювелир лирических сюжетов,
Твой ритм – звучащий медью шаг когорт,
И каждая строфа – отточенный аккорд
Чеканных мощным гением сонетов.

Август 1943

ГОРОД В ДЖУНГЛЯХ ²

В глуши бескрайних чащ, палимых вечным зноем,
Цветущих среди болот кошмарной красотой,
Гранитный город спит над черною рекой,
Покинутый людьми, окованный покоем.

Там рушат во дворцах деревья плотным строем
Корнями камень стен. Мерцающей струей
Прольется кобра вдруг в бассейн, теперь сухой...
И пыль везде лежит многовековым слоем.

Но яркие лучи, проникнув в зал сокровищ
Давно немых царей, где статуи чудовищ
Хранят несметные богатства под землей,

Зажгут холодных звезд сверкающие груды,
На миг воспламенив рубины, изумруды...
И улыбнется им сам Брама золотой. ³

Октябрь 1943

ПОЧТИ ШУТКА

Мы встретились как-то у теплого моря
И рядом сидели на белом песке.
Нам солнце смеялось, и волны шептали
О жизни – отныне без слез и без горя.

Прошло много лет. Мы случайно попали
На Солнечный берег. Смотрели в тоске
На белый песок и на лживые волны...
И больше о жизни без слез не мечтали.

Август 1944. Сухум

ТАИТИ – САН-ФРАНЦИСКО

Океан зовет, и я
Милой шлю записку:
«Не тоскуй, любовь моя,
Вышли в Сан-Франциско».

Крысы на берег сошли.
Знать, купанье близко...
Будь что будет – письма шли
Прямо в Сан-Франциско!

Черен корабельный кот.
Что ж? Он только киска...
А примета просто врет!
Курс – на Сан-Франциско.

За кормою плеск акул,
Чайки вьются низко.
Что нам ветер? Лишь бы дул!
Курс – на Сан-Франциско.

Смерч иль буря – все равно
Не боимся риска!
В бочках было бы вино!
Курс – на Сан-Франциско.

Выпьем дружно! Океан –
Лишь бульона миска.
Шторм, тайфун иль ураган –
Курс – на Сан-Франциско.

Погрузился в воду край
Золотого диска...
Солнце тропиков, прощай!
Курс – на Сан-Франциско.

Сном мелькнули острова,
Пальмы, тамариски...
Здесь бессильны все слова.
Курс – на Сан-Франциско.

Но попробуй в теплый край
Снова не вернись-ка!
Эй, штурвальный! Не зевай!
Курс – на Сан-Франциско!

Вспомню долгий нежный взгляд,
Алый цвет гибиска...
И вернусь к тебе назад
Я из Сан-Франциско!

Октябрь 1944

ОСТРОВ-КОРАБЛЬ

Из цикла GLORY

Сюда ведут пути всех в мире кораблей.
Встречаются у скал седого Альбиона
Пришельцы с Андаман, Ямайки и Цейлона,
И в дымном небе – лес их стройных мачт и рей.

Трезубец тверд в руке Владычицы Морей.
Бессильны все валы, что бьют в подножье трона.
Армады нет. Гниют суда Наполеона,
И в Розайте⁴ – следы германских якорей.

И ночью внукам львов Ла-Хога⁵, Трафальгара⁶,
Чей дальний путь со всех концов земного шара
Лежит к родной земле Отчизны Моряков.

Так часто кажется массив утесов черный
Гигантским кораблем, что держит курс упорный,
Неся бесценный груз сквозь штормы всех веков.

Октябрь 1944

VICTORIA REGIA

Из цикла ПЕСНИ МОРЯ

Во влажном сумраке таинственно молчат,
Повиснув над рекой, запутанные чаши,
И яркий диск луны, сквозь сеть лиан глядящий,
Бросает беглый свет на лабиринт аркад.

Умолкли стаи птиц, безгласен хор цикад,
Лес над Мадейрой спит, и всех амброзий слаще,
Над почвой стелется загадочный, пьянящий,
Влекущий за собой в безвестность аромат.

Пойдем – там, в тростниках, у тинистой лагуны,
В укромной заводи, где лик дробится лунный,
Где искры светляков топазами блестят,

Белея пятнами жемчужного мерцанья,
Раскрывшись на воде, во тьму благоуханья
Огромные цветы виктории струят.

Ноябрь 1944

РОЗАЙТ

В осенних сумерках с бесцветною водой
Залива серого эскадра тускло слита,
Угрюм плененный флот страны, чья мощь разбита
В борьбе за власть, где был наградой шар земной.

Флот с гордым именем, позорен жребий твой!
Судьба Германии – теперь во власти бритта,
А сотни выпелом надменного Гранд-Флита⁷,
Как прежде, властвуют над миром и судьбой.

Великий час настал. Шеренги молчаливо
Глядят, как в берегах их старого залива
Стоят на якоре немецкие суда,

На «Queen Elisabeth» сыграли зорю горны,
И грозный черно-красно-белый флаг, покорный
Сигналу Англии, спустился навсегда.

Декабрь 1944

ЮТЛАНДСКИЙ БОЙ⁸

Из цикла GLORY

Давая курс на N колонне боевой,
Полмиллиона тонн лавиной неуклонной,
Весь флот своей страны, надеждой опьяненный,
На Битти⁹ бросил он в тот вечер роковой.

Но там, в немой дали, в туманной мгле морской,
Зажегся небосвод, кроваво озаренный,

И Шеер¹⁰ с «Фридриха» смотрел, ошеломленный,
Как вспыхнул горизонт зловещею дугой.

И в пламенном кольце стихийного сраженья,
В безумном хаосе огня и разрушенья
Ничье внимание ни разу не привлек

Влекомый в страшный мир гигантов истребленья
Сквозь черный дым – времен далеких провиденье!-
Случайный парусник, как жалкий мотылек.

Январь 1945

GRAND – FLEET (БОЛЬШОЙ ФЛОТ)

Из цикла GLORY

Сквозь призрачный туман отечественных вод,
Сквозь пелену дождя и мглу морской равнины
Шестью эскадрами проходят исполины,
В просторах сумрачных свершая свой поход.

Раздавливая зыбь, идут они вперед
В безмолвии глухом, немые властелины
Всех океанов, те, что власть своей доктрины
Простерли над землей на трех столетий ход.

И силуэты их, чернея сквозь прорывы
Туманной серости, безлюдны, молчаливы,
Опять скрываются в темнеющей дали.

Проходит мощный флот в зените грозной славы,
Которому дано вписать не строки – главы
В сухую летопись истории Земли.

Апрель 1945

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ¹¹

Из цикла GLORY

Бревно в морской воде... В далекой тьме времен
Гордились первым мы созданием человека
Из тех, чей долгий путь от каменного века
Привел к линкору. Плот, ладя, гребной дромон¹².

Эпоха паруса. Галера, галион¹³,
Суда испанских войн, флот Ралея и Дрэка¹⁴,
Эскадры Нельсона, корабль в четыре дека¹⁵.
Что стоит ваша мощь? Наследник всех – вот он.

Победу гения, безумие дерзанья
И торжество сил зла над слабостью познания,
Проклятье, и восторг, и страх – все в нем найдешь.

Быть может, о, гигант, не человек беспечный
Твой правит путь, а ты, ты сам его несешь.
Куда? Назад, к бревну? В простор ли бесконечный?

Июнь 1945

БЕССМЕРТИЕ

Через ряды валов, что мчал, сердясь, Канал,
Ты крестоносцев нес к обещанной награде
Или спешил на юг с мечтой о древнем кладе,
И ветер всех морей твой вымпел развевал.

Ты создал свой народ, каким сейчас он стал,
Прославив нацию – в далекой канонаде,
Пронесшей сквозь века преданье об Армаде,
В других морских боях! Голландец, немец, галл –

Все помнят, что в дали ушедших поколений
Поставило их мощь, их гордость на колени,
Чему владычеством обязан Альбион!

И вот со стапеля скользишь ты, вновь рожденный
Для битв и подвигов, в веках непобежденный,
Бессмертным именем в честь предков окрещен!

Июнь 1945

В ГОРОДЕ

Я в городе многое видел сегодня.
Я видел многих мужчин,
Которые были сильнее и лучше меня,
И многих, которые были, наверное, умнее меня.

И прекрасных женщин в душистых одеждах,
Гордых и нежных, страстных и мечтательных,
Которые никогда не будут моими.
И среди мужчин не было ни одного,
Кого я мог бы назвать своим другом
И пожать ему руку,
И из женских улыбок не было ни одной для меня.
Я видел много желанных вещей в освещенных витринах,
Которые никогда не будут принадлежать мне.
И тысячи тысяч книг, которые мне не прочесть никогда.
И когда я вернулся в свою комнату
И подумал, что есть тысячи тысяч таких городов,
Похожих и не похожих на этот,
Которых мне никогда не увидеть,
И миллионы женщин, чья красота
Никогда не будет мне радостью,
И миллионы книг, которые останутся непрочитанными,
То я пожелал себе смерти.

Июнь 1945

СОПЕРНИК

Слепой жестокостью и дьявольским умом,¹⁶
Мечом и золотом дорогу пролагая,
Идут они – моряк, солдат, делец, – мечтая
О полном, без границ, господстве всеземном.

Потомков викингов зовет приборя гром...
На все материки границы простирая,
Легла от полюса до полюса морская
Империя рабов – итог борьбы с врагом.

Мощь флота – вот хребет и основная сила
Страны, что четырех соперников сломила
В баталиях, гордясь могуществом своим.

Но там растет, грозя господству ветеранов
Неслыханный гигант¹⁷ – тот «Флот двух океанов»¹⁸
С которым, может быть, придется спорить им.

Июль 1945

СМУТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ¹⁹

*Пустыня растет, горе тому,
В ком таится пустыня.*

Ницше.

Уже давно, я помню, были муки,
Недоумение и детское «за что?»,
Друзьями странными забытые науки,
Трактаты пыльные, in quarto²⁰ древней скуки
Мне были; и, как я, их не любил никто.

А одиночество явилось слишком рано.
Да, одиночество ужасно в восемь лет²¹.
Быть всем чужим и быть чужим себе – так странно!
Жить вне реальности, вне грязи и обмана²²,
Искать, искать... Уже тогда я был поэт.

Август 1945

СМУТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

*Пустыня растет, горе тому,
В ком таится пустыня.*

Ницше.

Уже в начале помнятся мне муки,
Недоумения и детское «за что?»,
Друзьями странными забытые науки,
Трактаты пыльные, in quarto древней скуки
Мне были, и, как я, их не любил никто.

Да, одиночество явилось рано.
Стать одиночества достойным в десять лет,
Вняв шепоту страниц загробному, – так странно...

В конце неровных строк еще не ставя «Аппо
Domini» - помнится – я был уже поэт.

Август 1945 – октябрь 1972

АБУКИР²³

Алела роковым закатом Абукира,
Глубокая лазурь египетских небес,
Когда открылся нам чужой оснастки лес...
Оставил флот свой здесь завоеватель мира.

Пусть были суждены ему ключи Каира,
И звали на восток Калькутта, Бенерес!²⁴
Горит французский флот. Пал адмирал Брюэс.²⁵
Химерой стал поход до Ганга и Памира.

Творец истории, ты, господин царей,
Ты, перед кем любой противник – лишь пигмей,²⁶
Чьей силой замысел твой странный ограничен?²⁷

Во тьме, как факелы, пылают корабли...
Взорвался «Orient», и волны погребли
Гиганта, чей конец так жутко символичен.

Сентябрь 1945

БРЕД

Экспромт

Карандаш и бумага. Вы мне
Все – и жизнь, и здоровье, и счастье,
Берег теплого моря в ненастье
И симфонии грез в тишине.

В одиночестве – им я богат!
Я богаче их всех. Одинокий,
Мир вливаю расплавленный в строки
И чеканю узоры оград.

Мало! Мало! Уйти бы, уйти...
Быть собою, одним лишь собой,
Быть всемирною мыслью одной,
Сбросив ужас земного пути.

О, уйти бы, уйти в тишину...
От других и себя отказаться,
И навеки в лазури остаться,
Вечно видеть лазурь лишь одну.

Проклясть тело и душу свою!
И забыть этот прах навсегда.
Там, где только мгновенья – года,
Там²⁸ я все вспоминанья убью!

Я – не «мы», нет, не «мы»! Только «я»,
Только то, что одно во вселенной.
Неизменной, бессмертной, нетленной
Пусть²⁹ пребудет нирвана моя.

Сентябрь 1945

КАПИТАН ИНГЛЭНД³⁰

Из цикла JOLLY RODGER

Мушкет, с водою фляга, пули, порох
У ног его на золотом песке.
Недвижен он, лишь кровь стучит в виске,
Чуть-чуть³¹ звенят колесики на шпорах.³²

На крыльях парусов в морских просторах
Глаза его устремлены в тоске...
Протяжный птичий крик звучит в леске
И мягких волн насмешлив тихий шорох.

Скрестив безмолвно руки на груди,
За уходящим кораблем следи,
О, капитан! Постигла участь многих,

Покинутых тобой на островах,
Теперь тебя. С толпой видений строгих
Остался ты, ругаясь иль в слезах.

Октябрь 1945

КОРАБЛЬ

Из цикла ПЕСНИ МОРЯ

Доверься яхте, друг, с улыбкой, без опаски.
Звенящий ход ее вздымает пены снег.
Отчалим утром мы, родной покинув брег,
Уйдем в простор – туда, где жизнь прекрасней сказки.³³

Под солнцем всех морей, от Явы до Аляски,
Прочертит пусть она в волнах свой ровный бег,
В дневной лазури и при свете дальних Вег.
А цель – страна Весны, где вечно ярки краски.

Заменит нам корабль надолго дома кров.
И в штиль, и в час, когда ужасен бури рев...
Взгляни, как легко, безупречно строен!

Когда безоблачно сияют небеса,
И отблеск голубой вокруг льют паруса,
Клянусь, что двадцати сонетов он достоин!

Октябрь 1945

РАПА-НУИ³⁴

Из цикла ПЕСНИ МОРЯ

Наш легкий парусник стал в бухте Топгарики,
У острова могил, где древний прах вождей,
Немые статуи исчезнувших людей
Хранят в безмолвии времен, кошмарно дики.

О тайна тайн, клочок земли, куда арики³⁵
Хоту Матуа³⁶ вел в легендах давних дней
Народ свой... Для чего тут грудями камней
Застыли жуткие гиганты, как владыки?³⁷

Могущество какой из неизвестных рас
Воздвигло в глыбах скал над океаном вас?
Под силу ль этот труд сейчас островитянам?

Сгустилась ночь. Шкала приемника блестит...
Пусть песенка любви – ты помнишь? – здесь звучит
Беспечным вызовом векам, народам, странам.

Октябрь 1945

ШОРОХ СМЕРТИ (Письмо домой)

Из цикла GLORY

«...То было день назад, недалеко от Дьеппа,
Где в мертвой тишине среди подводных скал
Наш притаившийся U-Boot³⁸ проход искал...
Подлодка ощупью шла медленно и слепо.

Внезапно – ржавый звук задетого минрепа...³⁹
Как когти жуткие, скребущие металл...
От носа не спеша к корме проскрежетал,
И смерть оскалилась, до ужаса нелепа.

Что ж вспомнил я? Не взор твой – люющий свет алмаз,⁴⁰
Не дом наш, и не день когда я первый раз
Тебя поцеловал... нет милая, не скрою:

Работать для войны⁴¹ пришлось ведь и тебе,
Любимая, и я подумал о судьбе –
«Что если сделана та мина... Да, тобою!»

Декабрь 1945

КРАСНАЯ НИТЬ⁴²

Из цикла GLORY

Века грядущие! Свой яркий сонм явите!
Сгниют на дне морей и в зыбкости песков
Погибшие суда, и мой далекий зов
Не донесет поэм о Ралее, о Битти...

Но битвы наших лет во славу Красной Нити
Решили участь рас, судьбу материков,
Готовивших позор и рабство поборов,
Навеки прозвучав торжественно о бритте.

Звал к свету сквозь туман один свободный берег.
Вперед суда Европ, Австралий и Америк...
Что ж! Вы увидите его в пути морском.

Легендам о годах суровости и смерти,
Открыв когда-нибудь старинный пыльный том,
С благоговением, о, люди дня, поверьте.

Декабрь 1945

СЕРЕБРЯНЫЙ ОСТРОВ

Из цикла JOLLY RODGER

Сокровища фортов и галионов
Делили мы: дворцов сожженных бра,
И золото, и груды серебра,
И тысячи тускнеющих дублонов.

Добычу дней проклятий, бурь и стонов
Мы анкерами⁴³ мерили вчера
На берегу пустынном до утра...
Корабль не смог поднять всех миллионов.

Рассыпали там равнодушно слитки
Блестящей полосой, как след улитки,
Уползшей в океан. И ничего

Не слышит больше остров. На равнине
Туманных вод он тает в мглистой сини...

Дрэк окрестил Серебряным его.

Январь 1946

КОРОЛЬ ПИРАТОВ

Из цикла JOLLY RODGER

В каморке грязной холодно и голо,
И безнадежно горек бег минут.
Все – нищета... Уныние – все тут...
А впереди и старость ждет, и голод.

Гуд Хоуп⁴⁴... Перим⁴⁵... Вест-Индия... Ангола...
Где волны глухо вечно в берег бьют...
И тщится разорвать незримость пут
Он, грабивший сокровища Могола.

Да, императором Мадагаскара
Себя когда-то звавший, умереть,
Как пес бездомный, должен. Это кара.

Попал к купцам в безжалостную сеть
Он, Эйвери!⁴⁶ И в ярости удара
Уходит в стол малайский крик корсара.

Январь 1946

СОНЕТ РИЧАРДУ⁴⁷

Биг
Бен
В плен.
Миг.

Книг
Тлен,
Крен
Лиг.

Круг,
Туг,
Пал.

Вал
Вдруг
Встал.

СОНЕТ ПИТЕРУ⁴⁸

Зной
Жжет...
Рой,
Крот!

Вот
Твой
Злой
Взлет.

Что ж?
Пусть
Так...

Ложь,
Грусть,
Мрак.

СОНЕТ ДЖЕННИ⁴⁹

Мир –
Праха,
Краха!
Лир!

Dear
В днях
Плаха
Пир

Где ж
Друг?
Свет,

Режь
Круг
Лет!

Январь 1946⁵⁰

МЕЧТА

Из цикла GLORY

Исчезнут расы. В пыль рассыпятся творенья
Взметнувшихся валов – Европ и Атлантид.
Мгновенный свет промчит еще один болид,
И примет время праха его без сожаленья.

Быть может только вы – как бред в пустынях тленья,
Руины, встанете – дворцов и пирамид.
Но имена царей забудет дряхлый гид...
Пройдут века... Века, как лягу в вашу тень я.

Что ж! Сгнили корабли ахейн, пали Трои,
Твердыни, но среди нас та слава, те герои,
Что гением Певца пронесены сквозь тьму!

И я хочу мечтать, как в зареве пожара
Сражения кошмар иль массу Гибралтара
Он вдруг увидит, вняв сонету моему.

Март 1946

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Из цикла ЭОТЕН⁵¹

Бесстрашен и угрюм, лежал пещерный мрак.
Я слышал плеск реки в предвечной тьме. Но ранний
Восход воздвиг вдали громады странных зданий
В горящих облаках, и ночи гнет иссяк.

Сверкает золотом атлантов храм... Карнак⁵²...
Акрополь... Колизей вздымается, багряней...
Но выше всех, во мгле, в развалинах Испаний
Возник в клубящейся выси гигантский знак.

Превыше Цезаря, всевластна, грез Хефрена,⁵³
Вандома бронзы, от эпох земного тлена
Великий Адмирал, как символ расы той,

Что с морем навсегда судьбу связав, в рассвете
Страны поверженной – на родине былой.
У Элбы видит сон пятнадцати столетий.

Апрель 1946

ПРЕДКИ

Из цикла GLORY

Мы пили за друзей – за тех, кто на воде,
И тех, что под водой, за славу поколений,
За славу кораблей, и были с нами тени
Всех помнивших свой долг в удаче и беде.

Ведь в целом мире нет клочка земли нигде,
К чьим берегам ни шли б они в прибойной пене
Сквозь бури и века, не ставя жизнь и в пенни
Всех, с кем нам встретиться дано лишь на Суде.

Взял Желтый Джек одних, тех – рифы и сраженья
Но старый капитан поднял за них бокал,
Кому – «будь прокляты они – не ждать прощенья:

Тех первых из всех нас – чтоб черт их прах побрал,
Бродяг без совести, без страха и сомненья –
Пиратов и вельмож, кому весь мир был мал!»

Май 1946

КАРТА МИРА

Из ЦИКЛА ЭОТЕН

Жестокой хваткой сжал всемирный хищник-спрут
Планету старую. Бессильна, тщится Гея
Расторгнуть сталь оков, в объятиях неменя
Колоний, Кораблей, Торговли – властных пут.

Кровь тысяч сыновей омыла каждый фут
Дорог империи от Кана до Бомбея,
От Мальты до Фалькленд, и кости их, белея,
Ждут миллионов, тех, которые дойдут.

От моря мощь его, как от Земли – Антея,
И долго будет Мощь – единственный закон,
Завещанный ему от правнука Энея.

Так будь уверенным властителем времен,
но помни: два пути – с Европою старея
Иль в братстве расы, путь чей в эры озарен.

Май 1946

РАХ BRITANNICA⁵⁴ XIX ВЕК

Из цикла ЭОТЕН

Созвездья проглотил свирепый ящер тучи,
Швырнул нас шторм к чертям и молний блеск рассек
Домировую тьму, но не Юнион-Джек⁵⁵
Плеснул ли утром нам с забытой Богом кручи?

Клянусь, мы правили – ведь⁵⁶ этот мир для лучших:
Цветок в петлице, слов бесстрастной маски стэк, ???????
Алмазы Кимберли, гул доков, Сити чек,
Корректный редингот и речи холод жгучий...

Но вечен ли ваш век, Чарлз Дик и Роберт Пиль?
Хоть в камни городов и въелась угля пыль,
В строй неуклонных лет врезается орбита.

Но есть бессмертье дел. Но есть бессмертье слов.
Не протекционизм – та карта мира бита
В растущем грохоте грядущих катастроф.

Май 1946 – апрель 1948

Живу среди них, но как мне странно
Течение мыслей их и дел...
Молчанье – крест мой, разум – рана
И одиночество – удел.

Июнь 1946

... Творю для черного забвенья,
Проклятье ль этот скорбный труд
Или избранника прозренья,
Людской решить не властен суд.

27 июля 1946⁵⁷

Тяните лямку, тупо веря,
Кровавите цепи, груз влача.
Все сто веков – насмешка Зверя
Под свист и хлопанье бича.

Вам, вам, с задворок мирозданья
Увидеть свет грядущих эр?
Не верю вам! Ни словом дань я
Не заплачу рабам галер.

Моей надзвездная свобода
Была – и в губы целовал
Ее поэт. Пусть нет исхода –
Есть одиночества удел.

Июнь 1946

УДАЧА

Над рядом жерл неслись их треуголки,
Там, где пассат гудел и выл в снастях...
Спиною к гроту, паладины плах
Ссыпали порох на мушкетов полки.

Их целовали гибкие креолки,
Сам Океан взять их свирепый прах
Оставил мысль... На ржавых якорях
Клялись всех в ад швырнуть морские волки.

Но не был властен Сатана, ни Бог
Над флагом тем: ему во мгле дорог
Раскаты грома лишь салютовали.

Срывая пути всех одежд и прав,
Они свою удачу силой брали
В крови греха, как женщину распяв.

Декабрь 1946

ТАК НАДО

Да, ты права во всем – так надо, надо,
Что ждут тебя и жизнь, и молодость, и свет.
Моей же будет горькая отрада,
Что только нищий я, но мог бы быть поэт.

Декабрь 1946

ТАНКИ

Дни моей жизни,
Словно книги страницы...
Кто же смешал их?
Боль, что бывает в конце,
Почему-то в начале...

Благословляй же
Судьбу, что дала тебе
Пытке бездушной
Крикнуть: «Мне душно, душно!»
Мало такого счастья?

Да, но – умирать
Так, чтоб не было в мире
Того, кто открыв
Смущенный, отца тетрадь,
Себя бы узнал, себя!

Который в тот день
Из подарков бесценных
Ты первым возьмешь:
Бриллиантов созвездье?
Бессмертье листка стихов?

Январь 1947

Целуй же меня!
Пусть возмездье ужасно,
Готов умереть
Я в объятьях любимой,
Раз и в них не укрыться.

Помни, что в мире
Все – прохожий случайный,
Та, кого любишь,
И сын твой – враги тебе,
Ибо они не простят.

Молча сидел я
Рядом, не смея поднять
Глаз на нее... Кто
Теперь ласкает тебя,
Тело нагое твое?

Февраль 1947

ПАМЯТНИК

Блажен, кто молча был поэт.
Пушкин

*Ex humili potens*⁵⁸

Мой памятник вдали от будней черни гнусной.
Он не на площади, как вечный эшафот,
Из бронзы ль, мрамора изваянный искусно:
К нему никто не подойдет.

Мгновенный монумент! Ты над людскою славой
Незримо врезался в глухие небеса,
И на челе твоём холодную отравой
Застыла звездная роса.

Ты растворишься в снах Надвечного со мною,
Как плен⁵⁹ вот этих рук, как бред мелькнувших слов.
И Время искру лет угасит вечной тьмою,
Приняв мой не звучащий зов.

Придя сюда, познав в молчаньи все земное,
И то, что не было ни одному из вас
Дано, в молчании уйду, взяв все с собою,
С усмешкою в грядущий час.

Пусть память обо мне сквозь сны чужих столетий
Не пронесете вы в блеск лучших эр иль вспять:
Мой памятник – во мне, стоит над мраком этим,
И мне вам нечего сказать.

Над эфемерностью земного воплощенья,
Превысивший тщету бессмертия, постиг
Я Одиночества безмолвное презренье...
Я старше Вечности. Я – миг.

*Февраль 1947*⁶⁰

СТАРАЯ ДОРОГА

(Отрывок)

... В удушливом зное заката
Мы – сладость мгновенной пыльцы.
За клятвами, ласками, снами

Не цель, но – жестокая плата.
И, тихо склоняясь над нами
Слова, что звучали когда-то,
С усмешкой твердят мертвецы.

Март 1947

ТАНКИ

Черная гордость
Твоя, Одиночество,
Гасит мое солнце
Не в уединении,
Нет – в ликовании толп.

В жилах моих ты,
Зов Моря Багряного
Тысячелетий,
Волною горячую,
Древнею солью в крови.

Зеленый жучок,
Приподнявший надкрылья,
Внезапно застыл,
Опьянен мощью солнца.
Знаю: ты – тоже поэт!

Освобожденье
От мертвого бремени
Дней этих мутных,
Привет тебе – счастье ли,
Щедрая ль кара судьбы!

Друг мой, разве то,
Чем ты кажешься другим –
Не ограда ли?
Ты же – сад, куда никто
Взглядом не проник
Своим.

Май 1947

ЦЕНА ВЕРЫ

Ты ропщешь, ты, кто на пути
Так щедро одарен судьбою?
За право верить заплати
Одной монетою⁶¹ – собою.

Благодари за злую соль
Чужих морей, за плоскогорий
Далеких ветер, и за боль,
С которой ты простишься вскоре.

19 июля 1947

РОБАИ

Узнай я, что земля велением Аллаха
Должна сегодня же распасться кучей праха,
К тебе бы поспешил, любимая моя,
Чтоб встретить смерть в твоих объятиях без страха.

Август 1947

ТАНКИ

Да, я, конечно,
Клянусь, все прочее...
Милая! Вечно!
О, вы, бедные миги,
Звезды, люди и ночи...

Не видели вы
Той, которую должен
Найти я? Правда,
Нет ее в мире. Но что ж,
Верю – мне надо идти.

Август 1947

ЭПИГРАММЫ

О розе без шипов поэты
Мечтали... Вы явили нам
Пример, одним лишь мной воспетый:
Шипов без розы, о мадам!

Пофилософствовал о том,
Пофилософствовал об этом,
Мы предпочтенье отдаем
С картофельным пюре котлетам.

Субординации учен,
С начальством ты не фамильярен,
Меняешь с малыми свой тон,
Дабы все знали: солдафон
И филологии свой парень.

Кошечка вышла замуж,
А собачка гуляла так
И стала нечаянно дамой...
Дочки! Слушайте маму,
Вступайте в законный брак!

Сентябрь 1947

РОБАИ

Шагами зыбкими я не в хмельные дали –
В мечеть забрел. Меня избили и изгнали...
С достоинством приму же горький сей урок:
Великий грех – так пить, чтоб ноги не держали.
Октябрь 1947

Я в детстве был смышлен, мне кажется подчас:
Едва явившись в мир, не раскрывая глаз
Еще, заплакал я, как все младенцы впрочем...
Клянусь, они мудрей мудрейшего из нас.
Ноябрь 1947

ИЗОЛЬДА

О, тупо серое самоубийство дней
Под пеленой мгновений морозящих...
Туман все гуще, путь мой – все видней.
Шаги считаю я все чаще
И думаю о ней.

Я долго ждал, я жду: все громче моря гул.
Пусть умирает в мокрых громах эхо,
Пусть берег скальный мир стеной сомкнул
Со мною – невеселье смеха...
Но лишь бы ветер дул.

«Frische went der Wind
der Heimat zu,
mein Irisch Kind,
wo weilest du?»⁶²

Нет, не сойти тебе под парус дней моих,
Не мне ответят, дрогнув губы эти,
Щек очерк бледный и обряд простых
Слов – сон поэта о поэте,
Влюбленных только в стих.

«Odi et amo»⁶³ – не Катулл, не Феогнид,
Но вставший над разъятой жизнью, роком...
Твой облик с тенью непреклонной слит.
Прекрасна смерть в краю далеком.
И та, чей взгляд молчит.

Февраль 1948

Из всех дарованных нам прав
(Мы благодарны, право)
На смерть одну – иль я не прав? -
Бесспорно наше право.

Февраль 1948

НИЩИЕ

Рука дрожащего калеки
Протянута из темноты...
Что ж, получай, ведь мы коллеги:
Я жду напрасно, как и ты.

Прохожих нет уже... Здесь, рядом —
Она. Ночь схлынет — я на дне.
Любимая! Дождаться ль мне
Небрежной милостыни взгляда?

Сентябрь 1948

ЭПИГРАММЫ

Прослушав стихи поэтессы,
Я ей не скажу ничего...
(Париж, может, стоит мессы,
но месса не стоит его).

Декабрь 1948

Когда б латунные медали
Не за идиотизм давали,
Одни бы пуговицы, друг,
На бравой сей груди сияли.

Декабрь 1948

Эстетам и нытикам нет мест
В лучах мировой коммунизмы.
Я, Маяковский, пою Резинтрест.
Даешь трудящимся клизмы!

Декабрь 1948

ТАНКИ

ПОЭТ

На мне разве груз...
Уитмэн. Tat twam asi.⁶⁴

Двухмиллиардной
Доли вины за наш мир?
Полная мера ее.

Сентябрь 1948

Одни о любви,
Все другие – о пище
Мечтают, но я –
Об умершем времени
В комнате без зеркала.

Октябрь 1948

ВСЕ ТАК ПРОСТО

Снег шелестит в сухих стручках акаций,
Настойчивей, сильнее сечет лицо.
Что ж, без тоски – не встретившись, расстаться,
Назвать еще не ставшее – концом?

Снежинки – пыль фальшивых блесков звездных
У фонарей... Но мне не нужно дня.
Быть может, хорошо, что слишком поздно,
Что ты идешь, идешь не глядя на меня?

Или это⁶⁵ – ночь?
Или это – свет,
Тихо с ночью
Обнявшийся
Свет?
Я и жду тебя,
И люблю тебя,
Потому что тебя
Нет.

И, право, это – проще, чем казалось...
И, право, это все-таки больней.
Большим же веткам, сломанным, осталось
Цвести пышней, и ярче, и скорей.

Быть может, нужно так, что слишком поздно?
И что напрасен шепот мой «приди...»?
Я просто слишком долго был один,
Чтоб ты пришла не той, что движет хоры звезды.

Это – просто ночь.
Просто – много лет,
Без тепла
Твоих рук

Много лет.
Я и жду тебя,
И люблю тебя,
Потому что тебя
Нет.

Январь 1949

НИЦЕТА

Я долго и задумчиво смотрел
На свой костюм. О, рок борьбы с природой косной,
Слепой материей, фатальный чей удел
Опять вернуться в Хаос Макрокосма.

Сколь тяжек ты! Вот брюки: рябь морщин
Легла – не складками ль хребтов старухи-Геи?
Я обошелся бы без этих Аппенин,
И не милы мне эти Пиренеи.

Пусть так. Я в этой жизни докажу,
Что благородство есть и в рубище поэта,
Но перейти страшусь заветную межу:
Меня смущает кое-что при этом.

Свершится срок: не медля, не спеша,
Смерть приведет меня ко берегу Ахерона,⁶⁶
И встанет трепетно бесплотная душа
Перед ладьей угрюмого Харона.

Что ж – объявить ему, что все года
Земной юдоли скорбной, на тяжелом
Пути – как многие поэты, никогда
Я не имел ни одного обола?

Нет! Нищими мы не были – нет, нет,
Мы – Крезы, и всегда богатство наше с нами.
О, сын Эреба,⁶⁷ дай скорее мне билет:
Я заплачу за перевоз стихами!

В них серебро, в них золото, а груз
Твой вовсе не тяжел, поверь же тени бледной...
Надеюсь, что его литературный вкус⁶⁸
Не слишком изощрен, ведь он так занят, бедный.⁶⁹

Март 1949

Прорехи, пятна, сеть морщин кругом,
О мой пиджак! Побольше оптимизма!
Побольше веры в то, что мы придем
К сияющим вершинам коммунизма...

Март 1949

ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ НАЗВАЛА МЕНЯ «СУХАРЕМ»

Что ж, каюсь: я «чванливый гений»,
И мне «покорен весь Парнас»,
И я не думаю о вас,
И чужд иных «живых стремлений»...

Для слез я вроде бы как стар:
Стремленья, грезы и мечтанья,
Порывы, вздохи, трепетанья
Не входят в мой репертуар.

Без чувств я ныне, как и встарь,
Не падаю при виде юбки.
И многие о сей «сухарь»
Сломали остренькие зубки.

Март 1949

ТЬМА

Ползет сырою мутью тьма,
Смыкая сумрачные тени:
Карнизы, стены, и дома,
И плит холодные ступени.

Но – быть может?.. Быть может?.. Быть может?..
Жажда счастья, и трепет, и стыд...
Стиснула до дрожи
Руки... «Любимая, ты –...»

Что нам до тьмы ползущей
В холоде мокрых плит⁷⁰,
Тьмы, что все гуще, гуще...
Ты –...» Темнота молчит.

Сомкнулись, почернели тени.
Я снова бредил. Но одно
В ночь врезано еще окно:
О, верность! (Горечи сомнений.)

Но – быть может... быть может... быть может...
Гаснут огни вокруг
«Любимая, ты –...» Но что же?
Что же?
Быть может. Вдруг.

Пусть огни безысходно
Тонут во тьме, в аду
Праматери Первородной...
Любимая... Ты... Иду...

.....
Что ж. Нет, не знай о ночи вечной,
Исхода из которой нет.
Любимая. Гася беспечно
Последний в мире целом свет.

Октябрь 1949

ЭПИГРАММА НА СЕБЯ

Для нежных чар Цирцеи юной
Философ оказался слаб
И обращен был – не в свинью, но
Во всяком случае, в осла.

Декабрь 1949

РОЖДЕНИЕ ОКЕАНА

Как небо и земля, себя мы отдадим
Бесстыдной жадности, сплетающей со стоном
Тела – томимые во мраке накаленном.
Они слились тогда объятием слепым.

Разверзлись хляби тьмы в гремящий пар и дым
В багровых проблесках вулканов ослепленных,
И воды рухнули в Земли пустое лоно,
И я припал к губам горячим и сухим.

Взбухая, груди волн тянули к тучам массы
Бесплодной, жаждущей, несътой Панталассы⁷¹
И пали... В темноту душистую волос
Дай погрузить лицо... Ты здесь еще – и где ты?

Последней судорогой страсти – блеском гроз –
Гальванизирован остывший труп планеты.

Март 1950

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Жевать марксистско-ленинский навоз
Кому из нас не приходилось в муках
Брезгливости, зажав рукою нос...
Воистину, зловонная «наука»...

Ноябрь 1950

О, эти едкие слова
«Не проглоти нас в необъятном
зевке» - излишни: В рот едва
вас взяв, я выплуну обратно.

Декабрь 1950

ИТОГ

Цель
Тела –
Тело.
Цель
Мысли –
Ничто.

На мель
Ли села
Веков каравелла,
В метель
Сошлись ли
Со смертью бортом,

Все было нужно
Вихрям вьюжным,
Нужно
Нам с тобой.

Примерный
Итог –
Нет верных
Дорог.
Можно присесть.
Зато –

Был
Истлевший папирус,
Есть
Безумья вирус,
Будет
Черт его знает что.

Что ж. Ненужным все стало
Созвездьям усталым.
Малым
Довольны они – пустотой.

Январь 1951

ЭКСПРОМТ

Одну я любил свято,
Другая любила меня.
Одна исчезла куда-то,
Другую боюсь, как огня.

В этом скаредном мире
Правды нет ни на грош...
Дважды два – не четыре.
Даже трех не найдешь.

Март 1951

ДЛЯ ОДНОГО

Интегралов и Библий тысячи
Книг, и атом, и сказки фей,
Чтобы он убивал из-за пищи,
Она – рожала детей.

Рост премудростей в век от века,
Не забудьте, для одного:
Чтобы он убил человека,
Она – родила его.

Март 1951

РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРА

В себя самого влюбиться?
Воспеть в безупречных сонетах
Совершенства свои? Не годится.
Любовь без взаимности эта.

Январь 1952

Как узник на воде и хлебе,
Сижу на книгах и любви,
Под страхом – боже избави –
Произвести стишок иль бзби.

По-видимому, шансов мало
Дает Господь и в мире том
Мне быть немножечко творцом –
Не начинать же все сначала?

Люблю я девочку мою,
Но, надо думать, туговато
Придется нам вдвоем в раю:
Чертовски это место свято.

А издавать мои стихи
Нигде не стоит – это верно.
Они – и это очень скверно –
Быть может, не совсем плохи.⁷²

И вот, как на воде и хлебе,
Сижу на книгах и любви,
Не смея – боже избави –
Произвести стишок иль бзби.

Январь 1952

Одна мучительная тайна
И тайное мученье – ты.
И стыд, и жажда красоты –
Одна мучительная тайна.
Узоры звездные просты,
Неотвратима и случайна
Одна мучительная тайна,
И тайное мученье – ты.

Январь 1952

На мерцающем шелке –
Жирные пятна грязи.
Глаза – заплывшие щелки:
Смотрит старая Азия.

Миллионы без меры
Изобильем щедрого сева
Для чингиз-ханов, холеры
Мечет раздутое чрево.

Нефтью, кровью ли, салом,
Амброй для разнообразия
Напитана, за Уралом
Простирается Азия.

Единорог и Дева,
Парламент и кока-кола...
Без интереса и гнева
Смотрят глаза монгола.

Старше силы и права
И своего безобразия,
Из черепа Святослава
Все еще пьет Азия.

Март 1952

Я ближних возлюбил, как самого себя,
Да и они меня избалуют, любя...
Но милосерд Аллах! Он знает: ближних много,
И помогает мне, искусно их губя.

Август 1954

Себя люблю я с давних пор.
Всех остальных – еще нежнее. Что же
Не шлешь, всевидящий и милосердый Боже
Ты им и трус, и глад, и меч, и мор?

Август 1954

I

О, время, как мне
Навеки, лишь для себя
Отнять, удержать
Над пропастью вечности
Нежный облик любимой?

II

То, что минуло,
Будь то хотя бы пустяк –
Улыбка ли, вздох,
Мимолетная ласка –
Как не отдать мне, как?

III

Как мне сохранить,
Отнять у проклятого
Пустого ничто,
О, хотя бы вот это,
Вот это мгновение...

IV

Отдать навсегда,
Вероятно, так больно...
Смежены веки
Поцелуями сна. Нам
Знать ли, как так – «навеки»?

Август 1955

*Лишь потому, что цветы
облетают,
милей они вдвое...*

Исэ Моногатари XII, 8⁷³

Не потому, что
Цветы осыпаются,
Недолговечны,
До боли прекрасна ты,
Горькая наша встреча?

Август 1955

ИЗ ГАФИЗА

И этих стихов
Сокровенную тайну
За столетия
До моего рождения
Похитили у меня...

Август 1955

Каждый из них – враг.
Убийца – каждый из них.
Жду, зорко смотрю
И, слыша чьи-то шаги,
Я затаился, притих.

Август 1955

ИЗ ПАСКАЛЯ

Неуловимо
Во мраке мелькнувшую
Мгновенную мысль
Схватить, заковать в слова...
О чем же была она?

Август 1955

Мечта, урони
Поясок свой печальный...
Не станешь моей
Ты ни в молчании книг,
Ни в полумраке спальни.

Август 1955

Без ненависти нет любви, и дня – без ночи...
И красота царит, раз трон уродства прочен.
Так и моим стихам нужны твои – пойми,
Тем век моих вечней, чем день твоих короче.

Август 1955

КАРБОН

И Пьяццу,⁷⁴ и Риальто,⁷⁵ чудесами полон
О Кублай-хане⁷⁶ и камнях горящих, рад
Он был бы убедить, не черных граней клад,
Рубины в рубище пронесший Марко Поло.

Скользни же, беспощадной памяти гондола,
В трясину вечности, болотной бездны смрад,
Пещеры плаунов, удушие громад
Хвощей и сигиллярий бредом тьмы тяжелой.

Со дна ли гулкой шахты миллионов лет
Тюрьмы, в пергаменте ль Рустичиано⁷⁷ – свет,
Плененный, синтезом живого, в погребенном

Палеозойском зное углекислоты
Возьми – его в кусочке угля держишь ты –
Еще живое солнце мертвого карбона.

Август 1955

ВРЕМЕНА

Мне чертовски не повезло
После бывшего комфорта
Остаться себе назло
Последним на свете чертом.

Огни погасли в саду...
Скверно стать безработным.
Где я приют найду,
Где пообедаю плотно?

В переулке немом стою.
И, хоть прохожих трушу,
Кому-нибудь все же мою
Купить предложу душу.

Ноябрь 1955

ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

Себе подобных рьяно режь, служа раздорам,
И будешь окружен ты почестями скоро.
Но в тысячах стихов любовь к ним изливай –
И, как бездомный пес, издохнешь под забором.

Февраль 1956

О, мудрый Сулейман, священную печать
Твою кто с кувшина осмелился сорвать,
Тому да повезет чудовищного джинна,
Чье имя Азия, туда вернуть опять!

Ноябрь 1956

Мне от себя уйти отрада не дана...
Или свою тоску я в кувшине вина
Давно б не утопил, творя хвалы Хайаму,
Не приспособь шайтан к любой посуде дна?

Январь 1957

ТЕНИ (Плейстоцен)

Из цикла ЛИКИ ВЕЧНОСТИ

Механикой небес и химией Земли
Зачатые в глухой утробе, чреве ночи,
Или дыхание бесцелья все короче, -
Они пещерные костры уже зажгли.

И тени дымные на своды тьмы легли.
Пусть кремневый скребок отколот и обточен,
Но у исхода эр, в звериных шкурах скорчен,
Глядит, как звездные сияют корабли,

И плоти вопреки, алчбе ее наследий,
Тоскливым ужасом к Медведю всех медведей,
Мерцающему там, вверху, – едва ползя

В извилинах скупых, рождается из гула
Прибоя вечности (незрячая, взглянула
В себя Вселенная) то, что назвать нельзя.

Февраль 1957

О!

Стон исступленья
Исторгнут удушьем ужаса
Перед бесстыдным бессмыслием
Того, что мы зовем бытием,
Не зная ни того, что есть мы,
Ни того, что есть бытие,
Ни того, стоит ли задавать
Эти вопросы,
Ни того, нет ли смысла в бессмыслии
Или бессмыслия в смысле.

Но вот стихи писать не стоит. Это я знаю наверное – кому знать это лучше? Странно, что с этим согласны и поэты, и те, кто их читает, и кто не читает, а стихи все еще существуют. Скорее всего – просто по привычке.

Милая, старая, выжившая из ума поэзия!
Дальше опять идут стихи, но я их забыл.

Январь 1958

ТРИПТИХ

I

Травинки бойко проросли
Сквозь прошлогодний лист – обглодан
Каким-то ползуном, он отдан
Все той же жизни, с нею слит.

И, листьям тлеющим подобны,
Через один короткий год,
Вот любопытно, в свой черед
Окажемся ли мы съедобны?

Июль 1958, Манглис

II

Где пляшущих огней стена
Замкнула суету тупую,
Я жду и верю, семена
Роняя на асфальт вслепую.

И мукой давнею, одной
Все снится мне, усталой ели,
Как елочек пушистых строй
Вокруг встает из-под панели.

26 июля 1959

III

Лежу в могиле тихо я,
Где сыро и темно,
Лежу, одну мечту тая,
Забывтое зерно.

И твердо верю в чудеса,
В то, что наступит срок,
Когда алмазами роса
Осыпет мой цветок.

Февраль 1958

ВЕРНОСТЬ

Из книги ВЕРНОСТЬ

*И удары часов над рекой...
Два мира.*

ОТЧАЯНИЕ

Тупому топоту толпы
И скотства торжеству не будет
Конца. Немым или слепым
Мир изуродованно скуден.

Но как принадлежать себе,
Пока хотя бы капля грязи
В осадке снов? Зачни. Убей.
Инцеста ад многообразен.

Миг
Дам
Я
Снам...

НАДЕЖДА

Будь стоек – океаны тьмы
Тебя бессильны захлестнуть,
Лавине мрака «нет» скажи,
Пути последних верен будь.

Не меньше истина одна
Всех истин мира – *Spes illaesa*.⁷⁸
И шепот может быть со дна
Веков железных как железо.

Миг
Дам Всех
Я Драм
Снам: Путь
 Прямым...

НЕВЕРИЕ

Нет веры – в достоверность, в них ли,
Великих мертвецов на полке.
Под переплетами притихли,
Шурша, сусальной лжи осколки.

Вкуси аттическую соль
Молчания... До этих строк ли,
В которых что не ложь – то боль...
Хлам слов, будь проклят, проклят, проклят.

Миг
Дам Всех
Я Драм Дней
Снам: Путь Гам
 Прям... Слов
 Хлам

ВЕРНОСТЬ

Пусты усталой тьмы уста,
Пусты бесплодной жизни груди,
Но ты, мечта моя, чиста.
Пустыню не молю о чуде.

И знаю – взвешен каждый груз,
И точно каждый срок измерен⁷⁹
Но самому себе – клянусь –
Я верен, верен, верен, верен.

Миг
Дам Всех
Я Драм Дней
Снам: Путь Гам Срок
 Прям... Слов Вам
 Хлам Быть
 Там.

Март 1958

ЧЕРНАЯ С АЛЫМ БАЛЛАДА О БЛАГЕ БЫТИЯ

Из поэмы-феерии ПОСВЯЩЕНИЕ

Пергамент мертвый шелестит
Под высохшей рукой.
Слепой мудрец, алхимик Пит,
Что шепчешь ты с тоской?

«Я сотни свитков прочитал,
Все тайное постиг,
Но в чем спасенье? Пуст фиал,
Безмолвны груды книг.

Нет блага в даре бытия,
Путь каждый – никуда...»
И ворон, скорби не тая,
С карниза крикнул: «Да!»

Но кто переступил порог
В глухой ночи, смеясь?
Встал старец, изможден и строг.
С чьей тень его слилась?

Во взгляде жизнь блеснула вдруг...
Каштановой волной
Кудрей потряхнув, зеленый луч,
Синь неба над собой

Он видит, и недобрый сон
О слепоте забыт.
Беспечен, статен и влюблен,
Шагает юный Пит.

Жуют задумчиво стада,
И ворон червяка
Нашел-таки... Все – навсегда:
Синь, солнце, облака!

Смеющийся целует рот
И шепчет он «моя...»
И жарко кровь его поет
О благе бытия.

Октябрь 1960

ТРЕТИЙ ХОР

Из поэмы-феерии ПОСВЯЩЕНИЕ

*...И если соком этого цветка
Мы смажем веки спящему...*

В.Шекспир. Сон в летнюю ночь.

НОЧЬ I

Посмотри мне смелее в лицо, загляни мне в пустые глазницы,
Покрывало созвездий подняв: только путь из Ничто в Никуда,
Я праматерь отчаянья – пусть, саван мрака припудрив, кружится
Рой убогих пылинок во мне, мимолетных миров череда.

Лишь однажды дается тебе прочитать маргиналии Ночи
В Книге Небытия – не понять, позабыть их – не худший удел...
Все рожденное мною – мое: хоровод ли мигающих точек
Первородную тьму пустоты на мгновенье надеждой согрел?

Или вспышки мгновенные звезд – не случайная рябь на пучине,
По пути из Нигде в Никогда? Посмотри же смелее в меня,
Прочь оковы пространств и путей, цели или бесцелья личины,
И я стану тобою, тебя, точно равного, молча обняв.

Июль 1958

РЕКИ I

Ты разве не слышишь мой медленный шепот, и вздохи, и плеск
– тишина
Без них ведь мертва... И я тоже металась, томящих предчувствий
полна,
И билась о камень, крича и бушующая... Зеленой каймою лугов
Одевшись, устало несущая к океану груз вечно несбыточных снов.

И нам не вернуть ни мгновенья, ни пяди плывущего берега, нет,
В камыш будь он спрятан, песком ли усыпан, в гранит человеком
одет...

Всегда – только дальше, всегда – только мимо холмов и
пасущихся стад,
Излучин, мостов... ничего не удержишь, ничто не вернется назад.

Пусть юности бурный поток (ведь над устьем бессилья седого
туман)
В ущельях гремит валунами – песчинку, и ту отберет океан...
Веками лепи рукава и протоки, цепочки ласкай островов,
Трудись, и твори, и люби, и лелей – нельзя сохранить ничего.

1958 – октябрь 1960

ХОР СВЕТЛЯКОВ I

Замерли
звезды,
дремотно
недвижны.
Но те же
они
светляки.
Как звезды, мгновенны мы
и непостижны,
и только
не так
далеки.
Скользнет
удивленная
дрожь
отражений
и в черной
утонет
реке.
Нет,
нам не зажечь ее:
света на пенни
зажато
у Ночи
в руке.

Март 1960

ХОР ЭЛЬФОВ I (отрывок)

...Заклятием власти своей
Возлюбленную посмей
Отнять у мрака. Смелей
Веди ее – ты сможешь,
Поэт немилостью божьей,
Не оглядываясь, Орфей!

Апрель 1960

ХЭППИ ЭНД

Я не из тех, кому минут мышинный шорох,
Вгрызающихся в жизни лакомый кусок
(Пусть будет он обглодан до конца не скоро),

В подполье подсознания темного далек...
Мне их железный писк неотвратимо жуток,
И так хрипят часы, пока ударят срок,

Как будто не мелькает черно-белых суток
Нелепый фильм, крутя, крутя за годом год...
Конец все ближе. Вот – под вздохи проституток

Прощальный поцелуй вам вlepит смерть-урод.

Декабрь 1960

ПРОЛОГ К ПРОЛОГУ

Из цикла DRAMATIS PERSONAE

Первый шут:

Скачи, о жизнь моя-ослица:
Подвешенная кем-то ловко,
Мечты картонная морковка,
Болтаясь, перед мордой мчится.

Напрасно капает слюна,
И вытянуты губы жадно.
Скотина старая, смешна
Ты прытью позднею изрядно.

А все же – хотя живот и пуст,
И ноют ноги – пусть приснится
Не живодер тебе, ослица, -
Морковки сладкий, сладкий хруст.

Декабрь 1960

Последней не коснутся пусть
Страницы снов чужие руки.
Я тайно присягал науке:
Последней не коснутся пусть...
Хоть эта ночь бездонной муки
И вытвержена наизусть,
Последней не коснутся пусть
Страницы снов чужие руки.

Январь 1961

ПЕСНЯ О ТРЕХ БЛАГОРОДНЫХ, НО ОБЪЯТЫХ СКОРБЬЮ ДЕВАХ

Из поэмы-феерии ПОСВЯЩЕНИЕ

У Дженифер горе:
Она
С собой вечно в ссоре,
Хоть всем остальным верна.

А Маргарет плачет,
Всех
Отвергнув. Как же иначе
Себя любить без помех?

И Розалинд, зная –
Ни дня
Ей не прожить без меня, -
Тихо слезинки роняет.

Январь 1961

ПЕСНЯ О ТЩЕТЕ ВСЕХ ВЫСОКИХ СТРЕМЛЕНИЙ

Из поэмы-феерии ПОСВЯЩЕНИЕ

Она карабкалась на пень
И выбилась из сил.
«Что означает эта прыть?» -
Я вежливо спросил.

«Сэр! Холодна смиренья тень...
Плен лужи мне не мил.

Хочу поближе к звездам жить», -
Ответ лягушки был.

Смеялись сойки целый день
В зеленой мгле лесной.
Смеялись все, кому не лень,
Над ней... Не надо мной...

Январь 1961

ПЕСНЯ О ДЕРЗКОМ МАЛОМ Из поэмы-феерии ПОСВЯЩЕНИЕ

Парик нахлобучив, важно
Судья обвиненью внимал:
Перед судом присяжных
Пуддинг с изюмом предстал.

Одержимый преступной страстью
К своей госпоже молодой,
Он был уличен, к счастью,
И выдан властям с головой.

Под перекрестным допросом
Малодушно во всем он
Сознался, шмыгая носом,
И был к съеденью приговорен.

Февраль 1961.
Бессонная ночь.

МАЛЬТУЗИАНСКАЯ⁸⁰ МОЛИТВА М-РА УЭСТА

Все тесней с каждым годом
В мире этом. И что же?
Мне одному природу
Исправлять придется, похоже.

Вздохам цена и стенаньям,
Допустим, ломаный грош.
Но ты, Творец мирозданья,
Тоже, скажу, хорош.

Милостиво плодиться
Твари любой даешь:
Потомством своим гордится
Последняя тля и вошь,

Только мне детский лепет
И смех – точно острый нож...
Кое-что на свете нелепей,
Беспощаднее – не найдешь.

Девчонку или мальчишку
И мне, пожалуйста, Боже, -
Раз черных и белых с излишком,
И желтых хватает тоже.

*25/26 марта 1961.
Бессонная ночь.*

ТАЙНОЕ ПРАВО (СТИХИ О СЕБЕ)

Да, сдержан, а-ри-сто-кратичен,
Быть собеседником готов
Себе. Не поза то (в тряпичной
Искусства ворох лоскутов), -

В холодном, иступленном взлете
Прозренья – шепот звездный пей!
Вгони разбег смятенной плоти,
Шквал, в пену Млечную до рей!

Но как отдать свое, другое,
Раздавленное пыткой «я»
Любимой наготы? Нестроен
Хор беглых вспышек бытия.

Так не спеши вещать о праве
На Красоту – ведь не уйдешь
Ты дальше от нее, чем в славе.
Шепчи: «Я – истина. Мы – ложь».

Август-ноябрь 1961

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГЕТЕ

1.

Так устало сонны
Холмы.
Ветерок ли в кронах
Немых
Листья чуть тревожит...
Не слышно в сумраке бора
Пения птиц. Скоро
Умолкнешь ты тоже.

2.

Лег на горы сонный
Покой.
Шептаться в кронах
С тобой
Ветерок не может,
И птицы спят в сумраке бора.
Теперь уж скоро
Уснешь ты тоже.

3.

Грезят горы покоем
Наяву.
Усталый от зноя,
Листву
Лесных темных сводов
Ветерок шевелит. Смолкли птицы.
Пора проститься:
Близок твой отдых.

Январь 1962

ХОЛИЗМ,⁸¹ ИЛИ DE L'INFINITIO, UNIVERSO E MONDI⁸²

Застыла немота в глазницах тьмы пустых,
Осыпанная звездным фосфором гнилушек...
Гордись, как для тебя узоры не просты,
Пока все огоньки мгновенье не потушит.

И червь, твой брат, скользя над черепом твоим,
Взирая на его таинственные своды,
Вновь должное воздаст загадкам вековым⁸³
И безошибочности собственной методы.

Апрель 1962

ИТОГ

Мы не одной крови,
Я и вы.
Тьма с годами суровой...
Пусть правы

Чьи-то тени, сливаясь, и вечер
Кому-то твердит вздор,
Как ложь, вечен –
До сих пор.

Разве итог не ясен?
В этой стране
Никого моей расы
Нет.

В мертвой толпе мимо
Взглядов и слов чужих
Иду. Неумолима
Безнадежная нежность лжи.

Мы не одной крови,
Вы и я.
Все суровой
Тьме я шепчу – «моя»...

Апрель 1962

ИЗВИНЯЮЩАЯСЯ АВТОРСКАЯ БАЛЛАДА О БАЛЛАДАХ

Из цикла DRAMATIS PERSONAE

Слушайте, слушайте: право,
Был бы я очень рад
Выпустить всю ораву
Досаждающих мне баллад.

Беспокойны, назойливы, вздорны,
Будто не мной рождены,
На волю хотят упорно,
Бормочутся, лезут в сны.

Сонеты строгие б надо
Творить – но измучен я
Стучащейся в сердце балладой
«О Путиях Бытия».

«О Саррее, Лорде Упрямом»
Тоже не слишком плоха,
Но рядом с «Разрушенным Храмом»
Остальные все – чепуха.

Все же – «О Настоящем Мужчине»,
«О Похищенной Статуе» - вот
Две, впрочем, и «О Цветке в Пустыне» -
То, что отдыха мне не дает.

Созерцая мерцание знаков
Розы, Единорога и Льва,
Тайнам вечного Зодиака
Причащать бы строго слова...

Но нет мне нигде покоя
От беспечных и дерзких баллад.
Теснятся во мне шумным роем,
Все твердят и твердят на свой лад

«О цене Париков и Мантий»,
«О Прискорбном Упрямстве Жен»,
«О Застенчивом Лейтенанте»,
«О том, как сэр Хью был сражен»,

«Об Алмазах, Защищенных в Лохмотья»,
«О Шепоте Жителей Гор»...
Нет, бессилён их побороть я,
Не слышать кощунственный хор.

«О недопитом Виски»,
«О Пользе Умеренной Лжи»,
«О Возмездье, не Слишком Близком»,
«О том, Почему Дрожит

Кролик», «О Нечестивом Сквайре»,
«О Бездне Небес Голубой»
(Ух!), «О девушке-чайке Айрин»
Кто же напишет другой?

Июль 1962

Надежды трепетной еще твердя слова,
К источнику любви и я приник едва,
Как с дрожью от зеркальной отшатнулся глади,
Увидев, как моя плешива голова.

Август 1963

«LOVELY HULA HANDS»⁸⁴

Из цикла LUMEN

Я думал, что все умерло во мне,
И лишь тоскою вялюю, склерозной
Осталось исходить, что слишком поздно,
И все уже мелькнуло в давнем сне,

Что мне покорно ждать осталось дня,
Когда чужой страны сырую глину
На тот обрушат глухо ящик длинный,
Где в «я» не будет «я», во мне – меня;

Но – шелест ли страниц любимой книги,
Полузабытой песни ли напев,
В ночи благословенной осмелев,
Шепнут – о так и не пришедшем миге...

Сентябрь 1963

БАЛЛАДА-МИСТЕРИЯ О ТАЙНЕ СВ. ПРИЧАСТИЯ

Заключительная часть из поэмы-феерии ПОСВЯЩЕНИЕ

Так вот оно – последней глубины Причастье?
Так духа страстный зов – волчонка в полночь плач,
И с дискаса⁸⁵ вкусить всю полноту дал счастья
Уже сакрификус⁸⁶ нам – пастырь и палач?

Нет. МНЕ смирения не обрести в позоре
Бесцелья дикого соитий и смертей.
Гримаса хаоса безмозгла – но моей
Мольбы о слепоте не будет в общем хоре.

И пусть нет ничего распятия суровой
Всезнания: прошептать дано с креста
О том, что солон вкус горячей крови,
Что чернота глазниц пуста.⁸⁷

Июль 1965

ДЕЙСТВО О РАБСТВЕ (БАЛЛАДА-МИРАКЛЬ)

Заключительный фрагмент

*Орудие – это окольный путь к цели.
Джон Льюис, «Человек и эволюция».*

*Светил ли сквозь туман и дым:
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?
В.Блейк*

МОЛИТВА ПИТЕРА⁸⁸

*«Credo in unum Deum, visibilium
omnium et invisibilium»⁸⁹*

В Начале было Слово, и оно
Гремело в тьме раскатами органа,
И пролилось на гробовое дно
Отчаяньем – сиянием багряным,
Пресуществленья⁹⁰ рдеющим вином.

Круши мерцанье мрамора нагого –
Творец со всеми лжебогами схож.
Развей в молчанье капища суровом
Остывший пепел манускриптов, ложь –
Все, в чем Творенья не звучало Слово.

Нет больше ночи – только душ и губ
Вселенское слияние... Так что же
Тебя в своих объятиях на ложе
Еще сжимает, коченея, труп?⁹¹

Когда же, Вседержителя вина
В том, что зиянье звездное бездонно
И тупо тяжела ухмылка дня,
Простонешь напоследок исступленно:
«Господь, зачем оставил ты меня?» -

Не будет в корчах и проклятьях прока:
Бог – это ты. Но только прахом стал,
Лишь падалью в конце земного срока,
Не знавший Слова истины жестокой,
Кому была земная тьма пуста.

Май 1966. Сухум

Из цикла VOTUM

К прозрению вечности стремясь, молил я каждый том:
«Стань, слово истины, причастья хлебом и вином».
Качаясь, алые цветы граната за окном
Шептались: «Прежде» что ему? И что ему «Потом»?

И я от чтения ослеп, и стала тьма кругом.

Октябрь 1966

Из книги ВЕРНОСТЬ

Приговоренный к пытке жизни,
На эшафоте я с тех пор.
Когда же палача топор
Падет, и кровь на доски брызнет?

Когда же из толпы подонков
О том, что казнь отменена,
Пусть ложный, но подаст она
Мне тайный знак рукою тонкой?

Ноябрь 1966

DE PROFUNDIS⁹²

Кто ты, женщина,
Что мне суждена?
С сотворения мира обещана?
Не любовница. Не жена.

Не друг. Не мать. Не прохожая.
Не случайная. Не сестра.

Никогда не похожа
На ту, что была вчера,

Где ты прошла мимо –
На другой планете? Во сне?
Равнодушна к таимой
Неисчерпанной глубине

Нежности исступленной?
Верю, что есть ты,
Вопреки миллионам
Звездных веков пустоты,

Вопреки обещаю
Тронутых синью глаз,
Вопреки содроганью
Постыдно убогих спазм.

Ошибка. Это ошибка
В книге судеб земных...
Не к беглым улыбкам
Взываю из глубины,

И не к плодам тяжким
Грудей вечно юных Ев,
Чьи обещают ляжки
Детородные таинства чрев,

Но – прокляты камни,
Истертые мной: мимо.
Мимо шаги. Никогда мне
Не встретить моей. Любимой.

Ты, что шептала мне
С сотворения мира о чуде,
Тебя на земном дне
И в этой жизни не будет.

Март 1967

НА ОБЛАЧНОМ БЕРЕГУ

Из книги ВЕРНОСТЬ

Бессилье пера и кисти,
Резца стершийся след...
Или у истины истин
Земных воплощений нет?

Семеро⁹³ шепчут чуть слышно
С потемневших страниц:
«Идем! Что ты стоишь?» - но
Не вижу уже лиц.

Оставаться не страшно
На меркнушем берегу...
Но – хранителем вашим
Не быть не смогу:

Чьи-то чужие руки
Этих коснутся строк...
Счастью – и даже муке –
Уже недоступен, смог

Я б за его спиною
Молча встать – только тронь.
Решить бы – одно? Другое? –
Осквернение? Огонь? –

Не знаю. Только не думать
В наползающей тьме.
Книжной вечности сумму
Я пополнить не смел.

Каждый решать вправе.
Молчание – мой ответ.
Не оставит. Оставит
Скользящее облако след.

Шорох страниц – все тише –
До конца сберегу,
Пока он едва слышен
На облачном берегу.

Резца ли, пера, кисти –
Неизгладим след,
Пусть у истины истин
Земных воплощений нет.

Март 1962

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭМА-ФЕЕРИЯ⁹⁴

(Отрывки)

1.

Джен.

О, так! Ну что же, пусть уходит снова.
И вообще забыть его готова
Она. За голубятней в лопухах, -
Уйди же, Скоффи, - лестница. И страх
Скользнет лишь... Скрип чердачного засова.

Здесь – осторожней – пропасть интересных
Вещей. Вот – на стропилах гнезда ос.
Хромые кресла. Клавесин. Нет, слез
«Им» не дожидаться. И в соседстве тесном
Седло с портретом леди неизвестной.

Сундук с истлевшим платьем... Так одета
Могла, пожалуй, быть – хотя бы в этом
Жемчужно-сером – ну и пыль! – Джульетта...
«До завтра... Доброй, доброй ночи, друг...»
Смелее, Дженни, – никого вокруг.

Пусть горло нечто большее, чем грусть,
Сжимает – ты же помнишь наизусть:
«О, не клянись изменчивой луной...»
Задумалась. Стоит, отдавшись рою
Неясных чувств: «... клянись одним собою...»

Август 1962

2.

А вот и гонг к обеду. Долгий снова
Взгляд и вопроса блеск неуловимый

В ее глазах. Привычка о любимой.
Спокойная тоска. Плывите мимо,
Огни чужие берега ночного.

Август 1962

3.

Питер.

Безмолвия неодолимый зов...
За диким виноградом (путь не нов),
Раздвинув путь и жимолость, скользни же
Вдоль черепиц и желоба – все ниже,
В тьму, в пряный аромат ночных цветов.

Земли дыханье влажно... Все нежней
Лаванды и жасмина и сирени
Несмелая печаль прикосновений...
В укромной, беглой ласке листьев пей
Томленье ждущей тишины аллей.

Забор, конюшня... Во дворе пустом
Лохматый пес, узнав, стучит хвостом.
Зевнул, поплелся позади, потом
Отстал, чесался долго; вероятно,
Идти раздумав, повернул обратно.

Повеял теплый ветерок порывом,
И что-то шепчут, шепчут торопливо,
В отчаянии ветви заломив,
Осины, и листва трепещет ив,
Лишь старый дуб чернеет, молчалив.

Август 1962

4.

Питер.

Бела дорога в резком лунном свете.
Шепчи, шиповник, о круженье миль...
Вдали мелькнул и скрылся церкви шпиль,
Хранит, мерцающая, меловая пыль
Следы беззвучной поступи столетий.

Август 1962

5.

Питер.

Так этой ночью заводи реки
Таинственно темны и глубоки,
Воды и сена сонный аромат
Тяжел... Хвощи и папоротник спят,
И шороха полны лишь тростники.

Излучина... Не в этих ли краях
(Возня в траве – пиявки ли? ежи?)
Когда-то Белый Кролик пробежал...
Вот он – с часами! – страха не тая,
Бормочет: «Поздно – бедный, бедный я...»

А на полоске чистого песка
У берега – не то ли, что искал
Ты – вязь следов узорная. Близка
Сегодня явь мечте, и темен круг
Травы густой, и ждущий замер луг:

Ведь на звенящих крылышках стрекоз
Здесь раз в году... Ложись на мох (зарос
Провал трясины, чья мертва вода).
Так внятен шепот ночи иногда...
Ты слушаешь? Жесток прозренья дар.

Август 1965

6.

Джен.

Пусть затаились глухо тени ночи
В низинах – все смелей дрозда-флейтиста
Напев... Она растеряна не очень,
Почти совсем не плакала... А впрочем,
Что это Холден все твердит: «Нечисто

Здесь дело, мисс...» К «ним» ревновать напрасно,
Но – не вернулся Пит к утру... Случайным
Ли всплеском неизвестности бескрайней
(Итак, вам в Лондон, мистер Уэст?) так властно
Нас иногда захлестывает тайна...

7.

М-р Уэст⁹⁵

Питер

Джен

Что к вечеру, пожалуй, будет ветер,
Взглянув в окно библиотеки Па,
Что им пора, пожалуй, - он заметил.
Чуть суковата речь. И чуть скупа.
Пора в собор. Итак, недели эти

У Роддов позади. Мерцает кожа
Старинных переплетов, тускло множа
Тисненье золотое за стеклом.
Так чья же мудрость, вдохновенье чье же
Из пламени спасет последний том?

У бытия пощады не проси:
Его не будет. Лжив или оболган,
Но мир – убийца. Не тверди без сил:
«Средневековье – это ненадолго...»
Ты выживешь. Но если верен долгу.

8.

Джен

М-р Уэст

Питер

В темнеющей листве притихли птицы.
Молчат и двое. Что ж, когда полнится
Свершимся душа – и шепот груб.
Но торжества всезнанья дрожью губ,
Сиянья глаз опущенным ресницам

Не утаить... Да, верно, сонный город
Для этих гордых башен слишком мал.
На золотом прозрачном небе встал,
В высь уходя закатного простора,
Какой громадой силуэт собора!

В его тени тяжелой, в этой чуткой
И мудрой тишине столетий жутко
О стадном помнить топоте ублюдков,

Железном лязге... Так ли мы верны
Камням. Траве. Дождю. Холмам страны

И пенью птиц ее, и старых плит
«Ніс јасет...»⁹⁶ Раз асфальтом не залит
Последний луч, о Питер, что дороже
Всего? Так – ехать, Ричард? Но... быть может...
И – странно, Джен? Ты влюблена. Так что же...

9.

Автор
и все остальные

Нерасторжим несбыточного плен.
В кипение реки всезвездной дважды
Не вступишь – так осмелюсь, мучим жаждой,
Ее сиянья зачерпнуть однажды –
Отдав лишь самого себя взамен.

25 июля 1967

СПАСЕНИЕ

Запретно. Запретно. Запретно.
А если посметь?
Ведь только бездетному –
Настоящая смерть.

Чернеет матери лоно?
Не отвращай лица,
Костром озаренного,
От шипящего мяса отца.

Благословенны утробы,
Свои формулы ДНК
Комочкам, плюющим злобою,
Завещавшие на века.

Когда же под визг самок
Подойдет и моя
Пора – и для этого самого
Волосатые сыновья

Пригнут к алтарю – легка мне
Будет мнимая смерть,
Если жертвенник каменный
Детям должен алеть.

Если положат бережно –
Присмотрись и найдешь
У костяка – неизбежные
Горшок и каменный нож.

Гордись бытием вечным,
Жизнь для жизни творя.
Стремятся ручьи бесконечные
В реки, реки – в моря,

И сладкую тяжесть чресел
Вечно таить дано
Невнятным припевам допесенным,
Постыдному ужасу снов.

Запретно. Запретно. Запретно.
А если – посметь
Звериность бессмертную
В себе подобных запечатлеть?

Май 1968

ПЕРВЫЙ ХОР

Из книги ВЕРНОСТЬ
Из цикла «... THIS COUNTRY...»⁹⁷

Посмотри, как резво скачут, где прибоя полоса,
Черепахи и омары. Хочешь с ними поплясать?
Л. Кэрролл. «Алиса в стране чудес».

И почуют тамо зверие, и наполнятся долове шума, и почуют ту
сирины, и беси тамо воспляшут, и опокентавры тамо веселятся,
и возгнездятся ежеве в домех их.
Исайя, XIII, 21-22.

Iniquos odio habui, et legem tuam dilexi.⁹⁸
Надпись на печати Торквемады.⁹⁹

... португальской инквизиции было угодно сжечь мои предсказания и осудить как их автора, так и читателей. Но надеюсь, все обратят внимание, в каком жалком состоянии находится сейчас наука в этом королевстве.

Д.Свифт. Опровержение Исаака Бикорстаффа, эсквайра.

CAUTE¹⁰⁰

Надпись на печати Спинозы.

Если бы свою мысль о том, что мир движется, Галилей выразил в стихах, инквизиция, возможно, и оставила бы его в покое.

Т.Гарди. The life of Tomas Hardi.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

*- Они нас не понимают! - воскликнула Маргарита. -
Зато диавол понимает, - сказала аббатисса Андуйенская.*
Л.Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди,
джентельмена.

По непростительному недосмотру Автора (некоторые косвенные указания на возможность постороннего злого умысла, связанного с неизбежностью упоминавшегося уже (см. «Действуют или наблюдают») соавторства*, будут, разумеется, подвергнуты в дальнейшем самому

*В числе общеизвестных примеров подобного непрошеного вмешательства, что привело в большинстве случаев к самым нежелательным и странным последствиям, назовем хотя бы: *Epistola Christophori Colom... tertio kal, s maij MCCCCXCIII, Pontificatus Alexandri Sexti Anno Primo*, а также *Nicolai Copernici Torinensis De revolutionibus orbium coelestium, Libri VI, Norimbergae, apud Joh.Petreum, Anno MDXLIII*. Из более современных примеров укажем на вторую Бекереанскую лекцию Резерфорда «Ядерное строение атомов» в Королевском обществе 3 июня 1920 года (см. *The Collected papers of Lord Rutherford of Welson O.M., F.R.S. vol.II,14-38, Cambridge. London. Allen and Unwin.1965*). Примечание автора.

тщательному изучению, как только в этом возникнет необходимость), в текст Второго Хора, как выяснилось в последний момент, когда было уже поздно вносить в печатавшиеся страницы «Верности» какие-либо изменения, оказался включенным – причем

в самых неожиданных сочетаниях – материал, не имеющий к нему никакого отношения, а именно различного рода выписки и цитаты, подбиравшиеся неизвестным лицом (им, разумеется, никак не мог быть м-р Уэст) с определенной, известной лишь ему (неизвестному лицу) целью.

Единственное, что удалось изъять в самую последнюю минуту из сходящих уже с печатной машины страниц Второго Хора – это следующее место из «Феноменологии духа» Ф.Гегеля, в котором сообщается с достойной сожаления туманностью: «Почка исчезает при распускании цветка, и можно было бы сказать, что она опровергается этим последним; точно так же через появление плода цветок объявляется ложным существованием растения, и в качестве его истины на место цветка вступает плод» (СПб, 1913 г., стр.»). Сейчас же за этим – и, по-видимому, неспроста, - следовало другое, заслуживающее несколько большего доверия утверждение: «...науки, вместе с другими язвами человеческой жизни, появились на свете лишь по вине тех, от кого они произошли и все другие напасти, а именно демонов. Но то указывает самое их название: демоны, правильнее даэмоны, т.е. знающие. В золотом веке человеческий род, невооруженный никакими науками, жил, следуя указаниям одной природы... Но по мере того, как первобытная невинность золотого века начала клониться к упадку, злые гении, как уже сказано, изобрели науки, впрочем, на первых порах весьма немногочисленные и воспринятые лишь немногими. Впоследствии суеверия халдеев и досужее легкомыслие греков присовокупили сюда множество новых орудий умственной пытки, так что теперь одной грамматики за глаза хватат, чтобы обратить в сплошное мучение всю жизнь человека» (*Encomium Morie Des. Erazmi Roterd. Sive Declamatio, in laudem stulticiae*).

Самое беглое знакомство с подобными высказываниями позволяет убедиться в том, что они самым неприятным и вызывающим образом противоречат одно другому.

Возьмем в качестве примера наугад любую – хотя бы следующую пару:

I. «В Англии будут продавать семь полупенсовых булок за один пенс; кружка пива будет в десять мер, а не в три; и я объявлю государственной изменой потребление легкого пива. Все в королевстве будет общим, и мой конь будет пастись и Чипсайде... денег тогда не будет вовсе; все будут пить и есть на мой счет, и я всех наряжу в одинаковую одежду, чтобы все ладили между собой, как братья...»

Шекспир. Генрих VI, часть вторая,
акт IV, сцена 2.

II. «Там скопились гниющие остатки пиршеств, изверженное переполненными желудками и другие нечистоты, а также скелеты

тех, кто обрел свой конец в результате насильственной смерти или болезни, или тех, кто стали жертвами самых жестоких мук голода и холода. Там стоял ужасный шум от лязга цепей и рева диких зверей...»

Сэмюэль Готт. Новая Солима.

Цит. по книге А.Мортон «Английская утопия»

К сожалению, именно эта противоречивость, дерзко бросающая вызов разлитой в нашем мире благословенной гармонии, не оставит почти никаких сомнений у того, кто, несомненно, будет склонен обвинить упомянутое неизвестное лицо в злонамеренности или, по крайней мере, в нечестивости, каковы бы ни были его (упомянутого неизвестного лица) истинные намерения. Это «почти» необходимо здесь в силу того, что нам остается лишь гадать о подлинных мотивах, коими руководствовался, к примеру, м-р Г.Дж.Уэллс, позволивший себе, как стало известно, утверждать в письме к Д.Джойсу от 23 XI 1928 года: «... мир велик, и в нем достаточно места, чтобы нам обоим быть неправыми и поместиться рядом»* - и это несмотря на то, что он (м-р Г.Дж.Уэллс), без сомнения, не пребывал в неизвестности относительно декрета Оксфордского университета: «Магистры и

..* Некогда автор под влиянием не вполне осознанного им самим побуждения, а скорее всего в момент утраты бдительности, взял эти слова Г.Дж.Уэллса эпиграфом к «*Dramatis personae*», за что, вне всякого сомнения, его постигнет в свое время (или несколько позже) заслуженная кара. Примечание автора.

бакалавры, не следующие в точности Аристотелю, подвергаются штрафу в 5 шиллингов за каждый пункт расхождения и за каждую ошибку, сделанную против логики Органона...»¹⁰¹

Не питая иллюзий относительно своей правомочности судить об идейных и иных достоинствах многочисленных отрывков, принадлежащих разным, как более так и менее признанным авторитетам, и отнюдь не ставя перед собой этой обременительной и во всех отношениях неблагоприятной задачи, Автор считает своим (увы, несколько запоздалым) долгом лишь предупредить читателя о нелепом недоразумении и тем самым избавить его от напрасных попыток установить какую бы то ни было связь между отдельными частями Второго Хора и позднейшими случайными (злонамеренными?) вставками, заметно отягощающими и без того достаточно сложную композицию стихворного текста и столь нелепо дисгармонирующими с его высоким содержанием. Подобные попытки могли бы, несомненно, привести к самым различным лжетолкованиям и, в отдельных случаях, даже к недостойной – граничащей едва ли не с непристойностью – профанации благородного пафоса авторского замысла.

Бесполезно упоминать вдобавок о том, сколь значительные трудности восприятия Хора как художественного целого неизбежно возникли бы у непредупрежденного читателя. Ущерб, нанесенный к крайней досаде как м-ра Уэста так и Автора в результате произошедшей путаницы (она будет тщательнейшим образом устранена во всех – без сомнения, многочисленных – последующих изданиях) идейно-эстетическому совершенству Второго Хора, чрезвычайно велик. Поистине достойно особого сожаления, что даже в текст настоящего «Примечания Автора» оказались каким-то непостижимым образом включенными не только совершенно неуместный эпиграф из «Тристрама Шенди» (взятый к тому же из контекста, способствовавшего спасению душ прихожан вряд ли успешнее, чем проповеди саттонского викария, не говоря уже о произнесенных им же в Йоркском соборе), но и утверждение Гервасия Тильберийского «Obscuritate rerum verba saepe obscurantur» («Сложность предмета ведет к сложности выражения»). Истолкованию последнего, по разумению Автора, может отчасти способствовать мнение другого джентельмена – несомненно, поборника гуманности – пожелавшего (вероятно, не без причины) остаться неизвестным своим современникам (не говоря уже о потомках), а именно «Audiatur et altera pars»*, или, пожалуй, еще менее приемлемое в наши дни по причине излишней и явно старомодной демократичности – «Et diabolus audatur». Осмотрительно воздерживаясь от высказывания собственного мнения о том, что «Жизнь есть...» не более чем «самореализация [неразборчиво] возможностей электронных атомов» (Д.Бернал, «Возникновение жизни», 1967) и вообще неукоснительно придерживаясь принципа «Nullius in verba magistri»**, Автор не считает возможным добавить что-либо еще ко всему, сказанному им здесь лишь в силу настоятельной – и печальной – необходимости.

Scrib. Tepuli Iberorum AD MCMLXVIII

* За современным читателем, по всей видимости, оставляется полное право сомневаться в том, что слова эти выражали один из принципов инквизиции. Примечание автора.

** Не имея ни малейшего намерения делить с кем бы то ни было ответственность за уместность всех приведенных цитат, Автор считает своим долгом обратить внимание читателя на то, что это – единственная, приведенная им самим по доброй воле как в Первом Хоре, так в тексте предлагаемого Примечания. Значительным усилием воли Автор сумел преодолеть немалый соблазн привести и прокомментировать здесь (что было бы вполне своевременным) даже великолепное по своей прямоте суждение о двух сторонах медали, слышанное им *abs felicis recordationis homine quem quoniam res expostulate sub pythagoreo silentio praetereundum diximus*. Примечание автора.

Если взять в руку сердце, когда оно еще движется, то при его умирании ощущается постепенное его затвердение.

Вильям Гарвей. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных, гл. II (Движение сердца, наблюдаемое при вивисекции).

И нарече Бог твердь, небо.
Быт. I, 8.

Сова:
Что дрожите, чуть станет темней,
В теплых гнездах пичуги и мыши
В норках? В сумраке тенью моей
Холод смерти повеет на вас.

Замирая, глядеться во тьму
Не напрасно? Полет мой неслышен,
И уйти не дано никому –
Разве ужас кого-нибудь спас?

Ноябрь 1966

Ты будешь передвигаться со скоростью четырехсот миль в час, но только в этом будет мало смысла, потому что там, куда ты приедешь, жизнь окажется такой же идиотской и тоскливой, как и там, откуда ты выехал.

Д.Б.Пристли. Трое в новых костюмах.

Похоже, что эволюция, вступив однажды на определенный путь, уже не остановится и не дает видам возможности извлечь из нее выгоду для себя.

V.Firsoff, Жизнь вне Земли.

Улитка:
Но – разве не видишь на листьях опавших
Ты мой серебряный след?
Простор бесконечной лужайки так страшен...
Ползти – вот достойный ответ.

Назад не свернуть – ведь по скалам дорога
Песчинок, под сводами путь
Сомкнувшейся чащи травы... О, немного
Еще проползти как-нибудь!

Ноябрь 1966

Вначале, как говорится, был хаос. Или, во всяком случае, хаос был вскоре после взрыва «первичного атом» и начала расширения Вселенной (если мы примем теорию Леметра...)

Ч.Шепли. Звезды и люди.

Слова «хаос», «случайный», «случай», «непредсказуемый» - те удобные понятия, за которыми мы скрываем наше невежество.

Он же. Там же.

Хор светляков:

Поднатужься
еще,
добрый
боженька – Атом.
Над лужайкой
творения
взрыв,
грохни,
чтобы
летели куда-то
в темноту
светляками
миры.

И благослови их Бог, глаголя: раститесь и множитесь, и наполните землю...

Быт. I, 28.

Мир... это всего лишь такое место, где слишком много людей.

О.Хаксли. Античное сено.

Хор лягушек:

В несытое лоно
Ночи бездонной,
Лягушка-Праматерь,
Мечи квадрильоны
Звездных икринок!
Вновь корчясь, изринуть
Успев едва
Миров зачатья...
Зная – жизнь жива,
Зная – жизнь права,
Не плодить – проклятье.

Жить и не жить...
Будь с тьмою квит:
Не оборви

Бессмертья нить.

Август 1967

Положиша мя в рове преисподнем, в темных и сени смертной...
Еда познана будут во тме чудеса Твоя, и правда Твоя в земли
забвенней.

Псалтирь, LXXXVII, 7, 13.

Роллз, мой дорогой
1919 – 1926
Слушая издалика,
Он ждет у перил,
Готовый приветствовать меня,
Когда я приду домой.

Эпитафия на собачьем кладбище
в Хартсдэйле, штат Нью-Йорк.

Хор кротов:

В земле не торопясь ползя,
Между корней кривых,
Твердим: не лечь в нее – нельзя.
И к нам придете вы,
Придете в землю вы.

Она – только могила,
Гниющих костей полна.
И ты выглядеть мило
Будешь, придя к нам.

Август 1967

Так же с течением времен и стены великого мира,
Приступом взяты, падут и рассыплются грудой развалин.

Лукреций. О природе вещей.
II, 1144-1145.

Играющие весьма внимательно и почтительно выслушивающие
все, что тот или иной мудрец имеет сообщить им относительно
грядущих событий, потом терпеливо дожидаются его смерти и

хоронят его по первому разряду. Затем все расходятся по домам и занимаются каждый своим делом.

Г.К.Честертон. Наполеон из Ноттинг-Хилла.

Летучие мыши:

О людях когда стерта
Будет память сама,
И остановится тьма
В глазницах окон, нема,
Весело будет в дома
Влетать городов мертвых.

На карнизах вниз головой
Повиснув, гирляндой живой
Шевелиться, и, с писком
Срываясь, нестись низко
Над заросшею мостовой,
Свиваясь в беззвучный рой.

Октябрь 1967

Перед ним величественным видением проходила история его расы, выкованной из стали, одетой броней, устанавливающей законы и определяющей судьбы других народов. Он видел, как багровеет заря ее истории над темными лесами и просторами угрюмых морей. Он видел пылающее пурпуровое зарево, торжественное сияние полудня, и видел, как на склонах, уже тронутых тенью, багряные, словно пропитанные кровью пески, медленно погружались в ночь.

Д.Лондон. Лига стариков.

Следом, дети! Следом, дети! Наша кровь течет
по корням кустов, деревьев, - зреет пышный плод.
Следом, дети! Ждем мы, ждем мы, не теряй следов!
Ждем мы топота и шума тысячи шагов.
Следом, дети! Следом, дети! Жатва – здесь и там:
По костям отцов придете вы к своим костям.

Р.Киплинг. Песня мертвых.

Ветер:

Шуршаньем родившись во мраке, я ропотом листьев угрюмым
Предсмертного ужаса крик заглушу – «Не хочу умирать...»
В извечном кишении тьмы безысходна жестокая сумма
Смертей и рождений. Замри в теплом гнездышке – ветви опять

Качнутся, и дрогнут стволы, и вершины застонут,
Сгибаясь... Отчаянье как ни таи,
Домчатся из ночи бездонной
Порывы мои.

Северный – хрипом простуженным,
Трупною гнилью – южный.
Восточный – баландой кислой
И западный – пролитым виски.

... яко трава мимо идет, утро процветет и преидет: на вечер
отпадет, ожестеет и изсхнет.

Псалтырь, LXXXIX, 6.

Сущность этих существ – земля. Сущность земли – вода.
Сущность воды – растения. Сущность растений – человек.
Сущность человека – речь. Сущность речи – рич. Сущность рича –
саман. Сущность самана – удгитха.¹⁰²

Чхандогья Упанишада, I, 1, 2.¹⁰³

Я был бы рад хоть немного понять индусскую теологию, но
трудности оказались слишком велики, а предмет чересчур запутан.
Марк Твен. По экватору. Кн. вторая, глава XIV

Да не побоимся мы того, что ради воскрешения и оживления тел
наших всемогущий Творец собрать все то не сможет, что зверями
и огнем истреблено было, или превратилось в пыль и пепел, или
растворено влагой, или испарилось в воздух.

Бл.Августин. О Граде Божьем. LXXII, с.20.

Шепот травы:

Возьми меня, припади же
Ко мне и во имя добра
Жуй потихоньку... Чуть ниже –
Под россыпью серебра,

На стебельках тонких,
Обрызганных сладкой росой –
Я сосу потихоньку
То, что было тобой.

Май 1968

... если современный Космос, который так ритмично пульсирует
и в котором есть жизнь, не в состоянии, как мы видим, объяснить

себя сегодня, то еще меньше оснований надеяться на объяснение в грядущем, когда над Космосом пройдет тень смерти.

Х.Шепли. Звезды и люди.

Перспектива бесчисленных счастливых поколений, полнота жизни, которой сейчас даже представить себе нельзя и – в конечном счете – не обязательно гибель и не бессмертие, а полная неизвестность – разве этого недостаточно, чтобы служить стимулом в данный момент?

Г.Дж.Уэллс. Необходима осторожность.

Ветер:

Мертвого севера вьюгой
Хлестну по восточным равнинам,
Осыплюсь барханами юга
В запада черных руинах.

И если опять
Кишат головастиков точки
По лужам, и писк «не хочу умирать»
Так жалок, и тычутся жадно набухшие почки,

Прислушайся чутко: шуршаньем и шорохом я позову
Из цепкого сумрака и за встревоженно ропшущей чащей
С обрыва тугую, гудящую вдруг распахну синеву
Над пенным простором, валы за валами в бескрайность
катыщим.

Май 1968

... паде, паде Вавилон, великий, и бысть жилище бесом, и хранитель всякому духу нечисту, и хранилище всех птиц нечистых и ненавидимых

Апокалипсис Св.Иоанна, XVIII, 2.

Удачной охоты!
Р.Киплинг. Книга Джунглей.

Летучие мыши:

Хватать и хватать без счета –
Вот радость полета!
Нет, сумрак не пуст:
На острых зубах – хруст...

В руин провалах и гротах
Будь удачной, охота!

Вместе с нами и ты
В призрачной веренице,
Словно ночная птица
(Пусть это только снится),
хочешь кружиться, кружиться
в объятиях темноты?

Октябрь 1967

Тот факт, что мы родились, - это плохое предзнаменование для бессмертия.

Д.Сантаяна. Reason in Religion.

... якоже случай сынов человеческих, и случай скотский, случай един им: якоже смерть того, тако и смерть сего, и дух един во всех.

Екклесиаст, III, 19.

Хор кротов:

Кто избежит тленья?
Жди смиренно, душа:
Всевышний Слепец мгновенья
Отмерит оцупью, не спеша.

Тихонько в темноту ползем,
Запомнив навсегда:
Все станут просто чернозем,
Когда придут сюда
И лягут – вот сюда.

Август 1967

Ибо, будучи однажды введенным в ткань универсума, принцип удвоения живых частиц не знает иных границ, кроме количества материи, подверженной его действию.

Отец Тейяр де Шарден. Феномен человека.

... они размножаются. Как черви, сэр, как черви. Их миллионы, они кишат по всей стране, распространяя повсюду грязь и вонь; портят все на свете. Народ – вот против чего я возражаю.

О.Хаксли. Античное сено.

Хор лягушек:

Чуть сжалится стужа –
Кипи в каждой луже,
Головастиков хата!
Так нужно, так нужно,
Так лето жарко...
О квантах и кварках
Квакнуть пора.
Холод не страшен:
Пузырься, икра,
Все новым мирам –
Кишение наше.

Успеть, успеть
Обрызгать мрак:
Светись, икра!

Бесплодые – смерть.

Август 1967

... впереди для поддержанья и уравнивания напора сознаний появился психический центр всеобщего течения, трансцендентный времени и пространству, и, значит, в сущности, экстропланетарный. Ноогенез, необратимо поднимающийся к Омеге сквозь строго ограниченный цикл геогенеза...

Каким бы ни был незаметным невероятный потенциал неожиданного, уже накопленный духом Земли, никто не осмелится представить себе окончательный внешний вид ноосферы.

Отец Тейяр де Шарден. Феномен человека.

И затем, будем ли мы еще здесь, чтобы видеть наступление вечера?

А.Франс. Сад Эпикура.

Хор светляков:

Изумрудным
смещеньем
точек-галактик
тьма
безвыходно
искажена.
К утру
в созиданья

божественном
акте
стать червем
звезда
должна.

Если уж меняться, то меняться медленно, наверняка, как
меняются животные. Единственные успешные революции – это
революции естественные. В свое время ни один голос не поднялся
в защиту хвостов, когда человечество отказалось от этого
пережитка седой древности.

Г.К.Честертон. Наполеон из Ноттинг-Хилла.

Наконец появилась обезьяна, и тут уже все увидели, что
до человека рукой подать. Так оно и получилось. Обезьяна
развивалась... а затем превратилась в человека – если судить по
внешнему виду.

М.Твен. Был ли мир сотворен до человека?

Улитка:

И я, робко выставив мягкие рожки,
Томилась... Стремиться ли, ждать –
К чему, раз не сможешь хотя бы немножко
Нигде не-улиткою стать?

Нет, нет! Где пути повстречаются наши –
Туда лишь! Один знай ответ –
Ползти, оставляя на листьях опавших
За собой серебрящийся след.

Ноябрь 1966

И рече Бог: да изведет земля душу живу по роду, четвероногая
и гады, и звери земли по роду: и бысть тако. И сотвори Бог звери
земли по роду, и скоты по роду их, и вся гады земли по роду их: и
виде Бог, яко добра.

Быт. I, 24, 25

Таковыми уж создал Господь, но зачем он сделал это – не знаю.
К.Чапек. Война с саламандрами.

Сова:

Так спешите друг к другу скользнуть
(Хруст ломаемых косточек сладок).

Попытайтесь успеть как-нибудь –
Страх беззвучные крылья простер,

И пока равнодушная ночь,
За почадком роня почадок,
Не уйдет, я послушать непрочь
Обреченных ликующий хор.

Ноябрь 1966

Все помыслы мне о Любви твердили...
Данте. Новая жизнь.

Благословенно первое волнение,
Когда любви меня настигнул глас,
И та стрела, что в сердце мне впилась,
И этой раны жгучее томление.

Ф.Петрарка. Сонеты и канцоны на жизнь мадонны Лауры.

Любовь во всех своих нюансах – не что иное, как более или
менее непосредственный след, оставленный в сердце элемента
психической конвергенцией к себе универсума.

Отец Тейяр де Шарден. Феномен человека.

Ричард
(просыпаясь):

Явиться – о черт! – не могла
вместо всей этой нечисти мне,
копошащейся в бездне зла,
какая-нибудь – хоть во сне –
девчонка, мила и гола?

Август 1967

Нет ничего прекраснее, возвышеннее, великолепнее жизни!
О, природа, святая, великая природа! Какой восторг и отрада
наполняют мою взволнованную грудь...

Э.Т.А.Гофман. Житейские воззрения кота Мурра.

Считайте достоверным, что там сейчас пожирают друг друга.
А.Франс. Сад Эпикура.

Все вместе:

Крысы, кролики, кроты,

Жабы и лягушки!
Выступим из темноты,
Спляшем на опушке.

Топчутся ежи, полет
Быстр мышей летучих.
Свет луна украдкой льет,
Глядя из-за тучи.

Мы притронулись едва
К червякам и мошкам,
Не хватай же нас, сова,
Погоди немножко.

Скрыла туча лунный диск.
Хоровод наш дружен:
Хруст, и чавканье, и писк...
Что же – круг все уже?

Ноябрь 1966

Скажи правду и посрами дьявола, есть поговорка. Ну, правду
сказать, такая бывает правда, что сам дьявол устыдился бы ее!
Мак-Гилл. Бездна.

... из совершенства вещи происходит вся продолжительность
ее, и, чем более сущности и божественности заключают вещи, тем
они постояннее.

Так как дьявол не имеет в себе ни малейшего совершенства,
то как, думаю я, мог бы он существовать.

Спиноза. Краткий трактат о боге, человеке и его
блаженстве. Гл. XXV «О диаволах».

Восхвалять бога достойно, но мудрый не станет клясть и
дьявола.

«Ирландские сказки».

Хромой Джентельмен:

Valete et plaudite, acta est fabula.¹⁰⁴

(eXeunt omnes)¹⁰⁵

Его ученики спросили Его, когда придет царство? (Иисус сказал)
оно не придет, когда его ожидают, не скажут, смотри – оно здесь,

или смотри, оно там: но царство Отца разлито по земле и люди его не видят.

Гипотетическое Евангелие Фомы.

Это есть мир, который не должен был бы существовать.
Буддийское изречение.

Конец Первого Хора.¹⁰⁶

СНЫ – ЭТО СНЫ Из цикла ПРОЛОГ

Где все мертвы, мертвы...
Г.К.Честертон. Перелетный кабак.
Но я, я ее вижу.
Бальзак. Неведомый шедевр.

Не бреду бытия – снам сокровенным верен
(О, пристальные взгляды палачей тупых
над павианьим лопотанием толпы!),
Темницу я стихов тоскою мерил.

Пусть хриплое дыхание погони
Все ближе за спиною – не уйти?
За кучею валежника свети,
Фонарь на дюнах: как всегда, ждут кони.

Мы в Город Сна над морем, по холмам
В Тридцатимильную отправимся прогулку
С тобою, девочка «Алисы», - или в гулкой
Тьме оклик Полисмена-Дня не жуток нам?

Не каждый уйдет,
Но – лишь бы снова
По вересковым – вперед
Равнинам лиловым,

Но – вопреки глубокой
Ночи в запретном сне
Юности – с ней,
Очень далекой.

Пядь неба в окне,
Холоден стен камень.

Знают ли обо мне
За девятью морями?

Голубизна – пядь
Только. Уйдет не каждый.
А мне отыскать
Путь удалось однажды.

За островами Лилий,
Там. Далек. Нигде –
Мрамор белел в воде –
И, тростник раздвигая, плыли

Мы к разгадке простой:
Тяжек тюремный камень,
А я – только снюсь той,
За девятью морями.

Тая воспоминанье первое – чужим
В вагоне общем быть, не влился я в достойный
Хор благодарного мычания на бойне,
Ни мясника ножом не дорожил.

Мне Голос был во мраке: «Да никто же
Взыдет с тобою», - властно он воззвал.
Не каждому в себе нести Слова.
Я вижу их! Скрижаль пуста? Быть может.

«Небытие умершим. Жизнь живым».
А мне? Благодарю: «Сны спящим» - это реже.
Удел суровой и нежней, пусть неизбежен
Зов Полисмента-Дня: «Домой идете вы?»

Август 1968

Среди пирующих и в потаенной келье –
Лишь в юности нас жизни опьяняет зелье.
Протянутую чашу оттолкнешь, до дна ль
Осушишь – неизбежно старости похмелье.

Ноябрь 1968

Смешались черепки заздравных чаш давно
С костями пировавших... Все погребено –
И виноградники в песках веков, и царства –
А все пьянит, Хайам, стихов твоих вино!

Ноябрь 1968

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН

*Бан-бан, Ка... Калибан!
«Буря», II, 2.*

1.

Когда Последней Империи рухнет последний оплот,
И травинку последнюю втопчут в пепел, и тьма падет
На аркады развалин, когда насыпи братских могил
Под гусениц лязгом тяжелым осядут, – снова шаги
Прозвучат одиноко в руинах. Снова потайный ход
И светильник. Последние книги, книги ты сбереги!

Когда под урчанье сородичей жертву и ты принесешь
Богу племени – Джодрелл Бэнку,¹⁰⁷ - обтирая кровавый нож,
Возвращайся другою – тайной – тропинкой в пещеру книг:
Будет отдан подземным братьям, кто запретные знаки постиг.

Декабрь 1968

2.

Полукровка, туземный ублюдок, на исходе времен
Подонком среди подонков утаи, что влюблен
В то, чего больше нет – ведь беспощаден сброд
К жаждущим странного. Пусть тайна с тобой умрет.
Полуистлевших страниц шорохом заморожен,
Шепчи, неволью лаская пергаментный переплет:

«Знаю – из тьмы одичанья – пусть я не дойду –
В небо взнесут башни Веруламый и Камулодун,¹⁰⁸
Ибо даром прозренья на закате последнего дня
Господу было угодно благословить меня».

3.

Скользнут ли снова в скрипториях¹⁰⁹ первых под перьев скрип
Над илом немых Атлантид огоньки фосфорящихся рыб?

В намеках утраченных версий о недостоверных веках,
В обрывках страниц почерневших с забытого материка,

О – если внять в ночи Нововековья могли б
Варвары мертвым словам на мертвых давно языках,

В которых Вечность сама, слепоты расторгая плен,
Миллиард воплощений отбросив, бесцелие смены смен
Мной прозрела на краткий и ослепительный миг,
Чтобы звездного небытия глубину я постиг.

Февраль 1969

Династии и царства канули в века,
Мертв мрамор, нем гранит, забытые в песках...
А нежный аромат цветущего миндаля
Сквозь вечность пронесла бесплотная строка...

14 февраля 1969

INTROITUS¹¹⁰

Из цикла LUMEN

«...совсем иной мир».
Г.Уэллс. Калитка в стене.

Мистер Родд, а вы и не знали,
Что Ричард гостил не один
В вашем доме близ Честерхилла
За рекой Тин.

И когда, наконец, за разгороженными пастбищами,
Поросшими вереском склонами холмов,
За буковыми рощами и каменным мостом
Над неторопливой рекой, извивающейся в камышах
По топким низинам, торфяным болотам,
Я внял в благословении летней тишины
Едва слышному полусонному гудению пчел,
Когда увидел в конце дороги вековые вязы
И узнал темную тисовую аллею,
Ведущую к этому старому дому,
Я понял, что никогда ничего другого
Не было.

Среди чужого народа,
На языке чужом
Бормочущем – все сном
Было, все – бредом.

Или мира бессмысленно искаженного бытия,
Призрачного мира, где толпящиеся мертвецы
Жадно кишат у разграбленных могил,
Чтобы нестись с железным лязгом
В дымном круговороте над вытоптанной пустыней,-
Этого мира не было? Только молчанье
Строго выстроившихся вокруг меня
Книг за спокойным поблескиванием стекол.
Книг, кроме которых никогда ничего
Не было.

Жди – и спасенные книги,
Последние в целой стране,
Шепчут о заветном миге –
Калитке в стене.

Наградю за смиренье,
Тайные слезы те,
И тайное поклоненье
Поруганной красоте,

Наградой тому, кто таится,
Тьмой милосердно скрыт,
За крошки последним птицам,
Слова последних молитв,

За верность последнему долгу,
Гоготанье толпы,
Пытку агонии долгой
В руках палачей слепых,

За трупного смрада
Последний итог на дне
Ямы – одной наградой –
Калитка в стене.

О, мир, где я обречен блуждать,
Провожаемый настороженными взглядами тех,
Кто требовательно, настойчиво обступают меня
С туземным хриплым угрожающим бормотаньем,
Подозревая, что я не одной крови

С ними. Теснее круг, и зловонье
Острей, и вот уже тянутся руки
К горлу, и я один, один.
Один, уже не веря, что можно
Проснуться.

Загнанный до удушья,
Знаю, в стене тупика –
Калитка... Вот здесь... Близка...
Топот все тише.

И когда, мистер Ридд, в вашей библиотеке
Вы подходите к книгам за поблескивающими стеклами –
Показать Ричарду эльзевиры и альдины,¹¹¹
Платона, Вергилия, Боэция и Гиббона,
Ни вы не знаете, хоть преподаете в колледже
Святого Винцента, ни ваш друг Ричард,
Хоть он офицер флота Его Величества,
Ни Питер, ни Джен – и к чему вам знать? -
Что рядом с вами на книги – калитку в стене –
Смотрю и я с другой – с вашей –
Стороны, помня все время, что должен
Проснуться.

Среди мертвецов
Без надежды, что это – сон,
Я до конца, до конца
Блуждать обречен.

Февраль 1969

ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ Из цикла LUMEN

*...через чудесное пунсонов и матриц
соответствие, пропорцию и равномерность...*

Колофон к Карликону Иоанна Бальта, 1460 г.

ВЕК XIII

Пусть (переплетающимися полурептилиями ли
орнаментирована,
Полумандрагорами перепончатокрылыми ли)
фантаσμαгорическая
Золотопурпуровость доновокаролингская¹¹² и
закриптограммирована.

Декабрь 1968

ВЕК XIV

Но, монастырскую многообещающую миссал-готической
Безукоризненностью предвосхищенные – Сорокадвухстрочная и
Доминиканская Гипнеротомахия¹¹³ – вам-то не в количестве ведь
Одном-единственном, их червеподобиями полуисточенными
Продефилировать, раз Филобиблоновскому смиренномудрию мы
Как архипастырскому (не разграблению им – увы – завещанному)
Все же внимали; раз доксилографическими¹¹⁴ – то бишь
предутренними
Уже зазмеились самые средокрестия¹¹⁵ письменами-трещинами.

Апрель 1969

ВЕК XV

Хитросплетениями разворачивающейся фабулы,
Покорно-хрупкими полурассыпавшимися страницами,
Неторопливыми повествованиями инкунабулы
Обезоружен я – и в достоверности того, что снится мне,

Как усомнишься, если гутенберговским благословением
Не вокруг якоря ли обвивающимися дельфинами¹¹⁶
Вознаграждается старонемецкое долготерпение –
Венецианскую легкокурсивностью первоальдинною.

Жаль, барбаризмами ожесточенные средневековыми,
Осатаневшие – от любознательности ли, отчаянья –
Коллеги-черви все прокомментировали столь суровыми
Каббалистическими иероглифами-примечаньями.

Декабрь 1968

ВЕК XVI

Не верь в бессмертье души – но слов. «Не высокоумдрствуй»,
И, вспоминая венецианца «festina lente»¹¹⁷,
Стой, дожидаясь, как венценосный Франциск, момента,
Когда свершится священнодействие первоискусства –

Запечатленье. Этьенн верстает – и флорентийской
Лилией Джунты¹¹⁸ алеет утро... Odi et amo¹¹⁹, -
Шепчи столетьям (Фробена голубь, как змеи близко)¹²⁰
Утопий картой, «Хвалой» Эразма из Роттердама.

Лионским грифом простерты крылья над миром целым.
Стреми же, вехель, полет Пегаса в надзвездный холод,
Сквозь дымный сумрак всех инквизиций гроб «Scabra dolo»
Звучало вечно – хотя бы пеплом и стало тело!

В ночах святого Варфоломея не будь покорен,
Как одорукий прототипограф, будь гугенотом!
Чтоб «In principio» и «Constantia et labore»¹²¹
Твердить векам тысячеязыкою «Полиглоттой».

Апрель 1969

ВЕК XVII

Пусть рубрики сквозь ржавость пятен бурых
На страницах и судилищ дым угарный –
Нам тевтонской угловатостью фактуры
И латынью пламенеет киноварной.

Пусть бежит Людовик Первый из Лувена –
На фронтисписах не Птолемея сферы
Обнимают в duodecimo¹²² нетленных
По-голландски толстомясые Венеры.

Пусть Слепец колеблет своды тверди тесной...
Слышишь – шепчет «Errur si tuove»¹²³ кто-то,
Чтобы вдребезги разбив хрусталь небесный,
Покатилась голова бы с эшафота.

Что ж. Во мраке так пути друг к другу долги:
Трепет рук, еще не верящих, дрожь губ ли
Мне откроет притаившийся на полке
Новый томик эльзевировских Республик.

Эта встреча, неизбежна ли, нежданна –
Словно Ньютону-ребенку, будь подарком,
На бескрайном побережье Океана
Неизведанного – раковины яркой.

Май 1969

ВЕК XVIII

Пусть изящны виньетки Дидо,¹²⁴ –
Словолитен глазницы пусты...

Лягут в ночь перед Страшным Судом
За капричос¹²⁵ – дезастрес листы¹²⁶.

Сквозь венки, что сплетает Тоффар,
Сунет морду верблюду – санкюлот –
И «She uoi»¹²⁷ свое проревет
Сладострастным сплетениям пар.

Увлеченный лукавой игрой,
Увиваясь вокруг палача,
Шаловливых амурчиков рой, -
Гильотину спешу увенчать!

На фонарь! На фонарь! На фонарь!
Все уладится... Кто шепчет «нет»?
В царстве Разума – музыка, жарь! -
Карманьюлу нам спляшет скелет.

Розовейте же, бедра и грудь
Акватинты...¹²⁸ Фриволен Казот
Или Эйзен – в последний ли путь
К эшафоту тележка ползет?

Ни добру не причастны, ни злу,
Навсегда в бликах света и тьмы
Станем на переплетах Падлу
Золотыми цветочками мы.

*Июнь 1969*¹²⁹

ВЕК XX

Сон, будь сном...
Ведь лжет, лжет
День за днем:
Жуй все, скот!

Гол ряд пней,
Где лес был.
Пусть – все... Нет,
Не визг пил!

Смять власть зла б,
Но – зов тих,

Взмах крыл слаб –
Нет. Век – их.

S O S –
Крик в лязг влит.
Все – под пресс
На Флит Стрит.

Ввысь, лет лифт,
В гул «Таймс» взмыв.
Но мертв шрифт
На дне тьмы.

Глух толп рев
И нем стих...
Да. Век нов:
Все – для них.

День так ал...
Знай: то – срок.
Что ж. Тьме внял
Ты меж строк?

Свет нам дан
Лишь на миг.
«Нет» и «Да» –
Лишь бред книг.

Июнь 1969

ВЕК XXI¹³⁰

.
.
.

Июнь 1969

ИЗ САМОЙ НОВОЙ КНИГИ ДЖУНГЛЕЙ

*Это страх, Охотник-крошка, это Страх.
Киплинг*

Все темнее. Знай – другого нет пути,
И живым еще никто не смог уйти,

Но хоть проклят этот лес, как говорят –
Слишком поздно, чтобы повернуть назад.

Слышишь шорох? Оглянуться же – не сметь:
Это смерть к земле припала, это Смерть!

Что спасет тебя? Не медли – может быть,
Шепот? Только бы не сбиться, не забыть...

Треснут ветви над тяжелою ступней,
И трясина глухо чавкнет за спиной –

Что же – поступь за собою будь готов
Слышать. Ты теперь во власти тайных слов.

Пусть с шипеньем под ногой скользит в грязи
Что-то: ты ведь зачарован – не вонзит

Мрак налитанного ядом остря:
Это снится лишь тебе. С тобою я.

Тьмы дыхание зловонно, и в ночи
Злостью светятся глаза? Шепчи, шепчи!

Тяжко лапы над тобой занесены?
Зачарован ты... Все это – только сны,

Быть не может всего этого, пока
За строкой звучит заклятая строка!

Декабрь 1969

ВО ВЕКИ ВЕКОВ

Из книги ВЕРНОСТЬ

Что ж, не цитируя суду
(Суд инквизиции был против),
Что «плоть – рожденное от плоти,
Рожденное от духа – дух»,

Я в круге лицемерно грустных
Рож сытых, веру чтя одну,
Металл чеканки неискусной
От губ холодных оттолкну.

(Стократно Синьорией предан,
Всевластье тупости осиль:
Над изуверской пыткой бреда
Уходит в синь собора шпиль...)

Как ужас немоты ни черен –
Бессмертье воплощенных снов
В объятье памяти дано
Познать на Кампо ди Фиоре,¹³¹

И если кое-кто постиг
Из конгрегации, что поздно
Им в «Индекс запрещенных книг»
Вносить сиянье Книги Звездной,
И если молча кое-то
В толпе, пьянимой дыма смрадом,
Тогда на площади цветов
Стоял – мне большего не надо.

«Склонись, - твердили мне, - склонись...»
Что ж, диспут завершив, палач,
Узоры звезд переиначь,
Гаси распахнутую высь!

Меркните, краски дня...
Молча неба огни
Верности учат меня
До костра. И за ним.

Не вечен и Рим.
Я не погиб,
Раз пеплом моим
Млечный светится Тибр.

Расторгнув оков
Небесный кристалл,
Светом я стал
Во веки веков.

Февраль 1970

Диван стихов моих раскрой – не я ли сам
От смерти на века сумел укрыться там,
Чтобы над участью смеясь земного праха,
Прильнуть, возлюбленная, вновь к твоим устам.

Февраль 1970

О, правоверный, страстью воспылав горячей
К поэзии, – аллаха славословь, иначе
Твоей – будь ты вселенной светочем – судьбе
Не позавидует стамбульский пес бродячий.

Февраль 1970

ВТОРОЙ СОНЕТ РИЧАРДА

Мерцает желтизной пяти столетий в круге
Настольной лампы гладь пергамента, мертва...
А все познания добра и зла слова
Не сорваны с ветвей Вестминстера и Брюгге.

Так причащусь и я в благоговейном друге,
Что их Первопечатных Светлостей едва
Касаясь, замер – тайнам книг... Суха листва?
Нет. Мы в бессмертье – патриархи... Не струльдбруги...¹³²

Лишь Тальбот, он же Тибальд, вовсе не тая,
Что он – «сам по себе» (держусь того и я),
Выходит на тропу войны и, как владыка,

Всех книжных лабиринтов, манускриптов страж,
Исследует углы и из потемок, в раж
Охотничий входя, глазами светит дико.

Февраль 1971

ГОЛОСА¹³³

I

Ряды томов над томами... В смешение языков
Книжного столпотворенья лепту внести готов,
Озирая за ярусом ярус, шептал я: «Не доползу»...
Ввысь рвалось мое сердце, а я был внизу.
В долине костей был я, искать обречен пути,
Которых уже никому не суждено найти...
В рабстве рожден рабом, мог ли познать я
Всю глубину беззвездной тьмы небытия?

Тогда-то – едва умолк мой одинокий зов,
С Той Стороны донесся первый из Голосов.

II

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

Из Океана Мрака, земель размыкая круг,
Плывут они, и весь мир слышит их весел стук,
Звон их колоколов... Раздвигаются рубежи
Материков неоткрытых под небом созвездий чужих...
В даях морей безыманных Флаг: он впивает зной
Песков мертвых империй, он в берег вмерз ледяной.
Оплели побеги побегов прерий и вельдов простор,
Чтобы один корень листву над ними простер,
Чтобы парил без помех кэб в твой Торговый дом.¹³⁴
Веруешь ли в Писание, в Скотланд-Ярд или ром...
Пусть уводит Белый отряд¹³⁵ на запад судьба – она
Не раз еще разыграет этюд в багровых тонах.¹³⁷
Но если снова на берег великая тень¹³⁷ падет,
Все поставив на карту, выберет путь – вперед.
Не дрогни в красном паре, когда ринутся, отпустив
Поводья, сквозь дым кирасиры¹³⁸ – старый Блюхер в пути –
И когда трехпалубник, черный от пороха, примет бой
Рухнут стены,¹³⁹ разверзнется палуба под тобой –
Будь под небом любим во веки веков прав,
Охваченный пламенем борт к борту врага прижав.
Все минует, все повторится... Парус каждый скользнет
В шевелящийся мрак за краем Великих Вод...
Что ж. Когда вскрикнет Земля¹⁴⁰ в отравленном поясе¹⁴¹ снов,
Планеты затерянный мир¹⁴² вновь исследовать будь готов.

Март 1971

III

Старой верностью верен, замер томов строй,
Чтобы с Того Берега прозвучал голос Второй.

IV

ВТОРОЙ ГОЛОС

Что ж, рассвет есть рассвет, и закат есть закат – от этого
не уйти.¹⁴³

Белеют в пустыне кости – по ним пролагая свои пути
Помни, что Каменщик и Король,¹⁴⁴ бремя былых я нес, как мог
Чтобы горькой карелы¹⁴⁵ лозою зарос дворца моего порог,
Чтобы змеи скользили, свиваясь, тая – где высился Тронный зал -
И носился в развалинах Бандар-лог¹⁴⁶ с верещаньем и визгом.
Знал

Я, ледяной лазурью дыша надоблачных тайных троп:
Близится час, и в Хайберский проход¹⁴⁷ ринется с ревом потоп...
Последний из Сыновей, ты помнишь, как уходили мы,
Каменщик и Король – за край вскипающей тьмы?-
Во имя Плоти – где твой народ? Где твои сыновья?
Могила отца твоего – встать над ней?- ответа не слышу я.
Во имя Долга – от предков что наследовать ты готов –
Власть над кольцом свинцовых морей? Несчастье бесчисленных
слов?

Во имя Духа – помнишь ли ты? Тогда услышать посмей
Слово мое и внять моему Слову из мира теней:
От Суэца к востоку, от Горна на юг земной раздвигая простор,
О том, что ты в смертники посвящен, гремит мертвецов хор,
Что самому младшему из сыновей под небом ночных планет
Из одичанья вражеских орд к спасенью путей – нет.
Встать! Где прервется дорога дорог – от Оркнея до Горна и
звезд –

За верность последней из тайных троп да будет последний тост,
Пока не рухнут все своды и там, где высился тронный зал,
Не сомкнутся Джунгли на веки веков. На веки веков. Я сказал.

Июль 1971

V

Тьму обнажая, отхлынул шквала последний вал,
И я, обречен всезнанью, Третьему голосу внял.

VI

ТРЕТИЙ ГОЛОС

Внемли – в Доме Страданий я взываю из тьмы:
«Не ходите на четвереньках. Таков Закон. Разве мы
Не люди?»¹⁴⁸ Пусть мистер Бритлинг¹⁴⁹ не выпил чашу до дна,
И на Каиновом болоте снится тебе в моих снах,
Что с электрической – это хуже, чем просто – во мгле
Будут «дарами друга»¹⁵⁰ очастливлены все на земле;
Пусть проснувшийся Спящий далеко под собой
В столиц стоэтажных провалах толп увидит убой;
Пусть над пеплом пустынь угаснет закат, багрян, -
Перекликаться во мраке треножникам марсиан¹⁵¹ –
Я был Чтецом Закона, пока длился морлоков¹⁵² пир...
Да будет грядущего обликом – освобожденный мир.
В спасенье – скальпель и был!¹⁵³ – и Смерть или

Страшный Суд –

Нет их, пока Страшный Суд или Смерть не придут!
Мир – бабочка наполовину, наполовину – червь...
В полет над английским газоном школы жизни поверь,
Ибо сильнее всех армий – пусть в Доме Страданий ни зги –
Под абажурами ламп светящиеся круги.
В полнеба уже комета над кровавым хаосом лжи:
Отведавший пицци богов¹⁵⁴, не мишенью черни служи,
Но – тверди: «Не ходите на четвереньках: Таков Закон».
(Да, эти люди - боги – когда воплотится Сон...)
Звездам все новых утопий¹⁵⁵ тверди (пока не угас
Разум, себя исчерпав):¹⁵⁶ «Доберемся мы и до вас».

Сентябрь 1971. Манглис

VII

Едва «величие миссии разума» я постиг,
Прогремел голос Четвертый со стены крепостной книг.

VIII

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОС

Внимай вещаниям пророков – что в семью одну
Сольются страны и пойдут трамваи на Луну,
И знай – в крестовые походы отправляться нам
Придется вновь и поклоняться городским богам...
Ты посягнувшего на звезды был гордыней горд,-
Как велика теперь твоя империя, милорд?
В кольце колышащихся копий вражеских одна
Величья отблеском – последним – лат – озарена
Пэмн-стрит...¹⁵⁷ Судьбой предрешено ее концу обречь.

Что ж. Будет все освящено, чего коснется меч:
У нашей Розы есть шипы! Будь отразить готов
Под этим стягом с Красным Львом¹⁵⁸ прибой ста городов:
Со свистом лезвием чертя блестящий полукруг,
Не бойся дьявола, ни всех его ученых слуг!
Прав, как ребенок, в час, когда погаснут фонари,
Рази лиловых кенсингтонцев,¹⁵⁹ ибо до зари
Твой вольный Ноттинг-Хилл падет, погибнет Ноттинг-Хилл...
Пусть падает он, где стоял. Не больше есть, чем был,
И с арки колледжа – последней в россыпи камней –
Гимн благодарственный пропеть вновь бытию сумей.
Вперед! Ворочаясь в дыму, чудовищен и туп,
Залег, дыша огнем, дракон в лесу фабричных труб,
Но вдоль канав цветет шиповник – путь любой хорош
Тем, что через Лендс-Энд¹⁶⁰ всегда ты к мысу Старт придешь.

IX

Из-за Семи Морей долетевший тогда – давно –
Пятый Голос услышать мне было судьбой дано.

X

ПЯТЫЙ ГОЛОС

Миллион миллионов звезд и уснувших миров – во всем.
Вечного мирозданья смысл и воля... Мой дом.
Лондона сердце прекрасное. Парки. Старое серебро.
«Таймс». Седина. Безупречность. Скольким наше добро
Не дает покоя. Земля моя. Все, что было. Не нужно слов.
Веков лебединая песня.¹⁶¹ Билет в неизвестность готов.
Все длиннее пепел сигары. Быть не должно никакой
Собственности, - конечно, и на мысли? Пора на покой.
Девиз моего рода – «Верность», и верю в то,
Во что верили наши отцы. Будь что будет потом –
Не расцвести пустыне¹⁶² без старых корней,
Но устоям, традициям, вечным ценностям будь всех верней –
А ночью ветер свободный бросит семя, чтоб смог
Раскрыться непостижимого хаоса темный цветок,¹⁶³
И все, что было навеки, в единственном доме – моем –
В котором только и стоило жить – сдается в наем.¹⁶⁴
Что же. Пока не рухнут плотины – будут со мной
Запах дождя и туман над травой, Биг-Бена бой,
Деревья и птицы Англии¹⁶⁵ – до последнего дня.
Моя страна. Мой народ. Кто осудит их и меня?
Иметь и удержать – да разве тому быть,
Чтобы работу начала на мгновение остановить –

Пройдет по листве трепет, мигнет лишний раз звезда,
И с вечностью созиданья сольешься ты навсегда.

Март 1972. Сухум

XI

Страницы Творения нам листать не дано наугад,
И Шестого голоса в тьму пролился холодный яд.

XII

ШЕСТОЙ ГОЛОС

Гигантом-прогрессом безжалостно растоптана прелесть былого...
Люди, сэр, вот против чего я возражаю. Как черви,
Плодятся они: миллионы кишат, расползаясь, повсюду
Разнося грязь и зловонье. Прильни в шутовском хороводе¹⁶⁶
К своему saecus stercoris¹⁶⁷, бормоча «любимая» («любимый»),
В отчаянной, быть может, единственной имеющей шансы попытке
Надуть Всевышнего-шутника и в контрапункт¹⁶⁸ вселенной
В детях вернуться навеки. Говоришь ты задумчиво «Завтра»...
Завтра будет не хуже, чем Сегодня. В индустриальной пустыне
С прочими механизированными кретинами в потоке вонючих
машин

Мы несемся с грохотом к пропасти. Аминь, и давай газ.
Или – быть может – из стерилизованной колбы земного шара
Декантируется Прекрасный Новый Мир¹⁶⁹ всеобщей покорности
Роботов производственных и роботов, роботов, роботов

планирующих
В мировом государстве «Общности, Стандарта, Устойчивости».
Или –

Вынашиваешь ли, Слепой¹⁷⁰, трактат о слепоте человечества –
Время должно остановиться?¹⁷¹ На послеатомном трупе
цивилизации

Закопшатся мнившие себя, вопреки обезьяней сущности,¹⁷²
К восхищению Балиела¹⁷³ победителями природы «гении и
богини».¹⁷⁴

Грубые, как само варварство, но без его наслаждений и
надежд –

Жечь в кострах книги и откапывать в могилах лохмотья.
Не будет больше кораблей с зерном из Нового Света,
Ни Нового Света, но в джунглях самого последнего острова –¹⁷⁵
Выкрики попугаев «Внимание» на давно мертвом языке.

Февраль 1972

XIII

Мягко во тьме и тверд был голос Седьмой.
(Кому и когда суждено будет услышать мой?)

XIV

СЕДЬМОЙ ГОЛОС

Плывя, ползя, пробивались из черного небытия
Миллионы сгинувших жизней, чтобы хранить я
Морей исчезнувших соль был удостоен в крови,
Чтобы и мне даровали боги дыханье – живи,
Приняв красоту (ее не обрести никогда),
Вокруг (только снов), совершенство (которого нет) – в дар.
От ненавистной тюрьмы, где все люди – враги,¹⁷⁶
Мстительной злобы толпы в себе себя береги.
Пусть славят свой обезьяний – поистине, суший рай,¹⁷⁷
Что дороже всего – в себе себя не потеряй.
Чудовищно расплодившихся йеху¹⁷⁸ не накормить
Пятью хлебами; тянется к бойне грядущей нить
Судьбы; с грохотом бомб отзвучит похоронный звон
И некому будет, быть может, промолвить «Был Илион»,¹⁷⁹ -
Но, нежны, как цветы хмурой английской весны,
Остаются чужим векам глубоко таимые сны:
Кристалльного мира души, не знающего тюрьмы,
И золотой поток божественной вечности в них,
Когда двое, слившись со всем наслаждением вселенной – одни...
Ты – смертью героя¹⁸⁰ не павший, услышать посмей:
Не dolce¹⁸¹ и не decorum¹⁸² мясом стать для червей.
Чума на оба их дома! Не кануть во тьму
Озверенья острова Эа¹⁸³, острову снов твоему.

Март 1972. Сухум

XV

Смолкая, за Голосом Голос в океан тишины влились.
И – снова один, с сердцем, рвущимся ввысь,
С подножия книжной башни, из мудрого сумрака я –
Наедине с беспредельностью звездного бытия...
Внять достоин поправшим смертью смерть Голосам,
В рабстве рожден свободным, волен свободно сам
Из долины костей – живой к живому – пути,
Ведомый умершими, я нехоженые найти...

О, сияющий свод! В смешении языков
Книгтворенья ты мою лепту внести готов?

19 марта 1972. Сухум. 22.00

МОЙ САД

*Видно, здесь скоты
Прошли, по-скотски жизни оборвав.*
Р.Браунинг. «Роланд до замка черного дошел».

И
Воспоминаям детства был полузабытый мной
Таинственный заглохший сад за каменной стеной,

То ли он в книге был (из тех, давно которых нет),
Сад за высокою глухой стеной ушедших лет?

Но столько солнца было в нем, и так был сумрак тих
В склонявшихся к земле ветвях деревьев вековых,

Но столько крошечных существ роились жизни в нем –
Шуршать, жужжать и стрекотать, выглядывать кругом,

И в норки прятаться, порхать, и петь, и гнезда вить,
И копошиться, и тихонько мне – все может быть, -

Шептать – а я был в том саду один, один, один! -
«Ты любишь нас – так никогда от нас не уходи»,

Нет, видно не был он простым, - полузабытый сад
За каменной глухой стеной – раз тайный аромат

Его цветов и за провалом полувековым
Бессильной памяти (Там рев толпы, пожарищ дым,

Лязг исступленного железа) вдруг повеял мне
С общественного пустыря за горами камней

Стены – той самой... И, конечно, он бессилен был –
Стук топоров, и гам, и визг остервенелых пил,

Раз на исходе эры я, в то, чего нет, влюблен,
Благодуханием былого был благословлен.

Среди хибарок, и лачуг, и свалок – все же смог
Железным хламом оградить я пустыря клочок.

То не земля была – кирпич, жестянки, шлак, тряпье
И кости... Наградил Господь терпение мое.

И вот из черной глубины моей немой тоски,
Ликуя, к свету потянулись бледные ростки.

II

Но, но! Есть общие сады
(И в них – урн мусорных ряды,
Для пива будки и воды.
В окурках и плевках трава
Имеется, полужива.
Пожухла, в копоти, листва).
Давай туды!

Топчась, как во дворе тюрьмы,
Все обойдем с толпой и мы,
Пойдем – нас тьмы, и тьмы, и тьмы,
И дышится в метро ничуть
Не хуже чем в «саду». Отнюдь.
Так что – под землю бы нырнуть...
В добрый путь.

III

Таинственный, заглохший сад... Был кем- то заперт он,
И ключ потерян за глухой стеной былых времен...

Но на задворках бытия так властны были сны
Под закопченным черным небом чуждой стороны, -

И, сдавленные полутьмой, между кирпичных стен
Шепнули первые побеги о моей мечте.

То было чудо – вопреки декрету века «смерть
Живому» - было суждено траве зазеленеть!

Да, там, где битое стекло, и сплпшихся волос
Комки, и рвань, и ржавый хлам – былинки строй пророс!

И, как отчаянно они стремились к солнцу, ввысь,
Борясь за воздух и за свет – и мне шепча: «Борись!»

И как доверчиво тянулись листики ко мне
Под закопченным черным небом в чуждой стороне...

Ни лилий не было в моем саду, ни гордых роз,
В нем дикий виноград, и плющ, и папоротник рос.

Была задача устоять и выжить не легка –
И те, что послабее, гибли на моих руках;

Плечом к плечу, в дыму и саже, газах выхлопных
Они держались – я учился мужеству у них,

Учился жить наперекор декретам века. Но –
Как это стадом быть могло сновидцу прощено?

И под хихиканье блатничек, хрип хулиганья
Оплеывалось, обрывалось все, чем горд был я,

Ломались слабые проростки, втаптывались в грязь,
И умирали мы – нежны, бессильны, но – борясь!

И только тот над черным небом чуждой стороны
Мог умереть, кто глубоко в себе таил все сны.

IV

Я мальчуганом, верно, был
Тогда, давным-давно...
Но – вот забавно – не забыл
Тех – самых первых снов:

В них был безмолвный темный сад,
Я вдоль бежал, бежал...
Мелькал узор литых оград,
И, палочку держа,

Трель звонкую я выбивал...
Она была простой,
А я был мальчик и не знал,
Что за оградой той.

V

Как тем, чья поступь тяжела и дыры глаз пусты,
Был нестерпим, невыносим был вызов красоты –

Нежнейшей зелени узор и робкий шепот «жить»...
Как на ходу не оборвать наивных жизней нить?

Как беззащитное не смять, не растоптать того,
Что на привычном пустыре – несмелый островок

Иного, тайного, чему нет никакой цены...
Что этих дышащих травинок судьбы сплетены

С моею и твоей, с судьбою царств и звезд – о нет,
Им не постичь уже на самой мертвой из планет.

Я так оберегал его, лелеял каждый куст,
Но не сумел спасти его от тех, чей взгляд навеки пуст,

Чья поступь тяжела – был сад последний умертвлен,
С азартом вырван каждый прут и втопан в грязь газон.

(Нет, не сдаваясь, выпрямлялся каждый стебелек,
но что с железом человека он поделать мог?)

И каждый крошечный росток был найден и убит,
Чтоб не тянулся из щелей между тяжелых плит.

Цеплялись тщетно, что есть сил, за землю корешки,
И, не желая умереть, таились в ней ростки

Напрасно. Дырам глаз пустых открылся – вдаль и вширь –
Так!- от и до бетонных стен – асфальтовый пустырь.

Последнего приюта тысяч кратких жизней нет
И больше им не быть на самой мертвой из планет,

Где, стиснуты круговоротом бешеных погонь,
Ревут моторные лавины, изрыгая вонь.

А что вселенных звездных судьбы грозно сплетены
С судьбою сорванной травинки – лишь поэта сны.

VI

Бетон сковал поля,
Задымлен небосвод.
Сон терпеливо для,
Тихонько семя ждет.
И будет ждать века,
Века, века, века
Забвения, пока
Отравлена Земля, -
И все же прорастет.

Пусть изрыгает смрад
Машин круговорот,
Но в мой забытый сад,
Но в сад бессмертный мой,
Не зная обо мне,

Какой-нибудь другой,
Не зная обо мне,
Пусть мальчуган найдет
Когда-нибудь во сне.

Октябрь 1971. Сухум

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ АВТОРА

Гнездится ненависть в подполье
Прапамяти. В крови. Не вдруг
Она. В былого чистом поле
Все стало белым после вьюг.
Но,- чтоб не баловался волей,
Был сослан прадед мой на юг, -

Запомнилось. Пусть в поле чистом
Былого больше ни следа,
Но эти книги декабриста
Теперь мои. И не беда,
Что в голубое никуда
Гирканская¹⁸⁴ глядится пристань.

Таил ты под шинелью то же,
Отшагивая версты, дед,
В отнюдь не голубом нигде
Туземных – наших – бездорожий.
На хлебе сидя и воде,
Мы знали, что всего дороже –

Хотя бы то, что в жилах, вновь
И вновь разбавлено изрядно.
Но будь во мне, наш старый яд, но
Всему, что дико, тупо, жадно, -
Ты непреклонно прекословь,
На их руках, во мне ли кровь

Отца. Из жизни в жизнь учи
Не забывать о нем в ночи
Всеодичания бессонной.
О нем – одном из миллионов –
Во мне, еще непогребенном,
Я не забуду, палачи!

Так. Уготована судьба
Мне благодарного раба,
Пусты грядущих лет гроба,
И ссылки длящейся чужбина –
Пожизненная тьма – пустынна,
И у меня не будет сына,

Не будет сына – ты горда,
Всеодичанья ночь слепая?
Так знай: не сгину без следа,
Но вопреки тебе всегда я
Во многих буду жить, всегда, -
Хотя бы этих строк не зная.

14 декабря 1971

NULLA DIES...¹⁸⁵

Что ж, полукровка и ублюдок, -
Как все, зачатый не в любви,
Рожденный в рабстве, - удиви
Преображенья робким чудом.

Довольно было простоты
В тебе, заморыш и подонок:
Не как мессер¹⁸⁶ тончайший тонок,
Осмелился поспорить ты
Со всей всесильною, всей дикой
Эпохой изощренной лжи...
Ты бросить вызов смел владыкам
Потемок – и остался жив!

И, книжников и фарисеев
Велеречивой злобы всласть
Вкусив, решительно рассеял
В себе мертвящей воли власть.

Давно уже никто не ропщет,
Но тайной музыки души
Теперь во мне не заглушить
Тупой покорностью всеобщей!

Так пусть не будет без строки
Ни дня, ни ночи мне отныне.
Державной вопреки пустыне,
Тьме изуверской вопреки!

Май 1972

«Большой». Гремит «Иван Сусанин»,
Но взоры все к одной из лож,
Где в сапогах, рябой, с усами –
Ублюдок всемогущий. Что ж,
Ему «Жизнь за царя» – в охоту:
Ворочает под низким лбом
Мыслишку тайную о том,
Что сам – Россию всю – в болото...

1970

ВЫЖИВАЮТ ХУДШИЕ

«Вы были окружены крысами».

А.Грин. Крысолов.

Есть время жить и время умирать...
Лавиной лемминги стремятся в море –
И мы плодимся так, что берег черен:
Четвертому же Риму не бывать.

Да здравствует Его Величество,
Его Величество – Количество –
Спасение от бед...
«На волю, - стонешь ты, - в пампасы...»
И хор гремит в ответ:
«Ни воли, ни пампасов:
Нас много. Тесен свет.
На волю – что за бред?
В бедлам их, Гаттерасов!

Пампасов нет,
А есть увеличение биомассы.
От воли – один лишь вред».

Этажи предместий все круче,
В полях – метастазы кварталов.
Чтобы выжили худшие,
Их должно быть немало.

Реакционную лучше
Брось о пампасах идейку.
Бетонную микрочайку –
И в термитнике общем получишь.

Из милостей Его Величества,
Его Величества – Количества...
Пойми, толкаемый к круче,
Что выживают худшие.
Добр, отважен и мудр
Ты? Выживают худ –
Раз уж толпа права,
Выжива –
Упирайся: обрыв все ближе –
Выжи –
Хрипи: «Куда меня вы...»
Вы –

Есть время жить и время умирать.
Вот – берег в бездну оборвала круто.
«На Рим напали крысы, и кому-то –
(Кому же, наконец?) – не сдобровать».

Март 1970

ДАВНО¹⁸⁷

*Дух, идеже хоцет, дышет, и глас его слышити...
Евангелие от Иоанна III, 8.*

Горбы черепичных крыш,
Крысиные щели улиц.
Как мы с тобой, малыш,
Не разминулись?

Как пятнадцать веков
Ближневосточного гама
Скользнули легко
Над городом-ямой...

И, хотя до сих пор
Гвалтом многобалконным
Расступившихся гор
Осквернено лоно,

Видно, во тьме
Была суждена нам
Встреча, если сумел
Ты моим письмам

Внять однажды, малыш,
Когда туземный затих
Гам и рассыпал их
Я над горбами крыш.

1972

ОБРЕТЕНИЕ

(Отрывки)

I
Их ели черви, грызли мыши,
И мы их жгли во все века.
Чуть внятным шелестом все тише
Доносится издалека:

«Страницы хрупкие истлеют,
и навсегда погребены
горами неоахинеи
прозрений наших будут сны.

Но, уцелевшие случайно,
Мы ждем – и до поры таим
Слова, созвучные твоим,
Тебе назначенные тайны,

Да, ждем – и спрячемся в тоске
О миге том, когда, быть может,
Пусть вряд ли – встретимся мы все же,
И – на прилавке ли, лотке –
Пусть веком раньше, веком позже –
Но переплета мертвой кожей
Прильнем к твоей живой руке».

V
Губили черви, мыши, люди
Их – столько в Книге Бытия
Коснуться суждено не будет
Страниц утраченных... Но я

Все слышу шепот: «Пусть hiatus¹⁸⁸
В десятки лет невосполним –
Но Слово жило в нас когда-то,
И неизбежна встреча с Ним:

Бессильны цензоры, изъятия,
Запреты и купюры, ложь
И смерть – Его ты обретешь...»
Так сколько жизней должен ждать я?

О нет! Сверканием дорог
Стрельца и Рыб неслась квадрига,
Юпитер влекся – ради мига
Лишь одного – чтоб нежен, строг,

Разлуки расторгая иго,
В прикосновенье к мертвым книгам
Бессмертье обрести я смог.

Январь 1973. Сухум.

Всегда – от века и до века –
Ослы возили человека.
И се раздался трубный глас:
«Теперь везите, люди, нас!»

Февраль 1973

БЕССМЕРТИЕ

I
Пусть веет вечность на могилы
Провалом темным – это мне
Тогда на безнадежном дне
Стать горстью праха нужно было.

Сверкая золотом даров,
Жрецы, солдаты и рабыни
Под небом, беспощадно синим,
Спускались в погребальный ров.

Скрипя, сползали колесницы
Под бычье мычанье струн,
И знал я, что сейчас умру
У замурованной гробницы.

Тоску предсмертную смиряй
О невозможном – все покорны.
Останешься здесь, в яме черной,
Со свитой мертвого царя.

Пища мертвых – земля, глину едят они.
Беззвучные крылья духов скользят над ними одни.
Там, где пыль на порогах мрака лежит века,
Бессмертию мертвеца я должен служить... Как?

II

Вот – каменная чаша с ядом
Округла и тепла, как грудь –
Ведь жертвам вновь к соску прильнуть,
Круг жизни завершая, надо.

И, платья алые сорвав,
Арфистки, сея сердолики
И лазурит на землю рва,
Идут, послушные, к владыке.

Сосуды брошены на дно,
Но гримом тронуты зеленым
Все лица – зернам погребенным
Взойти ростками суждено.

Пей, царский музыкант, не мешкай –
Века недолгие мелькнут,
И голубые бусы тут
С костями будут вперемешку.

На корабле мертвых позеленеет медь
Сосудов; землю станет в них загробная снедь;
И, когда в блеске Солнца лунного серпа ладья
Растает, миров бессмертье смогу ли познать я?

III
Не верю в царское бессмертье –
За тьмой не воссияет свет.
Тому, кого навеки нет,
Хвалу за гробом должен петь я,

Но эту арфу кто-нибудь,
Втайне дивящийся, быть может,
Обряда тупости, положит
Мне, умерщвленному, на грудь.

Тогда живые вновь обрушат
На мертвых землю. И вода
Уйдет от берегов тогда,
И снова морем станет суша,

И вновь, у берегов зари
Всплыв из пучины океана,
Бог сбросит чешую Оанна
И нас железом одарит.

Там, где в стране мертвых серп небесной ладьи
Над песками плывет, в погребенье царском найди
Арфу мою, и за мрака порогом да будет свет
Новых песен твоих. Иного бессмертия нет.

Декабрь 1973. Сухум

На берегах Ефрата, Тигра,
Фисона и Гихона – нет
Эдема... Ночи *missa nigra*¹⁸⁹
Дослушай же невнятный бред.

И снова на рассвете будет
Тебе, томящаяся персть
Земли, о неизбежном чуде
Творения благая весть.

Нет, не забыл Господь – осанна! -
Что одному быть не добро.
В который раз твое ребро
Исполнит плотью он желанной,

И вы, друг друга не стыдясь,
Пребудете нагими оба
В еще одном Эдеме, чтобы
Река сияния лилась,

Не иссякала бы, - над ложем
У древа жизни – и познал
Ты, как в мерцанье звездной дрожи
Желанна плоти белизна,
Раз этого не быть не может.

Февраль 1974

СВИНОЕ

Не счастье ли месить со стадом вместе грязь
И, хрюкая, хлебать из общего корыта?
Помоями – а больше лозунгами – сыты,
Покорны (памятуя: выходы закрыты)
Все. Поворочавшись, и ты уснешь, смирясь.

Нет, не о бойне нам теперь покажут сны,
А те, что надо: как наш хлев летит на крыльях
Мечты к сияющим вершинам изобилья.
Покорности еще последнее усилие –
Вершин и ты достигнешь. В виде ветчины.

Ноябрь 1974

ВЕНОК

Из цикла ДВА МИРА

С.Росхилл.
Война на море 1939-1945

Утром 28 мая... в гавань вошли эскадренные миноносцы «Макэй», «Монтроуз», «Вими», «Вустер», «Сэйбр» и «Энтони»... Благодаря увеличению числа истребителей, возросшей эффективности их действий и густому дыму над городом, авиация противника стала представлять значительно меньшую опасность. Общее число людей, доставленных в Англию в этот день, составило 17 804.

ДЖЕН

В венке из васильков, репья,
Крапивы и чертополоха
Был королем король. Края
Земли и моря пусть со вздохом
Сошлись: прибоя вечный грохот,
Отец, - судьба твоя.

С.Росхилл.
Война на море 1939-1945

В среду 29 мая... эскадренные миноносцы «Монтроуз» и «Макэй» получили повреждения при столкновении и сели на мель. Эскадренные миноносцы «Уэйкорул» и «Грефтон» были потоплены торпедными катерами противника... Авиация противника потопила эскадренный миноносец «Гринэйд» и повредила эскадренные миноносцы «Гэллант», «Ягуар», «Грейхаунд», «Интренид», «Сэладин»... Тем не менее в этот день в Англию удалось доставить 47 310 человек, включая примерно 2000 раненых.

ДЖЕН

Черна забвения вода...
Немного троицына цвета –
Для дум! И розмарина – да,
Для памяти... И в мире этом
Пусть роза дикая все лето
Цветет, горда.

С.Росхилл.
Война на море 1939-1945

30 мая... общее число эвакуированных... достигло 53 823 человек. 31 мая... удалось эвакуировать 68 014 человек. Между тем плацдарм обороны снова сократился... 1 июня... несмотря на артиллерийский обстрел и бомбардировку с воздуха, транспорты и эскадренные миноносцы вывезли из гавани большое количество людей... С наступлением рассвета противник усилил атаки с воздуха, и потери стали возрастать. Лидер эскадренных миноносцев «Кейт», на котором держал флаг адмирал Уэйк-Уокер, и эскадренный миноносец «Базилик» были потоплены... После короткой передышки атаки противника возобновились; на этот раз были потоплены эскадренный миноносец...

ДЖЕН

Укроп и голубки – для вас,
А руты для меня немало.
Травой воскресною как раз
Ее зовут... Я бы фиалок
Взяла – но столько их увяло
В тот час.

С.Росхилл.
Война на море 1939-1945

... на этот раз были потоплены эскадренный миноносец «Хэвант»...

Р.Киплинг. «Эскадренные миноносцы».

Привет тому, кто уцелел!
Погибшему – венец!
Назначен каждому удел,
И Бог за всех. Конец.

Январь 1975

ФИЛОБИБЛОН – XX 1344 – 1975

Из цикла LUMEN

3.

ЛОРД ХРАНИТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ

Когда на Стены Книг, темнея, лягут тени,
А у подножья их очертит лампы круг,
Из тьмы появится мессер Мягчайший вдруг,
Ступая с царственною, чуть небрежной ленью.

Как герцог Портлендский, весь в черном, грудь бела –
В изысканнейше белых гетрах и перчатках,
Хранитель рукописей гордо – не украдкой –
Прошествоует к твердыне моего стола.

Беззвучно словари и глобус обогнув,
Отнюдь без спешки, но уверенно и гордо
Приблизится ко мне – и, как в Палате лордов,
Усядется – на свой infolio. Одну

И ту же книгу выбирая каждый вечер,
Сэр Тальбот выказал приверженность давно

Традиции, достойной уваженья, но
Не без консерватизма явного, отмечу.

Следит, как под пером рождаются значки,
Ползут... Вот – полчище их белизну покрыло,
И в изумлении мерцающих бериллов
Все глубже темные бездонные зрачки.

А знаешь, ты и сам немного книга, кот:
Ведь в шифре бытия, в тебе запечатленном,
Залог бессмертья плоти, торжества над тленом
Того, кто прах бумажный – не уберезет.

Март 1975

ОНА

Таким создал меня Господь.
Зачем Он это сделал,
Не знаю: только эта плоть –
Лишь половина целого;

В ней половиною души
Я обречен томиться...
Искать спасение спеши –
Есть выход из темницы!

Один, пощады ты не жди
В просторах ночи черной:
Она, она, к твоей груди
Прильнувшая покорно,

Даст ощущение, нежна,
Как жизнь сама, нагая,
Дать отпущение должна
Она лишь. Не другая.

Такой создал ее Творец –
С душою той, тем телом,
Что лишь с моими, наконец,
Единым станут целым...

Август 1975

ИЗ ГЛУБИНЫ

Из книги ВЕРНОСТЬ

Не сдавшись, не дождавшись вести
Из-за семи морей, один
Был я (могила – это вместе
Со всеми), глубоко в груди

Тая безумную надежду,
И умер. Умер я, молясь:
«Свет мой насущный даждь мне» – между
закатом и рассветом в грязь

Был втопан я мычащим стадом,
Стремящимся из тьмы во тьму.
Конец бессмертью моему –
Тьма, топот, грязь. Так было надо,

*Чтобы за пустырями столетий, где по ямам крапива, где мох
Вросших в землю руин – вдруг не ветер из далей повеял –
но вздох,*

*Но мой шепот – сначала чуть слышен под звенящую голубизной
Неба юного – нашего выше и бездоннее нашего – в зной*

*И простор, в ликование света – тихий шепот... И внял бы ему
Ты, идущий с улыбкою в лето нив, и рек, и холмов – потому*

*Что из тьмы, и забвенья, и тлена Словом я не восстать не мог,
Потому что путей из Вселенной нет – в забвение нет мне
дорог...*

*Вот – всему, что мне после заката, до рассвета что суждено
Было – мне, кто не сдался когда-то – воплощенье в тебе дано,*

*И в устах твоих снова и снова то, чего не убить палачам –
Мое «я» – мое гордое Слово – воскресает из мертвых, звуча.*

Пусть окретинены умело,
Скотины тягловой стада
Бредут, довольные уделом,
Из тьмы «нигде» в тьму «никуда».

И, низкосортной жвачке рады,
Жуя казенное дерьмо,
До бойни, где их ждут награды,
Влачат, покорные, ярмо –

Из одичанья, и забвенья,
И черной бездны слепоты
О, мое Слово, встанешь ты,
Когда мелькнут веков мгновенья,

*Ибо духовной жаждой будет – верно – томим
Тот, кто пройдет однажды по перепутьям моим,*

*По руинам, ушедшим в землю, камням городов чужих –
Остановись, внемли – из косноязычья, и лжи,*

*И дикости нововековья, и молчания Голосов,
И мычанья рабского зов я шлю тебе, грядущему, зов...*

*Где зола и кости, слоями погребенные в глубине,
В минувшего темной яме я – склонись же, внимая мне,*

*И узнай, что счастливыми были бессловесные, канув на дно
Безмолвья в общей могиле – а вот мне, а мне суждено*

*Вечным звучать зовом в сиянии вашего дня,
Не зная – в беспечном, новом, юном мире – поймут меня?*

Октябрь 1975. Сухум.

КОРАБЛИК¹⁹⁰

Из книги ВЕРНОСТЬ

*Книги – корабли времени, странствующие
по волнам времени...*

Ф.Бэкон

Пока в металлах не устали
Плоть обретать добро и зло,
Чудовищные горы стали
Ползут из верфей тяжело.

Протянут ядовитый шлейф
От горизонта... К горизонту –

И обретут последний дрейф
В порту Канала или Понта.

А мне листком дано порхнуть,
Клочком бумажным, в тьму не канув,
Лечь белым пятнышком на грудь
Вздыхающего Океана.

Как парус, уголок страницы
Беспечно натяну¹⁹¹ – и в путь
Без берегов, куда-нибудь
Туда, где звездам вечность снится,

Где нет ни далей, ни времен,
А их слиянье, где не будут
Гранит, базальт или бетон
Достойным памятником чуду

Бессмертия: переживет
Кораблик маленький бумажный
Их – в Океане Снов отважно
Стремящийся вперед, вперед!

Так пусть ржавеют у причалов
Последних горы стали... В путь
По знакам звезд – куда-нибудь,
Где наша вечность – лишь начало!

Октябрь 1975. Сухум.

БАЛЛАДА О БЕЗМОЛВИИ КОРОЛЕВЫ

Из книги ВЕРНОСТЬ

I

Пусть опрокинет статуи война...

Шекспир. Сонет 65.

Если король, все чаще,
Золотой осушая кубок,
Угрюмо кривит губы,
И напрасно обносят молчащих

Яствами, и со взглядом
Взгляд избегает встречи,
Это не значит, что яда
Жертвы уже намечены,

Но, духовника королевы
В ее повстречав покоях,
Рот прикрывай рукою,
О божьем шепча гнев.

Корабли покидают гавани,
Армии – на марше.
Увы! Уже не о славе
Мечтают над картой маршалы.

Ваше Величество! Как же? Когда же?
Гордая королева бледна.
Нить промерцала серебряной пряжи
В золоте – вот и еще – не одна...

Ветер, неси же листву, оголяя
Ветви в лесу – твоим и моим...
Вырезами глубокими щеголяют
Дамы, приседая перед королем.

II

... Мятеж развеет каменщиков труд...
Шекспир. Сонет 55.

О любви поют менестрели
Напрасно. Дерзят напрасно
Шуты – ни слова, ни трели
Муки не тронут ясной,

Застывшей в глазах королевы.
И вот уже в люди черном
Раздают золотые проворно
Оборванцам – направо, налево...

И уже кошунствам таверны
Гогочут – и в тьму ночную
Скачут всадники верные –
Ржут кони их, шпоры чуж.

Впрошают астрологи звезды,
В высь пылливо вперяя взоры,

Спасутся ли Мир и Город,
И слышат их шепот: «Поздно».

Ваше Величество! Как же – корона?
Как же – трезубец? А роза? А меч?
В Тауэр, в Тауэр: вороны трона
Живы? На месте? Веками беречь

Их – и не знать, кто столетий наследник...
Обрушатся башни, и стены падут...
Тьмы Океан поглощает последней
В мире свободы последний редут.

III

*... И неначертанные письма
столетиям бегущим не поют.*

Автор.

Но – если за мессой мессу
Служат в соборе старом,
Из Пограничного Леса
Тюки с тайным товаром

Везут по ночам, и пылают
Береговых утесов
Огни – все же вопросов
Больше куда, чем знают

Ответов на них в столицах
Там – за морями –
Безнадежней все и упрямей
Бессмертие мне снится –

Пусть судьбой непреклонной
Твое проклято чрево,
Твое проклято лоно,
О, моя Королева!

Ваше Величество! Рушатся стены,
Падают башни, горят города...
Будь, Королева, бледна и надменна,
Безмолвною будь, Королева, горда.

В сумраке тонут предков портреты:
Костров книги ждут, мы – тебя, палач –

Раз не звучал во дворце этом
Принца наследного тихий плач.

Ноябрь 1975. Сухум

В зоологическом саду
Однажды пукнул какаду.
Был огорчен директор сада,
И бухгалтерия не рада,
Когда трудящиеся массы
Вернули все билеты в кассы.
И только я, о том узнав,
Считаю: какаду был прав.

Январь 1976

АКВАРИУМ (бред)¹⁹²

Подонкам ни к чему свобода,
Была бы сытная жратва.
Что делать со свободой сброду,
Ворочающему едва
Мозгами? Топчутся ли йеху
Или, покорные, бредут
Туда, где им сулят еду, -
Мозги при этом лишь помеха.

Сны воплотились наяву.
Жует, пуская слюни, стадо
Не безыдейную траву,
А то, что руководству надо,

Над госкормушкой горбы
Согнули. Пусть бурда зловонна,
Не помнят, что земля зеленой
Была, а небо голубым.

Февраль 1973. Сухум.

*говорил Уитмен
это вовсе не так
в этом южные ритмы
[неразборчиво]
у Гулливера
Свифт так жесток
мера за меру
это не мой слог*

*я мечтаю о другом
работа тут не при чем
ну ее совсем
это Станислав Лемм*

*зоокорм для рыб
аквариум мой
снеговой
рыбы меж глыб*

Из цикла **APUD** ¹⁹³

Что было?
А что было
Всего-навсего у меня?
Прижизненная могила,
Общая ночь без дна.
Вонь хлева свиного,
Напыщенность низких
Истин – и снова
Ужас в предсмертном визге
Избранника очередного.
Так было.
Всего и было –
Милосердье судьбы,
Чтобы «это» забыло
Обо мне? Я о нем забыл?
Или хриплым припевам
О счастье всеобщем,
Не вторя в тепле хлева
Там, где уже не ропщем,
Я помню о Дне Гнева?

Март 1976

Из цикла **APUD**

Всем, кому дорога шкура,
Вовсе не бесполезно
Хрипеть – «Да здравствует литература
Имени очередного партсъезда».

Март 1976

Из цикла **ИОВ**
Из книги ВЕРНОСТЬ

|

У подножья престола Предвечного он возник
Вновь – Противоречащий, безымянен и безлик –

И окруженного сонмом Керубов, Могуществ, Сил,
Архангелов – о ничтожнейшем из сущих просил:

«Темна глубина его, всезвездна Твоя высь:
Руку прости Твою, плоти его коснись,

Ибо ответить хулой избранник будет готов,
Некогда вкус познавший запретных твоих плодов».

И о ничтожнейшем от востока солнца Господь
Так ответил тогда: «Кости его, и плоть,

И – все что его – отныне в руке твоей.
Да не коснешься его. Самого касаться не смей».

Кольца Змия неспешны. Эдема листва густа.
Был человек в земле Уц.¹⁹⁴ Был шепот с креста.

Март 1976. Сухум.

Из цикла **ХРАНИТЕЛЬ**
Из книги **ВЕРНОСТЬ**

I
В придорожной таверне
Под пьяный гам голытьбы
Слепец бормотал древний,
Что молод и он был,

И что-то еще, и в похлебку
Корку крошил. Тогда
Расслышал я «тайная тропка»
И «знатные господа».

Путнику на прощанье,
Хозяин, еще вина!
«Господа» – не ново преданье...
«Тропинка»... Куда она?

Искатель, скиталец, нищий
Среди нищих – мог я найти
На мировом пепелище
То, куда нет пути?

Но – под галденье черни
Выживший из ума
Слепой бормотал в харчевне,
Что была не всегда тьма,

И, - что в развалинах замка,
Где властвует страх,
Не все – он упрямо шамкал –
Не все превратилось в прах.

Апрель 1976. Сухум.

VI

1.

Когда испустил последний вдох, обратил лицо
К звездам, последний из Братства – грабители мертвецов

Возникли на поле битвы, торжествуя во тьме
Одичанья. Каждый, кто был благороден и смел,

В ночи беснованья черни умолк или был казнен,
И в рабском хоре исчез самый звук их имен.

2.

Но – в ночи мародеров, разгула отребья – таил
Всегда последний Хранитель – Посвященный – тайну могил,

То, чего не поглотить забвения глубине,
То, что во мраке диком было открыто – мне.

Лохмотьями скрыв шрамы пыток, и я до дна
Отчаяния добрел – где запретные письма.

3.

Так не напрасно – ушедшим верность храня –
В мире равенства – равных по низости – жду дня?

И – не сдаваясь – в руинах бывшего один,
От себя самого скрываю последнюю боль в груди –

Ведь слова Посвященья некому прошептать –
О том, где Ковчег Завета. Заветных стихов тетрадь.

Май 1976. Сухум.

ДИАЛОГ

Из книги ВЕРНОСТЬ

*Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод...*
Ф.Тютчев. Безумие.

Небо покрывает того, у кого нет Урны.
Лукан. Фарсалия, VII, 819

1. Я:
Ну, эпитафии не буду
Ждать – обойдусь и без нее,
И тьма концом не будет чуду:
Мы не соскучимся вдвоем.

Дивись, неведомый прохожий,
Туземной пышности могил,
Но не ищи моей. Я был.
Я сгинул. Не был. Ну и что же?

Печальнее, что некий срок,
Мной – незакопанным покуда –
Отбытый, быть засчитан мог
За жизнь – единственное чудо...

Пусть небо домерцает слабо,
Чтобы когда-нибудь – сейчас –
Сместились вечности масштабы
Во мне, и звездный свет угас;

Пусть некий мрак неистолкуем,
Но так ли он и глух, и слеп,
Раз я, в его положен склеп,
На третий встану день, ликуя,

Что смерти не было, и нет –
Лишь перевернута страница –
И в Книге Вечности вновь снится,
Струясь, мне будет звездный свет.

2. Она:
Еще не высохли чернила,
Не выронил еще пера,

Чиста страница, и могила
Не выкопана – а пора.

Не бесконечна щедрость лона
Всебытия, и то одно,
Что миллионов, миллионов
Всех жизней неосуществленных
Кольцо разъять было дано –

Такая редкая удача!
И за нее благодаря
Судьбу, не трепыхаясь зря,
Без лишней суеты и плача,

И ужасов иди сюда,
Где гнилью так побыть недолго
Тебе придется – ради долга
Стать пустотой. Уж навсегда.

Ладьи рисуй или креста
Знак, вечность – пустота, не боле.
Пуста она, совсем пуста,
Такая в этом простота,
Что пусть – ни гордости, ни боли.

Смерденье, кости, доски, прах –
Мгновенны. Пустоте нет срока.
Должна быть истина добра?
Ты полюби ее жестокой.

3. Я:
Не чудо ли – из миллионов
И миллионов жизней, зря
Всебытием осуществленных,
Ему причастным стать – творя?

О жизнь, ты не была случайной,
Пусть в сумраке земного зла
Стать Словом, Плотью не могла
Стать этого причастья тайна –

Ведь гулу вняв подземных вод,
Я, в гарью дышащей пустыне,
Один, познал – исхода ныне
Поток, увы, не обретет.

Струись, мерцанье звездных далей,
На мертвых городов ущерб,

Чтоб кожу свитков из пещер
Пастух брал для своих сандалий...

Так не дожидаться мне, когда,
На посох опираясь, в диком
Просторе обратившись ликом
Ввысь, прочитает по складам

Он – первый звездочет Халдеи –
Что я в пустыне небеса,
Я, вечными огнями рдея,
Свое бессмертие вписал?

*Между августом и октябрём 1976*¹⁹⁵

*Plebs habitat diversa locis...*¹⁹⁶
P.Ovidius Naso.
Metamorphoses, I, 173

1.
Люд по улицам, по переулкам живет.
На бульварах – кто весом поболе.
Уважает проспекты солидный народ.
А Борис Соломонович Мейлах¹⁹⁷ – так тот
Обитает на Марсовом поле.

Но позорней удела, чем жалкий тупик,
Нет. И в этой трущобе тифлисской,
Скудный жребий кляня, я главою поник,
Понимая, что значит – прописка.

Это фатум. Ананке.¹⁹⁸ И шикзаль.¹⁹⁹ И рок.
Авеню есть, и стриты есть тоже,
И бульвары – почто на тупик ты обрек
Мизерабля – о, как очутиться я мог
В тупике Твоем, Господи Боже?

2.
Титан, прикованный к скале,
Я знаю: гнев Зевеса вечен.
А все ли помнят об орле,
В мою взгрызающемся печень?

В Афинах был я Периклеем,
Брут – в Риме (с Цезарем мы были
На дружеской ноге). А здесь
Я в тупике Джавахишвили.

Да, в тупиках ютится сброд.
Тупик – аппендикс. И о чуде
Не помышляю. Есть лишь вход
В тупик. А выхода – не будет.

3.

Тупик – не Елисейские Поля,
Не площадь Трафальгарская, не Прадо.
Но это, черт возьми, моя земля,
Хоть не скажу, что мне другой не надо.

О Пиккадилли столько говорят,
Но, хоть гулять по ней смогу едва ли, -
Мейерберштрассе или Новый Свят –
Вот где и мы не так давно живали.

Canale Grande! Корсо! Пляс Пигаль!
Унтер ден Линден! Ну и что? Милее,
Чем Иерусалимские Аллеи,
Сиреневых бульваров* тает даль.

Клянись же бородой Фиделя Кастро
И бронзовую лысиной клянись
Античного философа – есть ввысь
Еще дорога: per тупик ad astra.²⁰⁰

*Сиреневый бульвар – адрес А.А.Китлова (примеч. автора)

4.

Чад и галдение. Хмелеет «Метрополь».
Невнятно над столом хвалы бормочет ***²⁰¹
«Столичной». Но мрачнеет тамада: доколь
Ему, привыкшему тянуть вино из рога

В садах Хайама, слышать варварский галдеж
Забывших все, чему варяги их учили?
Мрачнеет тамада и тихо шепчет: «Что ж,
Махну-ка я назад. В тупик Джавахишвили».

Гремит банкетный зал. Всем, верно, невдомек,
Что мне без гурий Юга здесь невыносимо.
Вот из Афин Чухонских слышится: «Ах, Блок...»
Что декларирует так невпопад ***²⁰²

Дрожат фужеры, стол колеблется – приник
К его устоям ***²⁰³, медленно зверея.
Что унесу я в мой безвыходный тупик,
Какую память из страны гипербореев?

И вдруг услышал: «Сэр! Как вода, все вина
Тому, кто пьян мечтою. Не померкнет знак
Таинственных Весов: вещает Зодиак –
Нам суждено испить моей отчизны джина».

И о валлийском помню я теперь Нарциссе,
Где Роза – помню я – и где Чертополох
Цветут... И веточка трилистника в Тбилиси
Со мною – что ж, удел мой далеко неплох!

5.

Пусть не титан – но не пигмей
Я в тупике Джавахишвили!
Проспекты, помню, подлинней
Его, бульвары – шире были

В иных столицах... Мой тупик –
Не поле Марсово, не Форум.
Не море пусть, не снежный пик
В моем окне открыты взорам:

«Дыши, надейся и борись, -
Мне шепчут три листка зеленых, -
Для всех, в Далекое влюбленных,
Из тупика есть выход: Ввысь».

Октябрь 1976²⁰⁴

У ПОДНОЖЬЯ

Поэма-антология
Из книги ВЕРНОСТЬ
(Отрывки)

4.

Нет, недаром во мраке Золотое сияло Руно,
Хотя бы и погрузился мост Помпея* на дно
Забвенья... Пусть наслоили «Тигр»** – то ли Фазис – ил
На городов могилы, на города могил –

Офицер компанейской службы (или службы иной),
Осадив коня под отвесной, синеву заслонившей стеной,
Не рано, но и не поздно – в судьбы неизбежный срок –
Запрокинет голову под крутизной заоблачных строк.

Вспомнишь ли Диодора и арабских географов ты
Сбивчивый шепот, глядя – один – с моей высоты,
Или, на узком карнизе к мертвому камню прильнув,
Измеришь теперь собой бездны моей глубину?

Ноябрь 1976

* Во Мцхета (прим. автора)

** «Есть там город, по названию Зифилис, перед которым протекает река Тигр».

Иосафат Барбаро, Путешествие в Тану, &62. (прим.автора)²⁰⁵

6.

*Оба духа, которые уже изначально, в сновидении
были близнецам подобны
И поныне пребывают во всех мыслях,
словах и делах, суть Добро и Зло.*

Авеста, Ясна, 30.²⁰⁶

Кто избран перед Судным днем, перед лицом конца –
Тобой? Ведь с первых снов они – подобны близнецам,

Ведь в мысли, слове, деле от начала всех времен
До их скончания они... Мной – был огонь зажжен,

И отступает перед ним тот – в одеянье без
Единой искры: звезд узор на мантии небес

Сиял моей пустыне, и – велением судьбы –
Я Слово внял среди руин, и выбор сделан был.

Ты против дэвов нам дано, владыка всех владык,
О Слово! Почестью богов меня венчал язык

Творенья: мир вещей, мир душ ты даровало мне,
Тобою ставшему в земной безмолвной глубине.

Пусть оболочка бренна, пуст веков могильный склеп,
И поглотивший звук шагов мрак нем, и глух, и слеп,

Но из всего, что восстает из тьмы, во тьму спеша,
У Слова лишь – и у меня – бессмертная душа!

Оплот, ограда городов, дробящий их таран,
Угасших «завтра» пепел и нетленные «вчера»,

О Слово – нет тебе конца! И – в глубине земной –
Мне, если Словом стать я смел, а Слово стало мной!
Ноябрь 1976

10.

«На una Terra» – помнишь Барбаро? А может быть,
«Ignobilis» Тацита? Пусть оборвалась, истлела нить
Во тьме лабиринта ушедших в землю веков,
И воскрешать слова умершие нелегко,

Но строка за строкою, из немой глубины
Забвения – косноязычны, невнятны, темны, -
Всплывая, тебе прошепчут на языке Земли,
Что прахом – со мною – стать они не могли,

Что в забытой людьми – но не Богом – стране
Соглядатай Его придти должен был ко мне,
Как бы ни были дали одичания далеки,
Ибо выбранный мной девиз – ни столетия без строки!

Ноябрь 1976

17.

Говорю я, поэт,
Рожденный в рабстве,
Раб ничтожный,
Раб рабов,
Сын раба,

Внук раба,
Потомок царей,
Наследник царей и пророков,
Хранитель Тайного:
Издревле мы избранны,
Издревле провидцы мы,
Волей Ахурамазды²⁰⁷ всевластен я –
Ахурамазда мне дал свободу.

Говорю я, поэт:
Была страна
Мраком объята.
Обманутый ложью
Народ в тьму ввергнут.
Тогда Ахурамазда
Отдал во власть мне
Царей лжи и магов,
Мне открыв их судьбы,
Тщету слов и дел их –
Мне, рожденному в прахе,
Ибо со времен отцов
Пророки – нашего рода.

Говорю я, поэт:
Ты, который
В мире грядущем
Эти строки увидишь –
Мои письма
На полуистлевших
Хрупких страницах –
Не погуби их, но оберегай, пока можешь.
Тогда – прозрением бездн Былого
И Будущего тебя и род твой
Да возвеличит Ахурамазда.

Сентябрь 1976

ВЕК XX

Из цикла ПРОГРЕСС

Из книги ВЕРНОСТЬ

Двадцатый век... Еще бездонней,

Еще страшнее жизни мгла.

(Еще чернее и огромней

Тень Люциферова крыла).

А.Блок. Возмездие.

5.

Не схожа с нашею нимало,

Но так злобна и так тупа,

Какою буйною бывала

Ее ослейшество – толпа, –

Круша узор ограды тонкой!

Да! Было на века вперед

Веков наследие – подонкам

В угоду – пущено в расход...

Что ж прить былая позабыта

Меж стен железных? Осмелев,

Вновь миллионы на копытах

Погонят – если б в старый хлев!

Жуй, что дают, скот бессловесный,

И жди – другие за тобой

К блаженствам побредут небесным

Стада земные. На убой.

Декабрь 1976. Сухум

ВЕК XVII

Из цикла ПРОГРЕСС

Из книги ВЕРНОСТЬ

2.

Хвала Творцу (не Сатане ли?) –

Наш близок Иерусалим!

Мы в рай потерянный посмели

Путь проложить мечом своим.

И – выношен Эдем, и что же
Дар палача, в конце концов? –
Помазанник – теперь не Божий,
А только сквайров и купцов.

Верь истине железнобокой,
Что рядом – эшафот и трон,
Чтобы паломники далекой
Дорогой в новый Вавилон

Вернулись, где шепнет, объята
Недолгим сумраком Земля,
Что высший суд – не короля,
А неба Звездная Палата.

Декабрь 1976

ВЕК XVI

Из цикла ПРОГРЕСС
Из книги ВЕРНОСТЬ

1.
Из государства гнать поэтов
Платон советовал... Ну что ж:
Не в той утопии, так в этой
Ты утешенье обретешь.

У Мора, помнится, не смели
Отнюдь счастливыцы уезжать...
Пожизненную – с колыбели –
Узнал Абраксу,²⁰⁸ так сказать?

Баландой общей – дохлебать бы –
Обносят, равно всех любя...
Утопия! Вот бы до свадьбы
Увидеть голою – тебя!

Пусть подчинения законам
Покорны и круги планет –
Блаженствам стадным неуклонно
Обречены мы или нет?

Январь 1977

Из цикла **CUMAEA**
Из цикла LUMEN CORDIS

9.
Когда-то и пророки, и поэты
Вещали, что в грядущей тьме – ни зги,
Что бойня приближается: могил
Их не найти... Что ужасы люнетов

Твоих – нововековье превзошло
Все, и свобода больше не в подполье –
В земле промерзлой, чтобы стоны боли
Предсмертной смолкли. Торжествуя, зло

Тупое все пограло, что веками
Тянулось робко к свету и добру.
Я произнес «свобода» – и не труп?
Я вырастил травинку: я – не камень?

Октябрь 1977. Sevast.

*** 209

*О, любить идеально, трагически – это ты
друг мой, умеешь, конечно, как нельзя
лучше, не сомневаюсь, что да, то да.
Теперь ты научись любить еще и
обыкновенно, по-человечески.*

Г.Гессе. Степной волк.

Она любить другого рождена –
Твердит мне лет минувших череда.
Но пусть, не зная, как стара стена,
Зеленый плющ прильнет к ней навсегда.

Рассыпаться и грудю камней,
Что высилось, – все стать обречено.
Руины скрыв, как прежде зеленой
На них, и как бы ни было темно

В подземного забвенья глубине,
Твои побеги к свету надо мной
Тянуться будут: все отрадней мне
Растить их будет с каждою весной.

Я был рожден тебя любить – и как
Мне помешать посмеет смерти мрак?

Декабрь 1977

ПЬЕСА ДЛЯ ТРОИХ

Бессильной мукой импотентов
В молчанье гордом исходя,
Со сцены без аплодисментов
Отцы уходят. И дядья.

В двадцатом веке счастье ль, горе
Любой сыграет вам шутя,
И не нуждается в суфлере
Половозрелое дитя.

Тверди свой монолог – похоже
Любой, чье имя – легион –
Статист ли, зритель – пусть прохожий –
Прихватит – был бы молод он –

Все, чем ты жил – растя, лелея,
Уча годами роль Добра...
Другое амплуа милее
Ей будет – лишь придет пора.

Что предынфарктная тоска
Слиянью юному – сердец
И прочего?.. Итак – пока.
Пошел я. Занавес. Конеч.

Март 1978. Sevastop.

НЕ СУЖДЕНО

*... и тьма так пустынна...
«Изольда», 1948²¹⁰*

Как тридцать лет назад, бреду
Из ниоткуда в никуда.
В каком аду, каком бреду
Мелькнули судьбы и года?

Шаги во мраке, как тогда –
Вчера. И тридцать лет назад.
Какой же бред, какой же ад –
Пути, и судьбы, и года...

Звезда летящая, лети,
Чтобы угаснуть навсегда,
Раз не было во тьме пути
К ней – так и не шепнувшей «да»,

Раз к ней не суждено прийти,
И нет из тьмы дорог назад,
И только бред, и только ад –
Года, и судьбы, и пути.

Апрель 1978

НАД ВРЕМЕНЕМ

Из цикла DRAMATIS PERSONAE.²¹¹

I
Туземный город. Обезьяний гам
Набившихся в машины недоумков.
Не движутся планеты по кругам
Своим, забыв вселенскую задумку.

Гарь до небес, гудки, и гвалт, и смрад.
Божественное выполнив задание,
По закоулкам поползем назад
Остановившегося мироздания.

И выяснив, как роль важна труда
В процессе превращения в потомков,
Запрет тюрьмы всеобщей навсегда
Все выходы и загалдим в потемках.

Запрись и ты, и навсегда уйди
В последнее трущобное подполье,
Поверив до конца, что впереди
Ни радости тебе, ни даже боли.

Глоток вина. Рядов предсмертных книг
Бесстрастно замогильные беседы,
Антигалактик ненадолго стык,
Но – музыки немного напоследок:

О том, что в холку дикого быка
Вцепившаяся, все плывет Европа
В пустыне вод всемирного потопа –
Темнеющем просторе – на закат.

Июль 1978

Из книги **ARS MORIENDI**

29

Судьба, какими далями ты шла,
И сколько поколений – и ни разу
Не усомнилась, что сгорят дотла
Все звезды Улугбека над Ширазом.

Провеял роз Маранда аромат
Над мертвыми следами караванов.
Что нам уже не повернуть назад,
Судьба моя, так вспомнить было странно...

И кажется, что вечным был мой плен
Служением той – нежной и жестокой,
В чьих родинках узор запечатлен²¹²
Заклятий вязью тайного Востока.

Как беспощадно одарен судьбой
Я этой мукой счастья быть с тобой!

Июль 1978

ДА БУДЕТ (терцины)

Из книги ВЕРНОСТЬ

I

В конце дороги подведя итог
Скитаниям, прозреньям и утратам,
Хранитель тайн последних, вызвать смог

Я тень того, кто мною был когда-то,
И, следуя за ним из круга в круг
В глубины мрака по бесплодным скатам,

Ступить посмел на сумеречный луг,
Чьи бледные цветы забвенья были
Знакомы так давно – и вспомнил вдруг

Себя – ребенком, заживо в могиле
Всеобщей погребенном. Пусть убог
Был жребий – вопреки мертвящей силе

Мне звездный свет сиял в конце дорог.

Май 1979

II

Нет, не признался я в своей вине
Быть глухо-, немо- и слепорожденным.
Мир звуков, слов и красок звал во сне

Ввысь, и теней беззвучных миллионы
Оставив за собой, я миновал
Пустыни мрака, восхождений склоны.

Так долго Океан за валом вал
Вдаль уносил, и за годами – годы...
Всплывали, гасли тайные слова

Непостижимой книги небосвода.
Но было, наконец, дано и мне
Там, где не знали имени Свободы

Внять знакам звезд, горящим в вышине.

Май 1979. Sev.

III

Земное уходило в сумрак дно,
Чтобы за высью, пламенем объятай,
В полнеба диск Селены был – не сном.

Но пусть скрижаль Гермесова когда-то
Сулила небо неземной любви –
Сияй мне, Солнце мудрости крылатой!

Планета пусть зловещая в крови –
В обители Отца Богов я, рея;
Теперь, Сатурн, посмей, останови

Полет! Молчанья звездного мудрее
Стремленье Перводвигателя – но
Да будет в Книгу Книг из эмпирея

Себя огнями звезд вписать дано!

Август 1979

Это утро, горечь эта,
Этот дымный день без света,
Этот мутный свод,
Этот грохот, лязг и скрежет,
Этот вой моторов – где же
Тихий говор вод?

Если тьма – без просветленья,
Безответен вздох смиренья,
Если ночь – без сна,
Но один во мгле постели
Продерешь глаза ты еле,
Это – не весна.

1979

Хотел бы я быть девой
С гибким станом и томным взором,
Как у вашей праматери – Евы,
А впрочем, плодами Древа
Угощайся ты на здоровье:
Лев я. Мне фруктов не надо.
Мне – бифштекс. Из Евы... с кровью...

Январь 1979

Смотрю, смотрю, считая дни,
Часы, минуты – к славе вящей
Тьмы неизбежной. Что ж, вини
Судьбу: все вечно. Преходяще.

Бессмертно. И мгновенно. Что ж, -
Смотреть! Запечатлеть навеки
В себе твой взгляд, ресницы, веки...
Не изреченное – не ложь,

И – Слова не было: в начале –
Сиянье глаз, стыдливость век...
И вечности всезвездный век
Не утолит моей печали.

.....
.....
.....

Ноябрь 1986²¹³

Ф.П.

Что ни понтийских гор, ни снега скифий,
Ни вечного скончания времен,
Что сбыться может все, - был убежден
Я твоим гордым профилем Юдифи.

Всего в избытке было – и вина,
И спешки в темноту из тьмы – и, верно,
Так длилось бы, но участь Олоферна
Была со дней творенья суждена

Мне, смевшему не верить неба знакам,
Вещающим, что ты всегда права.
Ну что ж, бери ее – вот голова...
Забыть урок Писания, однако...

Но погоди – дай дописать мне это
Последнее двестишестое сонета.

1984

Из цикла **СОНЕТЫ С ПОНТА**

5

Чужих созвездий небо – не к добру,
Угрюм прибоя гул. О берег дикий!
Во тьму твою несбывшиеся лики
Отступят – и в изгнании умру.

Но вновь зову я кроткую сестру
Мою – печаль. И властны ли владыки
Всех варварских пределов над великим –
Тем, что дошепчет мне она к утру?

Пусть новая заря, кроваво рдея,
Поведает векам, страна – Медея,
Детоубийца, о последнем дне

Проклятья твоего: да, я один, но –
Не будут стоны песни лебединой
Погребены в беззвучной глубине.

Апрель 1985

NEVERMORE

Казавшегося бесконечным детства
Я миновал неведенье едва,
Как предъявило на меня права
Отчаяния давнего наследство.

Земного «рая» глад, и меч, и мор,
И что присниться не могло былому...
Так чьей души обязан я надлому,
Донесшимся из мрака «Nevermore»?

Нет. Беспощадней встреч или разлук,
Неведомых уделу моему,
Мольба так и не встретившихся рук,
Из темноты протянутых – во тьму.

А за рефрен – благодарю все чаще
Перед концом путей во мне звучащий.

Июнь 1984

I
Благословенно
Ненастье осеннее:
Город безлюден.

II
Ночь поглощает
Мир визгливых ублюдков.
Ликую: один!

III
Звездная мудрость
Безмолвия вечного – лишь до рассвета.

Февраль 1984

Как хорошо, в жилетку друга
Уткнувшись, плакать в три ручья
О том, что жизнь уже ничья,
А образ Пресвятой поруган,

И бормотать, не замечая,
Как заплетается язык,
Что этот хмель – как все – нечаян,
А мир к случайному – привык,

Раз горечи высокопарной
Не менее обязан он,
Чем всем, лежащимся попарно,
Что он покуда населен.

Покачивайтесь мерно, стены,
Стань поднебесьем потолок...
Позор похмелья далек,
И мы – избранники вселенной.

Чем отвратительнее суть
Полуказарменного быта,
Тем больше водки. В добрый путь.
Налито. Выпито. Налито.

Так хорошо невнятно, пылко
Витийствовать... Жизнь – ик! - ничья...
Так сладко плакать в три ручья,
Пока есть кое-что в бутылках!

Апрель 1983

Из цикла **DRAMATIS PERSONAE**

*У «Зазеркалья» была уже другая Алиса.
Джон Падни. «Льюис Кэрролл и его мир».*

Тусклее солнце с каждою весною,
Дни холоднее, сумрачнее дали...
Но в мире этом – ты, кто не со мною,
Которой боги мне не даровали.

А там – не вспыхнет высь в созвездьях новых,
Там ветра с моря не вдохну всей грудью.
Ведь в Зазеркалье бытия иного,
Другой Алисы у меня не будет.

Апрель 1983. Ставрополь

Алисы Кэрролловой профиль
И пажа бархатный наряд...
Но затаил прозрачный взгляд
Тоску немую по Голгофе.

Она с тобой, она в тебе –
Всевиденья, всезнанья пытка,
И нить давно уже не нитка.
И вся уже сродни судьбе.

В мирах непостижимых комнат,
Где остановлен бег минут
И время – вечность, и на суд
Последний Вещи нас зовут
И все минует, ибо тут
Слова не сказанные – помнят.

Благодарю тебя за нить
Из лабиринта – в Зазеркалье
Миров, за то, что твою даль я
Познал как «быть или не быть».

Июль 1985

«Благословенны – час, день, лето...»
Благословен вечерний свет.
Как можно было жить без света?
Как – если света больше нет?

Палило солнце, молний блеском
Когда-то вспыхивала тьма.
Был щедростью их королевской
Я ослеплен, сведен с ума, -

Но, хоть и не в потемках прожит
Был век – все суета сует,
Что гаснет. И всего дороже
Последний, предзакатный свет.

Июль 1985

АВТОЭПИГРАММА

Он брюсовед и сонетолог,
Эпикурец и эстет,²¹⁴
Но как опасен путь и долог
В его дворовый туалет!

Ноябрь 1985

ЭПИГРАММЫ 1985 года

Гаспаров²¹⁵ сделан, видно из такого теста,
Что нет в издательстве «Наука» больше места.

О, эрудиция Гиголова —²¹⁶
Горыныча многоголового!

Светлана²¹⁷ назвала божественным Вадима,²¹⁸
Не зная: есть на свете Тухарели Дима.²¹⁹

Суровый Дант не презирал сонета.
Платить по счету буду я за это.

Что нового на книжной базе Сыктывкара?
Не знаете? Тогда спросите у Нодара.²²⁰

Хотя Вергилием водим
Я не был, дорогой Вадим,
По девяти кругам Inferno,
Где так во тьме кромешной скверно,
Но было одолеть пути
Дано к сонета звездным сферам,
И этот сборник увести
Из-под хвоста у Люцифера.

Декабрь 1985

Твердим, к небытию спеша,
Что «все равно...»
А все – равно?
Прости, родная мне душа,
За что прощенья не дано.

Май 1986

Бледная дева со взором горящим,
Ты не прими от меня три завета:
Первому внемли: живи настоящим.
Пекло грядущего – участь поэтов.

Май 1986

О, почему, любимая, родная,
Одной души две половины, мы
Блуждали столько лет в просторах тьмы,
Самих себя в другом – в себе – не зная?

26 октября 1986. Ереван. Кабинет ректора. 12.00

ТЕБЕ, ЗНАЮЩЕЙ СОНЕТ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ О СТАРОСТИ В ПЬЕСЕ «ФЕНИКС»

*Мы будем пить из одного стакана,
Как муж с женою – да? Рука в руке!!.*

*О дьяволово измышление – старость!
Марина Цветаева. «Феникс».*

Грозит ее проклятье всем. Но полон
Мой кубок, и в руке не дрогнет меч,
А губы мне любви словами жечь,
А не молитвы шепотом бесполом.

Органном громом, арфою Эола
И сфер небесных музыкою речь
Той, кто судьба моя, над бредом встреч
Звучащая божественным глаголом!

Скажи мне «ты»! Из одного бокала,
Как муж с женою, пили мы так мало –
Рука в руке! Финал всему венец,

На старости еще не вижу знака –
Когда кольцо мне бросить в Море Мрака,
С немою обручаясь наконец.

Ноябрь 1986

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ИОАННА СЕКУНДА «ПОЦЕЛУИ»²²¹

Друг мой (далекий, увы), посылаю тебе поцелуи
(Иоанна Секунда, увы). Не забывай же меня.

Ноябрь 1986

Из цикла **20**

*Но почему во мне печаль и скорбь?
О.Б. «Гранат».*

Рожденный на Земле не виноват,
Что обречен идти путями праха.
Неотвратимо все: единым взмахом
Круженья звезд не повернуть назад.

И беспощаден суд имен и дат:²²²
У каждого пожизненная плаха –
Душа... Следы неизгладимы краха
Ее – греха стигматы говорят.

Но разожмет ладони – не граната
Сок: это – кровь! Тот, с кем ты сораспята,
К тебе так долго шел издалика,

Из края, где ни святости, ни блуда,
О чем прошепчет каждая строка
Поэзии. Единственного чуда.

5 января 1987

Из цикла 20

Кошунственно? Но твоя власть
Любой не стоит ли обедни,
Таинственный наш собеседник,
Кто нечто большее, чем страсть?

Пусть суждено кому-то всласть
Испить земных соблазнов бредни,
Но лишь Тебе мой вздох последний –
Взлететь не суждено иль пасть.

Расторгни круг смертей, зачатий,
И с Книги Жизни все печати
Снимаются! И мы – втроем,

И вечности равно мгновенье,
Когда на нас двоих – Твое,
Поэзия, благословенье!

17 января 1987

ГЛОТОК СИНЕВЫ

Из цикла 20

Судьбы непрост изысканный подарок:
Недаром беспощадною всегда
Была она – все долгие года,
Пока надежды догорал огарок.

Поверить ли, что свет быть может ярок,
А жизнь живую гордостью горда,
Хоть все и отправляет в Никуда
Неотвратимый жест одной из Парок?²²³

Сиянье глаз твоих и нежность рук,
И синева, распахнутая вдруг
Пресуществлением твоей – той самой – строчки –

Быть этого не может. Все есть сон.
И вновь нащупать стены одиночки
Во тьме своей я буду обречен.

3 февраля 1987

Из цикла 20

Бормочет весна –
В который-то раз? –
Про зеленое и голубое.
О стихах – своих – твердит и она,
О своих стихах, а не о нас,
Не о нас. Ну и Бог с тобою.

Нет: с нами обоими Бог,
Раз ни людей, ни улицы...
Господи! Все сделал, что мог,
Ты: и вечер, и я, и она.
Чем же ознаменуется
Эта – двадцать седьмая – весна?
Знаю, знаю: «До самой смерти
Буду я в него влюблена»...
Вечер. Ты. Я. И в конверте
Мятом – письмо: не в голубых
Тонах оно, и не розовых.
Не о «если бы да кабы» -
О недостойном моей судьбы
Пути, и о многих путях – любых
Иных. Не в стихах. В прозе.

Знаю, знаю: «Буду любить
До могильной ямы» кого-то...
Что ж. Остатки рассудка собрав,-
Рвать к чертовой матери нить
Последнюю – хоть неохота,
Раз уж последняя? Но – пора,
О наказуемости добра
Помня. Хоть и не сотая

Эта весна, я не в первый раз
Сыт по горло судьбы заботою:
«До могильной ямы...»
Который час?
Мне пора.
А ты – хоть до самой.

Июль 1987

Из цикла 20

*Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.*

Тютчев.

Когда из подворотни тянут руку,
О милостыне – не любви – моля, -
Пройди. Спокойно обреки на муку
Его: кому-то голод. Кораблям
Большим – большое плаванье. Поэтам –
Стихи. И разговоры о стихах.
А что? Незрячим не хватает света?
Еще чего? Осенней грусти – лета,
И музыки глухим? На парусах
Плыви надежды – от страниц к страницам
В просторы поэтических морей...
Что – молодости не вовеки длиться?
А – нищий? Отвернись. Пройди скорей.

Июль 1987

Из цикла 20

Я благодарен моей судьбе,
Что птицей рожден бескрылой,
Что судьба меня – сущего во гробе –
Бессмертием не одарила.

За безвозвратное благодарю
И стужу в разгаре лета,
И розовеющую зарю
Я, ослепший перед рассветом.

Но – не довольно ли о судьбе?
«Спасибо этому дому»...
Тебе благодарность моя, тебе –
За признание в любви. К другому.

Июль 1987

Из цикла 20

Не посвящаю никому

Возраст мой – та же камера смертника:
С Новым Годом! Став на колени, я
Молю тебя, своего собеседника,
Привести приговор в исполнение.

И все медлю. И медлю. И, снова
Умолкнув напрягаюсь в надежде
Вновь услышать ее. Ее слово –
То, что жизнь мне дарила прежде.

31 декабря 1987

ТЕАТР

Льву Кропивницкому посвящаю²²⁴

Самим собой, самим собой
На сцене в реплике любой
К себе все беспощадней, строже,
Не как статисты осторожен,
Будь, кто во мраке – не слепой
И в жесте немоты – глас Божий!

Свистки и ропот... Что за рожи!
Но раз уж в пьесе на убой
Погонят всех нас – то, быть может,
Благословенна тьма? Так что же –
Наш хеппи энд не за горой?

Вдохнешь умильно дух острожий –
То бишь театра – и судьбой
В могилу братскую ничтоже
Сумняшесь – и ты уложен
Со всеми будешь... Нет! На бой!

Безумствуют партер и ложи,
И ты – один перед толпой,
Один: тебе не быть негоже
Самим собой. Самим собой.

19 января 1988²²⁵

Из цикла 20

Уходит жизнь по каплям – день за днем,
За часом час, мгновенье за мгновеньем.
Следы всезнающего утомленья
Скользят и в детском облике твоём.

А жатва далека, дом не построен,
Под сердцем сладко не толкнется плод.
С кем ты одна? Не ставшее уйдет
Навеки, если не прошепчем двое –

Мы – кровью оскопленного Урана
Обрызганной и пеною морской
Омытой: «Пресвятая! Будь тоской
О недоступном плотскому. Осанна!»

Что знают о любви те, чей удел –
Не душ слиянье – сочетание тел?

16 февраля 1988

Из цикла 20

Кто возрастом своим приговорен
К уделу мертвеца еще при жизни,
Познал, как сей абсурд безукоризнен
Средь изощренных пыток всех времен.

Но дьявол одолел – и я влюблен,
И кровь на эшафот не скоро брызнет.
Вся гамма – от издевки к укоризне –
Вокруг. Таить, словно постыдный сон,

Не в силах. Запинаюсь и немею,
Но к близости с любимой моею
Бреду меж слов – кладбищенских ли плит,

А голосок – такой родной и милый –
С участливостью нежной не велит
Вставать мне из прижизненной могилы.

21 февраля 1988

«ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ – ОДНО»²²⁶

Любя, не быть любимою – да будет
Знай, и твоим когда-нибудь удел.
Не злобствую, но в масок черед
Судьбе привычны и личины судий.

Все кончатся пиры – и вот на блюде
Твоим объедки и окурки. Где
Вино богов? Приметы все к беде,
Что не вещают о бессмертья чуде.

А в чем оно? Истлеет все в гробу,
Что не любовь! Благодарю судьбу
За дар ее причастия святого.

Не знаешь перед ней своей вины?
Так жизни плоть и кровь тобою в Слово
Не будут никогда претворены.

25 февраля 1988

Слиянье душ? Союз сердец?
Сентиментальный хлам не в моде.
А юн безмозглый жеребец –
К употреблению пригоден.

Пусть право выбора дано
Им, опоздавшим полюбить, -
Не все ль равно, не все ль равно,
Кто перережет жизни нить?!

Нет! Лучшие – кто помоложе:
У молодых тверда рука.
Спешить убийцу выбрать? Что же,
Развязочка недалека.

Живою жертва не уйдет!
И, палачи, мы возликуем:
Кто смехом, кто словцом убьет,
А кто дочерним поцелуем.

Март 1988

Посвящается Т.Кошемчук²²⁷

«С любовью... нежностью» Да это
Приснилось мне в конце письма,
Там, где обычные весьма
Слова прощального привета?

И ночь, дыханьем не согрета
Живым, в беспамятстве нема,
Чтобы не воссияла тьма
Последнею строкой сонета.

Нет! Под созвездьями столетий,
Таилось в меркнувшем их свете
Обетованное на дне

Отчаяния, чтобы снова
Во мраке зазвучало Слово,
Даря любовь и нежность мне.

Май 1988

Из письма к С.Титаренко.

Рече Господь: «Да будет Свет!»
И в мире воссиял сонет.
Уже не ждал во тьме я света.
И – тает мрак.
- Ты кто?
- Я – Света.

Май 1988

SONETTO DI RISPOSTA²²⁸

В.С.Баевскому²²⁹

Бессмертна мысль – пусть бренно тело.
А тот, кто родом из Афин,
В глубины духа, как дельфин,
Нырнет без Ариона смело.

Нет, «гимнов прежних» не допела
Судьба! Король ты и дофин –
Сонет! Мне – воск, не парафин,
Чтобы свеча еще горела.

Сонетом di proposta в бой
Зови меня, собрат любой:
На что же почта – то есть posta,

Сейчас... Вот я. Вот карандаш.
Будь третьим, Боже! Здесь не аш
Два о... Risposta? Это просто.

Январь 1989

Из цикла СВЕТ

Петрарка, CXXXIV

Благословенны час, и день, и лето,
Когда я, Книгу Бытия раскрыв,
Познал: мерцают звездные миры
Таинственной гармонии сонета.

Но были откровения Завета
В непостижимой сути не добры,
Неразличимы знаки до поры,
Пока во мраке не воззвал я: «Света!»

Благословенны лето, день и час,
Когда он засиял – и не угас –
Невидимый другим – о нет, не гасни

Во мне веков вовеки, пусть далек,
Чтобы с тобою все, что слов прекрасней,
Мы прочитать могли бы между строк.
6 марта 1989

МОИМ СОНЕТНЫМ ГРАЦИЯМ СВЕТЛАНЕ, ТАТЬЯНЕ, ГАЛИНЕ ²³⁰

1. Ода на дарение Светлане автором «Диалектики канонов
сонета» духов, «Каноно» именуемых.

Вам дарены духи «Сонет» во время оно?*

Забудьте – ибо нет сонета без канона.

*Фризманом (примечание автора). Фризман Леонид Генрихович (р.1932) – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором мировой литературы Харьковского государственного педагогического университета им. Г. С. Сковороды. - Н.З.

2. Суровый Дант не презирал сонета.
Но сонетолог все ж не он, а Света.

3. Нет выше ничего святых стихов Корана.
«Но как читают их? Не часто и не рьяно».
Ты прав, Омар Хайам! На черта мне Коран,
Раз я могу читать, что пишет мне Татьяна.

4. По Буало, «Сонет поэмы стоит длинной».
Он прав. Но что сонет в сравнении с Галиной?

5. Три грации прекрасны у сонета.
Ох, и влетит мне от жены за это!

Апрель 1989

РУССКОЙ ПОЭТЕССЕ АЛЕКСАНДРЕ ТУЛУНОВОЙ-КОЖЕВНИКОВОЙ В АНГЛИЮ

Сам Альбион туманный не далек
(Сон, явь ли: князь Волконский да Набоков...),
когда души родной – и одинокой –
читаю очертанья между строк.

В каких просторах беспощадный рок
Ни разметал бы нас, - не зная сроков
Земных, границ и далей, издалека
Нежданный замерцал мне огонек.

Господня воля, будь благословенна:
Ведь звездочка, одна во всей вселенной.
«От мира к миру» все ж послала весть,

И пусть в строке Писания не новой
«Ни эллина, ни иудея несть», -
А все ж у Бога русское есть Слово!

Сентябрь 1990

Из цикла **СВЕТ**

Из пены моря ли, узора кружев
Былых легенд – извечным рождена
Отчаянием, снилась мне она,
Сужденная если не мне – кому же?

Несбыточное неизбежно... Хуже
Всего, что в этом – лишь моя вина,
О моя леди, и уже не сна –
Сонетов! А еще – сибиркой стужи.

До встречи! Гул крушенья мира, ад
Гражданств, границ, виз, паспортов, блокад
На рухнувшей империи обломках...

Лед тронулся... Плыву, цепляюсь я,
Скольжу, ползя – крошится его кромка...
Итак – до встречи, леди снов моя.

3 января 1992

Из цикла **СОНЕТЫ С ПОНТА**

*Велено жить мне в дикарской стране
на западном Понте.
Овидий, Скорбные элегии, I, 2, 83*

*Всюду чужая речь, звериные дикие звуки.
Овидий, Скорбные элегии, V, 12, 50*

Давно часы лишь половину бьют
Того, чему не быть, и ночь-старуха
Бормочет, что постель мне будет пухом,
Пока не обрету иной приют.

Один. И путь из темной бездны крут,
Беззвучен шепот веющего Духа.
До чуткого Глагол коснется слуха
Или рассвета голоса спасут?

Нет. Давят, душат звуки чуждой речи –
Орды дикарской утренний привет...
Что взлет мне снится, а исхода нет,

Что этот берег ссылки моей вечен,
Да «не напоминают мне оне»:

Ввысь! – в ставшем явью, воплощенном сне!

Февраль 1993

Нам задано писать сонет об Одиссее...
Что за комиссия! Ведь тема – не моя!
Мне этот древний тип до лампочки, хоть я
Герасимова с Хангуляном не глупее.

Но ситуаций нет безвыходных. Отсеем
Отвергнутых сюжетов уйму, и в края
Ахейской древности плыви, моя ладья,
Хоть помню гавани античные не все я.

Итак, воспой, о Муза... Нет, постой! Назад!
Ведь нужно соблюдать каноны, говорят,
И с диалектикой сонетною нам надо

Сдружиться... В общем, выход подсказал Гомер:
Из этой студии уйти я буду рада
В кружок вязанья: Пенелопа мне пример.

Март 1994²³¹

В стране Айэта из вселенной всей –
К рождению приговорили боги
Меня. За что удел мне столь убогий,
Скажи, о многоумный Одиссей!

Драконьи зубы сей или не сей,
Сестрой царя* в стада скотов безрогих
Обращены, мы с хрюканьем в итоге
Дождемся бойни – ясного ясней.

Так верить ли, что ты, плывя к Итаке,
Нас не минуешь? В безысходном мраке
Услышим ли твой зов: «Свободен путь

Из тьмы безумья – или вы избрали
Судьбою одичанье? Не пора ли
Вам облик человеческий вернуть?»

Март 1994

*Сестра царя Айэта – Цирцея (примечание автора).

Ты памятник себе воздвиг нерукотворный,
И нам даруя избавленье от оков
Сознанья рабского, главою непокорной
Вознесся выше ты всех царственных столпов.

И вечно будешь тем ты дорог всем народам,
Что чувства добрые в нас лирой пробуждал,
На все столетия прославивший Свободу,
В наш жесточайший век ее нам даровал.

Была послушна Муза Божьему веленью:
Твоим глаголом зажжены сердца,
ПОЭТ! Тебе – венец, а клевете – забвенью:
Не вспомним имени глупца.

1994

Записано в альбом Дома-музея Смирновой-Россет (приписка автора). ²³²

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1943-1972

ЗАПИСКИ БИБЛИОФИЛА

Уже после кончины Константина Сергеевича Герасимова, в самолете по дороге в Москву, я одолжил у попутчика книжку, где в глаза мне бросился юмористический рассказ о двух немолодых мужчинах, чуть не подравшихся в советской очереди за очередным дефицитом. Один из них заорал: «Не жми на портфель, там у меня «Требник» Шталя!»

- Что? «Домашний и церковный требник Шталя»? Издание Рейснера? Первая книга на эстонском языке?! 1637 год?!

- Да-а!

- Господи! А у меня тут... тоже не память бы... руководство Прейслера.

- Что?! У вас есть «Основательные правила, или краткое руководство к рисовальному искусству» Прейслера?! Издание 1734 года?

- Да-а!

- Кто крайний? – раздался сзади зычный голос.

- Господи, какая ерунда... Какая разница. Наконец-то нашелся человек, который не несет чепухи, а говорит о деле действительно важном. Скажите, у вас нет никаких ниточек, ведущих к «Описанию Камчатки» Крашенинникова 1755 года? ...

Я цитирую по памяти, не упомяну и имени автора этого чудного опуса под рубрикой «юмор для избранных». Но убежден – одним из его персонажей мог бы стать Константин Сергеевич.

«Говорят, после смерти у человека кончается биография и начинается судьба. В Париже, в госпитале, умер Булат Окуджава. От гриппозной инфекции, - гласило медицинское заключение. От одиночества, - сказала его жена Ольга», - такими словами начал очерк «Памяти Булата Окуджавы» Эдуард Елигулашвили.

- Костя умер от горя. Не мог смириться с тем, что закрыты пути на конференции, что незачем, да и не на что, принимать коллег и друзей в Грузии, - сказал на поминках старшего друга Нодар Леванович Поракишвили, заместитель декана, бывший нам, тогдашним студентам-филологам, по его собственному признанию, «папой, мамой и пожарной командой».

А ведь в свое время Булат Шалвович и Константин Сергеевич

слушали в ТГУ одни курсы лекций и даже сидели за одной партой. В частности, курс истории русского языка славившейся смолоду отсутствием всякого милосердия к студентам преподавательницы Элеоноры Львовны Кремер.

Понимая безнадежность попыток изучить в удовлетворительной для Кремер степени все хитросплетения палатализаций и плюсквамперфектов, юный Булат прошептал на ухо товарищу: «Я чувствую, как у меня из кармана вытаскивают стипендию». «Ваша стипендия находится в ваших руках», – с плотоядной улыбкой ответила Элеонора Львовна, отвлекшись на мгновение от испещренной парадигмами доски.

Записные книжки К.С. Герасимова – это уникальный драгоценный сплав набросков замыслов и впечатлений, тонких и метких ремарок и замечательных по глубине и лаконичности примечаний. Все это вкупе с пометками, приоткрывающими личные пристрастия и антипатии профессора, так и хочется назвать «романом в комментариях». Если бы... подобный жанр уже не был бы создан, правда, не на документальном, а на художественном уровне. Кем? Возможно, пальма первенства принадлежит современному шведскому писателю Петеру Корнелю, сумевшему заинтересовать просвещенный мир своим произведением «Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи».

Критики в своих отзывах на роман «Пути к раю» отмечают, что для этого произведения Петер Корнель выбрал очень оригинальную форму, а именно – комментарии к роману, текст которого отсутствует. Умберто Эко называл подобный подход открытой литературой. То есть, литературой, не имеющей фиксированного сюжета, где читателю самому надлежит напрячь фантазию и выступить соавтором.

Темы, которые затрагиваются в подобной, получившей в науке определение интерактивной, нелинейной, литературе, пестрят многообразием. В нашем случае мы, рискуя быть неоднократно дополненными, позволим себе все же контурно очертить круг интересов автора десяти «Books»: история и теория литературы, этика и эстетика, философия искусства и философия как таковая, архитектура, музыка, изобразительное искусство, религия, психология творчества и социальная психология... И даже спорт, хотя активным спортсменом, насколько мне известно, Константин Сергеевич никогда не был.

Что же касается футбола, он являлся горячим поклонником англо-саксонского стиля и с желчной иронией отзывался о

«фокусниках-южноамериканцах». Вскользь отметим удивительную деталь: в заметках нами не найдено ни единого слова о «Мастере и Маргарите» Булгакова, который Константин Сергеевич называл «лучшим романом двадцатого века». Нет цельных упоминаний о Грузии, ее литературе и культуре, о Тбилиси, в котором он жил и творил, а также о котах, которых он не просто горячо любил, но чуть ли не фетишизировал...

И – окутанная глубокой тайной личная жизнь. О ней в записках упоминается лишь в гомеопатических дозах, вскользь обозначенных фактами биографии... Сколько в них огромных белых пятен, и кто теперь их заполнит?

Вот все, что удалось «выловить» в процессе расшифровки более тысячи аккуратно пронумерованных заметок:

«Май 1952 – 1957 брак и раб[ота] в школе
1957 – фев[раль] 1961 ГПИ Расцвет
фев[раль] 1961 – раб[ота] ГПИ – диссер[тация] – унив[ерситет]
План к 67 [году] – 1000 [стихотворений]».

«Мое «я» стало формироваться, вероятно, в последние годы школы. Самые значительные годы – 42-45. Это и самые тяжелые. Тогда был осуществлен уход в себя от окружающего мрака. Когда мрак постепенно рассеялся, вернуться в себя не было уже возможно. Что если бы жизнь моя шла гладко? Было бы достигнуто такое углубление? Так постигнуто окружающее?».

«Стих[отворение]. Колумба вдохновила на открытие Америки библиотека, оставленная ему отцом. И я открыл свой Новый Свет. «Перед книгами» «Книгам».

«Все написанное до 1 сентября 47 г. – шаг первый (300 ст[ихотворений] и проза). Шаг второй – до окончания университета».

«Мадам Бовари – это Я (Флобер). Она – это я. А себя не люблю».

В своем труде «Книга» Малларме» французский исследователь Жак Шерер отмечает: «В обобщающей «Книге», которую собирался написать, но так никогда и не написал Малларме, предлагались новые способы чтения. Читатель должен был отказаться от прямонаправленного, линейного чтения в пользу «нового способа чтения - одновременного». Начинать читать можно было с начала, но

также и с конца. А страницы могли меняться местами в соответствии со сложной системой, так что все время возникали новые комбинации и сочетания смыслов. Таким образом, в «Книге» не было ни начала, ни конца, никакого заданного устойчивого смысла, а только смысл, находящийся в непрерывном движении, как «подвижные кольца змеи». См. Jacques Scherer. «Le «Livre» de Mallarme», 1957 (Жак Шерер. «Книга» Малларме»).

Да, «Записные книжки» К.С. Герасимова можно читать и по «методу Малларме». Я бы даже рекомендовал именно такой – не последовательный – способ проникновения в замечательный богатством своим внутренний мир Константина Герасимова.

Отдельно хотелось бы сказать о цитатах из Библии и неканонических христианских текстов, интерес к которым прослеживается с молодых лет автора «Books». Увеличение их частотности в блокнотах позднего периода творческой деятельности профессора Герасимова связано, безусловно, с новой духовной эпохой в жизни Константина Герасимова – его встречей с Католикосом-Патриархом Илией II, пригласившим профессора преподавать русскую литературу и историю книги в Духовную академию и семинарию. С этим периодом времени связано появление в его библиотеке переплетенной ксерокопии конспекта лекций «Введение в святоотеческое богословие», прочитанных в Свято-Владимирской Духовной академии (Нью-Йорк) протоиереем Иоанном Майендорфом. Это издание было подарено мне вдовой Константина Сергеевича, Нателой Герасимовой (Гусейновой). Издание и сейчас хранится у меня – один из немногих обломков, уцелевших после гибели Великого книжного Храма.

Встречаются в заметках и такие цитаты:

«Жизнь есть не более чем самореализация потенциальных возможностей электронных состояний атомов. Д. Бернал. Возникновение жизни». Или такой вот критический взгляд на Святое Писание, в частности, интерпретация проклятия смоковницы Спасителем (Мрк, XI. 13-21), где ясно просматривается допущение взаимозаменяемости символики Откровения с литературными олицетворениями:

«Стих[отворение] Смоковница От 1 лица. Я стою, нет плодов, не даю. Смотрела на другие деревья со стыдом, страд[анием] и завистью. Старалась плодоносить – тщетно. Цветы опадали без завязи. Обездолена, мука. И вот Он с учениками – мой брат, сын Божий Иисус и его слова – срубить ее. Вот так милосердие!»

И в этой связи вспоминается, что в начальную пору нашего

знакомства, давно разменявший пятый десяток, Константин Сергеевич не мог до конца определиться в вопросах веры/неверия. Однажды он сказал мне: «Я – неверующий, верующий в христианскую культуру». Но последовавшее знакомство с Патриархом Илией II и беседы с архимандритом Рафаилом (Карелиным) помогли ему на закате жизни твердо встать на путь веры, осознать, что светская культура отличается от церковной преходящей природой страстей, и что вера в культуру не может быть уподоблена подлинному Символу веры.

В.Саришвили

I Book

1943-1944

Величайшая вещь в мире – уметь принадлежать только самому себе.

Монтэнь¹

[Список фильмов]

Дорога на эшафот [Германия, 1940 г., реж. Карл Фрелих]

Охотники за каучуком [Германия, 1938 г., реж. Эдуард фон Борсоди]

Большой вальс [США, 1938 г., реж. Жюльен Дювивье]

100 мужчин и одна девушка [США, 1937 г., реж. Генри Костер]

Три мушкетера

Петер [США, 1934 г., реж. Генри Костер]

Человек-невидимка [США, 1933 г., реж. Джеймс Уэйл]

Маленькая мама [Венгрия, Австрия, 1935 г., реж. Генри Костер]

Огни большого города [США, 1931 г., фильм Чарльза Чаплина]

Новые времена (старая мельница, лицо фюрера) [США, 1936 г., фильм Чарльза Чаплина]

Леди Гамильтон [США, Великобритания, 1941 г., реж. Александр Корда]

Победа в пустыне [Великобритания, 1943 г., реж. Рой Боултинг, Дэвид Мак-Дональд]

Миссия в Москву [США, 1943 г., реж. Майкл Кертис]

Я обвиняю [Франция, 1919 г., реж. Абель Ганс]

Чио-Чио Сан [Италия, Германия, 1939 г., реж. Кармине Галлоне]

Андалузские ночи [Германия, 1938 г., реж. Герберт Майсх]

Флория Тоска [Италия, 1941 г., реж. Карл Кох, Жан Ренуар]

Где моя дочь [Германия, 1943 г., реж. Леопольд Хайниш]

Я – беглый каторжник [США, 1932 г. реж., Мервин Ле Рой]

Убийца среди нас [Германия. 1931 г., реж. Фриц Ланг]

Люди без крыльев [Чехословакия, 1946 г., реж. Франтишек Чап]

Рим – открытый город [Италия, 1945 г. реж., Роберто Росселлини]

Битва на рельсах [Франция, 1945 г., реж. Рене Клеман]

Богема

Риголетто

Освобожденная Франция [СССР, 1944 г., реж. Сергей Юткевич]

Весенний вальс [США, 1940 г., реж. Генри Костер]

Ураган [СССР, 1931 г., реж. Владимир Вайншток]²

Северная звезда [США, 1943 г., реж. Льюис Майлстоун]

Мелодии вальса [Австрия, 1938 г., реж. Карл Ламач]
В старом Чикаго [США, 1937 г., реж. Генри Кинг]
8-я жена Синей Бороды [США, 1938 г., реж. Эрнст Любич]
Тетка Чарлея [США, 1941 г., реж. Арчи Майо]
Багдадский вор [Великобритания, 1940 г., реж. Александр Корда]
Лисички [США, 1941 г., реж. Уильям Уайлер]
Битва за Россию [США, 1943 г., реж. Фрэнк Капра, Анатолий
Литвак]
Сестра его дворецкого [США, 1943 г., реж. Фрэнк Борзаж]
Серенада солнечной долины [США, 1941 г., реж. Брюс
Хамберстоун]
Девушка моей мечты [Германия, 1944 г., реж. Георг Якоби]

«Адский дух иль тварь земная, - произнес я, замирая, -
Ты – пророк! И раз уж Дьявол или вихрей буйный спор
Занесли тебя, крылатый, в дом мой, ужасом объятый,
В этот дом, куда проклятый Рок обрушил свой топор.
Говори: пройдет ли рана, что нанес он мне с тех пор?
Каркнул Ворон: «Never more».^{3,4}

Рассказ. Пари. ОГ⁵

Девушка спорит в компании о чем-то и проигрывает. Ее шуточно заставляют идти на улицу и просить у прохожих денег. Она застенчиво просит у прохожего молодого человека. У него в кармане 1 монета. Он предлагает ей пойти в ресторан, чтобы отомстить им. «Нам надо снова встрет[иться]» – он. Его комната (Детск[ая] Доверч[ивость]). Солнце запретн[ый] поцелуй. Он композитор. Эпюд в ресторане. Почему ты пошла: хотела этому..... Потом, ведь это был ты!)

Тема

Мекс[иканская] граница (ОГ) и выстрел новичка в стог сена.

Письма никуда

Вы – мои дети, хоть и старше меня

Рассказ ОГ

Тема: напившийся объясняется не той в любви и т.д.

Сонет о ночном небе

посмотреть цвета звезд и названия созвездий. Стиль де Эредиа

Совершенство формы

Самая яркая звезда Сириус – голубой, Марс – оранжево-красный, Альдебаран – пурпуровый, Альфы в созв[ездии] Геркулеса – багряный, Волопас – рубин, звезды Ориона – белые

Вальс

Шторы опущены. В комнате полумрак, луна, старинный вальс.

«Что бы ни случилось, держите в лоб урагану» – из Лоции

Мы с совестью заключили договор: и я ее, и она меня оставили в покое.

Тема стих моряка

На море сущ[ествуем] обычай выпивать все вино, когда корабль идет ко дну.

Я не задавался целью указать правильный, по моему мнению, путь. Я только закрываю глаза и с тоской думаю «Ах, если бы...»

«Дальше всех идет тот, кто идет один».

Большим мастером может стать только тот, кто вечно недоволен своими творениями.

Кто никогда не видел моря, тот живет половиною души.

Кодрингтон⁶

В наше время можно осмеять любое чувство, назвав его сентиментальным.

Олд[ингтон]

Я в грязном кино. Поет она. Она далеко-близко. Она чудесна. Неужели она как все. Грязные взгляды. Профанация искусства. Я смешной мальчик. Что ж, забуду все. Она вдохновила меня.

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.
Лермонтов

Артемида

Как сладко, дивная, отдаться нежным телом
Стихающим когтям и бивням ослабелым
Иль жалу терниев, впивающихся в стан.

И стайным трепетом жестоких наслаждений,
Меж игр примешивать, бессмертный пурпур ран
В дымящейся крови затравленных оленей.

Немея⁷

Когда вошел он в лес и шел на смертный бой,
По следу хищников, врывая в почву ноги,
Далекий рев, как гром, донесся из берлоги,
И смолк. пылал закат в лазури голубой.
Взывая к небесам с напрасною мольбой,
Пастух бежал в Тиринф⁸ в безумии тревоги
И, обратясь назад, увидел на дороге
Золотогривого гиганта за собой.
Как будто тот, пред кем дрожала вся Немея,
Стоял и скалился на небе, пламенея:
То с поля шел Геракл в трофее золотом,
А тени от него росли в вечернем свете
И, слив бойца и льва в огромном силуэте,
Составили один, чудовищный фантом.
[Жозе-Мариа де Эредиа]

Мятой и имбирем
Пахнет весенний луг,
В воздухе золотом
Носится майский жук.
Мэджи! Веселый май
Наша пора любви,
Ручки свои мне дай,
Милым меня зови.
Английская песенка.

Тот, кто идет по чужим следам, никогда не придет первым.

Заметка

....старик-доктор, обладавший благозвучной фамилией Лингтон, причем его пациенты – дети называли его не иначе как Динг-Донг.

Заметка ОГ

Ковбой долго и сосредоточенно вглядывался в длинное меню, составленное по-французски, и затем серьезно сказал официанту: «Дайте-ка мне, приятель, немного вареного мяса обыкновенной домашней коровы, ладно?» - отчего тот в первый раз за 20 лет беспорочной службы уронил поднос с бокалами коктейля, лицо его приняло чрезвычайно неприятное выражение.

Огневой цветок

За Хаосом века несметным мчались роем,
Потоком бил огонь из этого жерла,
Как пламенный султан, расплавленная мгла
У Чимборазских⁹ глав пылала рдяным зноем.
Ни звука. Эха нет. Где прежде с бурным воем
Лил пепельный потоп, - лишь росы для орла,
И лава, кровь земли, сгустившись, умерла,
И почва, охладев, окована покоем.
Но, как последний вздох бывшего мятежа,
Меж выветренных скал, колеблясь и дрожа,
Над мертвым кратером, где бездна спит слепая,
В немой безгласности, как выстрел громовой,
Цветущим золотом подножье осыпая,
Вскрывает чашечку вдруг кактус огневой.

Кордильеры

Из «Завоевателей золота»

Блистая и горя, громады льдистых гор
Вздыхались над землей в красе недвижно-дикой.
Властителем Громов и Пламенным Владыкой:
Раскинув голову чудовищным шатром,
Завитый в облака и молнии и гром,
Раздавливал хребты огромный Чимборазо,
А одаль, весь в лучах огромного топаза,
Весь ослепительный, коническим столбом,
Теряясь гранями в эфире голубом,

Как пламенный клинок отточенной навахи,
Вонзался в небосвод безмерный Вотонахи.¹⁰

Сонет. Ст[иль] де Эредиа

На Луне: Ослепительные горы: кратеры, цирки, трещины, черные провалы. Резкие контрасты между тенью и солнцем. Черное небо и великолепие звезд. Земля и величие человека.

Марс красный.

Уран, Нептун зеленые. Не видны.

Сириус зеленый, самая яркая звезда.

Одной из первых появляется Вега в созвездии Лиры.

Орион и его пояс – 3 зв[езды].

Андромеда, Плеяды. Звезда Бетельгейзе¹¹

Бойцы за справедливость подобны воинам, штурмующим крепость. Ничто не останавливает их стремительного и упорного порыва. Глубокий ров заполняется телами погибших, но по ним пройдут, наконец, в блеске славы, вперед – к счастью, другие.

«Стена» Л. Андреева¹²

Разве «я» и «ты» - не первое для нас в мире чувство? Пусть любили миллиарды – что нам до этого? То же о поэзии. Пусть другие думали и творили лучше меня – я иду по своей дороге и дойду.

Рассказ ОГ

Ковбой слышит случайно через дверь, как мужчина и женщина репетируют, и принимает всерьез. Он развивает деятельность, считая себя великим сыщиком, применяет сеть спасительных мероприятий, но под конец идет в театр, и дело выясняется.

Sangue de mi vida – кровь моего сердца.

Стиль ОГ

Ковб(ой) зарабатывает кучу денег и едет в город, прифрантившись. Ресторан. Гостиница. Считает себя проницат[ельным] и хитрым. Уезжает обратно и по дороге жалуется коню.

Только последняя любовь женщины может удовлетворить первую любовь мужчины.

Бальзак

Высокие деревья притягивают молнии.

А. Дюма

Nulla dies sine linea

Мир рождается и умирает с каждым человеком.

Разве есть во всем мире, во всем био что-нибудь лучшее, чем двое, идущие рядом?

Звезды

Сатурн – зеленовато-желтый

Юпитер – желтовато-белый

Венера – ярко-белая. Вечером – Люцифер, утром – Веспер¹³.

Луна – Илития¹⁴

Стих[отворение] Корабли на рейде, ночью штиль «перед боем» причастились к воде, откинув назад трубы, эсминцы, готовые ринуться вперед. Тихо доносятся звуки оркестра с веселого бульвара. Бегущая. Огни моря.

Сумасш[едший] художник (молодой), который не мог выразить того, что чувствовал.

Общий смысл: безнадежность встречи и совм[естной] жизни, несмотря на взаим[ную] люб[овь]. «Оно» со щупальцами, невидимое и могучее...

Сквозь дымку снисходительной печали...

Песни Моря

Glory

Грезы

Грезы

Отчаяние

Забвение

Я знаю

Моей музе

Сон

Любовный цикл

Вальс

G.S.

Impression

Экстаз
Свидание ковбоя
Незнакомке
Странник
Познание
Эвелина
Очарованный берег
Первый взгляд
Признание
Тщетно
Осужденный
Поэма
Ваш удел
Кто же?
Опять молчание
Для чего?
Цель скитаний
Утро

Море
Перед боем
Старый моряк. Баллада¹⁵
Моряк из Перта
Моряк из Сан-Франциско
С берега

Есть:
Бред
Смерть поэта
Друг
Сказка
Освобождение
Осенью
Безмерное
Земля Обетованная
Пророчество поэма
Смутное воспоминание
Дорога к звездам
Напрасно
Что это?
Путь избранных

Надпись на «Трофеях» [Ж.М. Эредиа]

Застольная

Да здравствуют студенты!

Обманутый муж

Почти шутка

Эпиграф к С.Б.

В городе

Зеркало Мира

Город в джунглях

Великий Лес

Бог – Солнце

Остров – корабль

Signoia semperviners

Victoria regia

Розайт

Ютландский бой

Зеленый луч

Grand Fleet

После сражения

Забывтый клад

Плимут

Пятая атака

Пришельцы

Линейный корабль

Третий вал

Бессмертие

Гибель корабля

Соперник

Владычество

Мальта

Угроза воздуха

Обратный путь

В жизни человека могут быть две трагедии – когда он чего-либо не достигает, и вторая, худшая, – когда он достигает этого.

О.У. [Оскар Уайльд]

Ultra semel datur

Жизнь дается однажды

Кончатъ жизнь самоубийством – пошло.
К.Г. ¹⁶

Глаза днем закрыты, а ночью не смыкает...

Рассказ
Моряк (старый), который радовался, что умирает на море.

Сонет об экваториальном лесе (мрачн[ом])

Цикл сонетов «Зеркало мира»

Европа Америка Азия

Фиорды Аляска Чель-Минар¹⁷

Корсика Большой Каньон¹⁸ Гималаи

Англия Веллингтоны¹⁹ Япония

Антарктида Майи Город в дне

Ледяная пустыня Пампа Баядерки Явы

Матерь – Ганга

Африка

Осирис Египет

Великий лес (джунгли?)

Виктория²⁰

Океаны

Бог Солнце. Бой облак[ов]

Айсберг

Саргассово море²¹

Из «Сонета о поэме» В.Б. [Валерий Брюсов]

О бездна! Я тобой отторжен ото всех!
Живу среди людей, но непонятно им,
Как мало я делю их горести и смех,
Как горько чувствую себя средь них чужим.
И как могу, за мглой моих безмолвных дней
Видений целый мир таить в душе своей.

«Веселый Роджер»

Стих

О пиратах. Стиль «Ст[арый] моряк»

Стих[отворение]
Вальсам И. Штрауса

Атлантида

Диалоги Платона – «Тимей» и «Критон». Весь тогда известный мир, кроме Афин. От Ливии до Египта. Золотой храм на холме, окованном бронзой. Страна 10 царей, старший – Атлант. После гибели А[тланта] выходцы из моря в черных одеждах, которые приносят науку.

Сэр Фрэнсис Дрэк. 1540-1596

Ненавидел испанцев смолоду за жестокое обращ[ение] с пленными. Обедал в каюте под звуки труб.

1572 – грабили порт в Испанской Колумбии с 2 судами и захватили несколько судов с большой добычей. Содействовал распростр[анению] картофеля. Затем – набег на Ирланд[ию].

1577-1580 – кругосвет[ное] пут[ешествие], грабя исп[анские] и порт[угальские] колонии и делая геогр[афические] открытия (мыс Горн).

1588 – Разгром «Непобедимой Армады». В Плимуте играл в шары (крокет) когда ему сообщили о походе «Непобедимой Армады», он доиграл партию. А потом пошел и разгромил испан[цев].

Что стоят минуты, которые вы вырываете, отнимая у меня.

Космическая симфония

Стихотв[орение]

Я пришел к тебе, море. Скоро ты станешь моим – сбудется то, чего я не мог добиться всю жизнь. Твоих волн шорох ласков, как голос матери, которой у меня никогда не было, прикосновение твоих волн нежно, как обаяние любимой, которой у меня никогда не было, глубина твоя мудро-спокойна, как счастье, которое у меня, наконец, будет.

Он – ей: Бог распределил красоту поровну между всеми женщинами, но ты захватила долю доброй сотни и на твоей совести не менее 100 уродл[ивых].

Наброски

Волчья стая. Ироническое поощрение худших инстинктов. Биология – первооснова. Так и должно быть. С этим ничего не поделает наш выхолощенный интеллект. Но дать темные стороны

борьбы.

Итак, это сон

Итак, это сон, моя маленькая,
Итак, это сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон.
Полоска засветится аленькая,
И греза вспорхнет среброкрылая,
Чтоб кануть в дневной небосклон.

Так где ж твои губы медлительные,
Дай сжать твои плечики детские
Будь близко, ресницы смежив!
Пусть вспыхнут лучи ослепительные,
Пусть дымно растаю в их блеске я.
Но – память о сне сохранив!
[Валерий Брюсов]

Заметка к рассказу

Профессор-студенту: стыдитесь, молодой человек! Ампер умел интегрировать (еще) ребенком.

Студент, при уходе: Между прочим, Ампер велел написать на своей могиле: «Tandem felix» («Наконец счастлив!»).

Мельпомена (поющая) – трагедии
Эрато – любовн[ой] поэзии и мимики
Евтерпа – музыки и лирич[еской] поэзии
Каллиопа –
Клио – истории
Полигимния – молитв[енного] серьезного пения
Талия – поэзии и комедии
Терпсихора – танцев
Уrania – астрономии

Роман фантаст[ический]

Пришельцы из космоса захватывают Антарктиду и отогревают

Стихотв[орение] «Одиночество»

Я один – нет друзей, родных, все мне враги.

Рассказ «Предатель»

Бедн[ый] юноша пишет важн[ый] труд. Получает наслед[ство] и бросает раб[оту]. Влюб[ляется] в девушку, она хочет заставить его работать и заставляет обеднеть. Не помогает – мешает она. Тогда дев[ушка] уходит. Может быть, товарищ, который заставляет его беднеть и... увозит девушку. («Предатель»). Нет – «скверная женщина», которая разоряет его и уходит.

Сказки старой совы

Мальчик с рубиновым сердцем.

Подарок Танка:²²

Крас[ивой] женщине приносят подарки – алм[азное] кольцо и т.д. и бедный поэт – стихотворен[ие].

Рассказ «Слишком много счастья»

Миллионер берет бедную девушку. Она сквозь невероятное счастье грустит, предсказывая плохой конец. Финал – он попадает под автомобиль. Поликрат²³

Рассказ

Поэт теряет жену: бросается к газетам: крушение поезда. Горе вверяет стихам и так увлекается, что когда она входит (ехала не тем поездом), то он говорит ей, машинально отвечая на поцелуй: «Тсс, не мешай, дорогая». Затем его внезапный ужас, ее недоумение и испуг, и финал.

Вальдтейфель²⁴

Прикл[юченческий] роман ст[иль] Марриет 25... море, юнга. Юмор (как «Старый пират»)

Друг-скрипка, единств[енный] др[уг] ты мне поешь о крае золотого солнца всю ночь, когда нас никто не слышит. Скр[ипка], ты – маленькая тайна.

Мгновенья

Лови мгновенья счастья в солнце, музыке и взгляде. В этом – счастье женщ[ины].

Уэллс: лишь иллюзия счастья. Что ж, не думай об этом потом – ты был счастлив.

У штурвала
Ночь. Один на вахте.

Заметка

Находясь в Тауэре В. Рилей²⁶ писал «Историю мира». За окнами произошла ссора. Будучи не в силах проследить ее развитие и установить, кто прав, а кто виновен, несмотря на тщательное исслед[ование] вопроса, Рилей в отчаянии спросил себя, как смеет писать всем[ирную] ист[орию], если не может открыть истины относит[ельно] даже того, что случилось у него под окнами.

Монолог о себе

Был всем и ничем. То что было для других словом – для меня поэмой, звуком – симфонией, пятном – картиной. В каждой вещи видел Начальный Смысл. Жажда познания. Хотел быть всем и поэтому не стал никем. Де Берджерак.

Девочка 12 л. поет, играет сонату о любви, не понимая, не чувствуя смысла звуков. Но... придет время.

В изгнании на земле, среди гиканья зверей,
Ему ходить мешают крылья исполина
Бодлер

Пессимист – человек, слишком умный для того, чтобы быть оптимистом.

Быть может, земля служит адом для других планет.

Монологи:

Гамлета

Де Берджерака

Арбенина (*Привязанность к полюбившимся литературным героям К.Г. сохранил до преклонных лет, Арбенина он мне цитировал нередко – В.С.*)

Джона Гопта

Кариолана²⁷

Газелла²⁸

Впечат[ление]: восточный стиль

Восток... см. С[а]ади. Бустан²⁹. Гурия. Брови. В садах Аллаха будут правоверные иметь любые плоды и мясо и ... женщин с телами подобными жемчужинам.

Смысл сказки – невозможность познания Всего. Стиль сказок Кипплинга (Стар[ая] Англия) Призрак ведет человека в пещеру с сокровищами. Путь труден и многого взять нельзя. Потом он мучается всю жизнь. Метафорическая трактовка пещеры Алладина как пещеры духовных сокровищ (!)

Обреченные

Илоты³⁰ эллинов и пирамид рабы...

Искусство

2 противоп[оложных] начала: иск[усство] в народ, но – профанация, и искусство для себя – эгоизм. Публикация – растрата «я».

Прост[ые]. люди

Устав от мыслей, пришел к тебе, море. Пусть излечит меня твое спонтанное дыхание, тяжелый труд. Хочу первобытн[ой] примитивности, устав от философских размышлений.

Молитва искушаемого. Молит бога отогнать сладостр[астные] видения, увлекаясь их описанием.

Паяц

Полюбил свои страдания. Дурацкое самоудовлетв[орение] от того, что я так несчастен.

Рассвет

Бледный рассвет серым холодным светом рассеивает чары ночи любви, заставляя понять их, что они любили друг в друге любовь, мечту. И двое показались друг другу чужими.

Расплата

Ничего не дается человеку даром, на Земле есть лишь иллюзия счастья. Богатство – труд. Вино – здоровье (и пища), любовь – замена счастья..... Искусство – недовольство своими творениями, довольство – труд, жизнь – смерть. Конец – но, кажется, за эти уроки я заплатил слишком дорого.

Заметка

Горе тому, кто ищет счастья в познании, ибо чем больше он узнает, тем яснее для него, что мир необъятен. В науке можно искать лишь забвения.

Моряки

Поощрение берегового веселья, опьянения музыкой, вином и любовью. Но утром – идти в море, ибо его они любят больше, чем семью, любимую, веселье и т.д.

Заметка

Юноша любит д[евушку]. Он уходит в море. Через 3 года он возвращ[ается] в родной город штурманом и встречает ее в роскошн[ом] ресторане – она подает ему. Он ведет ее, одевает, дарит драгоценн[ости] и, приводя в тот же ресторан поражает всяк[ой] роскошью. *(ср. эпизоды в том же духе из «Однажды в Америке» Леоне и «Вокзала для двоих» Рязанова, которые в указанный период времени даже и не замыслились – В.С.)*

Из «Сирано де Бержерак» Ростана
Прошу вас об одном, прелестные особы!
Живите, радуйтесь! Своею красотой
Дарите нам мечты, спасайте нас от злобы,
Сверкайте ярче звезд ночных,
Цветите ярче звезд душисты[х]
Будите вдохновение в артистах,
Внушайте нам стихи... но не судите их!

Стих-шутка типа «Старый моряк»

Англичанин, спеша на свидание далеко на др[угую] ферму, купил кобылу, бывшую до того собств[енностью] пьяницы. Она привыкла останавливаться перед каждым кабаком и он волей – неволей пил, потому что она не шла дальше, пока он не заходил в кабак. Поспев к ней через 6 часов, пьяный он признался (до этого не смел (робость) ей и женился. Но увы! Жена его оказалась с характером и ему часто приходилось ездить куда глаза глядят на старой кобыле.

Песня пьяницы

Забв[ение] от вина – лучшее

Монолог пьяного трагика

Старый актер решил разоблачить искусство и обращается к свиньям – зрителям: «Болото! Вы воображаете, что, сидя здесь, вы познаете искусство? Его нет. Оно продано! Мне неприятно произносить это слово в вашем присутствии».

Стих[отворение]. Возвращение

Разочаровавшись в любви, возвращаюсь к книгам, единственным верным и мудрым друзьям и учителям. Женщина – вечная предательница... Она - не человек, ибо ее можно купить и продать.

Заметка

Индивидуальность актера мешает зрителю воспринимать замысел автора, если зритель видел актера раньше в другой роли. (Зр[итель]) сохраняет черты прежнего героя)

Заметка

2 основных противореч[ия] мира – 1) между человеком и природой, 2) между личностью и обществом. В 1 входит между разумом и телом.

Заветы молодому поколению О[скара] У[айльда].

Хорошо завязанный галстук – первый серьезный шаг в жизни.

Если скажешь правду, – все равно рано или поздно попадешься.

Преступление никогда не бывает вульгарным, но вульгарность - всегда преступление.

Только неглубокий человек познает самого себя.

Понятие добра и зла доступно лишь тем, кто лишен всех остальных понятий.

Истина перестает быть истиной, едва в нее уверует больше, чем один человек

Полюбить самого себя – вот начало романа, который продлится всю жизнь.

Если человек – джэнтльмэн – он знает достаточно, если человек не джэнтльмэн, то сколько бы он ни знал – не пойдет ему на пользу.

Даже самая красивая девушка не может дать больше того, что у нее есть.

Французская поговорка.

Корабли, проходящие ночью,
Говорят друг с другом огнями
Лонгфелло.

Из монолога Сирано-де Бержерака Ростана

Да? Но зачем явился он на свет?

Зачем попал на эту он галеру?

Зачем всю жизнь любил свою химеру?

Зачем он был поэт?

А!... Здесь похоронен поэт, бретер, философ,

Не разрешивший жизненных вопросов;

Воздухоплаватель и физик, музыкант,

Непризнанный талант,

Всю жизнь судьбой гонимый злобной;

Любовник неудачный и бедняк –

Ну, словом, Сирано де Бержерак.

Почтим его мы надписью надгробной:

Он интересен тем,

Что всем он был – и не был он ничем.

Чтобы жизнь стала невыносимой, достаточно одного сознания того, что она могла бы быть иною («Болото»)

Счастье человека не в свободе, а в приятии долга (Да, пока человек свободен)

Скептицизм – отправной пункт науки

Дороги, наиболее утопанные, конечно, самые верные. Но едва ли охотник может рассчитывать встретить на них много дичи.

Те, кто возмущаются насилиями, рассуждают так, как будто цыпленок может выйти из яйца, не разбивая скорлупы.

Религия и семья – вот два злейших врага прогресса.

То, что мы сами открываем – это истины живые. Традиция же дает нам только истины трупы.

Индивидуум не имеет никаких оснований противиться тому порядку, который всякому предоставит его место сообразно его ценности. (А часто ли индивидуум имеет правильное представление о своей ценности?)

Как можно не чувствовать себя индивидуалистом в условиях жизни буржуазного общества?

Индивидуализм, правильно понятый, и я считаю ошибкой противопоставлять его ему.

Ричард О[лдингтон]

Близость – физическая, эмоциональная и интеллектуальная. Не мозг, а кровь.

Смерть героя

Страшно думать о том, что нет ни одного слова, которого до меня не произносили бы миллионы людей, ни одного желания, которого они бы не испытывали до меня, ни одной мысли, принадлежащей только мне, мне одному! О, как я надеюсь, что это не так!

Кто ты? Ласточка без крыльев и без песен соловей,
Без цветов пчела, влюбленный без возлюбленной своей!

Кто, черт возьми, втиснул меня в это жалкое тело, прозябающее на этой жалкой планете этой убогой вселенной?

Человек имеет право скорбеть, когда с ним случится несчастье. Но в его жизни могут быть такие мерзко – унижительные, такие невероятно тошнотворные моменты, о которых нельзя не только говорить, но даже и думать. Жаловаться на них явилось бы оскорблением человеческого достоинства, и я с ужасом и отвращением вверяю бумаге, что вся моя жизнь – такой затянувшийся момент. Единственное, что поддерживает меня – это мечты о (недоступном) счастье, но и они в моем положении являются оскорблением того чистого и светлого, что осталось еще на планете йэу и что, может быть, существует лишь в моем воображении. Нет, не ужасно и совсем не трагично чувствовать себя такой зловонной

тварью, а только гнусно и омерзительно. Самое смешное, что говорить кому-нибудь о своем чувстве – все равно что толковать об интеллекте с дождевым червем. Удивительно, но надежда (на что?) заставляет меня искать в окружающем доли счастья, его проблесков, доставляя лишь его оскверненный призрак, забвение («Иллюзия» Уэллса), очнувшись от которого я жалею, что дурацкий животный страх, а главным образом нежелание подражать множеству йэшу, удерживает меня от самоубийства.

Нет, я ошибался: самое смешное то, что я писал это не в состоянии морального упадка, я знал и такие периоды и оставаясь равнодушным к себе и ко всему на свете.

Жизнь – маленькая неприятность, свойственная каждому человеку.

Счастлив не тот, кто не знает, что такое горе, а тот, кто не знает, что такое счастье. И все-таки я ему не завидую.

Жертвы уличного движения доказывают превосходство машины над природой.

Жизнь может быть чарующе прекрасной или скучной, но стараться, чтобы она была только прекрасной, всегда скучно.

А. Green [Александр Грин]
В. Дорога в никуда
Бегущая по волнам
Джесси и Моргиана
Алые паруса
Золотая цепь
Штурман 4-х ветров
Сокровище африканских гор

Гилберт Честертон
Наполеон из пригорода
Человек, который был четвергом
Новеллы о патере Брауне
Перелетный кабан
Клуб удивительных профессий
Жив человек

Охотничьи рассказы
Вегетарианская поляна
Человек, который слишком много знал
Неверие патера Брауна
Простодушие патера Брауна
Тайна патера Брауна

Green
Дезирада
Блестающий мир
Огонь и вода
Шесть спичек
Черный алмаз
Проходной двор
Приключ[ения] Гинча
Окно в лесу
Третий этаж
Фанданго
Веселый попутчик
Корабли в Лиссе
Колония Ланфиер
Отблеск меча

Каждый человек несет долю ответственности за мировое безобразие.

Заметка

О тяжелых полутора годах: это было как 1001 ночь.

«Нечто стремительное и грозное; нечто далекое от скучной, благопристойной жизни; нечто неизведанное, нечто безумное и восторженное, нечто снятое с якоря и пущенное в далекое море на свободу!...»

Уолт Уитмен о приключении

Рассказ «Простой человек»

Запутавшись в противоречиях, решает принять идеологию примитивной профессии (моряк, солдат). Ему говорят: «Твои убежд[ения] ложны», он с упрямством отчаяния отрицает, хотя сам уверен в этом. Напрасно старается убедить себя. Общий смысл: бегство к примитивности не спасает: ложь всегда чувствуется.

Рассказ

Изобретатель счастья: изобрел средство, могущее продлевать и убыстрять впечатление времени. Тяжелые дни проходят как секунды, а мгновенья счастья растягивает до дней. Финал? Философия времени. Время. Фикция. Изречения. Конспекты.

Анатоль Франс

Она (женщина) никогда не говорит правды, даже когда хочет быть искренней. Она просто не умеет быть правдивой, даже если в ней и есть это желание. А если ей это случайно и удается, - напрасно, ей не верят. Только ее ложь пользуется у нас доверием.

Эпиграф ВЛ [«Воды Леты»]

Остров был прекрасен, как сон узника о свободе.

Человек, любивший в жизни одну женщину, подобен человеку, прочитавшему в жизни одну книгу.

Анатоль Франс

Делая радость другим, мы поступаем как эгоисты – это чувство, которое мы даем взаймы с процентами.

Всякое оскорбление, нанесенное художнику, которого я чту, задевает и меня.

Ирония – радость мудрых.

В жизни я всегда буду только любителем, но не профессионалом.

Разделенное счастье – половинное счастье.

Чапек в войне с саламандрами самое ядовитое высмеивание послеобеденного искусства.

Рассказ

Злой гений. Умирает великий писатель Т., к нему является его злейший враг Х. (в молодости были друзьями, но затем разошлись) Т. возмущен и обвиняет Х. во всех несчастьях своей многострадальной жизни, но Х. подходит с любовью, просит прощения и говорит: «А создал бы ты эти прекрасные книги, если бы ты был счастлив?» Просит прощения у Т. и благодарности у Т.

Счастье – в его ожидании, если оно кажется приближающимся.
Гельдерлин.

Нет! В борьбе за него. [К.Г.]

Таковыми уж их создал Господь, но зачем он это сделал – не знаю.
Чапек

Иэху бывают иногда счастливыми. Будь несчастен, умри
спокойно, если придется, но не завидуй им. КГ

Можно снизойти к счастью, но как трудно поднять его до себя. КГ
Счастье – призрак будущего. КГ

«Романтика цинизма» Киплинга

Поль Бурже

Высшая личность отличается от гения, который может быть
иногда даже малоинтеллигентным, и от талантливого человека,
который очень часто бывает лишь специалистом; она отличается
способностью создавать обо всем общие представления.

Интеллигентность, которая дается высокой цивилизацией,
отличается обилием точек зрения, пристрастием к оттенкам,
недоверием к абсолютным формулам, исканием новых сложных
разгадок.

Природу несомненно следует считать французенкой, столь
сильна ее любовь к эффектам.

Киплинг

Стих[отворение]

1) Интеллект, близость утонченных натур. 2) Эмоциональная
близость во время сближения. 3) Вспышка могущественного
животного начала, проявляющегося в момент близости. Победа
тела. Общий смысл: могущество таящегося животного начала,
проявляющегося в момент близости. Интеллигентность и
цивилизованность ничто перед нею.

ВЛ[Воды Леты]

Не думайте, что, убежав от сумасшедших городов, вы ускользнули
от богов, - вы, с вашими холмами, одетыми в виноградники, с
вашими восходами и закатами, с вашим домашним столом и
простым обиходом. Вы не доиграли игры. Вы сдались. Вы вошли в

соглашение с неприятелем. Вы сознались в своем утомлении. Вы выкинули белый флаг усталости. Вы вывесили извещение об отливе ваших жизненных сил. Вы убежали от жизни. Вы сплутовали – и весьма некрасиво. Вы забастовали, не кончив игры. Вы отказались играть. Вы бросили карты под стол и улизнули сюда, чтобы укрыться среди своих холмов.

Душа искала и томилася тоскою
И тело – наше говорило за нее;
И мы соединились телом и душою
И так слились мое сознание и твое
Из писем Кэмитона – Уэсу. (Философия любви)

Рассказ

Миллионер в своем субтропическом приморском поместье играет New-Маугли. С пумой, нагой, в шкурах, встречает испуганную девушку. Финал? Затем встречает ее на вечере в обществе.

Шуточный роман

Типа «Факультет кругосветного путешествия» и «Captain Врунгель». Пареньки бегут из дому и захватывают яхту.

II В[ook]

1944-1945

Ведь в жизни одна красота
Мечта, дорогая мечта!
Ростан

С. Маковский³¹
Из песен Астарте
Точеных плеч живая бледность
И волны ржавые волос,
В улыбке – смена и бесследность
То обольщений, то угроз.
В ней – родники томящей ласки,
В ней все – томительный обман
И взоры сказочнее сказки
И бедра узкие, и стан.

И губ, расцветших в алом чуде
Неопыленные цветы
И дерзко-девственные груди
Два жала нежной наготы.
Немая музыка движений
Больной рисунок мягких рук...
В ней – все томленья искушений,
Всеискушенья страстных мук.
Еще неведенья рабыня,
Но жрица сладостных тревог,
Еще ребенок, но богиня,
Еще безгрешность, но порок.

Альбатрос

Когда в морском пути тоска берет матросов,
Они, досужий час желая скоротать,
Беспечных ловят птиц, огромных альбатросов,
Которые суда так любят провожать.

И вот, когда царя любимого лазури
На палубе кладут, он снежных два крыла,
Умевших так легко парить навстречу бури,
Застенчиво влачит, как два больших весла,

Быстрейший из гонцов, как грузно он ступает!
Краса воздушных стран, как стал он вдруг смешон!
Дразня, тот в клюв ему табачный дым пускает,
Тот веселит толпу, хромая, как и он.

Поэт, вот образ твой! Ты также без усилья
Летаешь в облаках, среди молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, среди шиканья глупцов.
Бодлэр

Их ученья – кровавые бои, их бои – кровавые ученья
Флавий – о римлянах

England expects, that every man will do his duty [Англия ожидает,
что каждый человек выполнит свой долг] Nelson

Рассказ

Ученый издает труд и его идеи становятся популярными в науке, но затем он вторым трудом опровергает свои ошибочные взгляды и смеется над людьми.

Рассказ

Некто увлечен девушкой. Она любит его. Он сближается с ней, но затем, боясь женитьбы, хочет разойтись и хлоп[очет] чтобы заставить ее разлюбить себя, инсценировав плохие качества. Но она так смело борется с этим и так самоотверженно, что он, оценив ее чувство, полюбил ее.

То, что едва задевает других, у меня источает кровь.
Стендаль

The world is too brutal for me [Мир слишком груб ко мне]
Китс

Отдайся гению один раз, и он порвет все цепи, связывающие тебя с жизнью.

Гельдерлин

То, что одно, - обречено
Гельдерлин

Боже мой, даруй мне посредственность.
Мирабо

Роман

Некто спит 2000 лет и просыпается в эпоху всеобщего равенства. Но люди стали мягче с тех пор, как они перестали бороться друг с другом. Их жизнь – не борьба, а познание и наслаждение красотой. Некто (сильный тип, бывший делец)... побеждает их и становится неслыханно могущ(ественным) диктатором. Их любовь и его любовь. (Затем он добровольно от всего отказывается, поняв новый век. (конец)

Он – невежда по сравнению с ними, побеждает их всех силою воли, закаленной в борьбе за жизнь в прошлом и энергией

Не стал бы дивно так вскипать,
Взмывая ввысь, сердечный вал,

Когда б о древнюю скалу,
Скалу судьбы не разбивался.
Гельдерлин

Рассказ

Отец завещает свой труд о несправедливости здоровому сыну, которого воспитывает он (мать умерла). Сын пренебрегая заветами отца становится на путь продажного журналиста (так выгоднее). Мелкие удовольствия, клочки славы взамен благородной неизвестности раннего Роллана.

Роман? Большой рассказ

Х. Получает в дар от таинственного незнакомца возможность после смерти переселяться в тело своего первенца. В результате драмы: сын любит мать и не обр[ашает] внимания на возлюбленную и т.д. (Эдипов комплекс, психология, дымка болезненного ужаса перед тайными силами мист[ики]).

Общедоступность произведений поэзии (и вообще искусства) – фикция.

Брюсов

Песнь Песней

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои глубоки, как два озера, зубы твои – белоснежные ягнята, выходящие из реки и похожие все друг на друга. Алая лента – уста твои, наслажденье смотреть на них. Сотовый мед каплет из уст твоих, мед и молоко под языком твоим! Груды твои как две серны и стан твой подобен пальме. Живот твой – круглая чаша и бедра стройны как драгоценная ваза. Голос твой сладок как пение флейты, а смех твой – как серебряный град, что падает на блюдо из золота. Благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана. О, сестра моя, возлюбленная моя, ты пленила сердце мое одним взглядом...

Три вещи есть в мире непонятные для меня и четвертую я не понимаю: путь орла в небе, змеи на скале, корабля среди моря и путь мужчины к сердцу женщины.

Положи меня как печать на сердце твоём, как перстень на руке твоей, ибо сильна как смерть любовь, и жестока как ад ревность, стрелы ее – стрелы огненные.

Я принадлежу возлюбленной моей и она мне

Рассказ

Вернее, кино-роман типа музыкально-комедийных-джазовских-англо-сакс[онских] фильмов.

Фабула: безработные музыканты решают сколотить джаз, чтобы играть в новом ресторане. Будет устроен смотр конкурентов на это место. Но у них ничего не получается из-за несоответствия содержания с действительностью.

Сонеты

Ничтожество

Геологические годы и годы истории человечества. Светила быть может атомы непознанного нами мира.

Заметка

Моряк бродит вокруг дома где живет его девушка и заглядывает в окна. Тогда один тип показывает ему в окно плакатик «ПИВА НЕТ», после чего моряк удаляется с оскорбленным видом.

Стих-баллада

Старинн[ый] стиль, размер «Как ныне собирается» Паж влюблен в принцессу, как и многие сотни рыцарей. Он долго верен ей, она не любит никого, гордясь своими победами. Наконец он приходит к ней и просит отпустить его к другой. Тогда она досадую на это дарит ему знаки внимания но поздно. Паж умирает, и принцесса понимает, что «другая» - это смерть.

San Valley [песня из к/ф «Серенада солнечной долины»]

Мне декабрь кажется маем,
И в снегу я вижу цветы,
Отчего, как в мае, сердце замирает,
Знаю я и знаешь ты...
Ласковое имя в тихий вечер
Шепчут мне уснувшие листья,
Отчего смущенно я молчу при встрече
Знаю я и знаешь ты...
Солнце вижу я в день дождливый,
Радужно сияют мечты,
Отчего прекрасен этот миг счастливый –
Знаю я и знаешь ты...
Улыбнись мне, мой милый, нежный друг,
В танце мы с тобой забудем все вокруг.

Солнце вижу я в день дождливый,
Радужно сияют мечты,
Отчего прекрасен этот миг счастливый –
Знаю я и знаешь ты...

«...у нас в излишестве кораблей и людей, но у нас нет ни флота ни моряков»

Письмо Екатерины II графу Панину³² от 8 мая 1765 г.

Заметка

27 августа 44 г. С удовольствием прочитал чудесную и остроумную книгу М. Бодэля «Любовь на 60 градусах северной широты». Давно уже не приходилось так искренне смеяться. Аналогии с «Sun Valley».

«Он ждал. Это была привычка, характерная для человека, о котором говорят, что ему все удается. Это был также прием, посредством которого мечтатели достигают наименьшего разочарования».

Любовь на 60 градусах северной широты.

Первый долг художника – оберегать ценности, в нем самом заключенные.

Что же можно ожидать от бога, родившегося в хлеву?

Что же касается правосл[авного] Христа, то слишком чувствуется, что он родился в хлеву.

Следуй своей дорогой и пусть люди говорят, что угодно

Дант ? флорентиец

Анекдот типа «Дьявола в монастыре» Франса: красивая и страстная женщина пожилому любовнику «И стоило из-за этого раздеваться?»

Карл Маркс

Всякая нация может и должна учиться у других

В науке нет широкой столбовой дороги (route royale), и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто не страшась усталости карабкается по ее каменистым тропам.

В это дело вкладывается столько человеческого терпения и ума,

предвидения и экспериментальной философии, самопроверки, порядка и повиновения, тщательно продуманной работы и защиты против суровой стихии, беззаветной храбрости, живого патриотизма и спокойного ожидания своей участи – столько всего этого может уместиться на пространстве в 70 м длины и 6 м ширины.

Рескин

Анри де Ренье

...Она женщина, и чтобы сохранить ее, мне следовало бы сделаться мужчиной: выйти из своего уединения, вступить в борьбу... Да, теперь она держит себя скромно и незаметно, но только почувствуй она, что я принадлежу ей, получи она уверенность в своей власти, так ей понадобится и обеспеченное существование, и деньги и все то, что они все хотят, все требуют от человека, беря у него в то же время жизнь, независимость и свободу...

Тогда я сделался бы самим собою, тем человеком, которого я подавил в себе из страха перед самим собой. Все средства были бы для меня хороши, даже худшие.

«Живое прошлое»

Этот мир слишком плох для меня или я слишком плох для него.

Sequoia sempervirens

Sequoia gigantea

Калифорнийские сосны³³

Мамонтовы деревья³⁴

Рассказ Закон белых стиль Киплинг

Разработать детально. Общая тема: дикарь провинился перед белыми. Представитель власти (англичанин) приговаривает его к наказанию. Этому мешает стечение обстоятельств, заставляющее белого и дикаря вместе переживать множество приключений. Дикарь (эскимос, малаец, индус) спасает белого. Большая часть рассказа – об этом. Читатель успевает забыть о проступке дикаря. Конец: они вне опасности, спасаются, а затем англичанин отправляет того в тюрьму. Смысл: киплингские строители империи, ставящие долг превыше всего.³⁵

Одомашненный женою моряк не смеет пить и пьет лишь чай с коньяком: коньяк 75%

кабальеро сомбреро Vagero

Моряк, страдавший на корабле морской болезнью, сходит на берег и не может танцевать вальс (а на корабле мечтал об этом)

Заметки

Высший англ[ийский] орден в 1348 г. учрежден Эдуардом³⁶

Надпись на голубой ленте (ордена Подвязки) с золотой пряжкой, носимой ниже левого колена, гласила: «Да будет стыдно тому, кто дурно подумает об этом». Говорят, что надписью, голубым цветом и названием орден обязан подвязке графини Сольсбери, которая потеряла его, танцуя на балу.

Заметка

Великую Армаду снарядил Филипп II для завоевания Англии, подаренной ему папой и для отмщения за смерть Марии Стюарт и за помощь Нидерландам. Надпись на медали, вычеканенной в Голландии в честь ее разгрома: «Бог дунул – и рассеялась». *Afflavit Deus – et dissipantur.*

Поп [Александр Поуп] – ложноклассический поэт.

Скажи правду и посрами дьявола, есть поговорка. Ну, правду сказать, такая бывает правда, что сам дьявол устыдился бы ее!..

Мы живем в эпоху словесной инфляции

Ирмгард Койн (после полуночи)³⁷

Sonnares (ГК)

Ухудшение условий жизни в эпоху ледниковых нашествий усилило борьбу за существование первобытных народов и таким образом явилось стимулом к их развитию.

История

500 000 – 6 000 каменный и бронзовый века Египет, Вавилон, Персия

Древняя Индия, Китай, Перу, Мексика, Финикия, Греция, Рим и т.д. 6000 – 500 н.э.

Сред[ние] века и возрожд[ение] 500 – 1800

Новая 19 и 20 века

История морских войн

ВЛ [Воды Леты] послесловие

Один из стимулов – создать вещь, которую читал бы [хоть] 1 чел[овек] на св[ете].

«Истина перестает быть истиной, едва в нее уверует больше чем 1 человек»

Самообразование (*предположительно, задачи, которые ставит перед собой КГ – В.С.*)

Литература

Английский яз[ык]

Спорт

Управлять машинами

Танцевать

Управлять яхтой

Стрелять из револьвера

Плавать

Коньки Лыжи

Верхов[ая] езда

Tell a lie and stick to it Уж если говоришь ложь, так упорствуй в ней
Английская поговорка

Two is a company, three is a crowd
Двое – это компания, трое – уже толпа.

Тот, кто обладает морем, обладает торговлей, тот, кто обладает мировой торговлей, обладает богатствами мира, а вследствие этого, и самим миром.

В. Ралей

Человеку. Вознесся ты из мути морской, планктона, превзойдя своим величием богов прежних.....лет от белков до обезьяны и.....лет от обезьяны до человека. Стремительный взлет благодаря твоему разуму. Но то, что вознесло тебя превыше всего сущего, послужит причиной твоей гибели.

Scorn not the sonnet critic

Wordsworth³⁸

Сонеты писали: Данте, Петрарка, Шекспир, Камознс, Вордсворт, Мицкевич, де Эредиа, Бальмонт

«Если бы я не был англичанином, то хотел бы стать таковым»
Пословица

В юм[ористический] рассказ

Лэди и джэнтльмены! Что? Здесь нет ни одной лэди? Ладно, я беру свои слова обратно, тем более, что здесь нет, кажется, и ни одного джэнтльм[ена].

Морские традиции

1. Чокаться не вставая из-за стола (низкие помещения парусного флота) 2. Ссылка на качку (Британский флот всегда в открытом море) и 3. Пирующие моряки не всегда могут держаться на ногах.

Черные галстуки – траур по Нельсону.

Шеренги на парадном трапе – в старину для помощи выпившему капитану.

Да, я знаю, что мы завяжем, а цветы будут потом, что будет мир на земле и в человеках благоволение, но кто возместит страдания тех сотен поколений, которым жизнь была борьбой и работой во тьме без малейшего проблеска света впереди? Если человек страдал всю жизнь и умер от безнадежности, кто и как возместит ему то что он пережил?

Как каждый человек живет двумя смешанными жизнями, одной – явной, общественной, другой – скрытой, индивидуальной, так существуют и два рода воспитания: одно формальное, школьное, другое – результат бессознательных воздействий и которое почти всегда имеет гораздо большее значение.

Может быть, это и правда, что ничему тому, что важно знать, научить нельзя – все, что может сделать учитель – это указать дорожки.

Бог – это точный эквивалент шекспировского «Дундам» – кличка для созыва дураков.

Картины принадлежат тем, кто их любит, а не сторожам, которые запирают их.

Если женщина сходится с тобой не любя, она заставит тебя расплатиться за это: а если она любит, она заставит заплатить тебя еще дороже.

Я считаю чудовищной жестокостью родить ребенка для жизни в таком мире как наш.

Они сводят все к одной формуле: еда, платье, крыша над головой, игрушки и что скажут люди

Жизнь – ничто, если она не приключение.

Ванна – единственное уединенное место в перенаселенной Европе.

Возлюбленный [Влюбленный?] – самый целомудренный из мужчин – ему нужна только одна женщина.

У меня чисто любительские наброски, но так как я не заставлял людей смотреть на них, я считаю это вполне безобидным занятием.

Самая трудная наша задача – это оберегать нашу любовь от людей. Да простят они нам то счастье, которое мы сами для себя создали, как мы прощаем им горе, которое они причинили нам.

Заметка

Лучший способ избежать неизбежного разочарования в любви – это не смешивать объекты любви физической и интеллектуальной, даже эмоциональной и интеллектуальной, разделить их. В этом случае можно поступить как женатый Петрарка, воспевавший всю жизнь далекую возлюбленную. Объектом интеллектуальной любви может быть не только реальный человек – тем идеальнее она будет. Ею может явиться созданный литературой или искусством безупречный совершенный образ. Что касается объектов физической любви, то они могут меняться. В подобных отношениях важно определить границу, за которую не могут простираться права женщины на внутренний мир любовника. В лучшем случае эта граница будет находиться сейчас же за областью эмоциональных переживаний. Самое важное – не поддаваться ее чарам настолько, чтобы она получила над мужчиной власть.

Вероятно, это невозможно. Одно – давать советы, когда сердце свободно, и другое – исполнять их, когда все твоё существо экзальтировано присутствием прекрасного создания, когда тебя охватывает божественное ощущение близости.

... Взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так, что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет
Гумилев «Капитаны»

Плимут

Здесь отдыхали финикийские галеры. Купцы из Тира привозили бусы и пурпур за корнуэльское олово. В 1620 г. отсюда вышел «Мэйфлауэр», основавшие новую землю. Их потомство – населения США. На берегу залива – лужайка «Хо». На ней Дрэк играл в шары. «Давайте доиграем, мы еще успеем справиться с ними». С палубы «Бетлерафона», отвозившего его в изгнание, Наполеон смотрел на лужайку Дрэка. За рекой Тамар лежит Корнуэлл, где в дни апостолов высадились первые миссионеры. Там же последние рыцари вступили в бой с Одином, Тором и др. языческими богами. Здесь же король Артур их вождь заседал с Ланселотом, Парсифалем, Галаадом, отсюда Галаад отправлялся на поиски св. Грааля XIII в. Сюда приехал Тристан за Изольдой. В Плимуте бросил якорь последний парусник брит[анского] флота. Церковь св. Андрея XV в., где молился адм[ирал] Дрэк, разрушена немцами.

«Ни один капитан не ошибется, если поставит свой корабль борт о борт с кораблем противника»

Nelson

Стих. Оч[арованный] берег
Моя муза – наяда морская...

ВЛ [Воды Леты] Послесл[овие]

Оба героя лишены характеров, даны схематично (может быть – инфантильно). Они – лишь пустые оболочки. Из которых я глядел на созданный мною мир Своими глазами. Давать же Р. черты автобиографического характера я не хотел

Заметка

Один из учеников Вероккио Нанни Гроссо, умирая в больнице, отказывается поцеловать обыкновенное распятие, которое подают ему и велит принести одно из распятий работы Донателло, говоря, что «он предпочитает умереть нераскаянным грешником – такое отвращение вызывают в нем бездарные произведения искусства».

Рыцари Моря
Драма в 4-5 актах. Основной смысл... – пожертвование личности для блага нации.

«Кое-что надо оставлять на долю случая, особенно в морском бою, ни в чем нельзя быть совершенно уверенным»

Нельсон «Записка о Трафальгаре»
Если бы мы взяли десять кораблей противника и одиннадцатый упустили, хотя могли бы взять и его, то я никогда не сказал бы, что мы провели день хорошо.
Нельсон

Пустыня растет, горе тому, в ком таится пустыня
Ницше

Дайте мне только один день господства в Ла-Манше и Англия будет лежать у моих ног.
Наполеон

Море смывает страдания человека
Еврипид

Мир – продолжение войны иными средствами
Клемансо

Стих[отворение]
Слепой гид рассказывает о зданиях и памятниках, которых нет уже – они разрушены.

Оставляю трагедию в 4-5 действиях «Вальтер Рэлей» на неопределенное время, так как задача эта поистине титаническая. «В.Р.» не может быть сравним с «Марией Стюарт» и лишь «Дон Карлос» приближается к нему. Количество материала подавляюще.

Брюсов «Наука о стиле. Свод практических приемов»

При написании сценария фильма на изучение источников употребляется 100-500 часов.

Я не завидую богатым, ибо от незначит[ельных] причин получаю такое удовольствие, которого им не могут доставить их миллионы.

Ромэн Роллан

Человеческая душа так нуждается в радости, что когда не обладает ею, то создает ее

«Бетховен»

III В[ook]

май 1945 – май 1947

Сорвать лучший плод бытия: значит жить гибельно

В. Могэм [от William Somerset Maugham – Сомерсет Моэм]

(писатели нового поколения) знают слишком много и чувствуют слишком просто.

Любовь – это слабость. Когда я удовлетворю свою страсть, я свободен и могу отдаться своему делу. Я не могу преодолеть своего желания, но я ненавижу его; оно держит в плену мой дух. Я жду того времени, когда я буду свободен от желаний и смогу отдаться беспрепятственно своей работе. Потому что слабые не способны ни на что, кроме любви, они и придали ей слишком раздутое значение. Они хотят убедить меня, что в этом вся жизнь. А это лишь незначительная часть жизни. Я понимаю голод так: это нормально и здорово. А любовь – это болезнь. Эмоции – орудия моего наслаждения, но я не выношу их претензий быть нашими помощниками, товарищами, сотрудниками. Для энергичных людей любовь, как правило, - эпизод в ряду других дел текущего дня, а в романе ей придается такое значение, которое противоречит жизненной правде. Только для немногих мужчин любовь – самая важная вещь в мире. И мужчины эти не принадлежат к самым интересным. Даже те женщины, для которых любовь – высшая цель, чувствуют к ним презрение. Женщинам это льстит, это волнует их, но они не могут отделаться от чувства что такие мужчины – убогие создания.

Только те люди отдаются любви целиком, которые несут бремя духовной опустошенности: любовь для них – средство забвения.

Искусство есть проявление полового инстинкта.

Дьявол всегда может найти цитату из библии в свою пользу.

Луна и шестипенсовик

Чтобы действовать, надо многого не знать
Поль Валери

Почему мы не похожи на китайцев, которые изобретя порох
пользовались им в течение двухсот лет только для фейерверков.
Поль Моран³⁹

Арабские поэты вывешивали свои стихотв[орения] на стене
Каабы в Мекке и отстаивали... с оружием в руках... В случае его
поражения стих[отворение] снималось

Очень немногие губы складывались бы для пения, если бы могли
найти удовлетворение в поцелуях
Киплинг

Рассказ
Ничтожный человек страдает комплексом неполноценности. Его
принимают за известного преступника. В первый раз в жизни он горд.
Он стоит в центре внимания, его боятся. Он вводит их в заблуждение
и даже на допросах. Все так же гордась принимает казнь. Он как бы
перевоплотился в него [преступника].

Рассказ ведется от лица офицера, командовавшего расстрелом.

Киплинг – романтика цинизма.
Конрад – романтический психологизм.

Noli me tangere – слова Иисуса Магдалине (не прикасайся ко мне)

Vida es Sueno – жизнь есть сон
Кальдерон

По древним:
анапест – тяжелый
амфибр[ахий] – легкий
дактиль – плавный

Только влюбленный имеет право на звание человека [А. Блок]

Тема «люблю и ненавижу у греч[еского] поэта Феогида за 500
лет до Катулла (I век)

Стих[отворение] Только раз! Первое впечатление – самое яркое. Идеал поэта – чтобы его стих[отворение] читали только 1 раз. Следующие впечатления уже притупляются.

Город Совершенства

Поэт мечтает о совершенстве и одиночестве. Внезапно разбогател и выстроил город без людей и жил один... [Его нашли], хотели увезти, но когда город скрылся из вида, он бросился за борт и утонул.

Ст[ихотворение]

Я тоскую, я задумчив, меня преследуют звуки песен, слышанных только раз и забытых не совсем, образы из книг, прочитанных давно только 1 раз, смутные призраки городов, виденных только раз, лесов и морских утесов, красивые лица женщин, встреченных только 1 раз. Память о них всех неясная, но властительная, живет во мне.

Ст[ихотворение] Одиночество

Без друзей, без семьи, без любимой, без отч[изны] наконец без себя – я так одинок без своего лица. Я не вижу себя в зеркале.

Гимн неудачников (ст[ихотворение])

Всем, отставшим в пути.

Душно мне в зловонной толпе, душно мне! Ст[ихотворение]

Полет за солнцем Хочу жить без ночи!

Драма Сюжет неясен. См. драмы Фейхтвангера «Голландский купец»

Тот, кто действует, всегда лишен совести. Лишь у созерцателя есть совесть.

Гете

Цинизм – это неприятная манера говорить правду.

Лилиан Хеллман⁴⁰

«Др. Штокман» Ибсена. Образ индивидуалиста.

Есть великое счастье – поняв, утаить,
Одному любоваться на грезы свои.
Брюсов

Учение об эстетике
Генри Воган Морлоу⁴¹

Настоящая отчизна англо-саксов – море.
А. Франс

Человек – это еще не конец.
Уэллс

Ст[ихотворение]
Тень ее в плаще на плитах пола перед коленопреклоненным
Sonn[et]

Рассказ или роман, ставящий целью показать, что сейчас, в XX веке человеческое общество мало чем отличается от первобытного, прогресс человечества не ведет к поднятию общей культуры среднего человека. Провести аналогию с джунглями и доказать преимущество их законов в теперешнем обществе. Причина – неправильное распределение общественных благ в странах капитализма. Существуют тракторы и комбайны, а соха крестьянина гораздо менее совершенна, чем римский плуг 2000 лет назад. Показать, что внешний облик городов – это блеф. Города – джунгли.

Мартин Идэн

Он сознавал огромную разницу между собой и своими товарищами и был настолько мудр, что видел эту разницу не в достижениях, а в возможностях.

«Быстрее всех ходит тот, кто ходит один».
Спенсер

Любовь явилась в мир раньше членораздельной речи и в своей ранней юности она усвоила приемы и способы, которых никогда уже не забывала.

Главная тема – люди – звери. К чему прогресс? Главное в человеке – инстинкты борьбы за существование, унаследованные от

звероподобных предков инстинкты – борьбы, пола, затем – расы.
Остальное – легкий налет, тонкая оболочка.

Мартин Идэн
...творческое наслаждение – благороднейшее из всех
наслаждений

Я видел такую. Ст[хотворение]
Старушка, играющая на скрипке в шуме города. К ней никто не
подходит, ее никто не замечает.

Ст[ихотворение]
Я вошел в праздничный зал и все смутились и замолчали и
поникли. Уйду.

Заметка
Звезды, лежащие неподвижным строем. Гиб[ель] мира?

История учит лишь тому, что история ничему не научает

Ст[ихотворение]Забытым
Рабам пирамид, храмов, галер, солдатам империализма...
Будущему придется отказаться от воспоминаний, чтобы быть
счастливым, ибо что возместит ваши страдания?

Расс[каз] Убийца из...
Кроткий тихий забытый мальчик, замкнутый в себе, ибо он имеет
несчастье понимать и любить прекрасное. Упор на его безобидность.
Его жизнь – стихи для СЕБЯ. Грубый товарищ, высмеявший, выкрадя
их, убийство. Убийца – тот, кто не мог смотреть, как режут курицу.

Ст[ихотворение]
Всегда всем и везде чужой

Ст[ихотворение] Мой памятник
Мой памятник – во мне и умрет со мной

Поэма
Мистич[ески] – символическая поэма о Морском могуществе
типа Медного Всадника мой шедевр

Ст[ихотворение] Оракул
Юноша у оракула. Многим предсказывает счастье. Одному – сулит муки и забвенье, но делает его поэтом. Юноша: «Спасибо».

Ст[ихотворение] Вор
Украл у друга крошку счастья, ее улыбку и аромат волос.

Пир стих[отворение]
Пир. Роскошь. Безумие. Безмолвная горная гостья. Слетает мишура. Холод. Ужас. См. Красную комнату По.

To strive, to seek, not to find, and not to yield
Бороться, искать, не найти и не сдаться

Поэтами не делаются, а рождаются.

Чем кто разумнее, тем больше находит он оригинальных людей;
люди толпы неспособны видеть различия между людьми.

Паскаль

Я пью из маленького стакана, но этот стакан – мой.
Мюссе

Художник, если не хочет остаться дилетантом-самоучкой, должен знать достижения всех предшествующих мастеров, прочно усвоить их, претворить их в свою плоть и кровь, - и тогда забыть о них и итти дальше

Вересаев⁴²

Выявление самого себя, выявление сокровеннейшей, часто самому художнику непонятной сущности своей, своей единой, неповторяемой личности – в этом единственная истинная задача художества, и в этом таится вся тайна творчества.

Вересаев

Грамматика – прочное констатирование форм языка данного момента

Вересаев

Стиль – это сам человек
Бюффон

Я заставляю себя смеяться над всем из боязни разрыдаться.
Бомарше

Менее опасна бутылка виски в кармане, чем томик стихов.

Второсортность – тот же практический здравый смысл

...сексуальная любовь есть в сущности любовь эгоистическая, хотя, казалось бы, многие ее проявления альтруистичны. Сексуальная любовь – наиболее совершенная форма эгоизма – отнюдь не ставит себе целью счастье любимого. Будь это не так, многие мужчины вынуждены были бы передать своих любовниц людям более благородным и великодушным и давать деньги на их содержание.

Брюзжанию нет места в великой поэзии или в каком бы то ни было искусстве. Литература не может жить брюзжанием. Великая поэзия всегда бесстрашна и задорна. Цивилизация сделалась слишком грандиозной и сложной для поэта. Он ее боится... не понимает ее сущности.

Рассвет поэзии возможен тогда, когда поэт не ощущает тяжести цивилизации. Вот, например, в древней Греции. В Англии в эпоху Возрождения.

Люди, чья жизнь поэма, стихов не пишут. Зачем писать? В эпоху великой цивилизации мужчины и женщины имеют возможность жизнь сделать поэмой. Когда поэмы претворяются в жизнь, стихи остаются ненаписанными.

Культурность есть способность давать оценку.

Точные науки в своем развитии далеко опередили искусство жить... Мы должны перестать думать об изобретениях и посвятить всю нашу духовную энергию претворению цивилизации в орудие для построения новой жизни... Не мешает провести закон, запрещающий работать над механическими и научными изобретениями. Того, кто в течение следующих ста лет что нибудь изобретет, не мешает заранее приговорить к виселице! (Что касается атомной бомбы то я вполне согласен с Вами, сэр!)

В нем было несколько «я». Жизнь его протекала в нескольких планах. Все, что он говорил или думал, зависело от того, какое «я» в данный момент одерживало верх.

Человек, сознательно превращающий себя в героя – мошенник.

На свете только и есть хорошего, что любовь да первые стадии опьянения (!)

My country, right or wrong
Права иль нет, ты все же моя родина

Ст[ихотворение]

Сижу за бокалом один. Пощады не даю и не прошу (Ницше). И, смотря на ваш хоровод, тихонько смеюсь пьяным смехом.

Смерть – пулевая точка на оси счастья и несчастья.
Размышления математика. КГ

Любовь – это когда хочется того, чего нет и не бывает... КГ

Только тот, кто наиболее отдавался своей чувствительности может сделаться самым твердым и холодным. Ему нужно одеться в плотную броню чтобы защищаться от грубых прикосновений. И как часто эта броня бывает ему тяжела!

Гете

Хрустальный мир (вершина англ[ийской] лирики)⁴³

Маллармэ: главное – музыка. Не называть предмет, а заставлять читателя догадываться о нем, что усиливает очарование

naviget, haec summa est
пусть плывет – в этом все (Вергилий)

Эр[отический] ст[их] о любви лесбиянок

ст[ихотворение]

Я – жалкий одинокий старик – гигант прошу милостыню у дороги. Надо мной – скала испещрена клинописью (см. восточная поэзия – размеры (Шенгели)⁴⁴ Это – труд моей жизни, но я забыл значения... Я – нищий. Я – старик.

Слон Сонет

Слон неторопливо шествует по улице. Вокруг суета (описать) Но он невозмутимо идет сквозь это как сквозь сон и его явь – это сны о далекой родине. Леконт де Лилль.

Перевести в стихи смерть Дон Кихота

Любящий многих познает женщину, любящий одну познает любовь

Сельвинский⁴⁵

Писатель избавляется от своей печали, если претворяет ее в художественные образы. См. Философические письма Чаадаева

Мой путь – Green, перенесенный из куперовского века в век Ald [Олдингтона]

Я не из тех, кого называют «славным парнем»

Саркаст[ический] рассказ о пресмыкании людей перед собакой, ставшей по воле старой девы (богатой) наследницей ее денег (по завещанию после собаки деньги переходят к тому из родств[енников], кто лучше всех будет с ней обращаться. Следят жюри.

Сатирич[еское] ст[ихотворение] Казарма обучение муз. Смиррна! Как стоишь, сука! Нале – во! Шагом, арш! Раз, два, раз два Разговоры отставить! Вынести сии изречения в эвфуистлесную ткань стиха, по-старинному утонченного. Конец – сон.

Жалоба музы

теперь она – трамвайный кондуктор... печаль... последние строфы пересыпать трамвайными выражениями в противовес утонченному началу.

Смерть и Время царят на земле,
Ты владыками их не зови.
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Страсти волну с ее пеной кипучей
Тщетным желаньем, дитя, не лови:
Вверх погляди на недвижно-могучий,
С небом сходящийся берег любви.
Вл. Соловьев [«Иматра»]

Философия изучает мир, но дело в том, чтобы мир переделать
Фейербах

Миф Платона о двух половинах души

Дон Жуан – вернейший возлюбленный, сквозь тысячу встреч он идет к Ней которая не будет найдена

Ст[ихотворение] Бродяга, попавший в чужой город без гроша испытывает большое счастье. Свобода. Никого не встречает. Все вокруг – его собственность. Пишет (стихи) на мягком приморском песке и море читало их. Диоген. (Впеч[атления] Сухума собака и девушка. Женщина несет по улице на руках теленка.)

Бессмертие. Я не герой. Меньше всего жди от меня блеска, славы и наград толпы. Но что, какая земная слава может дать наслаждение, которое испытываю я, зная, что в руках моих – бессмертие и не давая его тебе, так как мы – выше его.

Ворон О. Форш⁴⁶ В чем преимущество плохого коллектива перед хорошим человеком? (правильно ли поставлен вопрос?)

Тупик каждого мыслящего: полная невозможность сочетать свободу субъективную с правдой объективной. Приходится предать одну или другую.

От «дефектов жизни не спасут ни общественное положение, ни общественное благоустройство, ни познание законов природы, ни социальное уравнение (? К.Г.)

Гоголя занимала катастрофическая проблема: можно ли человеку быть творцом-художником, не будучи святым. Непримиримость этого противоречия погубила его.

Смертельная тоска сексуального акта в том, что в его безличности раздавлена и растерзана тайна лица любимого и лица любящего. Этот акт вводит в круговорот безличной природы, он закрывает тайну лица. Кто это понял, тому надо искать неземного наслаждения.

Франциск Ассизский – святой

Пушкин – гений

Фр[анциск] Ассизский творил СЕБЯ, иное, более совершенное бытие.

В творчестве гений жертвует собой. Этим гений оправдан, если в быту он и аморален. Аморальный гений равноправен святому. (Гоголь не знал этого. Он погиб. КГ)

Ст[ихотворение]

Разве ваши эти поля и леса, если я иду по ним и наслаждаюсь ими? Вы построили заборы, но разве можно владеть землею? Разве можно разделить море? Ваше ли это? Вам придется ослепить, убить меня, чтобы отнять это.

Прекрасная женщина в меховом мантио – собственность жадного банкира. Выходят из авто в ресторан. Я, прижавшись к стене под дождем, ловлю один лишь взгляд ее и – кто владеет ею – ты ли, потеющий на ней, или я – который не увидит ее больше. Сжимаю ее тонкие руки своими короткими пальцами, ласкаю ее – она принадлежит тому, кто может обессмертить этот мимолетный взгляд.

(Гер[асимов]) Летописец

Кроткий старик, всю жизнь проведенный в темной келье за толстым фолиантом – летописью. Всю жизнь убил на нее с ранней молодости, не требуя награды и, не увидев ее, уйдет из жизни. Мое творчество.

Все суета и томление духа и нет добра на земле

Экклезиаст

Человек не может жить не рассуждая

Аристотель

Если бы наш возраст соответствовал нашим чувствам, мы бы умирали от старости двадцати одного года от роду.

... веселый кельт, упорный саксонец и самонадеянный норманн.

Илиады вообще более значительны, чем воспеваемые ими подвиги.

Ребенок имеет право на рождение, если он зачат в любви, а не в похоти.

Вначале стремление к воспроизведению порождает любовь; в наши дни любовь порождает стремление к воспроизведению.

Малейшее проявление слабости у особи служит сигналом к ее уничтожению. С другой стороны закон установил, что каждая особь должна воспроизводить себя. Но воспроизведение влечет за собой

ослабление и временную беспомощность... Особь должно понуждать нечто более глубокое, чем разум, и это нечто – нерассуждающая страсть... Жизнь сохранилась до наших дней, потому что страсть не поддается контролю разума. Человек, пройдя путь от низших организмов, пронес с собою эту необходимую страсть. Развив воображение, он смешал оба начала, результатом этого смешения явилась Любовь.

Любовь есть утверждение воли к жизни законченного завершенного индивидуума.

Шопенгауэр

Человек, у которого внешняя жизнь противоречит внутренней – самоубийца.

Самоубийство вызывает в нас презрительную жалость, когда человек помимо своей воли выбрасывается из жизни, когда этот мелкий растратчик, бегущий из увеселительного кабачка топится в Темзе и в последнюю минуту думает о недопитом стакане.

Рембо Африка

Гогэн Таити

Художники, одержимые идеей гибели Западной цивилизации, бежавшие к дикарям

Моим полуталантом наградил меня ад: небеса даруют либо полный талант, либо не даруют ничего. Клейст

По Шекспиру жизнь высшая объективная реальность, из которой и должна исходить мораль.

Да, слишком дорого свое рождение

Приходится нам жизнью искупать.

Ибсен Пер Гюнт

Элентлегер⁴⁷ – глава северных романтиков

Искусство – четвертое измерение моего мира КГ

Картина средневек[овой] библиотеки Ласточки в библиотеке пыль, древние инкунабулы, пергаменты, пятна солнца на пыльных цветных

стеклах и – человек проведший всю жизнь среди книг. Старец. Ветки цветущего миндаля, напрасно стучащиеся в окно. Конфликт? Сюжет, развязка? См. Вересаева. Жизнь и суб[ъективность] ее восприятия человеком единств[енные] реальности в этом мире. Главное – здоровье, от него – сила духа, позволяющая забыть трагизм обреченного человечества – моста. Знание в слабом теле – пессимизм.

Англ[ийская] баллада

В англичанине спорят трое: кельт, саксонец и норманн

Ст[ихотворение]

Может быть – вступление к «Космической симфонии» (или рядовой сонет) Пыль вулканических извержений, страшных катастроф создает прекрасные пурпурные закаты. Использовать ВЛ[Воды Леты].

Может быть – (как) вступит[ельный] стих к циклу стихов о I мировой «Огненный век»

Заметка

В стихи – больше от киплингского Настоящего Мужчины

Разные женщины (Воспоминание) от девочки до пантеры в суперинтимае

Ты нужна, понимаешь, нужна мне... Ужас без воли (Брюсов)

ст[ихотворение] 3 друга. О Шекспире, Бэконе, Ралее не называя по именам, дать всех трех вместе.

Ст[ихотворение] Забытые стихи, дороже всех мне – вы, ненаписанные Танка

Ст[ихотворение]

Я болен, я очень болен так что не могу быть счастливым, пока на свете есть хоть одна гнусность а их вот сколько... Могу ли я любить, если ее может увидеть вот эта скотина? Книга – молодая девушка.

Constantina? Она пришла ко мне, в холодную неуютную холостяцкую комнату поэта замерзшая и я, нищий, сжег тетради своих стихов, чтобы согреть ее.

ст[ихотворение] a la Киплинг Черное солнце Черная Африка – черная Возлюбленная скорее Гумилев Легионеры – вернувшиеся в Европу, желающие вернуться обратно. См. «Туземцы». Девушка из Бирмы. Африку взять Лоти (спаги)⁴⁸. Марап. Батуала, Басс Бассина Булу и т.д. Черная Африка – символически. Диалог? Нгоньяма⁴⁹ и др.

Река – жизнь. Бурный исток – юность. Тихая дельта – старость. Море, куда вливаются все реки – смерть. Люди украшают берега Замками и сливают в нее нечистоты. Сугубо симв[олично]

Половинки душ Платона. Но если я – целая душа в своей физической половинке? Танка

Продолжение темы Феогнида

Острый вкус поцелуев чужих

На покорных ее губах... ее исступление и страх заставляет бешено сдавливать ее тело в объятиях, смешивая безумие ненависти с безумием страсти.

Пошли мне великое счастье или великое страдание. Хуже всего – середина. Танка

Драма «Последний король» см. образ Фи у Сиднея Фея.⁵⁰ Человек 18 века и материалистический новый век. Он – аристократ и старик, сталкивающийся с материализмом и утилитаризмом окружающих. Его одиночество и смерть.

Не позволяет разорять аллеи старого парка, чтобы строить завод. Протест против механизации жизни и власти железа над человеком. Эстетизм и аристократизм былого.

Поэт должен говорить о том, о чем никто не догадывался до него, говорить так, как никто до него не осмеливался.

Друзья – слишком дорогая роскошь, и тому, кто весь свой капитал вкладывает в свое призвание, в свою миссию в жизни, тому не по карману обзаводиться друзьями, слишком дорого обходятся друзья не в силу того что делаешь для них, а в силу того, что отказываешься сделать из-за них. Благодаря этому заглушаешь, калечишь в себе немало духовных поисков.

Письма Ибсена

Yet each man kills the thing he loves. Whilde Каждый человек убивает то, что он любит

Смерть Ивана Кузьмича. На том свете в раю сталкивается с бюрократизмом этого мира. Прописка, документы и т.д. Проснувшись, хочет перекреститься, но спохватившись пускает нехорошее слово.

Поэт – вершина человечества привилег[ированный] баловень судьбы. Ему должны предоставить все удобное ему. Внут[реннее] удовлетв[орение] Шопенгауэр

Поэма. Свободные размеры, редкая рифма, сложная символика, утонченность образов, трансцендентное мировосприятие... 300 стихов. Меняющийся размер, убывающая дл[ина] строф и строк, музифицир[ованная] аллитерация. План – не плавного течения, а совмещения разных плоскостей, прерывистостью. Хруст[альный] мир Олд[ингтона]

Небо у нас сивое, а луна точно репа
Из писем Пушкина

Нужно проглотить океан книг и извергнуть его обратно
Флобер

Не мудростью могут они творить то что творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно прорицателям и поэтам.

Сократ о поэтах

Всякий сходится с женщиной, какой он заслуживает. Вересаев?

Старый жалкий мир с его изношенными радостями и с надеждами, похожими на опасения.

Моррис⁵¹

Когда мысли размениваются на мелкую монету, во рту остается противный вкус меди КГ

Ст[ихотворение] о грядущем мире искусствократии по принципу: интуиция предшествует исполнению, замысел выше воплощения.

Пророки, поэты и художники. Найти греч[еское] слово красотакратия искусство...

Ст[ихотворение] Я был жалок в этой позорной жизни, но это был не я – это palus, а я умру и пройду без следа «Человеком в себе» см. Уитман – умирающему.

Ст[ихотворение] наслаждение жизнью самой по себе. Эллинское восприятие божественного окружающего. Утро, свежесть запах земли и цветущих деревьев. см. Уитмана Тарзан Хочется быть зверем.

Ст[ихотворение] Мужчина – свободный охотник. Начало земледелия, связанное с женщиной, есть начало рабства.

Люди могут лгать богам, но мужчина не должен лгать женщине
Киплинг

Уитман – проповедник первобытного, не опрощение, а приобщение.

«Я знал нищету, голод и все что вытекает из них, но все это – ничего или почти ничто, с этим можно примириться. Но ужасно то, что это мешает работать, развивать интеллект[уальные] способ[ности]

Правда, страдание обостряет талант, но когда его слишком много, то может его убить»

Рид и [неразборчиво] доказали, что вся геометрическая полинезийская орнаментика (оружие и утварь) происходит от схематичного изображения женского тела.

Таитянская мифология и мироощущение.

Ученый, ты объясняешь философию, но кто объяснит нам твоё объяснение?

Вурон

Философия – удел неудачных поэтов

Изречения (Ницше)

Змея, которая не может сменить кожу, погибает. Так же и дух, которому не дано сменить убеждения: он перестает быть духом.

Искусство и только искусство – искусство дано нам для того, чтобы мы не погибли от правды.

Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает смотреться в тебя.

Быть великим – значит: дать направление

КГ

Истина ни в да ни в нет, но в том, что вечно мечется между ними.

Лондон – вот в ком поразительно уживаются идеи демократии и аристократии духа (ницшеанство и – рабочее движение!)

У поэта хорошего может быть много плохих стихов, но у поэта плохого никогда не будет хороших стихов.

Каждая женщина – маленький Бергсон

Элемент тайны необходим в каждом литературном произведении. Сказанное до конца не может увлечь так же как загадка.

Чрезмерная любовь к фразам иссушила твое сердце. Мать Флобера – сыну

Ст[ихотворение] – я шепчу ей первые нежные слова признания, но... чувствую за спиной холодное дуновение, слышу шопот тысяч и тысяч, повторяющих за мной те же слова... Миллионы моих предков призрачным хором повторяют то же и мой плач – это их бормотания. Они приказывают мне любить, ибо они мертвы. Гробы. Жизнь продолжается.

Мятеж на Эльсиноре [Джек Лондон]

Глубочайший инстинкт человека – борьба с правдой, т.е. с реальным. С самого детства человек уклоняется от фактов... Чудо, химера, «завтра», «на той неделе» - вот чем он живет... Только ложь делает его свободным... Животное в состоянии бодрствования не может убежать от действительности, потому что у него нет воображения. Человек, даже когда он бодрствует, бывает вынужден искать спасения в надежде, в вере, в басне, в искусстве, в бессмертии, в алкоголе, в любви. Он убегает от Медузы-Истины и взывает за помощью к Майе.

Все глубокие мыслители тонут в море противоречий.

Мир – моя идея. Шопенгауэр

Мир – мое изобретение. Жюль де Готье

Воображение создало действительность – вот его догма

В этом взлете в высь чистого познания, достижимого лишь для очень немногих человеческих существ, зарождается

созерцательное чувство. Жизнь перестает быть добром и злом. Она становится непрестанной игрой разнородных сил без начала и конца. Освобожденный Разум сливается с Мировой волей и воспринимает часть ее сущности, которая не есть моральная сущность, но эстетическая.

Де Кассер (?)

Инстинкт создает, исполняет работу видов. Разум разрушает, критикует, отрицает и кончает чистым нигилизмом. Инстинкт творит жизнь бесконечно, слепо, щедрой рукой выбрасывая в мир своих клоунов, своих комиков и трагиков. Разум остается вечным зрителем представления.

Де Кассер

Мороз щиплет мои щеки, морская соль забирается мне в нос, в моих ушах воеет ветер, и все это – знакомое, пережитое. Теперь я знаю, что предки мои были викингами. Я – плоть от плоти их. С ними делал я набег на берега Англии, с ними доходил до Геркулесовых столбов, рыская по Средиземному морю, с ними сидел на почетном месте правящих слабосильными, разнежившими[ся]...

Я один из легендарных героев древности. Я исколесил ледяные моря и, еще до того, как наступил ледниковый период, я прикрывал плечи шкурой оленя, убивал мастодонта, нацарапывал историю моих подвигов на склонах пещер и сосал волчиц вместе с моими братьями-волчатами, следы чьих клыков остались на моем теле и по сей день.

Любовь есть заключительный аккорд. Разумному человеку она дает сверхрациональную санкцию его жизни. Подобно Бергсону с его недосыгаемым небом и подобно тому, кто очистился в огне Пятидесятницы и узрел Новый Иерусалим, попрали ногами материалистические выводы науки, вознесся на высочайшую вершину философии и нашел свое небо, которое в сущности заключено во мне самом. Естество, меня составляющее, то, что я зову моим «я» так уже создано, что высшее свое осуществление оно находит в любви к женщине. Эта любовь – оправдание бытия. Да, оправдание и награда, вознаграждение полностью за эфемерность и бренность нашей плоти и духа.

Да, я погибающий белокурый властелин и мужчина; я занимаю высокое место и подчиняю своей воле тупоумных скотов. И я, любовник, любящий властную женщину своей расы, и вместе с ней мы занимаем и будем занимать высокие места правящих и

господствующих, пока не исчезнет с лица земли наша раса.

Любовь, как чудо, служит вечным источником изумления. Поверьте, мне знаком старый, сухой, научный метод возвеличивания, подсчитывания и классификации любви. Для созерцательного взора философа любовь – безумие, космический обман, насмешка. Но когда отбросишь эти интеллектуальные предпосылки и станешь просто человеком и человеческим самцом, короче говоря, любовником – тогда все, что остается делать и чего невозможно не сделать – это уступить требованиям жизни, обнять обеими руками и прижать ее, единственную, к себе, как можно ближе к сердцу. В этом венец твоей жизни и всякой человеческой жизни. Выше этого не может подняться ни один человек. Пусть философы копошатся где-то внизу на холмиках кротовых нор. Кто не любил, тот не вкусил всей сладости жизни. Я это знаю. Я люблю женщину, Маргарэт. Она – желанная.

Женщина преследует мужчину, притворяясь, что убегает от него. Бедняга человек всего счастливее тогда, когда любит и любим.

Прочтите биографии Гейне или Бодлэра, Ибсена или Достоевского, вычеркните в них все, что не непосредственно относится к писательству и какая останется скучная серая обыденщина! Вересаев

Кастора и Поллукса, близнецов Диоскуров, из которых Кастор был смертен, а Поллукс бессмертен, Шопенгауэр сравнивает с честью и славой человека.

Великий Страдалец Дионис – это беззаботный кутила Вахх!! Здесь таится глубокий смысл. Трагическое восприятие жизни и опьянение вином Диониса – неотделимы. Соч[инения] Джона Барлекойна

В его вине – забвение и иного выхода нет. Глубоко символическое стихотв[орение]

иррац[ионально]-трансс[едентально]-симв[олические] стихотв[орения] с глубокими издевающимися словами:

1) Аполлон – живая нить, сила в искусстве, тема настоящего мужчины, Гомер

2) Дионис – стихия Большого Закона

3) Майя – иллюзия

4) Еще неведомый мне синтез этих понятий в едином потрясающем образе. Короткие (3 катрена)

Вся моя жизнь – да была ли жизнь? Имеет смысл только в том случае, если Тени – нечто. Значительное. Если же нет... Но я верю, верю, верю... Но ----- какой же смысл во всем этом, какое же это имеет значение, если тени похоронены для всех и навсегда? Если ни один человек не прочтет этого?

Есенин – Черный человек

Без жеманства. см. Асеева, см. Дикую утку Ибсена

Ведомый на казнь от души желает счастья окружающим, кидаящим в него камни, гордясь перед ими. Я – человек. А вы – станете ли им?

Рассказ. Отец просит друга, приехавшего погостить, сделать его жене ребенка, опасаясь дурной наследственности... Друг приехал через 20 лет, полюбил сына. Конфликт между отцом настоящим и мнимым. Ревность мнимого, сын тянется подсознательно к настоящему отцу. (мистика)

Ни славы, ни вечности, ни счастья, ни любви – только одиночество, одиночество, одиночество.

Нищета, отнимающая меня от меня и проклятие нищей жизни.

Великая трагедия обреченных на свои физические оболочки – слабые мужчины и некрасивые женщины.

Ст[ихотворение] Миг. В 1 миг столько на земле событий: рождений, смертей, любви и т.д. Города, леса, моря, горы, степи, звери, бури, пустыни, суда и т.д. смещение плоскостей и иррац[ионализм]

Пародия на «Черную шаль». Вставить современные термины. Вместо убийства – гадость по службе.

IV В[ook]

май 1947 – март 1948

Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает смотреть в тебя.

«Мои стихи...» Последние слова Брюсова

Робаи

Если бы я узнал, о возлюбленная, что мир погибнет завтра, я поспешил бы к тебе, чтобы встретить его гибель в твоих объятиях.

«Слова, слова, слова»

ст[ихотворение] Во мне скрыто множество людей. Иногда я – Наполеон, иногда – Гете. Иногда Шопенгауэр или Китс или Аннунцио или Франс или Киплинг. Я – человек.

ст[ихотворение] подобие брюсовскому ст[ихотворению] – обозрению этапов творчества 3 части

1. Грезы 2. подавлен земным, бегство 3. тема объект[ивная] реальность мира

ст[ихотворение] Мольба. От бездны Большого Закона должна спасти Жизнь в ее высшем проявлении – красота. Ибо Красота – венец обмана чувств, который мы должны принимать за правду. Сюда же относится любовь (но не бездна страсти) Мольба Красоте спасти от Белой Логике, набросив на черную пропасть серебряную ткань.

Ст[ихотворение] Я. Апология Меня. Человека, явившегося высшим творением... по сравнению с животными и низшими людьми. Как не презираю червя, так и их, но мне не равня они.

Они должны работать, доставляя мне все то, что требует утонченный и возвышенно одухотворенный человек. За это я дарю им счастье проникновения восприятия бытия в своих творениях. Я – вершина цивилизации, ибо ученые и техники – для меня. Конец: мое величие. А преклоняюсь я только перед тем, кто грядет, ибо человек – это еще не предел.

Шопенг[ауэр] (содерж[ание]) Уитман и Киплинг – техника.

Ст[ихотворение] Мой дар. Я ничего хорошего не видел от черни, в которую столько гениев кидали семена... Но вот тебе мой дар – человечество. Мой дар – это ты.

Я дарю тебе – раба. Своб[одный] разм[ер]. Уитм[ен] – освобождаю тебя от суеверий, предрассудков, жестокости и подозрения, изуверства и нетерпимости, лжи, которые оковывают тебя... Дарю тебе глаза. Ибо ты не видишь. Конец. Ты сделала меня изгоем, но я дарю счастье если не тебе, то сыновьям твоим. Я дарю тебе тебя.

Мидас симв[олическое] ст[ихотворение] Поэт все, к чему он прикасается, обращает в золото стиха и погибает от голода опустошенной души. Не называть Мидаса, дав его только в заглавии. Голод чувства, не обращенного в золото стиха. Эпигр[аф]: ... все в жизни лишь средство для ярких певучих стихов (Брюсов)

Ст[ихотворение] Братья... Слепец (тело) и поводырь (разум). Слепец страшный... могучий... обросший шерстью, покрытый шукурами. Он жуток своей красной силой. Мальчик зряч. Он болезнен, умен, нервен, колеблется, страдает... Старик идет и твердо уверен что идти надо. Мальчик растерянно колеблется. Трясина Багрицкого⁵² – стихийность жизни. Диалогизировать? Кто кого ведет

...Примитивный слог Хеминг[уэя] сочетать с иррац[иональностью] Грина. Действие проходит в Техасской пустыне (Генри, особенно Сетон-Томпсон)⁵³ – родном месте Славного (ковбоя) сценки у костра и у лошадей. Молча страдает от того, что нет Ее. Славный примитивно смотрит на это, задавая жестокие вопросы.

Проводы. см. Гумилева. Проводил всех и остался вновь один – в цикл раасказов.

De profundis (впервые появляется латинское «из глубины» - будущее название сборника К.С. Герасимова – В.С.)

Еще одно: не ты. (опять не ты)

«тоску о той, которой нет
я в горьких поцелуях прячу»

По правде сказать, ни одно решение не идеально... Гедонизм,

эстетика немногих, уединение, созерцание. Отрешение от глубокомысленных теорий банки с пауками.

Епископ Николас – сверхчеловек, Скуле – Гамлет – мелкий сверхчеловек, пародия на него. Поиски Ибсеном сверхчеловека. Бессилие Сольнеса⁵⁴ на высоте.

Стриндберг⁵⁵ – яркий ницшеанец.

По-видимому, в наше время Индия займет место Рима и Эллады в эпоху Ренессанса.

Законы Ману – кастовые перегородки.

См. Мария Яничек⁵⁶ о женщине неприст[ойно]
Пушпышевский⁵⁷ – эротоман

Так вещал мудрец Ману, желавший через унижения создать расу униженных, которые лежали бы совсем внизу подобно согревающему и питательному навозу. Чтобы благородные потомки Ария могли возвеличиться и каждое тысячелетие как алоэ давать один цветок.

Стриндберг

Опасность сверхчеловеку от женщины, которая не видит звезд. Ей не родить танцующую звезду, хотя в ней много хаоса ибо ее мысли устремлены к земле КГ

Наиболее страдающий сильнее других требует прекрасного: он создает его.

Чисто-индивидуальная поэзия, не находящая отголоска в других людях – вообще не поэзия. Луначарский⁵⁸

Талант – это не право, талант это долг. Ибсен

Ошибочно думать об искусстве по его моральному воздействию. С хорошими чувствами создают плохую литературу.

Америка – это единственное место, где можно чувствовать себя европейцем. Р.А. (Ричард Олдингтон)

Генри Миллер⁵⁹ американец. Цинизм и порнография. «Я совершенно равнодушен к судьбам мира. У меня свой личный мир и своя личная судьба. Я емь и это – все».

У нас были предатели расы, страны, религии. Но мы не вырастили настоящих предателей, которые предали бы род человеческий, а именно это нам и нужно. Генри Миллер

Мы уже больше не можем позволить себе роскошь иметь «потерянное поколение». Демпсей (критик USA)⁶⁰

Демпсей за определенную тенденциозность современного писателя и против аполитичности.

Последняя книга Уэллса⁶¹ – его духовное завещание человечеству.

Оден, Хаксли, Олдингтон, Могэм уехали из Англии

Человек – животное разумное. Женщина – нет КГ

Ради общего блага гений или ученый имеют право обманывать отдельные личности так же как военачальник часто должен вводить в заблуждение своих солдат. Лео Берг⁶² (сверхчеловек в современной литературе)

Тютчев. Проблеск, видение использовать как эпитафии.

Шоу. Тележка с яблоками (Англия, после 1918). Вагнеристки
Олдридж 49 штат, дело чести. Морской орел

Ты порой целуешь ту, порою – эту
В папиросном голубом дыму
Может быть, в упреках толку нету,
Да (читать) и не к лицу мораль поэту,
Только страшно стариться тому,
Кто любовь, как мелкую монету,
Раздавал, не зная сам кому.
[Степан Щипачев]⁶³

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate [«Оставь надежду всяк сюда входящий» – ит.]

Арнольд Беннет⁶⁴

... я, занимающийся невероятно паразитным делом рассказывая о том, что другие люди делают...

... где по интуиции, где из подражания, а где, быть может, и из притворства, я неожиданно стал тем, что я есть – тем «джином», который проделывает свои шутки при помощи некоторых эмоций, пера и бумаги.

Meo periculo – на свой риск

Sanctum sanctorum – святая святых

Stilo novo – по новому стилю

Meo arbitrio – по моему мнению

More magozem – по обычаю предков

Sapiens dominalitur astris – мудрец будет господствовать над звездами

Aequam servare mentem – нужно быть равнодушным Гораций

I bear an English heart Unised at ghosts and rattling bones to start
В груди моей бьется английское сердце, не привыкшее пугаться ни привидений, ни стука костей.

Нужно иногда оставить ум в стороне Гораций

Человек намного лучше и намного хуже зверя. Гений намного лучше и намного хуже человека КГ

Благодееяния принимаются с удовольствием до тех пор, пока за них можно отплатить тем же, когда же они переходят эту меру, то вместо благодарности чувствуют ненависть.

Класс bespecta cled women – очкастых женщин

В регулярном опаздывании есть что-то аккуратное.

В цивилизации бедность порождается самим избытком.

Фурье⁶⁵

Опаснейшие среди нас враги истины и свободы – это сплоченное большинство. Большинство никогда не бывает право. Никогда, говорю я. Это общественная ложь, одна из тех общепринятых лживых условностей, против которых обязан восставать каждый

свободный и мыслящий человек. На стороне большинства сила – к сожалению, но не право. Права – я и немногие другие единичные личности, усваивающие себе новые, едва нарождающиеся истины.
Ибсен

Германии была послана англ[ийским] правительством нота с ультимативным требованием не нарушать нейтралитет Бельгии. Срок ультиматума истекал в 12 часов ночи. Английский кабинет собрался за большим зеленым столом в зале, где не раз принимались исторические решения. В ожидании все смотрели то на стрелку часов, то на двери, и, когда пробили часы, в зале воцарилась торжественная тишина. Через 20 минут явился Уинстон Черчилль и сообщил, что им разослана по всем морям и океанам радиотелеграмма, приказывающая английским военным судам начать военные операции. Англия вступила в мировую войну. (Статья Ерусалимского)

Подать с абсолютной эпической беспристрастностью по отношению ко ВСЕМ

Даниэль Галеви⁶⁶ История четырех лет (Европа и Россия в 2001г.)

Проблема Азии (гипотетическая война)

Единственное что есть великого в мире – это человек, единственное, что велико в человеке – это дух. Sir Hamilton

Не знаю – жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной, -
Душа тебе быть верной не устала
Тебе, тебе одной
Поэт – Музе
Брюсов

Мое единое Отечество –
Моя пустынная душа.
Бальмонт

Белейшие цветы растут из тины
Червонней всех цветов на плахе кровь
И смерть – сюжет прекрасный для картины.
Бальмонт

Заметка. Баллады а la Бернс, Саути. См. Маршак. «Кобылу» например.

Сборник стихов Степана Портянкина. Пародия на лаптевую эстетику. Редактор Гамлета – Степан.

Заметка в рассказ. Женщины монополизировали свой пол и продиктовали мужчинам условие: брак. Пора покончить с монополией. Подать по-американски эксцентрично (новая монополия)

Симв[олическое] ст[ихотворение] От имени мужчины. Мужчина. Любовный охотник. Земная женщина – мать земледелия – заботясь о роде, потомстве, прикована к земле тела и сделала его рабским. Это – начало рабства прозреваю грядущие цивилизации, но я не буду там так свободен. (Скотовод). Прогресс не может вернуть былой свободы. Вохотнич[ьем] обществе не было рабства. Земледельческие рабовладельческие империи Востока и античности. Я убивал врагов, но стал потом делать хуже – превращать их в рабов. Во всем виновна женщина. В охоту – дух Книги джунглей. Мы одной крови – ты и я

Хвала женщине. Люблю тебя за убитых птиц, украшающих перьями твою шляпку, за убитых мною зверей, которые дали тебе меха, как убитые тогда мною звери дали тебе первую одежду. За убитых мною на бойнях, мясо которых переродилось в эту прекрасную и нежную плоть. Люблю тебя за то, что в земле гниют трупы и кости убитых для того чтобы в твоих волосах сияли искры бриллиантов. За кровь и трупы моих соперников, убитых мною для того чтобы овладеть тобой. Да будет моя любовь чиста и небесна.

Цинизм и резкость, смертельная ирония, насмешливо контрастирующая с нарочито возвышенным началом.

Равнодушие, предельная конкретность. Вот мы жили и спали с тобой и я вижу как на твое плечо руку кладет другой желаю тебе счастья. Я никогда не был твой, ты никогда не понимала меня. Тщетна была моя тоска по Женщине, перенесенная в обстановку якобы романтического средневековья с рыцарями и замками, эксцентричная американка мечтавшая попасть в 12 век невероятно скучает. Юмористические столкновения с грязью и тупостью людей того времени, с их суевериями.

Расск[аз] Молодой художник, мечтавший о Ней, по грошам копит

и устраивает комнатку (мой идеал). Ее нет. См. Флобер. приводит отчаявшись и напившись к себе проститутку. Конец: омерзение, он жалок и т.д.

Ст[ихотворение] Я бегу из города в город, чтобы не видеть знакомые лица. Хотел бы потерять лицо См. Странник Волошина.

См. Светония – Цезарь в исп[уге] перед статуей Ал[ександра] Мак[едонского].

Город stilo Уит[мен] – Маяк[овский]. Я хочу многое. Тысячи жизней. Я в городе многое видел сегодня. Уйду, оставив миллион нецелованных женщин. Миллионы непрочитанных книг.

Ст[ихотворение] Сугубо реалист[ическое] описание моего прибытия в Вест. Мне захотелось встать на колени и поцеловать эту землю, но она была покрыта угольной пылью... Дать понять, что ЭТО – не от юношеского майнридства, а глубокое человеческое чувство.

Сантаяна.

Жизнь – преходящая музыка идей, драматическое видение, тема для диалектического проникновения и смеха.

Нужно видеть обе стороны и не становиться ни на одну из них с тем, чтобы идеально охватить обе, воспеть обе.

Я вынужден признавать окружающий мир, даже, если размышляя, я твержу себе на каждом шагу: иллюзия, иллюзия.

Думай и действуй так, как если бы мир существовал, но ни минуты не допускай, что он существует.

Существование в своей основе – безумно.

Существование материального мира – нормальная патология животного сознания.

Общество достойно наблюдения, но не достойно служения.

У духа нет иных материалов или инструментов для построения лучшего мира, кроме грез.

Escape – бегство (искейп). Искейпизм – романтизм или иное лит[ературное] течение, уводящее от действит[ельности]

Я принимаю жизнь на своих собственных условиях. К.

Когда слишком много ждешь, то радость превращается в некоторую печаль. Паустовский.

Поэма. Что же мы двое с мечтой о пленит(ельном) 12 Блока. Перебои. Жестокость! История жестока и беспощадна (конкрет[изировать?]) расы уничтожаются, хотят или нет. Вкрапить интимный бред о счастье бегущего к голливудской красавице кинообрывками. Очень неровный размер. В ходе железных жерновов необходимости тщета человек[еских] воплей. Контрасты. Война и пудрящаяся девушка. Все течет своим чередом невзирая на вопли. Обрывистость, иррац[иональность], алогичность. Бабочка вивисекция искаженная тьма.

Цикл текстов к танцевальной музыке

1. полька – поцелуй меня – бойко-кокетлив[ый] – интим
2. танго – изысканно меланх[олический]. Тень твоих ресниц
3. фокс[трот] – эксцентрично...
4. вальс – старинно-утончен, изящен
5. румба – эксц[ентричный] экзот[ический]

Звукопись – ритма и шума ст[ихотворение] Прибой. Гром прибоя и шипение отливов чередовать наращивая пафос и [с?] моментом ударов. Шипящ[ие] гулкие

Ст[ихотворение] типа публици[стики?] Пушкина – (поэт, поэт и чернь) о тех кто предает свое дарование – мерзкая проституция и – молчание, которое не увидит славы – благороден подвиг их.

Легенда о любви а la Моэм Ее на свете нет и никто не догадался бы, если бы не было полумистических традиций. Эпич[еский] [мотив?] от столетий, от книг, от видений эти губы, и клятвы, и ложь...

Прочел свои давние стихи и встал чужим поэтом. По чел[овечески] то близким, не догадывался, что это мое, потом вспомнил.

Эпически спокойно о «святом ремесле». Это мешает мне жить (чуть груст[но])

Триолет⁶⁷ Фант[астическая] мысль о будущем. Мужчина – аппарат исключ[ительного] мышления. Женщина – деторожд[ение] и – работа (несложная, у машин)...

Я. Моя лирика не узка. Я взволнован всем от соловья у розы до космических лучей.

Танка, раскрывающая символы японского иероглифа... в духе понятия, даваемого иероглифом (символически).

Мой, мой твердили многие, из которых ни одна не была моей.
Т[анка]

Кольцевые Т[анка] с яп[онской] орнаментовкой

...если историк литературы хочет непосредственно превратить свою работу в историю социальной жизни, для него безразлично, имеет ли он перед собой высокохудожественное создание или самое посредственное: последнее иной раз может легче повести к выводам. Но тогда остается непонятным, почему историк ограничивает себя областью литературы. Потому что для его выводов ему могут оказаться более полезными явления совершенно иного порядка, например, моды дамских нарядов... Брюсов

Голова, которая не оборачивается к исчезнувшим горизонтам не содержит в себе ни мысли ни любви. Гюго

Гиперборейцы по преданию на Мурмане (Мурман – от норман!) жили 1000 лет. Царство Гэорея. (по предст[авлению] древн[их] греков.

Древние индусы упоминают о «дне и ночи богов» которые длятся по полугоду. И о стране, где можно увидеть вращение «небесных колес». Т.е. круговое вращение звезд около полюса (а это возможно лишь за пол(ярным) кругом. См. пифагорейцев гиперб[орейцев?] по Лондону также пьеса : «Так говорили пифагорейцы» Гондвана.⁶⁸

Предисловие к Брюсову – пародии на симв[олизм] но не так грубо, в стиле Саши Черного:

Жить на вершине голой
Писать простые сонеты
И брать от людей из дола
Хлеб, вино и котлеты.

Однако утонченность не кларистская, а именно болезненно-декадентская, «Аполлон»[овская] рафинированная.

Не обозревание глазами статического образа пришельца окружающей обст[ановки] но нарастание в нем кризиса (ухода) в

символических черточках. Хозяина – приверженца Сантаяны (дать чуть скептиком).

Равенство всегда обрывает ноги более высокому так как не может вырастить карлика. М. Волошин

Души их (поэтов) подобны раковинам лабиринты которых гудят звуками, приходящими неизвестно из каких времен. М. Волошин

Тот кто берет цитату вне круга цитат, ее объясняющих, тот – вор и убийца смыслов. А. Белый

В грозных разгромах, в гудящей над миром мятежности,
В празднике бури, в неистовстве молний, в громах,
Что же мы двое, с мечтой о целительной нежности,
С трепетной песней о счастье немом на устах? Брюсов.

Избежать всего этого нельзя, но можно презирать. Сенека

План. Продолжая общие тетради в хронологическом порядке, составлять из них отдельные сборники – S или Const или T или др.

Я – стихач. Поэты всегда призывают бессмертие на свои строки, но можем ли мы читать Слово о полку Игореве? Разве наши мысли, воплощенные в радужные оболочки слов будут доступны потомкам так, как они понятны нам? Переведенные на неведомые языки будущего, по иному прозвучат они. Но мне милы вы именно такие как вы есть. Безнадёжно архаические и устарелые уже для моего внука, не говоря о будущих существах, у которых может быть вообще не будет письменности в ее настоящем виде, а нечто телевизиорно-стенографическое. Бессмертие когда через пару столетий мы будем непонятны как нам непонятна церковно-славянская вязь.

Робаи Сетования на земные слабости поэта. Но ведь и соловей питается червями.

Моих S достаточно только для того, чтобы жить, но не для того, чтобы умереть.

Очерк – попытка лирически инструментированной критики. В переводе теряется жизнь стиха. Необходима конгениальность.

Гумилев. Принципы худ[ожественного] перевода.

...Все в мире – построено из слов. Первородное слово... В начале было слово. См. Сантаяна. Мы должны принять за реальность этот узор красок и форм. Познать – значит назвать. Cogito, ergo sum. Сильно и резко – грубо. (Кипл[инг]-Гум[илев])

ст[ихотворение] минута. Самое дорогое на свете – время. Начать перечислять ценности и – парадоксально дать в конце – «но дороже всего минута».

Ст[ихотворение] пессим[истическое] У меня нет отца, матери, родины, друзей, дома, возлюбленной, меня самого. Нет страдания, кот[орое] облегчило бы все это, нет жизни, но нет и смерти. Зато у меня есть куча книг, которые сделали меня несчастным и ст[ихотворений], которые я ненавижу на след(ующий) день.

ст[ихотворение] саркастич[еское] stilo Гэпли⁶⁹. Нет, гражданином я могу не быть, но быть поэтом я обязан. Всегда один и счастлив поэтому. Идиотизм понятия «большинства». Но разве оторваться от массы значит револьвер к виску? Я, сложивший ст[ихотворение] о городе совершенства, счастлив именно один. Людей надо принимать в небольших дозах. Одиночество – свобода. Издевающееся ст[ихотворение]. Человек – эксперимент и не особенно удачный.

Рождение ребенка и его первый плач стих[отворение] Робаи – придя в мир я сейчас же заплакал.

Ром[ан] историч[еский] о Брюсове. Гибрид Тынянов-Цвейг. Основная установка? И господу и дьяволу готов молиться я...

Ст[ихотворение] Толпа a la Фрейд. Я попал в толпу и ревел вместе с нею и стал зверем и толпа вошла в меня и делал глупости. Вышел и очнулся. Stilo Честертон.

Ритм и поэзия. A la философская статья... «Работа и ритм»⁷⁰, Спенсер⁷¹. Идея – ритмика мироздания и стиховые размеры поэзии. Мелодика стиха Эйхенбаума и вообще теория поэзии.

Песенка – мы идем по Завоеванной стране (Киплинг пыль пыль рефреном – напев... песенки (та та та тата-та моя) В разгромленной комнате ноты ее на разбитом рояле и картина артистки?

Пастернаковски иррационально, но не угловато, а песенно (тоска).

Другу. Хорошо, задушевно. Полувольный 7-стоп[ный] анапест музифицированный. Резко и печально. Немного Маяк[овского] Море. Чуть насмешливо поговорим об этих непонятных девушках.

Критич[ески]-философск[ая] статья – Маяковский и европейская цивилизация. См. Руанский собор⁷² и вообще Волошина. Восток и Запад. Примитивность Маяк[овского].

Влияние монголов и растленной (вставка – разделение церквей) Византии на Россию и отсутствие влияния римской дисциплинирующей цивилизации, латинского кларизма на пресловутую широкую душу. Если народ – примитив, а интеллигенция, поставленная лицом к лицу с машиной цивилизации и знанием обанкротилась без дисциплины ума и чувства юмора, счастья. Спиридоныч Эренбурга

Идея некоего мирового равновесия справедливости – то что проигрывает в одном выигр[ывает] в другом (сила – ум и т.д.) только в психологии чел[овека]

Шуточное ст[ихотворение] играем с жизнью ставка счастье. Орел – она выигрывает, решка – я проигрываю.

Ты не знаешь, кого я тогда привел? Ты думаешь – тебя?

Ст[ихотворение] Бомбардировка. Внезапно потух свет и в ударах бомб и черного ужаса я почувствовал ее теплое тело в объятиях и ее слезы на своей щеке и понял, что мы в безопасности и бессмертны. Эотен

У Гамлета есть время жить, потому что он не действует
Метерлинк

Старые поэты escape от грязи этого мира в небеса, новые – да здравствует эта грязь, я – пою то прекрасное, чем может быть настоящее. КГ

Лучше зажечь одну маленькую свечку, чем проклинать темноту
Конфуций.

Кладбище – местность, заселенная людьми, которые думали, что мир без них не может обойтись. Юлиан Тувим

Клемансо⁷³ сказал, что Америка – это та страна, которая непосредственно от периода варварства перешла к периоду упадка, минуя промежуточную ступень цивилизации.

Большинство. Мы хотели большинства, возьмем его.

Дурацкий голос, заглушаемый издаваемым джазом (эксцентрично).

Голос радио в пустыне – победа человека над стихией тупости.

Обол Харону. Мой обол – стихи, так как я нищий.

Должны найтись новые «вечные темы». Каждая вечная тема имела начало, и человек изменился так, что могут найтись сейчас начала вечных тем (Человек и машина и т.д.)

Я не боюсь сказать, что в настоящее время мы ни в одном стихе Илиады или Божественной комедии не чувствуем того смысла, который был им свойствен первоначально. Жить – значит меняться, и загробная жизнь наших мыслей подчиняется тому же закону, если они записаны: они смогут продолжать свое существование лишь при том условии, что постепенно все больше и больше будут отличаться от того, чем были в минуту рождения в нашей душе. И то, чем будет восхищаться будущее поколение, для нас самих окажется совершенно чуждым и непонятным. А. Франс

Собрать темы критических заметок и произведений. Публицистический отдел.

Собрать все цитаты из Books и расклассифицировать их.

Советская эстетика. Теоретическое исследование типа философского этюда. См. Эстетику Чернышевского и Луначарского.

Музыка одна является прекрасной бесполезностью, и потому она так глубоко нас волнует Мадам Сталь

Быть влюбленным – значит чудовищно переоценивать разницу между двумя женщинами. Шоу

Всемирная история – чудовищная уголовная хроника Овс[янико]-Куликовский⁷⁴

Сердце чистым должно быть у поэта, но строки его могут быть иными Катулл

Интереснейшая идея: (см. Фрейд) Trottera: стремление низших организмов к многоклеточности. Стадный инстинкт.

Разрушающая сила разума на высшей его ступени заключается в отрицании идеи предпочтительности. Отсутствие предпочтительности идеи, действия, убивает волю. В социологии этот взгляд подтверждается Киддом.⁷⁵(Вера и воля создают государства, разум разрушает их). Абсурд идеи предпочтительности в любви и чувстве Шоу

Чел[овек] животное, изгот[овляющее] орудия Франклин
Человек – метафизическое животное Шопенгауэр
Человек – абстрагирующее животное Тэн⁷⁶

Книги – это не ваши враги. Маяки библиотек в море лжи и варварства хранят знание для лучших, грядущих.

Анатоль Франс Труд полезен человеку. Он отвлекает его от его собственной жизни, он спасает его от страха увидеть самого себя, он мешает ему смотреть на своего двойника, благодаря которому одиночество для людей ужасно. Он – лучшее лекарство против этики и эстетики. В труде еще превосходно то, что он забавляет наше тщеславие, обманывает наше бессилие и внушает нам надежду на хорошее будущее. Мы льстим себя надеждой одолеть, благодаря ему, судьбу... Труд дает нам иллюзию воли, силы и независимости. Он нас обоготворяет в собственных глазах. Аметистовый перстень.

Респэ [Распе] напитан старинными выдумками. Его способность заблуждаться значительна. Чувствуя себя малоспособным рассеять разумом наследственные предрассудки, он из осторожности сохраняет наследство басен, которые получил от предков. Этот род мудрости предохраняет его от заблуждений, которые могли бы ему повредить... Он подражатель, и казался бы им еще больше, если бы невольно не искажал того, что он копирует... Респэ не размышляет. Поэтому несправедливо говорить, что он ошибается. Но все его

обманывают, и он жалок. Он никогда не сомневается, потому что сомнение – результат размышления. Однако, его мысли изменяются непрерывно. И тогда он переходит от глупости к ярости... Но он блуждает, он томится, он страдает. и нужно сохранять глубокую и болезненную симпатию к нему. Следует даже его почитать, потому что из него-то и выходит всякая добродетель, всякая красота, всякая слава человеческая. Бедный ресус⁷⁷

Надо хоть чем-нибудь польстить человеку, которого посылают на убой. Это самый дешевый способ возложить на него эту обязанность.

По утонченности своих чувств он не желал, чтобы его любимые писатели были любимы и невеждами.

Д. Конрад Победа

Я верю в молитву детей – и в молитву женщин тоже – но что касается мужчин я думаю, что Господь им советует больше рассчитывать на самих себя.

Действие! Первая мысль или, быть может, первое побуждение! Зубчатый рыболовный крючок с иллюзией прогресса вместо наживки, чтобы вырвать из мрака небытия бесчисленные поколения.

Убийство... любовь... самые сильные завоевания жизни над человеком.

Горе человеку, сердце которого в детстве не научилось надеяться, любить... и верить в жизнь!

А. Франс Современная история

Убивать – обычно для животного, особенно для человека. Убийство почиталось долгое время в человеческом обществе как действие, выражающее силу, и в наших нравах и учреждениях еще есть следы этого древнего уважения. Они остались в тех почестях, которые воздаются военным.

Под тенью вяза

Есть только 2 социологии.

1. – не обращать внимания на отставших, ибо прогресс делают идущие впереди

2. – сравнивать всех и тем самым принизить часть авангарда для лучшего будущего.

Пифагорейско-ницшеанская идея, вечного возвращения, дается в романе так: завершить какую-нибудь фабулу, линию романа.

Закруглить ее. Затем дать ту же линию в следующем поколении, сделав его жизнь символич[еским] повторением первого, родившего его поколения в основных моментах (мать-дочь) Затем оборвать вторую фабулу, нарочито резко. В кульминации а la Марк Твен.

2 поколения 2 совершенно разные истор[ические] эпохи (вставка: может быть – отдаленнейший потомок), непохожие до гротеска и страшное (странное?) сходство человеческих жизней. Недоумение читателя (отсутствие развязки 2 линии) должно исчезнуть, когда он вспомнит жизнь предшест[вующего] поколения. Значит, и здесь будет то же. Употреблять сходные выражения для сходных моментов жизни. См. Франса: о мировой истории и рогатых мужьях, умерших и новорожденных. Разные эпохи: мирная и революционная (или война) Герои – женщины. «Жизнь» Мопассана. Идея наследственности.

Черная вода памяти. Без всплеска поглощающая все. (Впеч[атления] от забытого материала после экзамена) Стоит ли узнавать для того чтобы забыть?

Форма? Первородное зло – в отказе от «я», в стремлении к единению с женщиной, в отказе от гармонии замкнутого индивида, ибо половинки Платона – абсурд. С тех пор как любовь стала интеллектуальной. Другая сторона – чуждость нам земного чрева Евы, грех стремления к нему вместо звезд. Это – дань будущему вместо меня и спокойного созерцания и насмешки Сантаяны.

Было все юношеское (см. смерть поэта и ранние ст[ихи] и неловко-пылкое и наивное и надорванность, уход в себя и т.д. и раскаяния и ненависть к себе и разочарования. Одно только знаю в противоречиях – я не был похож ни в чем на других, и этого довольно.

Рассуждение о старом костюме (Беранже-Heine) Горькая насмешка над собой, своей нищетой. Ирония. Не хочу примириться с тем, что в жизни не может быть ничего прекрасного, смотря на жалкий вид ботинок (костюма?), которые хотят из организованной материи вернуться в хаос первобытный.

Враги человечества. Стиль итал[ьянского] неореализма кино Он – солдат, она – молодая интел[?] Деморализованный уставший солдат на постое в доме влюбился в девушку занятого города после гнусности окопной Он – полусумасш[едший] от арт[иллерийского] огня, она отчаяние от смерти близких. Он убивает однополчанина, хотевшего изнасил(овать) ее и после этого скрывается. Уйдя вместе

с ней бродят в развалинах. Жизнь в развалинах, его преследуют, смерть их обоих (расстрел). Жизнь в развалинах города – новый пещерный век.

Иду по улице и улыбаюсь многим. Замечаю – все на меня смотрят с ненавистью и удивлением.

Когда придет время, когда с удивлением будут смотреть на печального?

Воображаю вой критики при выходе моих ст[ихотворений]

Ответ на скифов Блока: тот кто не с европ. расой против монголов – изменник. А он с Азией против Европы.

Заметка. Т. Готье⁷⁸ советовал поэтам читать словари для пополнения запаса слов.

Отрицание благодати бытия, но счастье в телячьем восторге живой жизни. См Аполлон и Дионис Вересаева

Море и цивилизация статья см. географическую социологию Грота⁷⁹ и т.д.

Романтизм и реализм. Классицизм. Утверждение благодати бытия, мощи человека и властности порядка над хаосом. Мужественная стройность, аполлоничен. Романтизм отрицание благодати, грань мира, дионисизм, наслаждение трагическим. [вписка] вспомнить, почему романтизм национализм, а классицизм – межд[ународные] идеалы (парадокс). Поиски пользы романтизмом и красоты реализмом.

Стихи ни о чем и стихи о ничем. Разница между ними

Из построения алмаза в горении вдохновения – в уголь стихов, но обратно? Эпиграф из химии. Читатель из угля извлечет ли его? Туманнее, чтобы символика не выпирала. Процесс необратим

Мирное отчаяние, без гневных судорог и без упреков небу – вот истинная мудрость

Альфред де Виньи

Священные слова таите от людей

«Орфей» Гюго

О, гробик маленький печалей и восторга
Э.Рейно⁶⁰ о книге

Мне встретился рыцарь Несчастье, он был на коне вороном,
Копье он тяжелое ринул и сердце пробил мне копьем.
Верлен

Ст[ихотворение] Я. Может быть, я не имею права распространять
свою фатологическую скорбь на мировоззр[ение] других? ...
Здоровое и глупо-сговорчивое племя не нуждается во мне.

В киносценарий. Трюки. А ударил В тот свалился. А... скрестил
как покойнику руки.

Сухой закон: в кабачке дают соду, пьющие ее нарочно пьянеют.
Удивление бармена и его испуг.

Статья... Ум и воля. Великое противоречие. В виде предисловия к
гипотетическому философскому труду.

Статья проблема интеллигенции.

Наш век – эпоха, когда развитие техники сделало более полным
контроль над человеком. Войны его – след(ующий?) гость мировой
трагедии в этом аспекте. Статья

Wir irren allesammt, nur jeder irret anders. Бетховен [Мы все
обманываемся, только каждый обманывает других]

Значительность контекста самых простых слов у Хэмингуэя

Verdugo es mi pensamiento
Calderon
(моя мысль – палач)

Самые разумные существа наиболее способны к ошибкам.
Кондильяк (1715-1780)

Все, что создано воображением – действительно, и даже это
одно и действительно.

Воображение делает человека чувствительного художником, а
мужественного – героем.

Франс

Кто знает – находимся ли мы накануне величайшего расцвета искусства в России или накануне его гибели?

Модест Гофман 1907⁸¹

Я создал громадные планы, я хотел обеспечить за Францией господство над всем светом: я ошибся, эти проекты не были соразмерны с численной силой нашего населения.

Речь Наполеона в сенате после Лейпцига.

Только упадок нравственности оправдывает существование морали, так же как произвол вызывает необходимость закона.

Мечта еще больше чем смех отличает человека от животного и устанавливает его превосходство.

Франс. Книга моего друга.

Дхарма – высший религиозный долг человека (в буддийской религии). Изображается в виде странника, стоящего на облаке с одним башмаком в руках, в черной страннической одежде, раздуваемой ветром времен.

Подход к современности для поэта опасен и труден. Опасен потому, что это ставка на жизнь: или поэт должен победить современность, или современность победит его и тогда он окажется не поэтом, а только публицистом. Труден потому, что для этой борьбы поэт должен занять такую перспективную точку зрения, откуда он мог бы увидеть всю современность сверху целиком, включенную в общее нарастание истории, как один из сквозных актов человеческой трагедии.

... долг гражданина и поэта не только не совпадает, но противоречит один другому. Гражданин несет свой долг по отношению к одной стране в данный исторический момент. Поэт исполняет расовый национальный долг своего народа по отношению к человечеству в данную историческую эпоху. В эпохи всеобщего ожесточения и вражды надо чтобы оставался поэт, кто может противиться чувству мести и ненависти и заклинать благословением обезумевшую действительность. В этом религиозный долг, в этом Дхарма поэта.

Макс[имилиан] Волошин. Предисловие к книге «Верхарн. Судьба, творчество, переводы».

Иметь о чем-либо истинное представление – слишком большая роскошь для обитателя мира, в котором нет ничего истинного так же как нет ничего ложного. К.Г.

Проблема нового человека.

Джэк Лондон: 19 век, продолжение борьбы с природой, вопросы

социологии в связи с приближением эпохальной революции социализма... культ белокурых зверей (проблема интеллигенции). Культ тела в связи с первыми опасениями Идена и Ячменного зерна – осознание великого противоречия в последнем. Белая логика,⁸² вопросы любви. Новый мужчина: борьба за что? с чем? во имя чего? Борьба протекает в этом аспекте.

Джаз. Главный наркотик нашего века. Привлекает конечно и привкус определенной порочности и чувственность ритма чтобы не думать о super machine civilization и ее неполадках, о ее трагическом несовершенстве...

Для современности джаз – то же, что трагедия для греков. И мы истерично бросаемся в бешеные ритмы джаза как дрожащие перед ужасом жизни греки – в нарочито сгущенные краски трагедии. И они и мы жаждем вина Диониса. Сумасшедшая примитивность грубо-обнаженной эротики, стилизованная до сарказма сентиментальность. Статья. Стих в ритме джаза. Слышу флейты Диониса и пью его вино. «Дионис» – в последнюю катастрофическую строку. Джаз возник в Нью-Орлеане. Не путать с суингом, более плавным, европеизированным под влиянием симф[онической] муз[ыки].

Машины сотворили американца по образу своему и подобию.
К.Г.

Борьба с амазонками – борьба с матриархатом. Матриарх[ат] – власть любви матери и кровного родства. Патриархат – власть, право собственности, силы господина-мужчины.

Бродяга – мужчина, свободный охотник, см. Маугли и Тарзан; матриархат – начало рабства (пленные работали на земле, а не съедались). Однако – стабильность жизни и лишение некот[орой] свободы – начало культуры. Земледелие – дело женщин. Освобождение мужчины – переход к кочевью.

Время, отведенное нам на земле, не столь продолжительно, чтобы стоило заниматься чем-нибудь другим, кроме нас самих.

А. Ранье «Загадочные истории»

Во вселенной одиночества любовь, одиночество, отчаяние. Даже любовь не в силах победить одиночество. Образы, символы-иероглифы... выражает при их помощи тайное тайных своей личности, создает свой миф, свой индивидуальный космос, по словам Каррунса («Элюар и Кладель»).

Современный индивидуализм:

Стриндберг – Гюисманс – А.Жид, П.Валери, Валери Ларбо, Джойс

По Мерло-Понти, сознание человека Запада и прежде всего ученого, анатомируя явления действительности, расщепляет мир на атомы и превращает в нечто мертвое, в вещь, не только природу, но и человека. Нет восприятия жизни в ее целостности. Цель познания – связать человека с миром, но человек, познающий мир не чувствует себя связанным не только с окружающим миром, но и со своим собственным, внутренним.

Мир – существование на Земле каждого отдельного человека, видимого самим собой. Мир реально существует лишь как множественность «индивидуальных миров», не (отдельных?) от существования конкретных людей. (взгляд Мартина Хайдеггера и О.Шпенглера).

Только неживая природа подчинена причинным связям по Сартру. Человек волен делать с собой все, что ему думается. Он должен умозрительным методом освободиться от подчинения окружающему миру. Все законы вселенной оправданы только по отношению к не – людям. Разум – это слепая причинность истории и любой другой области жизни.

В начале были деньги.

Единственное общество, которое человек выносит – это он сам.
Уайльд «Идеальный муж»

«Ад – это другие» Сартр

Rescus не размышляет. Поэтому несправедливо говорить, что он ошибается. А.Франс

Избежать всего этого нельзя, но можно презирать.
Сенека

Великие события являются таковыми лишь для неглубоких умов
Поль Валери

V B[ook]

март 1948 – апрель 1949

Hier stehe ich. Ich kann nicht anders. (М.Лютеп)⁸³

Рональд Сатам «В поисках цивилизаций»⁸⁴

5 фаз истории человечества. Вторая и четвертая – фазы цивилизации, материально-технического прогресса, периоды, когда жизнь людей подчинена только желаниям удовлетворять свои личные потребности, фазы 1, 3 и 5 (продолжающиеся и в наше время) – фазы восстания против цивилизации, духовных, моральных конфликтов, разочарований, мученичества, периоды, когда появляются учения, требующие от человека подчинения воле бога или законам природы или общечеловеческим идеалам.

Если во время 3 фазы люди воображали, что они подчинены различным мифическим персонажам богам и богиням, ангелам и демонам, то эти персонажи в более новой мифологии заменены менее живописными плодами воображения: Духом Века, Логикой событий, Зенонизмом,⁸⁵ Историческими Законами, которым никто не подчинен, Движениями, которыми ничего не движется, непрошенными вопросами и бесплотными идеями.

Ronald Satham «In Quest of Civilisation»

Марк Твэн

Как часто люди, не умеющие толком соврать, берутся рассуждать, где ложь и где правда.

Какой чудесной возможностью обладал Адам! Когда он говорил что-нибудь хорошее, то знал, что никто не говорил этого до него.

Когда сомневаешься, говори правду.

Говоря правду, ничего не приходится запоминать.

Никогда не отказывайтесь сделать доброе дело, если этот акт не причинит вам великого вреда и никогда не отказывайтесь от выпивки, ни при каких обстоятельствах.

Хорошее воспитание состоит в скрывании того, как много мы думаем о себе и как мало – о других.

Жук-навозник должен быть символом критика: он кладет свои яички в чей-нибудь чужой навоз, иначе он не может высидеть их.

Нет более печального зрелища, чем молодой пессимист, за исключением разве что старого оптимиста.

Каждый человек – луна и имеет свою темную сторону, которую никогда никому не показывает.

Хорошо рано вставать старикам: за свою жизнь они натворили столько плохих дел, что все равно не могут спать.

Интересная грамматическая особенность: мы – это не «много я», мы – это «я+другие».

Заметка. В наше время нельзя двух людей приложить друг к другу так, чтобы между ними не было бы трещинки – люди слишком многогранны.

Оба мы устали от любви. Она лежит, обнажена, освещена теплым светом камина. (Франс). Теперь я расскажу тебе, как я ждал тебя, как верил в тебя и знал, что тебя никогда не будет. «Оковы рук».

В рас[сказ] ОГ Такие крупные апельсины у нас в... что в дюжине их всего 9 штук.

Заметка. Он столько занимался, что клопы переселились из его постели в письменный стол.

Расск[аз] писатель изображает, «играет» в жизни своих героев... вживаясь в их образы (впечатлит[ельный]) тип) играя отрицательных, шокирует знакомых, повергая их в смятение. Ведет себя в кабачке как бродяга, имея деньги... Суть открыть в конце. (a la ОГ).

Дневник ученого. Обнаружил крестьянина. До этого не подозревал об их существовании. Хочет описать их как особый тип, племя дикарей.

Имели бы мы столько прекрасных стихов Петрарки, если бы аскетический идеал не сделал бы Лауру ди Повес недостижимой для поэта? («Счастливые поэм не пишут» Мозм Олд[ридж]). Заторможенная сексуальность как стимул к творчеству по Фрейдю. В какой мере это относится к Данте?

Быть повешенным – приключение, которое может вознаградить за скучно и нелепо прожитую жизнь.

Ренье⁸⁶

Кто берет цитату вне круга цитат, ее объясняющих, тот – вор и убийца смысла.

А. Белый

Красота стоит добродетели.
Ренан⁸⁷

Животные, дети и поэты мыслят образами, а не словами. КГ

Поступки бывают умными и глупыми в зависимости от частоты их повторения. КГ

Оскар Уайльд говорил, что он может устоять против всего, кроме соблазна.

Ст[ихотворение] Ископаемая глупость самое ценное из всего и богаче всех запасов.

Твердость моя в одиночестве. Этим я обязан только себе и я горжусь своей волей, позволившей мне остаться чистым, пока все трусливо продавали свои мысли. Битва за одиночество. Блаженны все, молчать сумевшие.

Ст[ихотворение] нет ни одного человека в мире, которого я бы хотел видеть второй раз. Я бы хотел встречаться с людьми только однажды.

Заметка. В расск[аз] – мальчик (забитый) с библиотекой – идей-фикс

Ст[ихотворение] Слово 2 части

Гримасы антропоида, муки его «творчества» в попытке сказать слово... Гиннекен⁸⁸ Марр⁸⁹(см. брошюру) и – мои муки сказать Слово – муки творчества. Через тысячи лет прогресса – то же несовершенство, молчание немого. 2. Дьявольская сложность жизни миллиардов слов в тысячах языков, кишаших в его тьме – и (семант[ическая] философия) субъективность Слова, его недостаточность. Трагедия, муки говорения. Слово Гумилева.

Статья. Разум и инстинкты Фрейда. Тело=инстинктам насекомых. Инстинктивно наследуемый разум тела. Когда разум противоречит инстинкту=смерти. КГ

Чтобы любить женщин, обезьянам нужен только карман.

Доллар – единственный вид американской живописи.

Чек – сокращение от слова человек.

Счастья нет, но счастливыцы есть. Сельвинский Пао-Пао

Поступки бывают умными или глупыми в зависимости от того, кто их совершает.

Быть человеконенавистником – значит оказывать женщинам слишком много внимания.

Бедная истина! Она никогда не бывает похожа на самое себя!

Умный мужчина чувствует себя с женщиной вдвойне одиноким.
Арбузов Встреча с юностью

Всякий раз когда князь народа или глава государства возлюбит справедливость, всякий раз из-за этого гибнет множество людей.
А.Франс Человеческая комедия

Италия Возрождения и север Эдды – Лондона. Какая пропасть!
География? Другие расы?

Odi profanum vulgus et arieo Гораций

Гай Фокс (организатор порохового заговора) был единственным человеком, который вошел в здание парламента с хорошей идеей – взорвать его. Шоу

Относительное превалирование инстинктивного у женщины – результат задержки интеллектуального роста в связи с большим биологическим бременем (см. Биологич[еская] трагедия женщины)

Ст[атья] Разум – разрушитель и созидающее начало тела.
Свет – Шива, Вишну, Брама. 3-е (земное?) начало человека. См. Мифологию и теологию Индии. Энциклопедия

Бунт мозга – переутомив интеллект, ученый уходит бродить, дичает.

Ст[ихотворение] Ребенок. Его стихийная жестокость. Уже не

животное, но не человек. Животные инстинкты не покорены еще разумом. ГК

Когда Иисус сказал: «Кто-то из вас предаст меня» - Иуда, сидевший положив ногу на ногу, снял ногу, как бы приготавливаясь встать.

Я – поджигатель мира. Чаплин

Не интересно ли, что в отношении коммуникативной целесообразности все языки равноправны, ибо с успехом служат потребностям того общества, которому они присущи, но качественное различие языков, высота их совершенства – в степени развития экспрессивной функции. Именно эта функция – показатель культурной ступени языка.

Добрые неспособны созидать. Они – начало конца.

Ясно, что лозунг смерти с честью – нелепость. Ничто не равноценно жизни и ее ни с чем нельзя сравнивать – ни с честью, ни с любовью. Воспитывать сына, чтобы он отдал жизнь? Говорит во мне страх? Нет. Жить, чтобы отдать когда-нибудь жизнь? Невероятная чушь. Где выход? Проклятие противоречия – снова ты.

Право – Сила

Право – Справедливость

Право – Разум

Право – абсурдное понятие. Что такое право?

В том году... среди прочих несчастных случаев был президент-демократ.

ОГ Короли и Капуста

Сага о Форсайтах

Никогда не видеть себя таким, каким видят тебя другие – прекрасное средство самозащиты.

В наши дни не должно быть никакой собственности, даже собственных мыслей.

Человек оценивает с 3 точек зрения: истины, красоты и добра. Необходимо единство этих трех идеалов.

Лунач[арский] КГ

Сага о Форсайтах – тот же цикл. Путь к утонченности, одухотворенности, эстетике, интеллекту – в ущерб первичным инстинктам в аспекте производного инстинкта собственности. КГ

Небольшая доза слабости, эгоизма, недостатков делает человека более привлекательным. На свете нет ничего более жестокого, чем полная добродетель.

... в «Саге» все начинается с того момента, когда уясняется бесцельность бытия. Продолжать покашливать? – для чего (!).

«Какая благородная душа не испытывала жажды самоуничижения» «Рудин».

Заметка. Что-то вроде мистического предрассудка, суеверия: встречи с людьми – несчастье, всякое соприкосновение с ними. Счастье кончается с одиночеством. Сверхконкретная узкость.

Заметка. My evolution проследить по циклам с 42 г. и т.д. см. архивы и заметки.

Идеализм как лит[ературное] течение. Сатира. От восточн[ых] поэтов.

Восточная страна. Средняя Азия. Жар. См. Экклесиаст (Блок) Нищета. См. афганские рассказы. Собаки. И нищие в пыли и язвах, гнусаво прославляющие султана, разорившего их страну и их.

Да, я знаю, что все это бред, что все ложь и горечь и людская грязь и что истинны лишь твои нежные руки и теплые губы. Но где они?

Мещанка. Серость. Продает тело, чтобы купить за пять центов забвение в кино. Ее восторг кино-звездой (я – идеал).

Расск[аз] великолепный варвар-туземец и застенчивый оксфордец. Они у варвара в гостях. Он не может объясниться ей, она хочет и ждет этого. Варвар грубо хочет взять ее. Она инстинктивно восхищена. Это – бред, зов предков, но возвращается к цивилизации, преодолев голос первобытной женщины. Оксф[ордец] ничего не знает об этом. Контраст его и варвара. Мягкость его и интеллектуализм.

Венец мироздания – муравьи, а не человек. Банкротство разума и спокойная мудрость муравейника.. Какой горький парадокс!

Taedium vitae пресыщенность жизнью. Delinium tremens

Счастливы ли обезьяны – физически совершенные существа без большого мозга? КГ

Возьми Бастилию, которая в тебе.

Чисто интеллектуальная эстетика аритмична.

Какой пессимизм воображения мог породить представление о высшем блаженстве как о нирване?

Всякие разговоры об отношении искусства к действительности – нелепость, ибо искусство также есть самодовлеющая действительность.

Искусство для искусства – искусство для жизни и жизнь для искусства.

В маленьких городах слишком много людей.

Гуманизм по своей природе никогда не революционен. Ст[ефан] Цвейг (книга об Эразме Роттердамском).

Я обязан философии своим материальным разорением, но зато душевным благополучием. Анаксагор.

Открытие нового блюда больше способствует счастью человеческого рода, чем открытие звезды. Брийя-Соварэн.⁹⁰
Поваренная книга

Фабианцы. От Фабия кунктатора, спасшего Рим от Ганнибала тем, что умел ждать.

Примитивизм Генри из «Прощай, оружие!», его sex +?

Продолжение теории многогранников. У дикарей нет граней, но есть стадный инстинкт. Цив[илизованные] народы – индивидуализм.

Окутывающий предметы «сфумато» - дымка, игра светотени на картинах мастеров Возрождения.

«Пламенеющая готика» – по конфигурации частей оконных переплетов, напоминающих пламя свечи.

Ничтожность имя тебе, о женщина! Гамлет

Заметка. Из 1030 англ[ийских]гениев 4% безумцев. Из 150 поэтов последнего времени (с 1700 г.) – 22 (15%) – помешанные. Некоторые недостатки гения как индивида бывают полезны всему человечеству.

Поэты – братья астрономов. Паустовский

Произведение – комбинация прочных мотивов. Шкловский⁹¹

Мы строим скучную и шумную тюрьму и называем ее цивилизацией. «Сущий рай»⁹²

Женщина – счастье, границы которого хорошо известны и она – мучение, предел которого не определен. Г. Шторм.⁹³ Повесть о мудром Хакаре

Ни в одном произведении искусства нет искренности. Выражение подлинного чувства всегда банально. Поль Валери.

Особенно блистательным искусство бывает в эпохи, отмеченные торжеством лицемерия. Лицемерие – одно из условий, необходимых для развития искусства.

Забиться только о форме: чувство само собой наполнит ее. Прекрасное жилище всегда находит жильца. Художник должен только построить жилище, читатель вселит жильца. А.Жид

Использовать музыку часов как рефрен к ст[ихотворению]... Конец аллитерировать. См. 3 односл[ожных] сонета.См. Колокола По, поэму Кирс[анова?], «Колокола» Durbin

Пришла идея на улице. Достал из кармана карандаш, пошарив, нащупал бумагу... Это деньги... На что они мне сейчас.

Статья ироническая. Против пирожных. Солидные каша и борщ – идейны. Комический контраст содержания и фразеологии. Нарочито серьезно стандартные фразы, трескучесть лексики, некоторая напыщенность. «О вреде пирожных».

Статья о кино. Развить тему безвредного опиума. Темнота по Пристли...

Расск[аз] Франт. Пародия на сверх-современную радио-автомобильную джаз-цивилизацию. Super-machine civilization. Ни минуты отдыха. Смех над всем, дорогим эстету. Сверхнебоскребы, но – духовная нищета, ремесленничество. Бездумность толпы, массы, гибель искусства. См. дядю Роднея Пристли. 2000 год.

Ст[ихотворение] Впеч[атление] окна в высоте в ночи, одного освещенного. Впеч[атление] перекрестка. Глядишься ты в нее или она в тебя? Огни бессмысленно недвижны.

Заметка. Интересно, что из собирательного существительного нельзя выделить слова на тот же корень для обозначения единичного предмета. Толпа – ?

Каждый создает свою систему координат для своего же пользования. А.Бретон⁹⁴ (фр[анцузский] сюрреалист)

Животные приспособляются к окружающему миру посредством системы реакций. Человек же открыл новую систему приспособления посредством символов.

Математика, рожденная человеком, стала творить мир по образу своему и подобию помимо его воли. КГ

Музыка – всемогущая ложь. Поль Валери

Форма, конструкция – своеобразная реальность, а смысл, идея – подразумевающиеся факторы, т.е. содержание – это всего лишь тень.

Среди трудностей, с которыми сталкивается поэт, когда он пытается по-своему и навеки организовать вселенную на основе ценности своего собственного отбора и в целом немедленного (а не возможного и не будущего) освобождения духа – проблема языка встает как препятствие,наиболее трудно преодолимое. См. Александриан⁹⁵ см. семантиков⁹⁶.

Да, потому что новые цели нельзя достичь по старым средствам. Величайшие творцы производят реформу языка в целях

осуществления замысла (Ломоносов, Пушкин). Новая моя реформа: введение интернационализмов, западных неологизмов, очищение от... оставшихся ихтиозавров-старославянизмов – главным образом реформа лексики, стилистики, фразеологии. Эвфония⁹⁷ – ленинградская, а не московская. Фонетические, а не традиционные написания переводных слов, расширение богатства лексики на 10-15%. Грамматика, морфол[огический] принцип – борьба с хаосом, стихией языка, речи.

Только сознание, что человек существует над бездной небытия вносит остроту в его унылую жизнь и делает ее выносимой. Симон де Боливар. (Достоевский, к вашему сведению! См. Живую жизнь).

Истина – от ишу (см. Ницше об истине, которую нужно создать, а не найти).

Ясно, что новая промышленность радио-электро-пластмассовая, стеклянно-самолетная, лабораторная, автоматическая – это новый чудовищный механизм, растущий в мертвом свете дневных ламп. Это – не «Черная страна» в старом понимании с ее копотью, грязными рабочими и т.д. См. «Дневной свет в субботу»⁹⁸ - девушки, работающие на автоматах.

Расск[аз] см. Дост[оевский] «Преступление и наказание». Бедный поэт. Задумал цикл стих(отворений), увлечен этим до бреда, но нет времени, надо выполнять какую-то мерзкую работу. Убивает знакомого, жалкого беспомощного человека, на его деньги покупает себя, т.е. время для СВОЕЙ работы. Никаких сонливо-достоевских мук. Но – он не знает, ценно ли его создание, ибо не публикует его. Кончить: но никто не знает этого.

Расск[аз] о писательской импотенции, о пишущих вместо вещей заметки об этих вещах – вместо стих[отворений] и рассказов. Нет времени? Тороплюсь объять все? Буриданов осел: не знаю, за что браться.

Статья о переводе. Язык изменяется во времени. У каждого языка – фазы этого развития не совпадают по времени с фазами другого языка. Как, например, переводить Шекспира? Русским языком 17 века. Чушь. Современным – нет, ибо язык Шекспира архаичен. Где в русск[ом] яз[ыке] «параллельная фаза»? В 18, 19

веке? На совр[еменном] языке Шекспир не получится. И вообще сказать что-либо на одном языке совсем иное, чем на другом. При точном переводе стилистическо-лексическом получится ересь... принципы худ[ожественного] перевода Гумилева.

Стих[отворение] карфагенский раб, мечтающий о его разрушении.

Космическая Комедия

Пристли

Девятая симфония жизнь, прошедшая сквозь сумрак смерти и затем преображенная и воскрешенная в бессмертных звуках.

Вы будете передвигаться со скоростью 400 миль в час, но в этом будет мало смысла, так как там, куда вы прилетите, будет так же идиотски скучно, как там, откуда вы вылетите.

Лила буллери, булен а ла лери – ирландская песенка без слов и смысла.

Должно предпочесть разумное несчастье безумному счастьем Эпикура.

Достоевский придавал характер мистического рока мысли России о выходе к морю.

У меня были женщины, одни из которых были хороши тем, что были близки мне, другие – тем, что были недосыгаемы для меня. Мотив Данте.

Я так люблю тебя, что умею я выразить эту любовь словами, грош была бы ей цена. Триолет.

Все или ничего. Девиз Фауста

Если ты не можешь делать то, что тебе нравится, пусть тебе нравится то, что ты делаешь.

Нет такого поэта, который не был бы богачом, ибо все они довольны своим положением – мудрость, доступная немногим. *Preciosa* Сервантес

Белейшие цветы растут из тины,
Червонней всех цветов на плахе кровь,
И смерть – сюжет прекрасный для картины. Бальмонт

Заметка к стих[отворению] Ему, живому, воздевшему лицо вверх,
ворон выклевал глаза,и он стоял неподвижно.

Я достиг своей цели, если доставил удовольствие хоть на час
мальчику, который стал наполовину мужчиной и мужчине, который
остался наполовину мальчиком. Конан Дойл – о себе.

Прототип Шерлока Холмса – эдинбургский хирург д-р Бойл.

Кто мальчиком еще таился и любил
Портьеры тяжкие и запах фолианта,
Роб-Роя, Зигфрида и капитана Гранта,
Кто плакал без причин, был нежен, был без сил,
Того отметил Бог проклятием таланта. Лозина-Лозинский⁹⁹

Я одного из них запомнил с детства,
В беседах, в книгах он оставил мне
Скупое, беспокойное наследство –
Тревогу о приснившейся стране. «Памяти Грина» Вс.
Рождественский

Художником является лишь тот, кто носит в себе нечто столь
глубоко интимное, чем он не может поделиться с другими. Райнер
Мария Рильке

Мое «я» стало формироваться, вероятно, в последние годы
школы. Самые значительные годы – 42-45. Это и самые тяжелые.
Тогда был осуществлен уход в себя от окружающего мрака.
Когда мрак постепенно рассеялся, вернуться в себя не было уже
возможно. Что если бы жизнь моя шла гладко? Было бы достигнуто
такое углубление? Так постигнуто окружающее?

Главная ценность слова в контексте стиха – его неожиданность,
отсюда – яркость (смысловая, конечно, но и ритмическая – см.
Шенгели). В противовес штампам – мастерство шероховатости
семантики.

Главная художественная ценность стиха – тончайшие оттенки в

значении слов, сочетающиеся со звуковой тканью. Семантика слова изменяется со временем и старые стихи теряют свою прелесть, превращаясь или в штампы, или в нелепые сочетания, итак, главное – контекст, сочетание значимых слов в стихе. И ряды ассоциаций!

Баллада об открывшем тайну фей (рассказывал о них своей девушке и потерял дорогу в их царство). Смысл... «священные слова таить от людей» (Орфей, Гюго). См. заметки о англ[ийских] размерах Маршака.

Стих[отворение]. Жизнь моя кажется мне «ненастоящей», случайной, еще не начатой, идущей вхолостую, что ли... Это – роль в чужом театре, в скучной пьесе, чужая роль. Я не могу принять ее всерьез. Она слишком нелепа.

Стих[отворение] «Я раб нечистой крови». Кровь предков рабов, трусов и скифов течет во мне. Удивляюсь... что я ненавижу это в себе. Кем бы мне следовало быть, учитывая наследственность?

«Так как бытие словесного знака целиком сводится и полностью исчерпывается его обозначающей функцией, т.е. выявлением значения, и помимо этого он никакой роли не играет, то его чувственный облик совершенно стусевывается, исчезает перед умственным взором понимающего язык человека».

А индивидуальная семантика? А многозначимость хотя бы междометий? Зависимость слова от контекста? Интонация? Ряды ассоциаций? А главное, роль слова в его чувственном аспекте в поэзии? (см. Брюсов о 3-х планах слова). Т.наз. «оболочка» слова главное в поэзии, наряду со смыслом.

Расск[аз] о юноше, который хотел бы любить по-средневековому, так как наша торопливая любовь с детски-примитивными словами, с поцелуями в автомобиле пахнущими бензином, с инфантильностью джаза, с боязнью показаться смешным деловым людям – слишком скупа для него, лишена золотого покрывала былого романтизма. Женщины трубадуров, рыцарской поэзии, *dolce stil nuovo*¹⁰⁰ и – эмансипированные мисс, водящие самолет, добывающиеся парламентских мест, чуть ли не занимающиеся боксом... Женщина сведена с пьедестала. Не надо забывать, что чем выше и совершенней культура, тем больше разница между полами –

умственная и физическая... Главное – показать тоску юноши и то, как его не понимает маленькая пленительная леди. Она – модерн-примитив, простота.

«В готическом соборе и в небоскребах – один и тот же дух. Архитектура – охваченная настроением пламенного тщеславия. Собор – раннее проявление духа небоскребов». Герберт Уэллс «Тайники сердца».

Я не согласен с этим. Собор – символ победы человека над косной материей в стремлении его подняться над землей, уйти от нее. Небоскреб же символизирует победу железа и бетона над человеческим духом, столь мощным некогда в воплощении мечты – в каменные кружева, в арки, своды и шпили. Железо и бетон диктуют свою волю человеку – такому мощному и такому нищему духовно. Раньше человек громоздил камни на камни, поднимаясь по ним вверх. Теперь машины, строя гигантские и уродливые дома, поднимают вверх человека. Выше, выше! Но он не уйдет от себя.

Новалис

Голубой цветок Новалиса – символ вечной, истинной красоты, неизвестного прекрасного для всех последующих романтиков, символ превосходства мира грез над миром видимым. Он – символ счастья, неземного, высшего, которого тщетно ищет человеческая душа, вечной истины, к которой жадно стремится мыслитель со своим ограниченным земным разумом, нездешней красоты, для которой наш мир не дает достаточно ярких красок, не рождает достаточно гармонических звуков. «Голубой цветок» - символ веры в существование высшего, совершенного мира и скорби о несовершенстве нашего мира.

Посвящение

Ты вызвала высокие мечты,
Огромный мир манил в твоих призывах,
Дай руку – и сомнений нет пугливых,
Полуночной не станет темноты.

В предчувствиях меня взрастила ты,
Со мной на сказочных бродила нивах,
И как прообраз девушек счастливых,
Звала к очарованиям чистоты.

Зачем же сердце с суетою слито?
И разве жизнь и сердце – не твои?
И в этом мире ты мне не защита?

Меня умчат поэзии ручьи,
Но музе милой навсегда открыты
Все замыслы заветные твои.
(Гейнрих фон Офтердинген)¹⁰¹

Когда не знаки и не числа
Дадут ключи людского смысла,
Когда певец или влюбленный
Узнает больше, чем ученый...
(Фридрих фон Гарденберг)¹⁰²

По мнению Карлейля¹⁰³, Новалис похож на Иоанна Крестителя с картины Дюрера.

Недосягаемость женщины вдохновляет, присутствие принижает.
КГ

Где она? – не знаю. Может быть, я считаю минуты, а она – его поцелуи в его объятиях. (робаи?)

В Библии что-то напутано. Вероятно, на самом деле Ева соблазнила змия. Юмор Гейне.

Прометей, терзающий прикованного орла. Подыскать символику.
ЛЦ [Здесь и далее – Любовный цикл] Я не знаю, кто владеет твоим телом, но ты владеешь моей душой.

Басня а la Храм счастья. Осел, недовольный стойлом и повседневной работой, решил стать мечтателем и поэтом. Его избили (он... перестал работать), а затем угробили, содрали шкуру и, продав ее, извлекли ту выгоду, что могли извлечь. Автопародия.

Нужно уловить то, что волнует сейчас всю нацию или все человечество, ориентироваться в настроениях, в трудах многих других художников – выразителей этих настроений, выявить у них общее, основное, развить это до небывалой высоты... так создаются шедевры.

А я работаю за глухой стеной одиночества, вдали от народа, ни с

кем не делаясь мыслями и ни от кого их не получая, если не считать мертвых и истлевших авторов. Я – единственный мой современник.

«Искусство для жизни» или «искусство для искусства» - не дилемма. Мой выход – жизнь для искусства.

Субъективный реализм.

Стихи – мгновенные слепки с изменяющегося потока вечности.
КГ

Рафинированный эстетизм Генри Джеймса¹⁰⁴ и мрачная фантастика А. Бирса¹⁰⁵.

Стих[отворение] ЛЦ Венера бывает особенно ярка по сравн(ению) с другими звездами утром и вечером. Символ первой и посл[едней] любви.

Статья. Свалить классиков. Малоактуальность, отсталость их. Не с футуристич[еских] позиций, конечно. Не громы и молнии, но добренькие наивные старички, стойте себе тут на полочке, не довольно ли тратить время на беседы о вас?

Бальзак «Утраченные иллюзии»

«Для людей, все состояние которых заключается в умственных силах, время – это главный капитал»

«Медленность создания великих произведений требует либо значительного состояния, либо возвышенно-цинической готовности жить в нищете».

«Счастье убивает поэтов».

По-моему, Бальзак слишком гениален. Его гений так и выпирает из всех страниц «Человеческой комедии»... Не помешало бы больше уважения к читателю или снисхождения к нему.

Гений – это терпение. Стиль – это человек. Бюффон

Торо¹⁰⁶ – о порабощении человека машинной цивилизацией современности. Поэт и философ. Отшельничество его, простая жизнь ... радость бытия, слитие с природой. Мысль Торо: мы тратим год, чтобы построить машину, уход и эксплуатация которой потребуют еще новых лет и новых машин.

Выход: в упрощении жизни и избавлении ее от беличьего колеса. Созерцание природы.

Мы видим в будущем больше разума, но когда прикасаемся к красоте, то обращаемся за ней к прошлому. КГ

Старое не хочет расставаться с тем плохим, что есть в нем, а новое не хочет принять его хороших сторон. КГ

Страх и покорность: первобытный строй; отчасти рабовладение Востока особенно.

Индивидуализм: отчасти рабовладение (античности), Возрождение (Маккиавелизм), романтизм, капитализм.

Свобода и внимание – единственные почести, нужные художнику, поэту и философу.

В каждой старой книге мы находим что-нибудь новое, и в каждой новой – что-нибудь старое. Бульвер-Литтон¹⁰⁷

Чем больше это меняется, тем больше остается тем же

Я не согласен ни с одним словом из того, что вы говорите, но я буду защищать до смерти ваше право сказать это.

Изумруд, золотисто-желтый кризоберилл (ценился в Индии) из песков Цейлона, зеленовато-желтые, змеино-го цвета бериллы, синезеленоватые аквамарины, огненно-красный фенацит в несколько минут выцветает на солнце.

Достоевскому. Два раза в день кровавый бифштекс, пару стаканов виски, коктейли только двойные, порцию джаза вечером и хорошую девчонку в постель после этого. От нездоровых мыслей хороши также холодные обтирания. КГ

Мы слишком умны для того, чтобы становиться гениями.

Только художник и, быть может, преступник, могут поступать как им заблагорассудится. Могэм

Я не верю в то, что сюжет, каким бы он ни был, может быть определяющим элементом живописи. Существует реально один сюжет картины: автор. Франсис Журдэн¹⁰⁸.

Коль скоро жена не повинуется мужу, бери жезл свой и по спине оным ударяй ее, токмо не причиняя сокрушительного членовредительства.

Домострой? («Любовь, книга золотая» А. Толстой)

Идея обязательной безнравственности гения у Уэллса. Примеры: Бэкон, Шекспир, Шелли, Байрон, Диккенс, Теккерей. См. также Форш

Поэзия – искусство нищих. Для него не нужны никакие инструменты. Кроме разве гения, да и тот достается почти даром. КГ

Если Париж называют городом женщин, то Лондон – это город мужчин.

Добронравный и благочестивый художник – редкое и уродливое явление. Я подозреваю, что искусство вообще смертельно по своей сути: слишком уж у него много средств для того, чтобы раздвигать границы.

В человеке материя впервые начала судить себя, и приговор оказался пристрастным. КГ

Мужчины сражались за открытые моря, а женщины завоевали себе открытые колени. Э.Синклер¹⁰⁹ «Между двух миров».

Толстой – огромный лысый младенец, пришедший в ужас от того, какие гадкие эти взрослые люди и бормочущий сложив набожно руки, молитвы. Ошибка его: о боге с позиций рацио.

Ст[атья] о содержании и форме. Гете: орех и скорлупка. Бессмертны речи Цицерона/прав Катилина или нет... (ценил красоту формы. Все остальное отходит на 2-й план). Поэзия отлична от прозы только формой.

Общедоступное искусство подобно общедоступной женщине. КГ

Писать стихи – это мой способ жизни. КГ

Роман – наиболее значительный вклад буржуазной капиталистической цивилизации в сокровищницу мировой художественной культуры. Роман – это ее великое приключение, ее

открытие человека. Ральф Фокс.¹¹⁰

Композиторы-классики как бы открыли свою музыку. В то время как романтики сами творили ее. КГ

Понятие цели – чисто человеческое понятие. Природа не знает никаких «для чего». КГ

Леконт де Лиль – романтик в классицизме с точки зрения содержания и классик в романтизме в отношении формы. КГ

Если ученый ищет истину, то создает ее поэт. КГ

Иллюзия алкоголя – одна из самых доступных и дешевых, но фактически несостоятельных иллюзий. Фактически эрзац иллюзия. Недостатки: непродолжительность и вред.

Движение цели, полное надежд, отраднее самого прибытия.
Р.Л.Стивенсон

Триолет(?) Красота, ты не веришь, что я ранен тобою? Почему ты ежеминутно влагаешь персты в мою зияющую рану? Эпизод из Библии о Фоме Неверующем. Парный к «Я насмерть ранен красотой...».

Стих[отворение] ЛЦ Пигмалион – возможно, программное стих[отворение]... По-настоящему я начинаю любить тогда, когда в тебе пробуждается интеллект. Только тогда ты оживаешь во мне, как Галатее в объятиях Пигмалиона.

Поэзия отличается от прозы только своей формой. Отсюда – самая поэтичная поэзия – это поэзия с наиболее совершенной формой. КГ

Успех у женщин является лучшим критерием твоего жизненного успеха, ибо никто не оценит с такой профессиональной точностью и быстротой количество благ, которые ты сможешь получить от жизни, как это делает женщина. КГ

Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,

Ребяческим забавам преданы.
«Последний поэт» Баратынский

Болящий дух врачует песнопенье,
Гармонии таинственная власть,
Тяжелое искупит заблуждение
И укротит бунтующую страсть.
Баратынский

Вениамин Франклин
Горький опыт – это дорогая школа, но глупцы не хотят учиться в другой.

Большим кораблям – большое плавание, а маленьким – держаться ближе к берегу.

Трудно пустому мешку стоять прямо.

Когда источник высыхает, мы узнаем цену воды.

Ты любишь жизнь? Так не растрачивай времени – из нее-то и состоит жизнь.

У того, кто влюблен в себя, нет соперников.

«Альманах Бедного Ричарда» 1732

Скрывай свою жизнь. Эпиктет

VI В[ook]

апрель 1949-август 1954

Verdugo es mi pensamiento. Calderon [Моя мысль – мой палач]

Стих[отворение] Я. Вся моя жизнь убита на стих[и] – негодные стих[и]. Я потерял все из-за них. Но если среди них есть одна гениальная строчка, я не жалею ни о чем. Но я никогда не узнаю – есть ли...

(Ископаемый червяк) Искусство бессмертно. Гибель мира и цивилизации и в пепле и развалинах – человек, царапающий на камне рисунок ископаемого автобуса. Блок о театре.

Уайльд о тернеровских¹¹² пейзажах, в которых главную роль играет туман.

Мы научились думать, и теперь нам остается только выяснить – для чего это нужно. КГ

В тягость роскошь мне твоя,
О, бессмысленная вечность!
Баратынский

Своей любовью к твердой почве и односторонностью реалисты имеют сходство с камбалами. КГ

Получить образование – значит научиться заблуждаться именно так, как это принято (модно) в данное время (в данной стране).

Роль личности в истории несомненно колоссальная, когда личность пишет учебник истории. КГ

Искусство не может быть ни прогрессивным, ни реакционным. Оно бывает лишь односторонним или многосторонним, богатым или скудным, всеобъемлюще-объективным или условно-ограниченным. КГ

Декаданс неизбежен за максимальным развитием (пресыщение). Александрийская Греция. XX век. КГ

По мере того как человечество постепенно освобождалось от своих старых заблуждений и иллюзий, сбрасывая их одно за другим, подобно пышным одеждам античности и средневековья, оно расставалось с утешительной и прекрасной ложью – сперва мифов и религий, затем красоты и искусств. Все яснее становилась беспощадная Бесцельность Бытия, пока наконец мы не очутились над бездной, заглянуть в которую у нас не хватает сил, но не заглянуть в которую уже нельзя. КГ

Никто не в силах уничтожить фактическое биологическое неравенство людей – расовое или физиологическое. КГ

Расы – клетки тела. Они отмирают – тело остается. ГК

Голсуорси

Дьявольская скупость слов конца «Белой Обезьяны» должна стать и моим стилем. Все – в подтексте.

История Ганимеда¹¹³ – аллегория. Орел – это горе, которое Господь посылает своим избранным, чтобы оно подняло их на небо. (Дюма)

Конфликт раннего Валери – конфликт, противоречие между единством и цельностью созерцающего и творящего Я и множественностью, многообразием мира. Пытаясь изжить этот конфликт через творчество, методами искусства, Валери потерпел неудачу и замолчал на целые 20 лет. К стихам он вернулся лишь в 17 г. Своеобразный выход из против[оречия]: стремление к абсолюту не может найти удовлетворения, но торжествует компромисс. Мир можно созерцать, как содержимое «Я» («Нарцисс»). Поэтическое творчество – акт этого созерцания.

Жизнь, - шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могил, -
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.
Андрей Белый

Гениальность всегда нуждается в полной свободе воли и обеспечивает ее. Свобода воли – возможно, обязательная часть характеристики гения. КГ

Статья «Сонет» - лит[ературно]-критич[еская] история, теория, философия.

Статья Граф Саррей,¹¹⁴ поэт – один из последних поэтов Кровавого Генриха VIII, обвинен за несколько неосторожных слов в заговоре.

Молодость, к сожалению, излечивается сама собой. Голсуорси

Бессмертие – худшая пытка. В духе 66 S Шекспира и монолога Гамлета. Все знать наизусть, пытка вечного повторения... Пытка Вечного Жида. Саркастическая улыбка вечности. Желание смерти.

Бессмертие иное: умереть и вечно жить в творениях, искажаемых... читателем... [заметка перечеркнута]

Стих[отворение] ЛЦ Восточный эрос: прохладные груди-дыни и живот. Робай? Прозрачные темные виноградины. Полнолуние бедер твоих. Прозрачность белых виноградин твоих темнеющих сосков. Корень члена.

ЛЦ См. Хэмингуэя: «как и всякому мужчине, мне было трудно долго говорить о любви стоя». Но – после удовлетворения –

физиологически – равнодушие, против него нет спасения никакой поэзией. Усталость Ergo: если нет интеллект[уальной] близости, то развязка первобытно груба и цинична.

Поэма о затылке. Вместо изумительного Лица человека – маячащий затылок. В затылок! Тупой затылок, остриженный, угроза цивилизации, символ обращения человека затылком к цивилизации.

Стих[отворение] Колумба вдохновила на открытие Америки библиотека, оставленная ему отцом. И я открыл свой Новый Свет «Перед книгами» «Книгам».

К Морю (цикл) Все в мире изменяется, лишь вечно изменчивое море остается прежним.

Р[омео] и Д[жульетта]. Ст[ихотворение] см. Аннабель Ли¹¹⁵, Офелия Рембо, S Бальм[онта]... Божественная музыка... Последняя ночь вместе... Кипарисы и лавры Вергилия... розы, ночные аллеи. Утренние бледнеющие звезды, птица, вспархивающая с ветки, на которую едва успела сестра... Пробуждение влюбленных... как передать эту музыку?

Сколько веков живете вы, вечно юные и чистые, бессмертные от того, что умерли когда-то? И есть ли в мире кто-нибудь другой теперь, кто плакал бы от того, что умерла Джульетта? Мир слишком жесток для тебя, девочка... Ну хочешь, девочка, я, я умру, а вы – ты и Ромео твой – живите друг для друга?

Этично осмеяние лишь исправимого. КГ

Чувственная любовь – это душа тела. КГ

Не является ли общий тон писателя, оптимистический или пессимистический, – следствием власти тела, следствием физ[ического] состояния тела, возможно, темперамента?

Знакомство – в самом конце декабря. 1 января 47 г. – первый вечер вместе. 49 г. 29 окт[ября] в суб[боту] должна была прийти, но не пришла. До этого видел у нее В. В первых числах ноября неск[олько] раз заходил, напрасно. Встречи на улице, ссора. 5 ноября напрасно ждал на улице с 11.30 до 6 ч. Встретил, примирение. Обещание прийти 8 нояб[ря], приход. Обещание расстаться с В. в четверг, 10

ноября. Посмотрим.

Быть может, относиться к ней как к «цветку Востока», сладкому и молчаливому с точки зрения европейца: Лети.

Тримурти (Тревластие)¹¹⁶

- I Тело, страсть – Брама
Любовь – страсть
- II Разум, реакция – Шива
Любовь – ненависть
- III Выход – иллюзия – Майя
Любовь – иллюзия

II Дионис

III Аполлон

К ЛЦ

«Брама» – (созидание, половая интеграция)

«Шива» – (свет, знание, смерть...)

«Майя» – иллюзия, мечта, утешение)

Символические названия цикла

ЛЦ Женщина всегда обманывает, лжет. см. Франс. Неспособность ее осуществить стремление мужчины к идеалу. Давление земли, пола, быта. Биологически неуравновешенный интеллект. Вечные поиски выгоды для рода (детей), разумеется, инстинктивные и непонятные ей самой. Колебания психики, наносящие ущерб образу женщины-идеала. Стих(отворение) «Ложь» «Крепость лжи». Конфликт «Ее – идеала» и «Ее – реальной» в восприятии мужчины в плане ее мелочности и неуравновешенности.

Лицо белеет в тьме горячей,
В твоих глазах – застывший бред. КГ

Тьма

Великая Праматерь Тьма. Свет – Адам. Тьма – Ева, Лилит¹¹⁷. Хаос. Затем – познание друг друга – первородный грех. В зачатие Тьмы теперь – бегство от интеллекта. Это невозможно.

И жизнь порой не безысходна
Тому, кто волен заглянуть
В Тьму первозданной, первородной
Атавистическую суть.

Название – первородный грех.
Смысл его – осознание бытия.

Мизогин – женоненавистник
Мизогам – ненавистник брака.
Спиноза. Лейбниц, Кант, Шопенгауэр – холостяки.

КИНО

Возможно, наиболее реалистический способ съемки – это только с того места, где находятся глаза одного из героев экрана. Не глазами зрителя из зала (смотрят сбоку – неизвестно кто смотрит его «оком») но – то, что на экране, видит один из героев экрана, с которым идентифицирует себя зритель.

Одни только эгоисты действительно любят женщин.

Диоген был в состоянии разозлить Платона, сказав ему, что если бы тот научился питаться сырыми овощами, ему не пришлось бы лстить тиранам. (как передает Лазэрий)

А возлюбленную свою мне тоже приучить к сырым овощам?

Город ночью. Нет ни человека, хорошо. Хоть бы всегда было так. Хоть бы город вымер от чумы и улицы были так пусты днем, как сейчас, ночью, когда шаги мои гулко отдаются в пустых улицах, когда я прохожу по ним. Стих[отворение].

ЛЦ впеч(атление) Чю-Чю-Сан. Девушка покинута возлюбленным. Ее трогательные впечатления, обоготворение его.

Стих[отворение] Сугубо экономическое введение, торговые и социальные термины. Анализ формаций, прибавочной стоимости и т.д. Концовка: я забыл прибавить эту подробность, что Ромео был влюблен в Джульетту.

Все написанное до 1 сентября 47 г. – шаг первый (300 ст[ихотворений] и проза). Шаг второй – до окончания университета.

Мадам Бовари – это Я (Флобер). Она – это я. А себя не люблю.

Суший рай

Все мы смертны: почему же нам не приветствовать женщин – носительниц новой жизни? Они ведут беспощадную борьбу за оплодотворенное лоно со смертельным временем.

(приветствовать носительницу залога будущего расы (вида), ее стихийное стремление к выполнению задачи бессмертия расы).

Единственный способ общаться с человеческими существами – это льстить им, когда ты слабый и приказывать им, когда ты сильный.

Чудовищные ящеры вымерли, а физически слабые потомки лемурув¹¹⁸ наследовали землю.

Лига стариков

Перед ним величественным видением прошла история его расы – выкованной из стали, покрытой броней, предписывающей законы и управляющей судьбами других народов. Он увидел, как зарождается заря ее истории среди темных лесов и мрачных морей. Он видел пылающее пурпуровое зарево торжественных полуденных лучей и видел, как по затененным склонам кроваво-красные пески медленно погружались в ночь.

Джаз – один из смутьянов бытия XX века, отрицающий утонченное искусство прошлого. Мы не хотим больше помнить то, что не принесло нам пользы. Он инфантилен, да, но после него любая другая музыка кажется детски пресной. Джаз – пряности для пресытившейся цивилизации. Восстановил роль тела в музыке... Но оттенок извращенности...

В тот день, когда я узнал, что моя возлюбленная отдала себя другому, глаза мои были сухи. Я говорил о пустяках и шутил и улыбался. Но как я боялся этой минуты, когда нужно будет потушить свет лечь и остаться наедине с собой. 13 янв[аря] 50

Будь это написано иглами в уголках глаз – послужило бы назиданием для поучающихся.

Она сложена в форме нежности и между бедер у нее престол халифата.

Банкротство современности – идейное...

ЛЦ Я звал себя поэтом, читал книги и писал стихи одинокий. Теперь я люблю и восхищаюсь Книгой бытия и читаю ее. Эти стихи из плоти. Поэзия жизни. И не пишу больше (Счастье убивает поэтов).

ЛЦ Умирая вспомню не мать, не отца, не родной угол, не друзей, не дни удачи и славы, не философские откровения, не бога, не рай и не ад, не глубины черной вселенной, но твои ласки и поцелуи, моя девочка...

Стих[отворение] ЛЦ Тантал. Вечное неудовлетворение любовной страсти. Оформить в плане мук Тантала.

ЛЦ Разм[ер] Аннабель Ли.

Моя система иллюзий (мир искусства) несокрушима, ибо нет критериев ее ценности, которые я сознательно устранил.

Смысл и характерная особенность деятельности человека – антропоцентрическая¹¹⁹ организация мира.

Deus irrationalis – языческий бог тела

Credo, quia absurdum – (верю, ибо нелепо) Тертуллиан

Sacrificium intellectus – принесение в жертву разума в угоду чему-

то

Dolce far niente (ит.) – приятное безделье

Arbiter bibendi – тамада

Стих[отворение]. Инстинкт и власть тела – земная сущность человека – туловище червя у любой бабочки, под крыльями – саранча...

Как бабочка влачит под радугою крыльев брюхо червяка.

По словам К.Ф. Мейера¹²⁰, Маккиавелли, садясь к письменному столу, надевал праздничное платье.

Расск[аз]. Светское общество, его величайший цинизм, понимаемый всеми членами, но внешне – полная благопристойность, простые слова, под которыми скрывается большею частью неприличие. Девушка, жившая до того уединенно, попадает в свет и благодаря своей большой наивности, принимается всеми за прекрасную актрису. Говорит ужасные вещи в невинности своей. Другие восхищены ее «испорченностью» и «самообладанием». Один из дэнди чувствует, что она искренна, что тут что-то не так. Полюбил ее. Она к тому времени постигает свою наивность,

думает, что над ней смеялись и отвечает на признание его какой-то развязной гнусностью. Он думает, что ошибался в ней раньше, что она прекрасная актриса и, разгневанный, прощается с зародившейся мечтой, погружаясь в прежний цинизм.

Расск[аз] 29 век. Развалины... свирепая власть сильнейшего в стаде. Некто – старик – уводит юношу в пещеру, откапывает книги и тайком от зверей-соплеменников учит читать. Древнее вдохновение. Но далеко будет еще до Возрождения.

Стих[отворение] Гефест – приемник Зевеса. Венера разделяет его ложе. Скованный Аполлон поет ему хвалы. Тупой Марс служит ему.

Голоса в лесу

1. Идеалист. Мотылек
Перепархивания, сублидность

3. Агностик.¹²¹ Павлин.
Плачет, пессим[изм]

2. Материалист. Волк

4. Универсал. Филин.
Схолост¹²², уверенно врет

6. Суперпрогресс.
Страус, бежит, теряя все
на бегу (перья), в
случае чего – голову в песок

5. Ретроград. Религия, акула,
ханжа, реакционер

7. Субъективист. Влюблен
в себя, мартышка

8. Объективист – змея

10. Насилие. Горилла
споры – руками.

9. Жаворонок.
Бессилие. Гнездо,
не наступите на
меня (на яйцах-сонетах)

Стал бы писать тот, кто мог бы действовать? Байрон.

Кто знает больше других, имеет меньше других. Овидий,
т.к. потребности его больше КГ.

Венки¹²³ в рус[ской] лит[ературе]: Иванов, Волошин, Брюсов. Первый венок – словацкого поэта... [Прешерна]¹²⁴. См. Каноны сонета Гроссмана¹²⁵, мои заметки.

Артикуляционный базис данного языка – основа поэтической звукописи.

Стык слов лучше всего гласных согл(асных) или наоборот. Гласный стык дает музыкальность, легкость «У оазиса Уэда».

Теория худ[ожественного] творчества

Несчастный наиболее нуждается в прекрасном – он создает его. Поэт – умнее, тоньше других, знает больше других, поэтому имеет меньше тех, чей кругозор мал. Отсюда – стремление к избыванию неудовлет[воренных] желаний в фантазии, идеале, искусстве. Поэт всегда несчастен, тоскует, воскресая лишь в творчестве. См. «Я – идеал» Фрейда. Творчество по Фрейду – невроз.

(Рассказ) Старики-супруги не топят котят (жаль). Размножение кошек астрономично. Их домик гибнет из-за их чрезмерн[ого] колич[ества]. Все продают, кормя их...

Мне явились Шекспир и Гамлет. Гамлет: я писал бы о Ш[експире] не так, как он обо мне. Юмор.

Отчасти – самосожжение. Стих[отворение], подводящее некоторые итоги. Когда меня зароят в землю, мои тетради, листки стихов долго будут желтеть, засунутые в какой-нибудь ящик. Потом рукой любопытной и холодной они будут извлечены, их будут рвать чужие холодные руки. Холодные чужие руки коснутся желтых, ломких страниц. Быть может, их напечатают. Их будут читать чужие люди. Они будут равнодушны – разве мало поэтов умирало до этого? И разве поэты не люди и не суждено им умереть будет?

Мои стихи, моя кровь, мои дети – чужим, спокойным взорам... Что-то кто-то напишет о них, чтобы заработать.

Спруты-мозги (фант[астический]) рассказ.

Статья. Полифоническая¹²⁶ поэзия.

Венок триолетов. Принципы его создания?

Шаг первый: февраль 1942 – август 1947 г. 1942 – оконч[ание] школы. 1947 г. – поступл[ение] в университет. 300 стих[отворений].

Шаг второй: сентябрь 1947 г. – апрель 1952. 1947 – поступ[ление] в университет. 1952 – оконч[ание], брак.

Шаг первый: Грезы, Лиловый сборник, Желтый сборник, Третий сборник, Четвертый сборник.

Шаг второй: Книга Пятая, несколько стих[отворений] Книги Шестой.

Не пей воды из колодца, не то придется плюнуть. КГ

Смысл и ритм должны летать в стихотворении, как две птицы. Теодор Банвиль¹²⁷.

Нет на свете хорошей погоды, ее не бывает, т.к. погода существует лишь тогда, когда на нее обращают внимание. А внимание обращает на себя только плохая погода. КГ

Философские споры являются, по сути, спорами на тему, о чем же, собственно, идет спор? В этом смысле философ «подобен слепому, ищущему в темной комнате черную кошку, которой там нет». Джодд.¹²⁸

Я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой, если только это не перевод с языка греческого или с латинского, каковые суть цари всех языков, это все равно, что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне. «Дон Кихот», т. II, гл. 62

В любви, как в римско-католической религии, существует предварительное чистилище, в котором привыкаешь к поджариванию, прежде чем попасть в подлинный вечный ад. Гейне, Мемуары.

E pur se muove. А все-таки движется (земля) Галилей

Эмпедокл¹²⁹. 2 силы: любовь и вражда, соединяющие или разделяющие 4 корня вещей: землю, воду, воздух и огонь. Любовь

объединяет их в божественный жар, вражда разделяет.

Анаксагор¹³⁰ выставил причину движения мира – разум, целесообразность.

Сциентизм в поэзии. Р.Гиль¹³²: поэзия – высшая форма научной мысли. Сциентическая¹³¹ поэзия Гюйо¹³³, Верхарна, Брюсова, М. Зенкевича¹³⁴, Н. Морозова¹³⁵, Б.Гуревича¹³⁶, Гумилева, Рене Гиля.

Арион. Стих[отворение] иронич[еское]. Тонет всегда только поэт, все другие спасаются.

Атлантида (Беляев¹³⁷, Брюсов, Платон – всего 20 изученных источников).

Мрачен (темен-непонятен), как Гераклит
Грустен, как Платон.

VII B[ook]

август 1954 – февр[аль] 1962

Люди столь необходимо страдают безумием, что не быть безумным значит страдать другого рода безумием. Паскаль

Расск[аз] Измена Сесилия Эшли. Жена бесплодна, он мечтает о сыне, библиотека – в наследство (его мания). Жена – хрупкая фея среди книг, фолиантов¹³⁸ в солнечном луче. Он сходится с другой, только бы иметь сына, а затем усыновляет (чужого) ребенка. Сначала жена вслух изумлена сходством. Поняв – молчит. Раскрывает тайну из старого письма. Сын – умный мальчик, в плену книг (забивается в угол с книгой). Она все прощает мужу.

Стих[отворение] Две жизни. Ничто в жизни, но в поэзии – бог. Ничтожество и демиург.¹³⁹ Червь и бог.¹⁴⁰

ЛЦ Слова Платона: «Ты смотришь на звезды, любовь моя! О, как я хотел бы быть этим звездным тысячеоким небом, чтобы глядеть на тебя!».

Авторитет Священного писания выше всех способностей человеческого разума. Блаженный Августин.

Царство дьявола – это мать поэтов и философов. Монах V в. Хризостом.

Сократ о Гераклите: для него нужен делосский водолаз (намек на глубину мыслей).

Как дитя играет песком, пересыпая, собирая и рассыпая его, так нестареющая вечность играет миром. Эмпедокл. Сравни Ньютон о камешках на берегу океана неизвестности.

Гениальное «все течет» произнеслось Гераклитом, и расплавленный кристалл элеатического¹⁴¹ «бытия» устремился вечным потоком.

Не существует ничего, кроме атомов и вечного пространства. Демокрит.

По Платону совершеннейшая часть тела – голова, ибо она кругла.

Se silence eternal de ces espaces infinies m'effraye. Это вечное молчание этих бесконечных пространств приводит меня в ужас. Паскаль о вселенной

La verita fu figliola del tempo. Истина – дитя времени.

Ad un principe e necessario usare la bestia e`l'uomo. Государь должен вести себя и зверем и человеком. Маккиавелли.

Totus mundus agit historionem. Весь мир играет комедию – надпись на шексп(ировском) «Глобусе».

Смерть – единственное вознаграждение за несчастье родиться. И что нам в ней, если она ведет к бессмертию? Лишенные счастья не родиться, неужели мы лишены счастья уничтожиться?

Глюколалия – произнесение в возбуждении, забытии, бессвязных, пророческих слов.

Ом мани надме хум – жемчужина в лотосе

Или, или, лама савахфани [Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил? – слова распятого Иисуса Христа]

Истина – то, чего нет.

Истина будет оставаться истиной лишь до тех пор, пока на свете существует хотя бы самая захудалая, плюгавенькая ложь. КС

Столько били, мяли, гнули, топтали, угнетали, втапывали в грязь, что родилась великая ненависть.

К расск[азу] R любил класть на стол бутылку и беседовать с автором, выпивая за его здоровье, хваля или споря («Одинокий»).

Хорошо живет тот, кто хорошо прячется.

Папа-обезьяна рассказывает сыну, что люди произошли от обезьян.

Я – единственный известный мне поэт моей страны. Heine

Назвать цикл стих[отворений] именем созвездия, а отдельные стих(отворения) его – именами звезд этого созвездия.

Толкин [Толкиен] Мыши по шлаку. Что может сделать ребенок (человек) против армий, всей машины. Тема мышонка и бронированных ящеров. Бессилье.

A la Хрустальное яйцо Уэллса. Мой дом стоит на том месте, где была битва ящеров, мамонтов, рыцарей. Много других картин из прошлого и будущего. Машина времени. Все происходит на территории одной комнаты. Комната пользуется дурной славой (привидения).

Малокронизм – от миссис Малакрон из комедии Шеридана «Соперники», которая вечно путала слова (От Альфреда до Омахи)

Profanum vulgus – чернь

Ex ungue leoninus (по когтям льва (узнают)

Охлократия – власть черни.

Фант[астический] расск[аз] ром[ан] о будущем. Импотенция мужчины будущего (интеллект убил). Женщины более биологичны и атавистичны. Погоня за сохранившимися. Почет их и слава среди женщин. А la священный жираф.

Серия стих[отворений] парных

Высокомерие – гражданственное// См. Брюсова песни первобытных народов (кенгуру, моя жена еще жирнее).

Переосмысление с точки зрения первобытных народов.

Коренные, инстинктивные стимулы словоблудия. Пример:

Читайте, завидуйте («Стихи о советском паспорте» В.Маяковского)
// племя мнангу – недоноски, а наши жены жирнее. Мы сильнее и т.д.

Жратва, пол, страх вскрываются в изоциренных абстракциях популярной социологии.

Каждый из вас обитает в собственной вселенной, оборудованной по его собственному вкусу и разумению. «Железная пята».

Satana, vade retro, arage, satana! Сатана, отойди, отступи, сатана!

Inamorata – возлюбленная

Sancta simplicitas – святая простота (слова Гуса¹⁴² старухе, подбросившей хворосту в его костер).

Саламандра

стихия огня

Сильфида

воздуха

Ундина

воды

Кобольд

земли

Dies irae, dies illa

Solvat saeculum in favilla

Judex ergo cum sedebit,

Quidquid latet apparebit,

Nil inultum remanebit.

Quid sum miser tunc dicturus,

Quem patronum rogaturus,

Cum vix justus sit securus

День гнева, день этот

Обратит мир в пепел,

Судья когда воссядет,

Все сокровенное раскроется,
Ничто без возмездия не останется,
Что скажу тогда я, несчастный,
Какого покровителя буду умолять,
Когда и праведник едва спасется.
[Католический гимн 13 века]

Люди вступают в смертельный спор даже из-за того, как говорить слово «братство».

Расск[аз] о кроманьонцах¹⁴³

Развитие интеллекта в одной особи (рахит, выпячивание лба) в ущерб физич[еским] данным. Хотели слабого младенца убить. Кинули, но выжил благодаря уму. Магия Фрэзера.¹⁴⁴

Брама – созидатель мира
Вишну – хранитель
Шива – разрушитель

Танка? В лужице грязной кружатся черные точки ласточек.

Ад по типу амер[иканского] треста с пишмашинками, секретарями отделов, секторов, бухгалтерией, акциями и т.д. игра чертей на бирже на души грешников (миллионы). Их повыш[ение] и понижение. Забастовка душ, их борьба – профсоюзы. Противопоставит рай, где все равны, нет классовой борьбы и т.д. Души праведников изнывают с арфами.

Иранские пословицы.

Когда счастье отвернулось, и от киселя ломаются зубы.

Если бы при помощи крика можно было построить дом, то осел бы построил целую улицу.

Болтуна бросили в ад, а он и там говорил: «Дрова сырые».

Чрезвычайный и Полномочный осел.

Отсутствие свободы воли ведет к положению буриданова осла.
Письма Сенеки Люцилию.

3 совета Грина молодому писателю:

1. Не пишите того, о чем писать не хотите.
2. Всегда наказывайте злых и подлых.
3. Изобретайте. Опасайтесь ставить ногу на чужой след.

Верно ли? Подлинный ли это Грин?

Одна из черт японского нац[ионального] характера – нетерпеливость. Отсюда – любовь к коротким размерам и короткому цветению вишен.

Не потому ль, что цветы осыпаются... и т.д. Хо Ун Пе.¹⁴⁵

Аттическая соль – тонкая шутка – выражение Цицерона.

The old Iniquity – в англ[ийской] протестантской лит[ерату]ре – название дьявола (старая неправда, зло, несправедливость).

Пятиречье преисподней:

Ахеронт – река вздохов.

Ее притоки:

Стикс – река ужасов

Коцит – река плача

Пирифлектонт – река огня

Лета – река забвения

Абаддон – в книге Иова – ад, царство теней, обиталище погибших. По апокалипсису – имя повелителя духов ада.

Азазель¹⁴⁶ – демон пустыни у древ(них) евреев.

К Прометею. В кн[иге] Еноха¹⁴⁷ – предводитель допотопных гигантов, восставших на бога. Он научил мужчин воевать, а женщин – искусству обманывать, совратил людей в безбожие и научил разврату. По повелению бога привязан к пустынной скале.

(по апокрифической лит[ерату]ре) Черного козла – носителя грехов – гнали в пустыню или сбрасывали в пропасть – жертва богу или Азазелю - ?

Dei gratia – божьей милостью

Sub specie aeternitatis – с точки зрения вечности

Tour d'ivoire восходит к выражению латинской молитвы, где башней слон[овой] кости названа Дева Мария.

Улыбка авгура.¹⁴⁸ См. Цицерон «О гадании». Сходясь, авгуры,

морочившие суеверных, не могли не смеяться, глядя друг на друга.

Голубь мира – от голубок Венеры в опрокинутом шлеме Марса.
Еще в Риме – символ мира.

Голубь – тотемич[еский]¹⁴⁹ символ Венеры?

Еже писах, писах

Что написал, то пусть останется, не изменю. Слова Пилата.

Механический гражданин.

Fiat justitia, ruat coelum – пусть рухнут небеса, но восторжествует справедливость.

Овому талант, овому два – одному дано больше. Другому меньше.

Страха ради иудейска. Т.е. из страха перед евреями Иосиф Аримафейский 150 скрывал, что он – ученик Христа.

Фасадная империя. «La Russie» 1839 Адольф де Кюстин¹⁵¹

Ювенал 10 сатира. Надо молить, чтобы ум (дух) был здоровым в теле здоровом.

Каждый народ имеет то правительство, которое он заслужил.

Жозеф де Местр, посланник Сардинского королевства в России времен Александра II. Автор Параши[-Сибирячки].¹⁵²

Тиран Наполеон III был избран всеобщим голосованием.

«У нас нет хорошей литературы, и повинен в этом министр внутренних дел». Слова Наполеона.

Мир погиб, надежда остается. Родовой девиз Хуопов. [Жюль Верн. «Гектор Сервадак»]

Быть великим – значит давать направление.

Монтескье¹⁵³ шутил, что суд присяжных может быть допущен лишь с тем условием, что правом решающего голоса будет пользоваться не большинство, а меньшинство, т.к. в числе 12 присяжных наверняка

всегда больше дураков, чем умных.

Бог – не самодержавный, а конституционный монарх, ибо его могущество ограничено его мудростью. Генри Сент-Джон «Виконт Болингброк».¹⁵⁴

Стих[отворение] Подорожник. Мнут все прохожие, а он стоек – жив, вопреки всему. Жив курилка

Определение Франклина: человек – животное, изготовл[яющее] орудия. Паутина – орудие охоты. Плотины бобров? Миллионы людей никогда не изготовляли орудий и не пользовались почти ими.

Ababbcvcc – спенс[ерова] строфа
abababcc – ит[альянская] октава
ababbcvc – фр[анцузская] балл[адная] строфа

Форма – то, что отличает худ[ожественную] лит[ературу] от нехуд[ожественной] КГ

Ист[ория] рус[ской] лит[ературы] от Бояна¹⁵⁵ до (последнего мелкого).

Стих[отворение] Снежинка тихо опускается в ультра-урбан[истический] городской пейзаж из тихой черноты. Медленно скользкая.

Silentium Тютчева. Использовать название «Sil» для моего цикла «Я?»

Тот, кто предпочитает быть рабом в целом доме, нежели свободным в развалинах, очень скоро оказывается поработанным в развалинах.

Мировая держава перестает быть таковой, если она не присутствует везде.

См. В. Блейк¹⁵⁶ о противоречии 2-х начал в мироздании.

Философия – искусство переносить чужие несчастья. Джером К. Джером

Forte – громко, сильно
Mezza voce – вполголоса
Smorendo – ослаблять звук так, чтобы его наконец совсем не было слышно.
Un petto – про себя (в груди)

Триптих Молча
 Шепотом
 Вполголоса

Кто одинок, тот не будет покинут. Ремарк

Расск[азы] краткие
Примитив-техник в мире будущего – кретин. Техн[ика] еще не прогресс. Люди будущего откажутся от назойливого вторжения техники, она будет на 2-м плане. Главное – интеллект. Великая простота быта, его человечность, а не механистичность.

Чудеса техники сегодняшнего дня. Описать в стиле Ж.Верна. Наивность языка и стиля. С восторгом и таинственностью о том, что сегодня – проза.

Человек будущего попал в наш мир и поражен его сложностью, анархией, чудовищным насилием техники над жизнью, бытом.

Осень 1959. Потрясающее впечатление от перелета диких гусей. Одну ночь за другой звучат над городом протяжные крики гусей, летящих на юг, когда гул города затихает. Тревожные крики, мое смятение и волнение. Рядом с нами есть жизнь, не истреблена еще вся. Будет зима, но от моей зимы мне не уйти.

Pourrie avant d'etre mure [фр.] (сгнила, еще не созрев) Дидро¹⁵⁷ о России

Oderint, dum metuant [лат.] – пусть ненавидят, лишь бы боялись. Калигула

Мыслить, трудиться, любить и любоваться – большего не вместит никакая человеческая жизнь. Тимирязев¹⁵⁸

Хороший старый господин. Только вот что жаль: не может найти себе путного занятия. Посудите сами: по несколько минут стоит, уставившись на какой-нибудь цветок. Ну, стал бы это делать человек, у которого есть какое-нибудь серьезное занятие? Старик-садовник

о Дарвине.

Карл Бэр¹⁵⁹ доказывал, что Одиссей путешествовал в Черном море. Листригоны – Балаклава, Сцилла-Харибда – Босфор.

L'asino e il popolo utile, paziente, laborioso e bastonato [ит.]

Осел – это народ полезный, терпеливый, трудолюбивый и избиваемый палкой.

Май 1952 – 1957 брак и раб[ота] в школе

1957 – фев[раль] 1961 ГПИ Расцвет

фев[раль] 1961 – раб(ота) ГПИ – диссер[тация] – унив[ерситет]

План к 67 – 1000 [стихотворений]

Глупость, которую нельзя сказать, можно пропеть. Беранже¹⁶⁰

Патриотизм – это такая своеобразная добродетель, которую мы ценим высоко и даже превозносим в себе самих и ненавидим ее и всячески боремся против нее в других. Тимирязев (статья «Петербург и Москва»).

Цель человек[ества] – постижение и достижение след[ующей] стадии в ряду мех[аника] – физ[ика] – хим[ия] – биол[огия] – разум - ?

Стих[отворение] о рус[ском] языке. Шутливо. Толпа слов. Ризы славянизмов, фраки галлицизмов, желтые рожи монголизмов, тоги латинизмов, смокинги англицизмов, армяки русских слов и т.д. Все вместе – о великий и могучий.

Со стапелей¹⁶¹ спускают корабли, оборудованные по последнему слову науки и техники, оснащенные. Разбивают об их форштевни¹⁶² бутылки казенных чернил, а я, листок бумаги парусом подняв, ложусь на грудь вздыхающего океана. Его течение несет меня свободно, нет ни дымка на горизонте, нет пятен нефти и кожуры банановой...

Никакое расположение рифм не сделает сонета. Брюсов. Письма Перцову.¹⁶³

Особенности и красота триолета в том, что повторения стихов органически входят в стихотв[орение] и притом при каждом повторении те же слова получают новый смысл. Там же.

Религия священников – прямая противоположность религии пророков (Уэллс Душа епископа).

Legimus sacantes – читаемые при какании (категория книг)

Жизнь – игра явно невыгодная, ибо, хотя выиграть можно все, что угодно, ставишь все же нечто большее – самого себя. КГ

Если господь бог претендует на первое место в творении, то Шекспиру, несомненно, принадлежит второе. Г. Гейне

1474 г. – первая печатная книга на англ[ийском] яз[ыке] – сборник повестей о Трое. Перевод и издание Кингстона.¹⁶⁴ Вышла в Брюгге.

«Прежде всего будем господами моря и пусть защитит оно нас, как стена защищает окруженный ею город» книга об англ[ийской] политике. 1436 г. анонимна.

Кюре из Медона – Рабле.

Декан св. Патрика – Свифт

Саттонский викарий – Стерн¹⁶⁵

Беркли¹⁶⁶ – епископ Клойнский

Argumentum ad ignorantium – довод, рассчитанный на невежд.

Стих[отворение] Голоса. Основные мысли основных англ[ийских] пис[ателей], их наиболее известные цитаты вплести в стих[отворение] «Полилог»

Конрад, Хаксли, Уэллс, Честертон, Бле[й]к – Тигр, Шексп[ир], Олдингг[он]

Расск[аз] Приключения X в удивительной стране, где случаются странные вещи – сбываются все мечты (секс). Он спрашивает, пораженный – что это значит – узнает, что это аукцион. Общество по упорядочению и продаже сновидений.

Намечается сборник фантастических рассказов с оригинальным настроением – смешением сна, яви, галлюцинации, стирание рамок времени, яви, книжности и жизни.

Если бы свою мысль о том, что земля вертится, Галилей выразил

бы в стихах, инквизиция, возможно, и оставила бы его в покое.

Т. Гарди

Твард[овский] в Стране Муравии¹⁶⁷ – влияни[ие] англ[ийских] размеров?

Джаз (статья) Классич[еская] муз[ыка] стала все более апеллировать к разуму. Джаз овладел миром, т.к. он обратился к подсознательному. Классич[еская] музыка родилась из инстинкт[ивных] воплей, выражающих те[?]иные эмоции, но усложнилась, стала рацио.

Джаз же не скрывает, что он – вопль тела. Ритм – закон бытия.

Ложь стих[отворение] Чудовищный зловонный поток помоев, зловоние лжи, бумажный буран, гром, вопли радио, крики, рев репродукторов, рев толпы, миллиарды извергаемых машинами страниц, сладкоречивые учителя, родители, ложь, ложь, ложь! Родители-учителя-лектора-полководцы-офицеры-правители и т.п. И ты один против всего – и тебе кажется, что ты сумасшедший, что ты выродец, что ничему не веришь. Но ты должен выстоять, остаться собой. Искривленные тени мечутся, огни реклам, и города растут и громы маршей и ура тысяч отбивающих шаг солдат твердят, твердят ложь. Километры пленки, сияние тысяч экранов, профессорское покашливание с кафедр – все ложь!

Да и Нет

I Да...

1. Водяная лилия (физиология страшна)

2. Агава – поэт (и социология тоже)

3. Подорожник (но жив курилка)

II ...и...

Лист (на что мы все?)

Ель (бесплодно все)

Зерно (верю в будущее)

III ...нет

Летучая мышь (бесшумно мечется в громе города. Все мы слепы. Мошки у фонарей ошалело толкуются)

Сверчок (одиноким призыв любви, отчаянный. Или – трава, упорно пробивающаяся сквозь асфальт)

Воробей (но не сдается этот комочек. Ругнуть его истребителей. Китай)

Сверчок – поэт, отчаянный порыв любви тонет в гуле города, август, жара, раскаленный асфальт, мертвый свет ртутных ламп, топот прохожих. Из щели над витриной непрерывный, долгий, отчаянный, тоскливый призыв, зов безнадежный, настойчивый одинокий призыв, зов сверчка в темноте безнадежен, упорен.

В день Благодарения 24/XI 60 г. в US было убито 82 млн. индеек. Индейка, маис, пирог с начинкой из тыквы, брусничное варенье – блюда, которые ели первые переселенцы в праздник урожая вместе с индейцами.

Благодарность индеек в ноябре и гусей 1 января. Их хвала. Кур на Пасху (яйца).

Стих[отворение] расск[аз]? Пещерный художник нарисовал льва, влюбленный в его мощную красоту грозную. За это казнен племенем, ибо лев – враг племени.

Идея: у искусства и социологии – разные ракурсы, аспекты, цели, идеалы.

Расск[аз] н[аучно]-фант[астический] пародия, утрированно. Авторы... рассказа рисуют в окружении высокой техники людей примитивного духовного склада. Контраст: техника и культура – разные вещи. Тупость, примитивность неолюдей. Стиль-модерн их – секс, жестокость, аморальность, инфантилизм, инстинкты на 1 плане, чудовищно обнаженное отношение к полу и убийству, жаргон, похабство и жестокость.

Расск[аз] Герой его – антипод Гогена. Луна и сикспенс [«Луна и шестипенсовик» или «Луна и грош»]

Порядочный англич[анин] внешне – ничто: серый, скромный, привычки обывателя, трогательно бедного. Робкого, нелюбовь к переменам, порядочность, педантичность, трусливость. Кафка

Эффект – контраст бушующих поэтич[еских] бурь, мощи гения и его несоизмеримости с оболочкой честного, порядочного, маленького, скромного человека привычек. Где настоящий «Он»? Серая оболочка и привычки – ради экономии нервной энергии.

Расск[аз] фант[астический] 2800 г. Все моральные принципы – наоборот. Хорошо то, что у нас плохо и наоборот. Поощр[яется]

воровство, т.к. нет любви к собственности, а отсюда – равнодушие к вещам из-за изобилия. Целомудрие – порицают, индивид[уальную] верность – тоже. Все за драки и убийства, но эти добродетели так редки в этот век остывшей крови. Всеобщего благодушия. Добродетели, доведенные до совершенства – несчастье. Идея – условность морали. Все живут кто с кем хочет, и это пресытило, все надоело. Преоблад[ание] интеллекта, нет стимулов к преступл[ениям]. Все осуждают молодежь за отсутствие хулиганства и пьянства, преступления официально пропагандируются в надежде соблазнить молодежь, но она устало-умно отказывается, погруженная в науки.

Правда надоела, но никто не лжет. Ложь стала цениться на вес золота. Девушки мечтают быть изнасилованными. Все чувства остыли, хотят их подстегнуть, но тщетно. Все хорошие, примерные, нет стимулов.

О Боже! Я так брезглив: пошли мне что-нибудь красивое. КГ

Über allen Gipfeln
ist Ruh,
in allen Wipfeln
spurest du
kaum einen Hauch.
Die Vögelin schweigen im Walde.
Warte nur, balde
ruhest du auch. [Гете. Горные вершины]¹⁶⁸

Стих[отворение]? См. Эредиа. Время действия – перед падением Рима. Приход варв[аров] как нац[ионально]-осв[ободительное] движение. Герой стих[отворения] пророчествует о приходе светлых веков братства всех народов – конец рабства, христианство – идейное знамя. Пародия на соврем[енность].

Фант[астический] рассказ. Будущее. Лечебница, где умело, мягко, но настойчиво лечат любовь к природе, животным, красоте, «сентиментальность». Пациенты – поэты, эстеты. Им любовно читают лекции о машинах, искореняя мечтательность. Прячут друг от друга свои «пороки» или каются друг другу в них (смущенно, виновато). R. бродит в отдаленных коридорах, на чердаках. Находит на крыше в желобе траву. Холит ее. Нашли и «вылечили» – «это для вашего блага».

Это счастье было сладким и светлым, как мед в сотах: наконец я стал мужчиной. У меня не отняли книгу, я прочту и следующую главу. Джон Брэйн «Путь наверх»¹⁶⁹

VIII BOOK

февраль 1962 – декабрь 1972

...И все же звездной тьме не мало
Шепнуть мгновенные слова. [К.Г.]

Очень немногие губы складывались бы для пения, если бы могли
найти удовлетворение в поцелуях. Киплинг.

К молодому дубу
Вчера земле доверил я
Твой корень преданной рукою,
И с той поры мечта моя
Следит с участием за тобою.
Словам напутственным внемли,
Дубок, посаженный поэтом:
Приподымайся от земли
Все выше, выше с каждым летом.
И строгой силою ветвей
Гордясь от века и до века,
Храни плоды ты для свиней,
А красоту для человека.
Фет

Beati paupers spiritu – блаженны нищие духом
Imitatores – подражатели
Servorum pecus – рабское стадо

Критик – копрофаг (пожиратель навоза)

Фант[астика] Люди, прекрасные морально, прибыли к др[угой]
планете. Встретили тролли животных – гадость, грязь, насилие,
жестокость, ужас. Уничтожили совершенно спокойно и чисто их,
оставив для музеев этногр[афии] и гены для лаборат[орий]. Вопль
«Mashienengeweh!»¹⁷⁰ Это проще. Колонизация, красота, мир покоя,
просвещение отняло бы сотни лет.

Цикл (?) фрейдистских (сугубо) стихов. Пол. Подсознательное.
Одно из них – идея компромисса.

Фрейдист. Начало, аскеза средневек[ового] воображения, грех,
стыд, срам, позор, ужас, извращ[ения], грязь, зверство

Светлая любовь, прекрасная поэзия и т.д.
Синтез – ты земная. Ты прекрасна, не животное и не идеал, а – загадка вечного бытия.

Герасим – от *gerasmios* (почетный) греч.

«Если бы не был я царем в России, то желал бы быть адмиралом в Англии» Петр I

Ив[ан] Голиков¹⁷¹ «Историческое изображение жизни и всех дел славного женева Франца Яковлевича Лефорта»,¹⁷² М., 1800 г., ср. 140.

Sum qui sum: Я – таков

Fuit Ilium – был Илион (символ ушедшего)

«У бессмертных богов на коленях» - в будущем. Илиада

Величайшая задача техники – ликвидировать технику, оставив человеку все возможности (телепатия вместо телевизора, полет Ариэля вместо самолета и т.п.). Техника хороша, когда ее не видно. На 1 план – трава и лошадей.

К н[аучно]-ф[антастическому] расск[азу]. Эволюция живой материи увенчалась рождением мыслящих существ. Но – «человек еще не предел» (Уэллс). Существа, наделенные более высокой способностью, чем способность мыслить. Их органы настолько выше мозга, насколько головной мозг выше спинного. Они воспринимают все виды колебаний и излучений... все спектры.

Eum qui venturus est iudicare vivos et mortuos et saeculum per ignem
Тому кто призван судить живых и мертвых и весь мир огнем.

Здравый смысл – это те предрассудки, которые складываются в возрасте до 18 лет. А. Эйнштейн. Популярная физика.

Робаи с редифной рифмой¹⁷³ (Шенгели).

I Совр[еменные] научные теории безумны, противоречат здравому смыслу.

Дискретность¹⁷⁴ и относительность времени.
Кривизна простр[анства] и относительность времени
Принцип неопределенности Гейзенберга¹⁷⁵
Двойное время Милна, Кузнецов о времени, Хойл о тяготении
(Знание-сила, №10 64 г.)

II На этом этапе науки роль интуиции гигантски возрастает и между людьми науки и иск[усства] протигибаются некот[орые] мостки. (Бор¹⁷⁶ и Колмогоров¹⁷⁷ о творчестве. См. конспект моих лекций – спецкурса по ист[ории] науч[ной] поэзии.)¹⁷⁸

«Он начинал смутно понимать, что жить означает не столько что-то делать, сколько чем-то быть». Олдингтон. Раздумья на могиле немецкого солдата.

Требование Т. Эллиота¹⁷⁹ к критике «...защищать литературу от тирании рационального мышления». Цит. по книге Лайонелла Триллинга¹⁸⁰ «Либеральное воображение» (по статье И.И. Анисимова «Реакционное лит[ературоведение] и классическое наследство» (Изв[естия] АН отд[ела] лит[ературы] и яз[ыка] т. XVII).

Ad usum delfinorum – для пользования дофинов (облегченное адаптированное издание)

Veni, creator spiritus...
Mentes tuorum visita...
Imple superna gratia...
Quae tu creasti pectora...
Приди, животворящий дух...
Посети умы рабов твоих...
Наполни высшей благодатью...
Сердца, которые ты создал...

Introibo ad altare Dei
Припадем к престолу господню

Indulgentiam – молитва об отпущении грехов

Benedicite, pater eminentissime
Благословите, высокопреосвященнейший отче

Славь, язык, благу тайну,
Тело славь пречистое,
Кровь бесценную, благу,
Мира искупление, –
Кою пролил царь наш – чрева
Плод благословенного.
Здесь и далее – перевод С. Маркиша¹⁸¹

Слово стало плотью, стало
Слово хлебом истины;
Кровь в вино да претворится

Будем чтить его смиренно,
В прахе распростертые.

И творцу хвала и сыну –
Господа творению, –
Мир, и честь, и мощь, и слава,
И благословение!

Подад он слабым опору надежную,
Подад скорбящим из крови он питье,
Молвив: примите сосуд сей из рук моих,
Пейте влагу багряную.

Радуйся, ликуй, о тело,
Девою рожденное.
В искупление человеков
На кресте распятое,
Кровь твоя волной струилась
Из бока пронзенного, –
Да вкусим ее в последнем
Смертном причащении.

О, гостия спасения,
Ты – неба предвкушение;
От злого утеснения
Пошли нам заступление.

Единому в трех – Господу

Да будет слава вечная:
Он жизнь нам беспредельную
Дарует в отчет царствии.

«...я... сравнил гордые парусники с древними готическими соборами. Устремленные ввысь формы, преобладание вертикальных линий над горизонтальными; какой-то неизъяснимый идеализм, сочетание истории и религии, переплетение линий и игра красок под прихотливыми лучами солнца – вот из чего родилось это необычайное сравнение...». «Трафальгар» Бенито Перес Гальдос¹⁸²

«Кроме Оксфорда и Кембриджа Англия имеет другое, гораздо более могучее и общее воспитательное средство – ее «Habeas corpus». 183 Н.И. Пирогов¹⁸⁴

Vanitas vanitarum – суета сует

Стих[отворение] ирония злая. Ученый в башне. Десятилетия упорного труда. Плод гения – книга, которую все забудут. Он смертен. А грязная баба, моющая ему пол – бессмертна, наплодив кучу визжащих грязных ублюдков.

Общество юных борцов за прогресс – против стихийных сил природы: ломают деревья, заливают реки нефтью, забивают последних птиц и мелких оставшихся зверьков – травят. S. укрывает кролика? Щенка? Вырывают, убивают, уезжают с грохотом. Впеч[атление] миндального дерева, которое первым говорило мне о приходе весны скромными белыми цветами на голых ветках. Сломано краном строителей. Гоняют, шныряют на мотоциклах в кожаных куртках.

Писатель – это не объективный наблюдатель действительности, это всего лишь невротик, бессознательно приводящий в действие свои защитные механизмы. Эдмунд Берглер¹⁸⁵

Из-за слабых я был слаб, из-за голодающих голодал, из-за жаждущих испытывал жажду. Изречение Иисуса у Оригена,¹⁸⁶ отсутствующее в канонических евангелиях.

Говорит Иисус. Где будут двое, там они не будут без бога, и где будет один сам с собою, я с ним. Подними камень, и там найдешь меня, рассеки дерево – и там. Логий из Оксиринха,¹⁸⁷ не включен в канон.

Говорит Иисус. Все, что не находится перед взором твоим и что сокрыто от тебя, будет открыто, ибо нет ничего сокрытого, что не стало бы явным и погребенного, что не было бы воскрешено. Логий из Оксириха, конец его в каноническом тексте опущен.

Благо человеку, который обрел самого себя и пробудился. Из «Евангелия Истины» (коптский перевод III-IV вв. из греч. текста II в.).

Его ученики спросили Его, когда придет царство? (Иисус сказал:) Оно не придет, когда его ожидают, не скажут, смотри – оно здесь или – смотри, оно там: но царство Отца разлито по земле, и люди его не видят. Гностическое евангелие Фомы.

«Царство мое не от мира сего» – Иоанна, 18, 36 – под вл[иянием] гностиков.

«... блаженны одинокие и избранные, ибо вы обретете царство» – гностическое евангелие Фомы (это изречение в чисто гностическом духе: спасутся избранные, знающие, а не массы)

«Сова Минервы начинает свой полет с наступлением сумерек» Гегель «Философия права».

Стих[отворение] Раскопки, в песке-пыли нашел обломок гранитной глыбы с высеченным началом стиха – и закончил наизусть – (дать строчку с вавил[онской] мифологией. Утнапишти?)¹⁸⁸ Вот исчезли государства и народы, и столицы и города засыпаны песком пустынь, и гранит рассыпался, а слово бессмертно. Распад певучих слов в грядущем невозможен. Слава поэта переплывает века в утлой скорлупке единого стиха. Робаи.

К триптиху «Природа и цивилизация, техносфера»

Журавли. Похабье расхлябанного джаза и визг девок, топот, смех. Я вышел во тьму, ночь приникла ко мне, испуганно дрожа... Все смолкло, и я услышал тревожные, чуть слышные, странно стиснувшие грудь, далекие, как из другой вселенной, крики журавлей, тянущихся в темноте на юг. Луна проглядывает сквозь рваные облака. Тупость города и нашей цивилизации, далекой от природы // природа прекрасна, незнакома и обречена. Тайная ее обреченная жизнь пробуждает крики, зов[ет] что-то в душе забытое, преданное, стыдливо таимое.

Другая треть триптиха – перепелки, во время полета летят на свет маяка и разбиваются.

ЛЦ стих[отворение] о любви как искусстве (сплести) ведь иск[усство] – тоже синтез тела и разума.

Ф[антастика] Инопланетяне дружат с дельфинами.

К фант[астическому] расск[азу] Высшие сущ[ества] других планет не посещают Землю, т.к. люди им омерзительны своим аморализмом, дикостью, грязью, тупостью.

Стих[отворение] Творчество. Всю жизнь искал Бога. А Богом был ты – творец. Все остальные станут прахом.

Полагают, что корабль человечества тем глубже погружается в воду, чем больше он нагружен.

Всякая добродетель имеет свои привилегии: мы укажем, например, на привилегию приносить на костер осужденного на смерть преступника свою собственную вязанку дров.

Поэт везет свои мысли на торжественной колеснице рифмы, вероятно, потому, что они не тверды на ногах.

Природа не имеет ни ядра, ни скорлупы.

Она все сразу.

Ты проверь лучше самого себя,

Являешься ли ты ядром или скорлупой.

Гете

К триптиху журавли – перепелки. Чайки вымазаны в нефти, умирают. Гибель романтики, лес нефт[яных] вышек на море, где были паруса – белоснежные чайки, а теперь – грязь, техника, танкеры.

Диалог Спинозы¹⁸⁹ и Сатаны.

Англичане говорят одно, а пишут другое «... согласно здоровому английскому обычаю доставлять неприятности иностранцам». Голс[уорси] Лебединая песня.

Спиноза «Краткий трактат о боге, человеке и его блаженстве». Глава XXV. О дьяволах

«Если мы допустим, как делают некоторые, что он некоторое мыслящее существо, которое не хочет и не делает ничего хорошего и таким образом всегда противодействует богу, то он, конечно,

очень несчастен и если бы молитвы могли помогать, то следовало бы молиться за его обращение». «Но рассмотрим, может ли такое несчастное существо существовать хотя бы одно мгновение. Мы сейчас же найдем, что это невозможно, ибо из совершенства вещи происходит вся продолжительность ее, и, чем более сущности и божественности заключают вещи, тем они непостояннее. Так как диавол не имеет в себе ни малейшего совершенства, то как, думаю я, мог бы он существовать?»

Но если нет необходимости принимать диаволов, то зачем принимать их? Мы не имеем нужды, подобно другим, допускать диаволов, чтобы найти причины ненависти, зависти, гнева и подобных страстей...»

Caute (осторожно) – надпись на печати Спинозы

Valete et plaudite – прощайте и аплодируйте (так кончались римские комедии)

Plaudite, acta est fibula Аплод[ируйте], комедия окончена (якобы последние слова императора Августа)

Rossica non legentur не читать русских книг – принцип Ватикана.

Стих[отворение] «Я» распадается на бесчисленность мигнов, из которых каждый только что был призрачным будущим и вот уже стал несуществующим прошлым» В. Брюсов. Земля

Дандин (см. ЛЭ) [«Литературную энциклопедию»] стих без губных звуков, т.к. болят губы от поцелуев возлюбленной

Salva venia – да простит читатель.

Большую часть времени он провел в лавках букинистов. Роясь в книгах, чтением которых стоило бы заняться, если бы можно было прожить на свете тысячу лет. С. Моэм «Предатель»

Существует тяжелая борьба между плотью и духом. Сенека

Лучше свобода в аду, чем рабство в раю. Мильтон

amore more ore re

любовью характером молитвой делом

Bona terra, mala gens – Хороша земля, да народ плох. Шексп[ир]
о Кенте

Карл V, поднимавший кисть, выроненную Тицианом, Франциск I,
стоя ожидавший, пока Робер Этьенн¹⁹⁰ кончит набирать страницу.

Звезды управл[яют] людьми, но упр[авляет] звездами бог

Надпись на мече таллинского палача (1525 г.): «Милость и
верность божия возобновляется каждое утро. Поднимая меч, я
помогаю грешнику обрести вечную жизнь» (немецк[ий] яз[ык])

Происх[ождение] Таинства Святого причастия – крови и плоти
искупителя – из старого почтенного восточного обычая резать
за городом барашка и пировать. Поесть, не придавая действию
символического, ритуального смысла, не так интересно. (Впечатления
от поездки в Гегарт.¹⁹¹ Жертвоприношения там – гекатомбы. Яма с
кровью. Куриные, бараньи ноги и головы).

Пусть смертные радуются, что существовало такое украшение
человеческого рода. (О Ньюtone, Вестмин[стерское аббатство])

Статуя Ньютона в Кембридже: Разумом он превосходил ум
человеческий.

Правила короля Альфонса Кастильского:¹⁹² жечь старые дрова,
читать старые книги, пить старое вино, беседовать со старыми
друзьями. (стихотвор[ение])?

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Марк Твен (?)

«Р(еволюция?) творить не может. Единственная ее заслуга
– что после нее все приходится строить заново... Но эту заслугу
французская... всецело разделяет с лиссабонским землетрясением»

«Вековые сокровища Франции расхищаются или продаются, а
Конвент гордо ассигнует деньги на поощрение науки и искусства. Это
и есть р...(эволюционное) творчество. Так у них всегда. На словах –
они облагодетельствовали весь мир, а в действительности, к чему
они ни прикоснутся, все гибнет, пачкается, пошлеет). М. Алданов.
Девятое термидора.¹⁹³

«Зазорны же и невоздержательны суть, свирепы и кровожаждущие человецы, в вещах благополучных безчинно и нетерпимую гордостью возносятся; в противных же вещах низложенного ума и сокрушенного. Обаче сами о себе высокомерие их всяким, хотя и великим почитанием удоволитися может. Ко прибыле и лихве, хитросно собираемой... народ паче удобен есть. Рабский народ, рабски смиряются и жестокостию власти воздержатися в повиновении любят, и якоже все игры в боях и ранах у них состоятся, тако бичев и плетей у них и часто есть употребление». «Палки, батоги, шпицрутены, розги, плети, кнут на козле, вырезание ноздрей, виселицы».

Самуил Пуффендорф.¹⁹⁴ «Введение в Гисторию европейскую» изд[ано] в Рос[сии] в 1718 г. пер. Г. Бужинского.

Статья Деклар[ация] абс[олютной] своб[оды] творч[ества] – категорич[еское] требование. Своб[оды] в мире идей... Своб[оды] творч[ества] вне всякой завис[имости] от одобр[ения] или неодобр[ения] общества, кого бы то ни было. Своб[оды] поклоняться своему представлению о красоте. Свободы от рабства – класс[ового] нац[ионального], корпоративного, кастового, финанс[ового], духа времени, моды, утилит[аризма], рекламы, века. авторитетов. законодательства, традиций. Организаций... Своб[оды] волеизъявления наедине с мирозд[анием]. Ответствен только перед ним и историей, но не перед толпой, чернью, вкусами читат[елей]. Общедоступность – фикция. Но – лояльность гражданственная, а не анархия.

Стих[отворение Я не забрался в трюм молиться и блевать. Когда пьяные слепцы накрутили штурвал так, что корабль понесло на скалы, я ушел в трюм – чтобы вверить бутылке – бросить ее бушующим волнам – письмо будущему – свет знания – пока корабль не разнесло вдребезги. Я погибну, но м[ожет б[ыть] будет жить мой дух, то, чем я был – в доверенных мне стихах.

(Но в штормовые дни один крутил штурвал.
Другой. Забравшись в трюм, молился и блевал).

Жизнь есть не более чем самореализация потенциальных возможностей электронных состояний атомов. Д. Бернал.¹⁹⁵ Возникновение жизни.¹⁹⁶

I nunc, anima anceps, et sit tibi Deus misericors! [Так гряди же, грешная душа, и да смиляется над тобой Бог] Формула, которой заканчивалась церемония казни – после этих слов палач делал свое дело.

Мир населен миллиардами неродив[шихся] душ, неосуш[ествленных] жизней. Их больше, чем живых. И – замыслов

Буколики и пасторали
(соврем[енные] буколики)

Жанры буколич[еской] поэзии. Георгики – воспевание мирного труда поселян и их очаг[ов]. Идиллия – описание мирных бытовых картин жизни пастухов. Рыбаков, землед[ельцев] и пейзаж. Эклога – диалог между поселянами пастухами.

Ст[ихотворение] Ер[еванский] кинотеатр: залить бетоном языч[еский] храм Урарту. Когда-нибудь над погребенным в пепле и песке кинотеатром, где мелькали тени, снова будет алтарь языч[еского] храма и жрецы-дикари [будут] приносить жертвы.

Ст[ихотворение] Поэту. Ты думал, что раз в твоей душе такое со-
кровище, все должны беречь и лелеять его и восх[ищаться] тобой?

Да они смертельно возненав[идят] тебя за это. Бросят со скотами в вонючую дыру.

Ст[ихотворение], расчлененное прозаич[ескими] замечаниями – перебоями: теоретич[ескими] объяснениями конструкции стиха, техники его, аллит[ераций] и т.п.

Сюжеты детективов. Загадочное преступление. В конце – случайно – разгадка: это делал мальчик, ему было интересно... как работает сыщик-знаменитость.¹⁹⁷

Ст[ихотворение] Месть

... утеха. Какой не доставят ни улады честолюбия, ни победа на турнире или в битве. Ни женская любовь... Самое драгоценное. Что дано человеку – мечь... Мечь. Как говорится, боги оставляют за собой – не оставлять же человеку самый лакомый кусок! (Пертская красавица. Вальтер Скотт)

De profundis¹⁹⁸

Безнадежной надежды зов. Надежда во мраке умирает. Безнадежность. Давящая тьма. Протест, мечта, голос из глубины о чистоте, надежде, слабый зов. Торжество мрака. Агония надежды, трагической. Равнодушие черной вечности. Протест, крик бессилия, отчаяния. Раздавлен, распят тьмой, раздавлен, из глубины, погребенный, из черного рва зову в пустыне. Конец. Смерть. Бездна смерти – заключит[ельный] трагич[еский] чудовищно мрачный аккорд.

Понед[ельник] – день Луны – серебро; вторн[ик] – день Марса – желчь; среда – день Меркурия – ртуть; четв[ерг] – Юпитера – олово; пятн[ица] – Венеры; суб[бота] – Сатурна – свинец; воскр[есенье] – Солнца – золото.

Тысячелетний нравственный багаж человечества был закодирован в форме, которая называлась «мировыми религиями».

Люди презирают и стараются избегать не обидчика, а его жертву. Гор Видал.¹⁹⁹ ИЛ, 68 г., № 11-12

Бетховен. Письмо к Бессмертной Возлюбленной. 1812 г. Неразборч. Mein Engel, mein alles, mein ich, сердце мое переполнено избытком того, что я хочу тебе высказать. Всюду где я – ты также со мной. Что это за жизнь. Так близко и так далеко. Я могу жить только с тобой, иначе это для меня не жизнь... Никогда другая не завладеет моим сердцем. Никогда, никогда... Моя жизнь такая, как теперь, полна одной лишь скорби. Твоя любовь сделала меня одновременно счастливейшим и несчастнейшим из людей. Сколько слез к тебе, моей жизни, моему «все»! Прощай.

Тех[ника] мол[одежи] №1 69 г. Дуализм альбигойцев. По духу человек принадлежит к Богу Добра, по телу – Богу Зла.

Поэты – апологеты нац[ионального] дост[оинства]. Киплинг, Джон Дэйвидсон,²⁰⁰ Хенли,²⁰¹ Конан-Дойл, Джон Ньюболт.²⁰²

Стих[отворение] Я бы не хотел после смерти перевоплотится (метампсихоз) в раба, царя, женщ[ину], дикаря, поэта, мыслителя, ребенка, вятого зверя, животное, насекомое, растение. Небытие лучше всего. Усталость

Гибель книги и развитие голубого вируса теле. Гибель гутенберговой галактики. Теле-наркотик.

Стих[отворение] Смоковница От 1 лица. Я стою, нет плодов, не даю. Смотрела на др. деревья со стыдом, страд(анием) и завистью. Старалась плодоносить – тщетно. Цветы опадали без завязи. Обездолена, мука. И вот Он с учениками – мой брат, сын Божий Иисус и его слова – срубить ее. Вот так милосердие!

Я бы вышел на охоту и набил бы ягдташ головами отвратительных осквернителей – палачей природы – охотников, «туристов», кот[орые] уничтожают и загаживают все. Рассказ. Пропадают люди

в округе... Некто охраняет его природу, животных-друзей.

Цикл стих[отворений] «Драг[оценные] камни»? О драгоценных камнях: Ферсман,²⁰³ «драг[оценные] камни», «др[агоценные] камни в арм[янской] лит[ературе] XVII в.; Arca Moris – о драг[оценных] камн(ях) древности; свойства камней

Значительное снижение интенсивности заполнения записных книжек связано с тем, что новые заметки и замыслы ст[ихотворений] вносятся в папки, относящиеся к циклу «Верность». «Верность» поглощает в последние годы все мои мысли. Вбирает всего меня. Дек[абрь] 1971

Nabeas tibi – выживают худшие

IX В[ook]

январь 1972 г. -

1942 – 30 лет – 1972

Uno solo – только один, сам

Votum separatum – отдельное мнение

Meretricula – маленькая блудница

Soliloqua – разговоры с самим собой

...Как я сейчас мечтаю о том, что все мое, что сгинет, будет воплощено кем-либо в бескон[ечном] времени и пространстве. Удачный вариант.

Стих[отворение] Фокус: не я о будущем, но моя благодарность тому, чья душа переселилась в мою и творит мною...

Стих[отворение] Первопечатник Иван Федоров бронзовый читает отпечатанный лист, а в руке бронзовой гнездится воробей, натаскивает соломинок.

Кабиры – в смысле древней мистики существа, сознание которых далеко превосходит человеческое сознание (Штейнер – сомнительный источник)

Об отношениях ангелов с женщинами Восст[ание] ангелов О граде божьем

3 чина небесных духов
высшие серафимы, херувимы (керубы), престолы
средние могущества, силы, власти
низшие начала, архангелы, ангелы
души

Стих[отворение] Психее было сказано, что если она заговорит о своей беременности, ее ребенок будет смертным; если же смолчит, он будет богом. («Под сетью» А. Мердок)²⁰⁴

Экологическая элегия (буколики и пасторали)

I Лес. Чудесная картина природы, зверюшки, воздух-кристалл, хвоя, солнце, голубые ручьи, птицы, здоровье, тишина.

II Порубано все. Пустыри, стадо, грязь, шпалы сложены, мазут, угар, тлен. Загажено. Сор.

III Через N лет – институт охраны природы, окружающей среды. Не будет только природы, окружающей среды.

Цикл детективных рассказов. 5 – Преступление раскрывает случайно веселый щенок (нашел нечто в саду и приволок)

6 – В центре его – старая книга. Дать кое-какие сведения о старых печатниках. Библиофилы.

Стих[отворение] S о любви

I катрен: о ней говорит мне лит[ерату]ра (примеры)

II катрен... живопись

I терцет... музыка

II терцет где же Она

Стих[отворение] с религ[иозной] терминолог[ией]. Бердяев²⁰⁵ О граде Божиим и еретике-неверующ[ем]²⁰⁶

Стих[отворение] античн[ый] антураж (см. Лившица²⁰⁷ – пир) Раб-грек в римском доме – свободен (творец) а его хозяин (ложе, трапеза, вино, рабыни, пир, блевотина, богатство) = раб, т.к. туп

Триптих Неовозрождение

Забыты античность, мифы, гармония, красота... Языч[еское] слияние с природой, близость к ней. Природу убивают, умертвляют.

Когда же придет Возр[ождение] и опять вспомним античность с ее красотой и вновь воскреснут боги.

Возрождение придет вновь, и мы будем находить кустики, как когда-то мраморные статуи. Век Кроноса. Вулкана, Гефеста кончатся.

Новелла. Старик-аристократ, последний в роду. Беден. С трудом сохраняет поместье. Предки, парк, старые деревья, любимые животные, птицы, природа. Дряхл[ый] слуга, одинок. Демогр[афический] взрыв, звереныши-дети лезут в имение: для них это развлеч[ение] ломать, убивать. Конфликт стар[ик]/молодые; стар[ая] эпоха/новая; аристократ]/плебс; природа/техника. Война с детьми – ненависть населения. Дети ломают все, уничт[ожают] животных, птиц, деревья. Старик хоронит убитых любимцев. Цветы, фрукты воруют. Старик: я отдам сам, мне не надо, только не лезьте, не ломайте. Стреляет солью. Родители вмеш[иваются]. Осада дома. Заперся. Поджигают... Рубят все вокруг, жгут. Охотничьи ружья... картечью. Поубивал многих. Полиция поздно. Все сожжено. Натаскал старик порох и взорвал все, когда толпа хлынула в дом. Все: это хорошо, освоб[одится] место для автострады: не соглашался продать, теперь мертв, нет наследников. Коллекции, библиотека, собаки, птицы, растения окружали. Все погибло. Культура – против техн[ики]. Аллегорично. Конец эры.

Бог изощрен, но не злонамерен. Эйнштейн.

Оруэлл, 1984²⁰⁸

Фальсифицирование истории – бесконечный палимпсест

Новый язык (официальный)

«Для разума нет ничего недоступного; для слова нет ничего невероятного». Определение Гермеса Трисмегиста²⁰⁹ – Асклепию. Вестник Матенадарана. Ер, 1956

Стих[отворение] о ценности моих стих[отворений]. Сомнения. Т.е.: верно ли читаю книги? Смогу ли создать филос[офский] камень?..

Расск[аз] ром[антический] Green Концерт. R восхищен певицей... Дарит букет с алмазным перстнем. Годы, потеря ею голоса. Нищета. Встреча с R. (она скрывалась)

Стих[отворение] a la Новая Книга Джунглей. Перечислить все, что плохо для меня: одиноч[ество]; нет принц[ипов]; страш[ный] мир; возраст; безвестность; смерть

Шестая симфония Чайковского. Ст[ихотворный] текст к ней, как у V Бетховена.

Однажды я нашел лебединое перо, уроненное княгиней лебедей, прекрасной Радигумдис (сказочники Скандинавии)

Стих[отворение] Прометей. Осуждение Прометея. Боги были справедливы. Что сделал Прометей с огнем? (гибель природы)

Осуждение его «подвига» воровского. Люди не доросли, недостойны. Огонь – всеобщ[ее] уничт[ожение]. Гибель природы от огня, самоуб[ийство] человеч[ества] конечное.

Стих[отворение] композиция такова: описание природы. Неменя, взрыв, рождение галактик; красный разбег; рожд[ение] планет; рожд[ение] жизни, эволюция; история...

Темницы рухнут, и свобода. Пушкин. Дать эпитафией к стих[отворению] о революции

Книги о закате Европы: Освальд Шпенглер²¹⁰ «Закат Европы»; Франческо Саверно Нитти²¹¹ «Европа над бездной»; Ллойд Джордж²¹² «Мир ли это» и У. Черчилль «Мировой кризис»; Альбер Деманжон²¹³ «Упадок Европы»; Морис Бомон²¹⁴ «Банкротство мира»

Стих[отворение] Европа – беспечная, веселая, музыка, секс, седина в голову – бес в ребро, а могила уже вырыта. Как старец на румянен смотрит на подраживание юных ляжек. «Кабаре» перед 33 г. предсмертный стриптиз. Цветные хлынут. Монголы. Обреченность. Беспринципность, безответственность, беззаботность, отсут[ствие] идеологии, вялость. Похотливый старец прыток пыток напитков//ляжек ражий ляжет саже подлежит продаже я же важен даже сейчас же та же смажет кражи скажет. М[ожет] быть красавица пожилая и ее альфонсы

Теорема Энфло о существовании сепарабельного Банахова пространства,²¹⁵ в котором не всякий компактный оператор аппроксимируем конечно-мерными. Доклад проф. Пелчиньского 73 г. ТГУ

Бельтон – окрас сеттера, белая рубашка которого в мягком крапе: черном – блюбельтон, коричн(евом) – ливербельтон, желтом – лимонбельтон.

Авропигмент – минерал, материал для королевской желтой краски (это мышьяк)

История Тома Джонса найденыша: Дрелинкур о страхе смерти См. мои издания Дрелинкура XVII века.

«жизнь меня убедила, что те, кого принято называть «славыми парнями» чаще всего финишируют последними». Альф Рамсей «Футбол» №24, 1973 г. (после 17 окт[ября] 73, когда Англия сыграла с Польшей 1:1 на Уэмбли и не попала на перв[енство] мира 74 г.)²¹⁶

Ст[ихотворение] о себе 2 слова. Задача воскресить Большую поэзию в Мертвой Стране. Я слаб – смогу ли? Намек на самосожж[ение]

Стих[отворение] Аррефоры²¹⁷

Филлида – фракийская царица, невеста афинского царя Демофонта. Когда ее жених не вернулся к назнач[енному] сроку, покончила с собой. Боги превратили ее в миндальное дерево, которое расцвело, когда вернувшийся Демофонт обнял ее ствол. (Дем[офонт] – весна? КГ)

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.
[А.С.Пушкин]

Ст[ихотворение] о том, как я создаю ст[ихотворение] свое.
Чтение океана книг
возн[икновение] неясной идеи
планы, заметки
облечение в плоть
См. процессы творчества все в моей библи[отеке] по психол[огии]
творчества.

Стих[отворение] Диалог Он (я) Она (смерть)

Она: тщета, бессмысл[енность] простота тления, могила, кости, волосы, доски, тлен, ничто, тьма, вещи переживут, книги будут принадлежать другим. Дезинтеграция, дифф. мозга в труху; падаль, гниль, черви, грязь, вонь, пустота, яма, перегной, забвение, ничего и не было.

Он: был я. Это уже все, это удача невероятная 1) из млрд млрд неосущ[ественных] жизней сперматоз[оиды] – икринки 2) я был и еще одна невероятная удача: ибо столько их, не-творцов. Как выжил в стаде...

У меня – полей небольшой достаток, но зато даны мне нелживой Паркой эллинских камен нежный дар и злобной Черни презренье...

Плен – это Сознание//Свобода – тоже. Эмили Дикинсон.²¹⁸

Основные черты классической музыки: знание о трагизме человеческого бытия, принятие человеческого удела, мужество, ясность. Гессе²¹⁹

«Не надо придавать особого значения женщинам: надо восторгаться, глядя на них и дивиться тому, что такой незначительный повод может вызвать у нас столь приятное чувство». (из Барреса)²²⁰

Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись и служили твари вместо творца, который благословен во веки. Римл, 1, 25.

Философия была тем же детоводителем эллинов ко Христу, каким Закон был для иудеев. Климент Александрийский. Строматы²²¹

Христианство и иудейство не являются следствием имманентной эволюции религиозного гения человечества, лишь сравнительно высокоразвитым ее проявлением. Они представляют собой вторжение в историю трансцендентного Бога, которое вводит человека в сферу, прежде для него закрытую. Ж. Даниелу²²²

«Мюнстер» – Фрейбургский собор.²²³ Его колок[ольня] – прекраснейшее башенное сооружение в мире (по Бухгарту).²²⁴ Чистейшая готика – единств[енный] в мире собор, законченный во времена готики, а не достроенный позже.

Свобода непознаваема, но прошлое должно дать нам надежду на будущее. У.Ч. [Уинстон Черчилль] Мораль этого труда: в войне – решительность; в поражении – мужество; в победе – великодушие; в мире – добрая воля.

Они не стоят слов – взгляни – и мимо. Ад, III, 51

Стоглав 691 года, постановление Собора

Правило святого шестаго собора святых отец возбраняет к волхам ходити и запрещает православным христианам поганских эллинских скверных обычаев приимати. Сеже собор всех сих и подобных им играния творящих отметае и запрещает тако же и женская в народех плясания срамна сущи на смех и на блуд многих прельщает тако же и не подобных одеяней и плясавиц и скомрахов и всякого козлогласования и баснословия их не творити егда же вино топчут и егда вино переливают в сосуды гласования и вопль великий тво-

рят неразумнии по древнему обычаю еллински прелести еллинского Бога Диониса пьянству учителя призывают и вкус услаждают и пьянство величают. Сей же Святый собор сих всех не повелевает творити, не повинующихжеся запрещает и отметаает аще суть причетницы аще мирстии суть отлучают.

Псалом XVII Яко ты просветиши светильник мой, Господи, Боже мой, просветиши тму мою.

«Мильтон в темнице писал о Боге и ангелах, а на свободе – о Дьяволе и Геенне, ибо был прирожденным поэтом и, сам того не зная, сторонником Дьявола». В. Блейк. «Бракосочетание Рая и Ада».

Стих[отворение] ЛЦ Любовники. Вдруг он в финале ощущает в объятиях разлаг[ающийся] труп, падаль. Бодлер.²²⁵ Аллег[ория]

Ярость сопрот[ивления] жены интеллектуализму мужа. Ее стремл[ение] сделать его как все. Когда он садится за письм[енный] стол – ее судороги ненависти. Непонимание его миссии, внутр[еннего] мира. Она – за простые истины – дом, мебель, тряпки, дети, деньги, знакомые. Она ненавидит его книги и бумаги. Он сдается. Конец. Он с гордостью: а я сегодня ничего не написал.

Стих[отворение] Ненав[идь] всех, ибо они не простят тебе – иеху не прощают тем, кто выше их – художнику, будут издеваться, травить, унижать до своего уровня. И дети. Эта смерт[ельная] ненависть – закон худож[ественного] творч[ества], основной.

Ночь Ночей – канун католич[еского] праздника Дня всех святых (1 ноября), когда, по преданию, духи обретают власть над живыми

Розмарин на языке цветов – символ верности и воспомин[аний]. Язык цветов – где? Символы и эмблематика?

Венок триолетов – 9 попробовать

Fuge, late, tace – беги, таись, молчи

Эрисхитон – вырубил лес (свящ[енный]), за что боги поразили вечным голодом, и он умер, пожирая свои собств[енные] внутренности. Эр[исхитон] = человечество. Вырубил леса – голод

В жизни нет никакой связи между возмездием и заслугами (слова Сомса Форсайта)

Цикл стих[отворений], древнекорейская строфа хянга.²²⁶

Расск[аз] Сказка. R – old, L – virg, молода. Он раскрывает в саду (бесконечном, как шкаф – англ[ийская] книга о детях, кот[орую] я ждал в Москве) = страна – все новые области ей. Подтекст Фрейд. Uncle. Брюсов – «Введение во храм». Камасутра – целомудренно.

MEMENTO

Когда умру,
Схороните меня с гитарой
В речном песке.

Когда умру...
В апельсиновой роще старой,
В любом цветке.

Когда умру,
Стану флюгером я на крыше,
На ветру.

Тише...
Когда умру!

Ф.Г. Лорка²²⁷

Salva fide – с чистой совестью, не нарушая данного слова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ИЗ НАУЧНОГО
НАСЛЕДИЯ

ДИАЛЕКТИКА КАНОНОВ СОНЕТА

В предисловии к вышедшим в 1918 г. «Опытам» В. Брюсов, общепризнанный мастер и теоретик стиха, писал, что традиционные формы, в том числе сонет, «...освящены испытанием веков, признавшим их за совершеннейшие построения из определенного числа стихов и по внешней стройности, и по свойству – наиболее полно выражать известные чувства или раздумья. Как традиционные строфы, так и традиционные формы, конечно, останутся в мировой поэзии навсегда».¹ О «сущности и законах» сонета говорил и Л. Гроссман в завоевавшей уже право именоваться классической статье «Поэтика сонета».²

На Западе литература по теории и истории сонета необозрима: библиография, приложенная к известной монографии В. Менха о сонете и насчитывающая почти пять сотен названий, ее далеко не исчерпывает.³ Поистине, «прослеживая историю сонета, мы увидим, что учение о сонете во всех его видах и разновидностях занимает в ней значительное место».⁴

Однако следует признать, что вниманием наших историков и теоретиков стиха сонет не избалован, и за шесть десятков лет, прошедших со времен выхода в свет гроссмановской «Поэтики сонета» до самого последнего времени, наше литературоведение уделяло ему крайне мало внимания, ограничиваясь беглыми замечаниями или заметками справочного характера, порой не свободными от, мягко выражаясь, неточностей. Так, к примеру, С. В. Калачева полагает, что сонет возник «в эпоху Возрождения»⁵, а Г. С. Скрипов, замечая, что «у поэтов Запада встречался иногда веночек сонетов»⁶, не ведает, по-видимому, о множестве венков в русской поэзии... В. Никонов напрасно считает, что «все прежние (до И. Бехера, К. Г.) определения сонета (в т.ч. А. В. Шлегеля) касались только его формы»⁷, ибо Шлегель уже усматривал в сонете и драматический вид, и единство формы и содержания, и зачатки диалектики⁸, не говоря о более близких к нам по времени предшественниках И. Бехера, включая В. Менха, писавшего, в частности, и о том, что «диалектическая структура сонета визуально различима в его строфическом членении», и о «резкости диалектической мысли» сонета⁹. Ошибается и Л. Гинзбург, утверждая, что основные свойства (а не «характерные особенности») сонета «Бехер видел в «предельной концентрации поэтических сил», соответствующей известному принципу Гете: «Великим хочешь быть – умей сжиматься»¹⁰, ибо И. Бехер основным свойством сонета считал его диалектическую сущность, а не «размер его стесненный», о котором говорит Гете в цитированной строке

сонета «Природа и искусство».

Перечень недоразумений подобного рода, проистекающих из недостаточного знания теории и истории сонета, можно было бы продолжить. В связи с этим отрадно отметить появление в последние годы серьезных исследований по сонету, в частности, работ В. Н. Благонравова, С. Д. Титаренко и других: ведь, учитывая небывалый рост интереса к сонету и поэтов – наших современников – и, что ничуть не менее важно, наших издательств, необходимость уделить изучению сонета внимание, которого он, безусловно, заслуживает, поистине назрела.

Соглашаясь с мнением Б. Романова о том, что «русский сонет, в лучших его образцах, несомненно яркая, выразительная страница не только русской, но и мировой лирической поэзии»¹¹, нельзя не испытать в связи с этим чувства гордости за отечественную поэтическую культуру: ведь сонетная традиция мировой лирики – это Данте, Петрарка, Микеланджело, Ронсар, Камюэнс, Джордано Бруно, Лопе де Вега, Шекспир, Мильтон, Гете, Мицкевич, Эредиа, Рильке...

Расцвет сонетного искусства всегда свидетельствовал об активизации становления национальной культуры на данном историческом этапе, о ее зрелости, кристаллизации художественного опыта в золотом сплаве традиции и новаторства. О том, что, как справедливо утверждает Б. Романов, «сонет в русской поэзии – вполне органичная форма»¹², свидетельствует вся история русского сонета. Можно ли представить себе русскую поэзию без сонетов Дельвига, Веневитинова, Пушкина, Фета, Вячеслава Иванова, Бальмонта, Бунина, Брюсова, Волошина? Можно ли отрицать идейно-художественную ценность опытов в этом роде П. Антокольского, С. Кирсанова, И. Сельвинского, Л. Вышеславского, Л. Мартынова, Н. Матвеевой и многих других современных поэтов? И славное прошлое, и впечатляющие масштабы нового расцвета русского сонета на протяжении трех последних десятилетий свидетельствуют о том, что он завоевал право стать одной из «национальных форм» русской поэзии. Не приходится сомневаться, что он «достиг большой законченности, и многие его опыты от пушкинской плеяды до новейших поэтов могут стать в ряд с лучшими образцами европейского сонета»¹³.

Тем менее уместным анахронизмом выглядят отдельные попытки представить сонет, издавна – и все более уверенно – играющий в нашей поэзии достойную роль жанра философской лирики, чем-то искусственным, схоластическим, средневековым, отжившим. Подобные рецидивы все еще подающего признаки жизни вульгарного социологизма в том, что касается сонета, имеют давнюю историю, восходя не только к пролеткультовским временам или позитивистским утилитарным представлениям второй половины XIX века о «полезности» искусства, но чуть ли не к эпохе, когда классицисты отводили сонету место низшего жанра в своей иерархии эстетических

ценностей. Полагать вместе с Сумароковым («Сонет... игранье стихотворно... хитрая в безделках суета»),¹⁴ что искусство сонета – «область решений ребусных задач»¹⁵, смыкаться во мнении с печальной памяти графом Хвостовым (критиковавшим сонет за отсутствие «обширности действия») и всерьез считать, что сонет – это попытка втиснуть современную речь «в сейфы и инкрустированные шкатулки»¹⁶ – явление, в наши дни уже, к счастью, достаточно редкое. Но поскольку русская сонетная традиция – часть нашего национального достояния, она подлежит охране – и защите от определений подобного рода, и подлинно научному изучению.

Противники сонета (есть, как выясняется, и такие) фактически восстают ныне, отдавая себе в этом отчет или нет, не столько против внешних признаков его структуры, им порою, по их собственному признанию, непонятной («Можно заблудиться в дебрях усложненных форм, рожденных средневековой схоластикой»¹⁷, сколько против тенденции сонета представлять в нашей поэзии ее вершинные области, поскольку давно переросший былое свое определение («твердая стихотворная форма») сонет взял на себя высокую миссию жанра психологической, интеллектуальной философской лирики. Следовательно, неприятие сонета – это прежде всего неосознанное или намеренное стремление к «упрощению» поэзии, к ее «снижению», примитивизации, причем критики, беря на себя заботу о благе некоего «усредненного» читателя, полагают, что привычные, не отличающиеся глубиной и новизной мысли и чувства должны преподноситься ему только в достаточно простой и привычной для него форме. Навязывать венки сонетов читателю, не переросшему лубочного уровня представлений о поэтическом искусстве, как и пытаться дискредитировать сонет в глазах ценителя поэзии – занятие пустое; задача критики, очевидно, - приобщать к вершинным явлениям мировой и отечественной поэтической культуры...

Непричастность к многовековой сонетной традиции европейской и русской поэзии – свидетельство бескультурья; сознательное неприятие, отрицание ее – бескультурья воинствующего. Однако, поскольку история и теория сонета успели обрасти довольно устойчивыми предрассудками и мифами («сонет – фокус, игра, схоластическое упражнение, закостенелое скопище искусственных, не имеющих смысла запретов, отжившая архаическая композиционная форма, нечто эстетское и по сути дела бесполезное, далекое от подлинного искусства слова»), то какое бы откровенно тенденциозное, намеренно искаженное или даже явно нелепое представление о сущности сонета эти мифы ни давали, представляется своевременным начать исследование вопроса о подлинном характере, подлинном смысле канонов сонета и, не претендуя на внесение окончательной ясности в этот достаточно сложный комплекс проблем, попытаться показать далеко не произвольный и не случайный характер формообразую-

щих признаков сонета. К сожалению, почти во всех – за редким исключением – работах (вернее, заметках) по теории сонета, отмечающих существование тех или иных его структурных особенностей, вопрос о функциях, смысле этих особенностей не ставится вообще. Может возникнуть впечатление, что каноны сонета – набор произвольных, условных правил, в основном что-либо почему-то запрещающих и таким образом лишь усложняющих правила «игры». В тех же редких случаях, когда вопрос о смысле канонических особенностей не ставится¹⁸, ему уделяется мимоходом несколько слов. А ведь канонические структурные особенности сонета «строгости соблюдения», не исчерпывая его сущности (ибо органичное единство формы и содержания нерасторжимо), не являются, с другой стороны, чем-то случайным, необязательным, так как именно они воплощению этого диалектического единства способствуют и обеспечивают его совершенство. Как именно? Каким образом? В чем *raison d'être* всей совокупности канонических сонета в том виде, какой приобрели они за века его эволюции? Попытка дать, наконец, ответ на эти вопросы, представляется не лишней интереса: уникальность судьбы сонета, исключительная роль, сыгранная им в мировой пейзажной, любовной, философско-психологической лирике, заслуживает пристального внимания, так как случайными причинами или случайными признаками формы, разумеется, объяснена быть не может.

Сонет – «вершина рифмоискусства» (Шлегель); «образец поэтического произведения», «идеальная форма художественного произведения» (Брюсов)¹⁹; «основная форма поэзии», «воплощение поэтической мудрости», «высочайший из всех поэтических жанров» (Бехер)²⁰... Что дает сонету право на эти определения – ему одному из всех поэтических форм и жанров, начиная с элегического дистиха и кончая поэмой? Очевидно, теми особенностями его внешней структуры и теми глубинными свойствами его сути, которые позволяют с наибольшим художественным совершенством осуществить слияние макрокосма вселенского бытия с миром мыслей и чувств бытия индивидуального в акте поэтического творения.

Творение же – познание и созидание: познание неведомого и созидание небывалого. И одно, и другое требует – если вообще достижимо в каждом конкретном случае – немалых усилий, напряжения духовных сил как автора, так и его читателя; поэзия же, представляющая собой повторение пройденного, т.е. не несущая информации, художественной ценности лишена.

За семь с лишним веков эволюции сонета представления о достоинствах его «сущности и законов» (Гроссман) или о достоинствах «свойства – наиболее полно выразить известные чувства или раздумья» и «внешней стройности» (Брюсов) не раз менялись, пока, наконец, не было признано, что четко выраженная диалектическая структура этого жанра философской лирики с канонизированной

формой предоставляет ему наилучшую по сравнению с другими поэтическими формами возможность отражать все многообразие – и мира, и поэтического мировидения в их диалектической сложности и противоречивости. Диалектическое восприятие и отображение действительности, разумеется, не привилегия одного лишь сонета, но в той или иной степени может быть свойством любого произведения поэзии.

Итак, со временем – начиная, по-видимому, с Джакомо да Лентино, а в России с публикации в 1732 году сонета де Барро, переведенного В.К. Тредиаковским²¹, сложились определенные стабильные признаки сонетного канона, хотя разнообразие сонетных (либо псевдосонетных) форм всегда было чрезвычайно велико. Признаки эти, если, конечно, говорить не только о внешних, следующие:

1. Особенности внешней формы: четырнадцатистрочный объем, деление на два катрена и два терцета²², система рифмовки, размер.

2. Неотделимые от особенностей внешней структуры особенности строфически-синтаксического и интонационного строения, обуславливающие вместе с первым диалектическую сущность сонета и обеспечивающие возможность воплощения в нем антиномического характера бытия, восприятия и отражения его как единства противоположностей в диалектике их становления и самоотрицания.

3. Художественная полноценность стиха – высокие требования к его эвфонической стороне, качеству рифмы, лексике и т. п., т. е. условие, предъявляемое к любому совершенному поэтическому тексту.

4. При бесконечном разнообразии содержания – глубина его, высокий настрой поэтической мысли, углубленный психологизм и интеллектуализм; менее всего – повторение общеизвестного; т. е. синтез мысли и чувства на высоком уровне, т. е. полноценность поэтической информации. Сонет должен быть «воплощением поэтической мудрости», а не рядиться в одежды мудреца.

Сонет не система произвольных, не обоснованных вескими причинами запретов, имеющая целью создать нечто искусственное, условное, но – нечто, преследующее достижение главной цели – совершенства поэтического самовыражения. Развиваясь, он как бы предугадывал свое будущее совершенство, шел к нему путем естественного и искусственного отбора; диалектика творческого процесса находила выражение в сонете, в то же время формируя, шлифуя его. Это и обусловило его «необыкновенные возможности».²³

Высказывалось мнение, что «сонетная форма подвергалась различным изменениям и варьяциям, а поэтому трудно указать конкретные обобщающие черты сонета. Можно наметить лишь основные типичные формы».²⁴ Однако, несмотря на то, что вариантов сонетной формы было и есть несметное множество, все же можно утверждать, что каноны классического сонета сложились. Решительно

отбрасывая все то, что явно противоречит сущности этих канонов (к примеру, не четырнадцатистрочные, а иные построения), можно не только «указать конкретные обобщающие черты сонета» (что было сделано выше в четырех пунктах), но также среди множества вариантов в рамках этих обобщающих канонических черт указать лучший и обосновать этот выбор. Опираясь при этом следует, разумеется, на критерии объективного характера, полагая, что смысл и ценность канонов – сонета – не столько их буквы, сколько духа – в обеспечении оптимальных возможностей диалектического мировосприятия; в перспективе же – в возможности эволюции от «примирения» антиномий в синтезе – к эстетическому освоению парадоксальной полифонической комплементарности бытия.

1.2

Издавна недруги сонета видели в его малом объеме нечто сковывающее полет вдохновения, ограничивающее возможности поэтического самовыражения. Пушкин, однако, знал, что сонета «не презирал» мировидец Данте, масштабы чьего творчества обнимали всю тогдашнюю вселенную от центра преисподней до Эмпирея; знал, что «размер стесненный» сонета мог вместить и «жар любви» Петрарки, и «скорбную мысль» Камюэнса, и мечты Мицкевича... Весьма определенно высказался на этот счет и друг Пушкина П. А. Вяземский: говоря о «сжатой раме сонета»²⁵, он полагал, что «для истинного Поэта нет оков стихосложения».²⁶ Нам, действительно, не приходилось слышать о зависимости качества живописи от размеров холста, также «сжатого» рамой; однако «комплекс прокрустова ложа» в связи с сонетом – явление нередкое; иные даже, говоря о сжатости сонета («А стих звучит свободно, словно бы и не скован железными обручами сонета»²⁷) предпочитают обращаться не к античной мифологии (Прокруст), а к терминам, достойным бондарного производства. Любопытно, усматривает ли автор сей дефиниции «железные обручи» в сонетах Пушкина и Фета, Брюсова и Волошина? Или, быть может, их стих в сонете также «звучит свободно»?

Известно, что в сонете всего четырнадцать строк. Не сто сорок и не тысяча четыреста. Четырнадцать строк, шесть-восемь десятков слов (в сонете, написанном пятистопным ямбом). Чтение такого сонета занимает менее минуты. Общеизвестно, что нить понимания обрывается и начало забывается прежде, чем слушающий (или читающий) подходит к концу, если текст велик. Таким образом, возможность восприятия стихотворения как отдельного, законченного, единого целого ограничена особенностями психики. Сонет же, по словам И. Бехера, отвечая и требованию «жизненной необходимости» и одного из основных законов искусства – «самыми скухими средствами достичь наибольшего»²⁸, позволяет сознанию охватить поэтический текст в единстве всех его компонентов как не размытое

во времени и пространстве художественное целое.

«Размер стесненный» античного элегического дистиха, трехстрочного хокку («ведущий серьезный жанр японской поэзии»²⁹), четырехстрочной строфы поэтов и философов Востока рубаи, бессмертного пятистишия японской танки – способствовал, а не препятствовал их превращению в перлы национальной философской лирики, и краткость была на протяжении многих веков сестрою таланта их авторов. Кстати, и в этих формах можно также усмотреть зачатки диалектической структуры, что представляется далеко не случайным.

Верно ли, что «поэтическая мысль, наиболее адекватная современности, не может быть уложена в сонет как жанровую форму»³⁰? Экономия художественных средств с целью их концентрации, лаконизм ничего общего с «ограниченностью» не имеет, и смешение этих понятий, начиная с переводчика «Поэтического искусства» Буало до авторов современных учебных пособий, – не что иное как демонстрация своих *testimonia paupertatis*. Кстати, еще Буало не без основания считал, что «Un Sonnet sans defect vaut seul un long poëme»³¹; действительно, поразительная «емкость» сонета подмечена в самых ранних его образцах. Так, в сонете Дю Белле «*Ces grands monceaux piergeux*» поэт смог, по словам В. А. Римского-Корсакова, изложить «в четырнадцати строках всю историю Рима».³² А. В. Шлегель с полным правом мог утверждать, что сонет может даровать своему творцу «*Hoheit, Füll in engen Grenzen*» («всевластие и полнота (владения поэтическим словом, К. Г.) в узких границах»); не лишним будет привести здесь и второй терцет из упоминавшегося выше сонета Гете «Природа и искусство»:

Wer Großes will, muß Sich zusammen raffen:
In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister,
Und das Gesetz nur kann uns Freiheit geben³³.

Не ради красного ли словца это сказано, не поэтическая ли это вольность? Нет: «Слова – «мастеру нужен лишь минимум средств» – стали наивысшим принципом для сонета... свобода проявляется как «осознанная необходимость» ...Нет такой разнообразной, нет такой глубокой жизни, которую нельзя было бы полностью охватить в сонете».³⁴ Это верно. Более того: не возможность говорить сколько угодно позволяет поэту ощутить и продемонстрировать свободу поэтической мысли и чувства, но именно преодоление «размера стесненного»: где нет преград, там в диалектике взаимообусловленности формы и содержания не может быть самого понятия «свобода»; без «стесненности» нет и простора, без границ – безграничности. Несколько десятков слов сонета способны воплотить мысль любой сложности и чувство любой глубины с величайшим художественным

совершенством и полнотой, а также приоткрыть в умело недосказанном перспективы необозримых далей именно потому, что чем строже «закон», тем разительнее контрастирует с его непреклонностью бесконечность свободы, даруемой Мастеру виртуозностью его владения словом.

Ощущение беспредельности может быть создано лишь скупыми, тщательно отобранными средствами; сонет как жанр тяготеет к лаконизму, афористичности, в особенности в последних строках октавы и (конечно) секстета. Чем меньше слов, тем значительнее каждое – по принципу «числом поменее, ценою подороже» - и сонет не терпит суесловия. Цена каждого слова в нем – на вес золота; сонет как бы создан для того, чтобы противостоять словесной инфляции.

Конечно, сжатость сонета, являющаяся одной из сторон его диалектической сущности, дарует безграничные возможности поэтического самовыражения лишь владеющему и мастерством стиха, и знанием этой сущности.

Необходимо также отметить склонность сонета к циклизации, его тенденцию объединяться с себе подобными в ассоциации, построенные по различным принципам. Возможности сонетного цикла по масштабам охвата действительности сравнимы с возможностями произведения любого другого жанра, если не превосходят их. Исследование сонетных ассоциаций на теоретическом уровне обещает немало интересного; к сожалению, подобные специальные исследования большая редкость. Заметим здесь, что на пути превращения в одну из строф большего по объему стихотворного целого сонет теряет главное: способность благодаря диалектической сущности своей структуры быть (несмотря на сжатость объема) целым – и самостоятельным, и своеобразным – поэтическим миром. Иное дело, когда сонет, объединяясь по тем или иным признакам с другими на равных началах и не теряя при этом своей независимости, художественной завершенности своего микрокосма, сияет в созвездии сонетов цикла звездой своей собственной величины.

Итак, объем сонета сжат. Кому-то, когда-то – а порой и теперь – это казалось – или кажется – заслуживающим упрека. Что ж, не каждому дано

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо в чашечке цветка.³⁵

Важнейшая особенность структуры классического сонета итальянского и французского типов – деление на два катрена и два терцета. Не являющийся объектом исследования в данной работе английский или «шекспировский» сонет, построенный из трех катре-

нов и двустихия – не вольность, не отклонение от «нормы», а третий из трех основных, узаконенных традицией архитектурных типов сонета со своим, также каноническим уже построением. Начало его исследованию на теоретическом уровне, хотя и не охватывающее всех аспектов его сущности, все же положено.³⁶

Как диалектика – «наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления»³⁷ – восходит к диалогу античных мудрецов, так начало свое диалектика сонета обретает уже в диалоге октавы и секстета, встретившихся и вступивших в беседу более семи веков назад. Изначальная двучленность раннего сонета, не разделенного еще в те времена на катрены и терцеты, таила в себе все грядущие особенности его строфического членения. Уже на первых порах формальные отличия октавы со схемой рифмовки авававав от секстета – cd cd cd, - а также разница в содержании частей (ожидание-исполнение, напряжение-разрядка и т. п.) придавали каждой из двух частей известную самостоятельность в границах единого целого, утверждая таким образом в единстве противоположностей его художественное совершенство. Гармония двуединой сущности раннего сонета, и противопоставляя и согласуя обе части, зависела от умения поэта это единство осуществить, но в принципе уже сулила сонету блестящие перспективы. Разделение в дальнейшем на два катрена и два терцета отнюдь не перечеркнуло изначально двучленности сонета, ибо катрены, объединенные одинаковыми рифмами, не переставали в рамках общего замысла напоминать об октаве; терцеты в своем узаконенном синтаксическом единстве продолжали представлять секстет. И поныне эти части сонета отличаются также по интонации: «как правило, сонет можно узнать сразу по неповторимой интонации, завершенной отчетливости периодов»³⁸. В чем эта неповторимость? Вдумчивая напевность катренов, взвешивающих «за» и «против» (или ставящих и развивающих тему и т. п.) контрастирует с большей энергией, подчеркнутой логическими цезурами, большей динамичностью, экспрессией терцетов, знаменующих столкновение, борьбу, развязку в примирении ли, непримиримости ли, сублимации – т. е. во всех возможных вариантах синтеза.

О самостоятельности, обособленности обеих главных частей сонета упоминается в «Композиции лирических стихотворений» В. М. Жирмунского; применение, однако, к ним терминов достаточно сложного содержания «Aufgesang» и «Abgesang» без обширного историко-литературного комментария не достигает цели.³⁹

Важную роль в сонете играет синтаксическая законченность, завершенность каждого катрена: это позволяет им наилучшим образом способствовать выявлению тезиса и антитезиса; синтез осуществляется в секстете. Сонет, таким образом, приобрел форму, соответствовавшую возможности эволюционировать в сторону превращения в уникальный по значению жанр лирики, прежде всего

философской, символизируя во внешнем облике своего строфического членения и обуславливая этим членением свою диалектическую суть.

Итак – два катрена, два терцета. Вопрос, почему в составе сонета именно четверостишия и трехстишия, а не строфы с иным числом строк, и почему сначала катрены, а затем терцеты, давно уже не ставится. Это привычно считается чем-то само собой разумеющимся. Но, по-видимому, такое построение не случайно: не следует забывать, что некогда «...язык математики не был самостоятельным, - он являлся, скорее, «диалектом» более всеобъемлющего языка христианской культуры. Число было существенным элементом эстетической мысли и сакральным символом, мыслью бога».⁴⁰ Что же символизировали в эпоху формирования строфического облика сонета числа четыре и три? «Вот некоторые из важнейших числовых толкований, принятых в средние века как обязательные и истинные. Число три... символ всего духовного... четыре было... числом мировых элементов, то есть символом материального мира».⁴¹ Не исключена возможность, что в строении сонета нашло отражение желание увидеть в совершенном произведении искусства стремление поэзии от материального к духовному, от земного – к небесному. Смысл этой мистической символики был впоследствии забыт, что не пошло во вред сонету, сохранившему рациональное зерно исконного дуализма – противопоставления материального и идеального – но придавшему ему универсальный характер противопоставления тезиса (любого) – антитезису (любому). Это было не что иное, как шаг к диалектической сущности сонета.

Итак, сонет – четырнадцатистроочная структура; в то же время он – единство четырех строф, и трех членов диалектической триады (первый катрен, второй катрен, секстет), и двух изначальных участков диалога – октавы и секстета. Как любое живое существо, сонет таит в себе пласты атавистических черт, напоминающие о прошлом, и он – результат эволюции, увенчивающий ее своим разумным совершенством. Сонет – единство и гармония всех своих компонентов, одно художественное целое, сливающий в это единство все свои противоположности, отражающие многообразную, многомерную, противоречивую сущность бытия.

Требование синтаксической законченности первого катрена не случайно, так как он должен быть противопоставлен второму (тезис – антитезис); второго – также обусловлено необходимостью: и подчеркнуть его самостоятельность (антитезис), и четко отделить содержание октавы от содержания секстета.

Пожалуй, прав был В. Брюсов, считавший: «Можно доказать, что невозможно... более совершенным образом расположить 14 стихов, нежели то сделано в сонете».⁴² Прав был и И. Бехер, писавший: «Симметрия, пропорциональность, гармония – все эти элементы

принадлежат к «архитектонике сонета», и в нем может найти выражение лишь мысль, развивающаяся по закону красоты». ⁴³ Вполне ясно также, что «сонеты» с иным числом строк или с иными искажениями архитектурного замысла – «опрокинутые», «безголовые», «половинные», «хвостатые» (с кодой) и т. п. калек и уроды сонетами называться не могут.

Важно отметить здесь, что «закономерным для процесса становления жанра явилось и оформление в русской книге середины XVIII в. устойчивого стереотипа напечатания сонета с интервальной разбивкой текста на два катрена (четверостишия) и два терцета (трехстишия)... книжная архитектура текста сонета способствовала пониманию сонетистами архитектуры жанровой». ⁴⁴

Синтаксическое единство секстета – явление обычное, но не категорически необходимое: наличие двух терцетов предоставляет автору свободу выбора различных композиционных вариантов: синтез – в секстете; во втором терцете; наконец, – в завершающей сонет строке... Во всяком случае, требование соблюдать «...четкие, соответствующие развитию, перелому и завершению мысли и темы, строфические паузы после каждого из двух четырехстрочий и каждого из двух трехстрочий сонета» ⁴⁵ – неверно, ибо может не относиться (и чаще всего не относится) к стыку терцетов.

Существовали и существуют мнения, что синтез должен осуществляться в обоих терцетах ⁴⁶, или во втором терцете ⁴⁷, или – «иногда» – в двух последних строчках сонета ⁴⁸ или именно в этих двух стихах ⁴⁹, или же, что именно в последней строке сонета (сонетном замке) находит наиболее яркое выражение развязка, происходящая во втором терцете ⁵⁰, или что только «последнее слово должно быть смысловым «ключом» всего стихотворения». ⁵¹ Вероятно, этот разнородный случай. Можно согласиться с тем, что в небольшом объеме сонета цена каждого слова высока; завершающих композицию – тем более. Справедливо отмечалось, что у мастеров сонетной формы, в частности, у Эредиа, «последняя строка непременно несла усиленную смысловую, образную и звуковую нагрузку». ⁵² Конечно, роль последней – так наз. «катастрофической» строки особая: ее наибольшая отточенность, малословность, лапидарная афористичность, глубина – краткий, но мощный аккорд, венчающий «маленькую трагедию» сонета. Синтез может быть осуществлен и в этой строке, хотя сонет не обязательно должен походить на новеллу О'Генри с неожиданной эффектной концовкой.

Ясно, что место синтеза – финальная часть сонета: однако, требование его точной привязки к тому или иному числу строк, его локализация означает утверждение не духа канонов сонета, а буквализма, подлинной природе сонета чуждого. Поэт, а не надуманные «правила» определяет, сколько строк или слов необходимы и единственно возможны в каждом отдельном акте поэтического творения.

Что же касается «правила», запрещающего переносы, якобы «в поэтике сонета признаваемые нежелательными»⁵³ и поныне, правила, предписывавшего некогда обязательную синтаксическую законченность каждой строке сонета, то от песни, породившей предшествовавшие ему формы («Исторически первоначальная, песенная лирика переноса не знает»⁵⁴), и от педантизма законодателей классицизма сонет давно ушел в необозримые дали. И в нем enjambement в стихосложении — несовпадение синтаксической паузы с ритмической (концом стиха, полустушия, строфы); употребление цезуры внутри тесно связанной по смыслу группы слов. «возникает по контрасту к привычному и ставшему уже художественно невыносимым строжайшему совпадению единиц ритмических и синтаксических»⁵⁵, но не является в сонете ни унаследованным от романтиков стихийным «актом поэтической свободы»⁵⁶, ни стремлением сблизить поэтическую речь с обыденной. Усложняющий ритмический рисунок стиха, уводящий его от схемы или примитива enjambement, подчеркивая сложность содержания, в целом утверждает в сонете его принадлежность к жанру интеллектуальной поэзии; в терцетах же может подчеркивать драматизм рождения синтеза из столкновения противоборствующих сил. «В определенных условиях перенос является источником особого выразительного эффекта»⁵⁷, — в справедливости этого мнения Б. В. Томашевского сомневаться не приходится.

В сонете следует избегать, разумеется, переносов немотивированных, свидетельствующих о неспособности автора справиться с техническими трудностями организации поэтической речи⁵⁸. Заметим здесь, что соблюдение синтаксической законченности каждой строки может, разумеется, и в наше время иметь место в сонете как прием, преследующий особые цели, — в частности, стилизаторские.

«Wenn die dialektische Struktur des Sonetts in der Strophengliederung visuell erkennbar ist, tritt akustisch deutlich in der Rhythmanordnung hervor».⁵⁹

Действительно: две опоясывающие и парные рифмы обоих катренов и три рифмы терцетов (предпочтительнее всего по классической схеме ccd ede, хотя допустимы и другие трехрифменные схемы) — не «игранье стихотворно». Опоясывающая рифмовка (вместе с синтаксической обособленностью) создает впечатление завершенности каждого из двух маленьких мирков катренов: единство рифм объединяет их антиномии в более высокое целое октавы, вступающей в диалог с противопоставленным ей другим миром трехрифменного секстета (четко отграниченного от нее, кроме того, графически, синтаксически, пунктуацией и разницей в интонации); все вместе сливается в диалектическую гармонию вселенной сонета. Прав, конечно, И. Бехер, утверждая, что отграниченность секстета от октавы «решительно ничего не дает, если секстет определяется рифмой, а не содержанием»⁶⁰; однако главная наша цель — показать, что каноны

сонета – не произвольны, но целиком на службе его «содержания», т. е. диалектики, наилучшим образом способствуя ее выявлению и воплощению. Так и перекрещивающаяся рифмовка катренов, характеризовавшая самые ранние образцы сонетной формы, сменилась классической опоясывающей далеко не случайно, так как последняя создает впечатление завершенности четверостиший, служа тем самым диалектике сонета; столь обычное нарушение этого канона – ей не на пользу.

Рифмы катренов не должны возникать в терцетах. Это несомненно: ведь синтез – не продолжение, не механическое сложение, не примирение того, что предстало в драматической противоречивости своей в октаве, но нечто новое – виток спирали на ином, более высоком уровне. Поэтому так называемый *sonettus continuus* (с рифмами катренов в терцетах) безусловно гораздо менее совершенное построение, скорее сонетоид, чем сонет. В секстете три рифмы (а не две!), подчеркивая переход в иное качество, компенсируют, кроме того, разнообразием звучания относительную краткость его, создают впечатление равной его длительности по сравнению с октавой, придают второй части сонета больше энергии, экспрессии, приковывают внимание слушателя (читателя) еще большей концентрацией поэтической информации на еще меньшей площади, напряженностью борения чувств и мыслей.⁶¹ Двухрифменные терцеты, обычные для одной из двух главных форм «итальянского» сонета, были нередким явлением в русской поэзии 20-30 годов XIX века; и русские сонеты этого периода, и их итальянские предки являют нам прекрасные образцы поэтического искусства, и все же... Поистине прав был Антонио да Темпо⁶², требовавший шесть с лишним столетий назад: «*diversificare rithimos pedum a rithimis voltarum*»!⁶³

Схема рифмовки терцетов *ccd ede*, восходящая, по мнению историков литературы, к Малербу, позволяет предположить наличие определенной логики, продуманности композиции: монотонность однорифменного двустишия – маленькой экспозиции – сменяется незамкнутостью перекрестной рифмовки четырех последних строк; последняя завершает сонет своей особой выразительностью, но ощущение незавершенности в силу контраста с законченностью катренов (опоясывающая рифмовка замыкает катрен в себе) обещает и за финалом «катастрофической» строки бесконечную перспективу недосказанного. Схема рифмовки терцетов *ccd eed*, создающая впечатление некоторого однообразия, не может быть запрещена, хотя слишком явно делит секстет на два трехстишия. Собственно, наличие двух терцетов в синтаксически-интонационном единстве секстета – скорее дань симметрии графического (полиграфического) облика сонета – по аналогии с двумя катренами; на слух они нередко воспринимаются как одно целое, вполне допустимы даже переносы на их стыке.

Сонетный канон допускает и другие схемы трехрифменной риф-

мовки терцетов, что миссии секстета воплощать и являть синтез не препятствует; о достоинствах или недостатках каждой из этих схем можно спорить.

В каноническом русском сонете узаконено чередование мужской и женской рифм (с обязательной разнородностью их на стыке октавы и секстета); впрочем, обращение в сонете только к женской или только к мужской рифмам – в переводах, или как стилизаторский прием, или для достижения иного ведомого поэту эффекта – явление вполне допустимое, ибо диалектической сущности сонетного построения это не помеха и изъясном поэтической техники не является. Одни мужские рифмы придают сонету большую резкость, энергию; одни женские – некоторую монотонность; впрочем, тут все зависит от мастерства. Каноны сонета во многом – неписанные: четкой грани между «законами» и «традицией» тут, как в Англии, не провести... Традиция – за чередование мужской и женской рифм в русском ямбе; нарушение традиции в особых случаях, без нанесения ущерба художественному совершенству сонета – не может быть осуждено.

Другое дело – начальные или внутренние рифмы, вообще все дополнительные – намеренные или случайные. В сонете они категорически недопустимы, ибо, внося дополнительные нюансы в и без того сложное, но строго продуманное построение сонета, в котором не должно быть ничего лишнего, они нарушают «единство действия», высокоую гармонию его общего замысла.

Сказанное здесь о каноны сонетной рифмовки не является в нашем литературоведении чем-то новым, ранее неизвестным (см. хотя бы краткое и четкое изложение самых основных положений в «Композиции лирических стихотворений» (1921) В. М. Жирмунского)⁶⁴, однако важнее понимать глубокий смысл этих канонов, чем (не в худшем еще случае) лишь помнить об их существовании. Так, мнение о том, что у поэта, который «не считает для себя обязательным повторение рифм в четверостишиях (катренах)» - «расширились... возможности» сонета и что при этом лишь «несколько изменилась его традиционная структура»⁶⁵ неверно, т. к. при этом структура его изменяется коренным образом.

И, наконец, о размере. Очевидно, наиболее подходящий размер для сонета – тот, в котором поэзия данного народа обрела наибольшее совершенство. Для русской поэзии это, безусловно, ямб – не четырехстопный, недостаточно для сонета «емкий», но пятистопный, реже – шестистопный, более медлительный, торжественный, но менее, как принято считать, гибкий (и тут все зависит от мастерства). Другие метры решительно отвергнуты традицией, здесь с канонам смыкающейся; образцы отступлений от канона немногочисленны (сравнительно) и в художественном отношении – также сравнительно – менее совершенны. Добавим, что так называемая «хромота», т. е. неравностопность строк, искажающая продуманный интонацион-

ный силуэт сонета, ему, безусловно, противопоказана, как вносящая дисгармонию; сонет же – воплощение высшей стройности. Заметим здесь вновь, что смысл канонов сонета – не в педантичном следовании кем-то когда-то предписанной бессмыслице, но в решительном и последовательном отказе от всего, что мешает в акте поэтического создания претворять хаос бытия в гармонию высокого искусства. Воспринимающие каноны сонета как набор схоластических «правил» – слепы, ибо сущность этих канонов – диалектика, т. е. нечто всякой схоластике прямо противоположное.

3.4

Вполне понятно, что сонет, ставящий перед собою столь высокие цели, предъявляет особые требования к художественной полноценности стиха – по отношению к его рифме, лексике, эвфонической стороне и т.д. Догматизм противопоказан поэтическому творчеству, и соблюдение законов построения сонета, о которых шла речь выше, еще не обуславливает создания совершенного произведения этого вида. Трудность создания совершенного сонета – не столько в сложности соблюдения формальных признаков – не так уж они замысловаты – сколько в достижении при этом гармоничного согласования многих компонентов этой «взыскательной формы искусства»⁶⁶, в достижении общего уровня мастерства, достойного ее. Сонет особенно нетерпим к промахам стихотворной техники, банальности мысли или чувства, к любым погрешностям против хорошего вкуса, к малейшей фальши. Как ни одна из форм сонет требует высокого мастерства для выражения высокого настроения поэтической мысли.

Следует, конечно, различать случаи капитуляции перед трудностями, сопротивлением языковой стихии и сознательным нарушением автором того, что другим представляется «нормой», ради решения своей художественной «сверхзадачи».

Прежде всего о характере рифмы. В сонете она не должна быть ни избитой, примитивной или несовершенной по какой бы то ни было причине, так как это недостойно его высокого предназначения, ни нарочито изысканной, хитроумной, замысловатой, экзотичной, поражающей слух, так как у сонета более высокие цели, чем щеголяние виртуозностью техники. Быть «хорошо одетым» рифмами, не привлекая одеждой своей внимания окружающих – это как раз для сонета.

Вполне обоснованны и легко объяснимы требования, предъявляемые канонами к словарному составу сонета. Прежде всего, это относится к запрету на повторение значащих слов: учитывая малый объем сонета, смысл этого запрета понятен; он, однако, не носит абсолютного характера, и повторение допустимо как сознательный прием художественного воздействия (к примеру, лексические анафоры). Но в сонете не должно быть ни одного слова, кроме абсолют-

но необходимых. Разного рода промахи словоупотребления, пустословие, «заполняющие» слова, обилие служебных и т.п. – все это недопустимо вообще, но в сонете – в особенности. Избыток односложных слов в строке, особенно в требующих напевной, раздумчивой интонации катренах, производит неприятное впечатление; особой заботы требуют последние строки катренов и – конечно – секстета. Общее количество слов в сонете также в какой-то степени (и с определенными оговорками) – свидетельство уровня мастерства поэта.

«Традиция сонета предписывала определенное содержание... ограничивала отбор слов и налагала другие запреты».⁶⁷ Читая этот сонет, можно составить представление о сонете, как о чем-то с начала до конца принудительном. Любопытно, кто мог предписывать «определенное содержание» сонетам гениальных Данте, Микеланджело, Камозанса, Шекспира и Гете? Что же касается отбора слов, то если традиция и ограничивала его, то лишь требуя оставлять достойные «высочайшего из всех поэтических жанров» - достойные в плане пригодности для осуществления поставленной цели с наибольшим совершенством, а не по какому-либо еще дискриминирующему признаку... Суть дела – не в чьих-то произвольных «предписаниях» содержанию и лексике: сонет всеобъемлющ, универсален, содержание его было, есть и будет бесконечно разнообразно; слова сонету нужны все (отнюдь не только напыщенные, торжественные): «мудрость» сонета – не «парение» классицистических од. Стоит ли говорить о сонетных «запретах», обходя молчанием их разумность, их глубокий смысл?

Итак, сонетная традиция «налагает запреты» на все, что идет во вред художественной полноценности поэтического текста, стремясь к одному – к его максимальной выразительности, способности нести максимум информации, т. е. к высочайшему совершенству. Это относится и к другим сторонам его качества: в сонете менее всего желательны «любые небрежности эвфонического характера: непреднамеренная, «паразитическая» звукопись или же злоупотребление звукописью как приемом: труднопроизносимые столкновения согласных, зияния, вообще любые случаи неблагозвучия...».⁶⁸ Ясно, что смысл этих канонических требований – в заботе о таком художественном уровне стиха, который исключал бы, к примеру, употребление в одном тексте несовместимых одного с другим в стилистическом плане слов или был бы лишен таких звукосочетаний, как «чувСТВ СТРеменение», т. е. об уровне, достойном высокого содержания сонета как жанра психологической, интеллектуальной (любвонной, пейзажной и т.п. и т.д.) лирики. И если эти условия соблюдены, то карликовым мыслям и чувствам к одеянию сонета лучше не тянуться: оно им впору не будет. «Глупость, которую нельзя сказать, можно пропеть» - иронизировал некогда Бомарше; от своей прародительницы – песни – сонет ушел неизмеримо далеко уже во

времена поэтов *dolce stil nuovo*.

С тем, что мы определили как каноны сонета, преследующие вполне разумные цели, ни в коем случае не следует смешивать схоластические упражнения, извращающие принципы сонетного искусства и дискредитирующие его высокую сущность (поистине, «худшее – это порча лучшего») так же, как и многочисленные теории и мифы, наделяющие сонет якобы присущими ему таинственными свойствами и закономерностями.

Глубинная сущность сонета, максимально выразительному воплощению которой призваны служить его структурные особенности – диалектическое видение и отражение объективной реальности вселенского и индивидуального бытия. Отход от канонической структуры превращает сонет в произведение поэзии более или менее совершенное в художественном отношении – в зависимости от возможностей автора – сонетом, однако, оно быть перестает. Отход этот имеет бесконечное множество градаций и вариантов, причем грань между сонетом и сонетоидом подчас неуловима. От, к примеру, весьма частой перекрещивающейся рифмовки катренов, наносящей идее сонета определенный ущерб, но все еще сохраняющей его в границах этого жанра с канонизированной формой, до чудовищных искажений структуры, порождающих многочисленных уродов, не имеющих ни малейшего права сонетами именоваться, – дистанция велика. Отклонение от канона чаще всего – в системе рифмовки и в изменении числа строк. «Изощенный абсурд» (Бехер) таких тщательно классифицированных Антонио да Темпо монстров, как, к примеру, *sonettus retrogradus* (строки коего читаемы с начала к концу и с конца к началу), или *sonettus repetitus* (составленный целиком из строк других авторов, причем последнее слово строки повторяется в начале второй), или *sonettus metricus* (чьи строки чередуются с латинскими гекзаметрами), не подлежит сомнению.

«Безголовые», «опрокинутые», «хромые», «хвостатые»... От этой печальной вереницы калек (не скажем – сонетов), о чьем уродстве достаточно красноречиво говорят уже их названия, следует отличать варианты поэтов яркой индивидуальности, по какой-либо причине (но не по неспособности одолеть трудности поэтической техники) отказавшихся от точного следования канону. Права на этот отказ (ради достижения определенной цели, а не по неведению или отсутствию мастерства) отнять не вправе никто, как и права читателя (и в еще большей степени – критика) решать в каждом случае – сонет перед ним или нет. А если это не то, что принято считать классическим сонетом – не узаконит ли его традиция (как это произошло некогда с английским сонетом – ныне одним из трех основных канонических типов)?

Служение сонету (подлинному), этому «воплощению поэтической мудрости», не терпит суеты: шуточные, пародийные, содержащие

три в одном, как «Сонет» («Отточенный булат – луч рдяного заката») В. Брюсова, фигурные и пр. профанируют в определенной степени уникальные жанровые возможности сонета. Вероятно, неплохим может быть сонет, являющийся в то же время акrostихом, хотя второе уже менее важно; нельзя осуждать сонеты-диалоги (драматическая сущность сонетной структуры замечена была уже давно), если основа канонической структуры в них не искажается.

Сонету суждено было сыграть в мировой лирике столь выдающуюся роль, что его теория не могла не обрасти легендами. В структуре его усматривали и пифагорейскую мистику чисел, и воплощение вечной платоновской «идеи»; Шлегель различал в построении сонета квадраты, кубы, круги и треугольники, Альбрехт Шеффер – сложнейшую систему параллелей; более всего говорилось в связи с сонетом о «золотом сечении», якобы обуславливающим гармоническую пропорциональность его строения⁶⁹...

Какую бы рациональную основу в этих теориях ни пытались усмотреть⁷⁰, следует признать все эти рассуждения былых времен искусственными, совершенно излишними и к пониманию подлинной сути сонетного искусства ничего не прибавляющими, а лишь искажающими ее. Достойны сожаления также те, которые и в наше время не видят в сонете ничего, кроме замысловатого ребуса.

Искажения сонетной формы и надуманные формалистические или мистические теоретические построения лишь компрометировали сонет, немалый вред принесло ему и давнее (у нас – с классицистических времен) мнение о сонете как об «игранье стихотворном...» У слова «игра» немало значений: играет ребенок, играют в карты, играют актеры, играют симфонические оркестры, «Игру его любил творец Макбета»... И сонет – игра. В том смысле, в каком и все искусство, – как греческая трагедия, симфония Бетховена и романы Достоевского.

Итак, формируя на протяжении веков каноны сонета, диалектика предугадывала их, и себя в них обретала и утверждала, а сонет прозревал себя: сначала, со времен да Лентино, – в диалоге октавы и секстета; позже это было развернуто в представление о сонете как драматическом виде; наконец было произнесено слово «диалектика». Ни в «Композиции лирических стихотворений» В. М. Жирмунского (1921), ни в «Поэтике сонета» Л.П. Гроссман (1925), ни в «Технике стиха» Г.А. Шенгели (1940, 1960), ни в «Словаре поэтических терминов» А. П. Квятковского (1940, 1966) четкого определения сонета как диалектического жанра не дается; оно появляется позже («Краткая литературная энциклопедия», 1972; «Словарь литературоведческих терминов», 1974); теперь, говоря о диалектике сонета, обычно ссылаются на приоритет «Философии сонета или Маленького наставления по сонету» И. Бехера (1957), хотя за рубежом о диалектике сонета говорилось и до него, а В. Брюсов достаточно

обоснованно определял диалектический характер сонета, начиная с 1916 года.⁷¹ Ныне диалектическая сущность структуры сонета считается его основным каноническим «видовым» признаком, причем справедливо отмечается многообразие и сложность (а не схематизм) проявления этой сущности в художественной ткани сонета, во взаимопроникновении его формы и содержания. Способы проявления тезиса – антитезиса – синтеза в архитектонико-композиционном единстве сонета поистине неисчислимы и уж, во всяком случае, не регламентированы; иной раз диалектика находит в сонете не прямое выражение, а таится в его глубине. Сонет – не нечто мертвое, застывшее; он – результат многовековой эволюции и сам – будь это статика «остановленного мгновения» Эредиа или Волошина, либо движение души Петрарки или Фета – не остановка, не свод раз и навсегда данных «правил», а становление, заключающее в себе тенденции своего будущего. В сонете находит выражение антиномичная сущность бытия, и сам он – воплощенное противоречие статики и динамики, неизменности и изменчивости, многовекового утверждения единообразия в канонах и самоотрицания во множестве вариантов; вечное движение и – вопреки бесчисленным перевоплощениям и маскам, подчас уродливым, - неизменное возвращение «на круги своя» - каждый раз на новом философско-эстетическом уровне, новой историко-литературной основе. В заглавии «Диалектика канонов сонета» - та же двойственность: оно, с одной стороны, отражает назначение канонов служить запечатлению в сонете диалектической природы бытия, с другой – утверждает диалектическую сущность самих канонов в единстве их противоположных тенденций к самоутверждению в вековой стабильности и самоотрицанию в вечном совершенствовании. Сонет, не забывая своего прошлого, не тяготится, но обогащается им, ибо каждый сонет – единственный в своей индивидуальности «поэтический организм» и в то же время – лишь один из бесконечной череды своих былых и нынешних подобий, братьев по внешнему облику и по природе своей глубинной сущности. Глубоко личное, сокровенное, исповедальное – искони достояние сонета (наряду с темами любого масштаба); есть в этой форме нечто способствующее углублению психологизма, свободе самовыражения, и это нечто – в совершенстве структуры, обнажающей диалектику любви-ненависти раздвоившейся души поэта ко всему сущему и к себе самому. Мысль – диалектична, чувство – ничуть не менее; что, если не сонет, какой лирический жанр способен воплотить диалектику мысли и чувства с наибольшим драматизмом и столь совершенным образом в графически-звуковой конструкции столь малой протяженности в пространстве и времени?

Каждый сонет существует сам по себе; мало того: он в то же время не воспринимается нами вне своей великолепной родословной, невольно возникающей в нашей памяти (диалектика частного и

всеобщего, единого и множественного). «Перед нами предстает чудесное творение искусства, с которым мы встречаемся впервые, но которое вместе с тем пробуждает в нашей памяти все те творения, что назывались сонетами». ⁷² Это обязывает: сонет не должен ронять достоинство своих предков.

Чем строже канон, обуславливающий «фамильное сходство» сонетов, тем в его рамках своеобразней неповторимость каждого; выразительнее уникальность именно этого художественного решения, непохожего ни на что бывшее у каждого истинного поэта (диалектика традиции и новаторства). «Хорошие стихи, стихи, несущие поэтическую информацию, - это стихи, в которых все элементы ожидаемы (стабильность сонетной формы, К. Г.) и неожиданны (новизна содержания каждого отдельного сонета, К. Г.) одновременно. Нарушение первого принципа сделает текст бессмысленным, второго – тривиальным... Новаторство – значимое отношение к традиции, одновременно восстановление памяти о ней и несовпадение с нею». ⁷³

Noblesse oblige: вписывать свой сонет в ряд великих образцов прошлого – это налагает ответственность, и за это стоит браться лишь способному сказать нечто новое; оттачивавшиеся столетиями каноны позволяют вместить в минимальный объем максимум информации; тому же, кто эту информацию дать неспособен, остается пенять на сонет, пытаясь создать представление, что он «относится к области решения ребусных задач»...

Значительный и все нарастающий интерес в русской поэзии трех последних десятилетий к сонету (в литературоведении – к его теории и истории), чья связь с поэтической культурой прошлого ощущается отчетливо, - явление само по себе достаточно знаменательное, свидетельствующее о многом. Без традиции нет подлинного новаторства: что, к примеру, осталось в практике нашей современной поэзии от «новаторства» футуристов, некогда эту истину пытавшихся опровергнуть? Как не вспомнить здесь слова Гете о том, что «лишь закон может дать нам свободу» (еще одна сторона диалектики канонов сонета!).

Конечно, главное достоинство сонета и его главная ценность – не в сохранении памяти о былом (хотя величайшее культурно-историческое значение сонетной традиции мировой поэзии сомнению не подлежит), но и в способности наилучшим образом выразить многомерную, противоречивую, парадоксальную сущность бытия на уровне восприятия этой сложности в нашу эпоху.

Представление о диалектике сонета не отвергает начисто былого представления о нем как «драматическом виде» и в свою очередь не будет отвергнуто будущей концепцией сонета как структуры, шедшей от воплощения в себе исконного дуализма «земного» и «небесного», лежащего в основе европейской христианской культуры (диалог октавы и секстета – к диалектической триаде (первый ка-

трен – второй – секстет). Синтез, вероятно, будет осуществляться в сонете не как примирение противоречий, или обязательный перевод их в другой план, но как осознание парадоксальной равноценности антиномичного и эстетической ценности этой неразрешимости, как обретение понимания многомерности истины и красоты.⁷⁴ До сих пор синтез в сонете понимался чаще всего как «разрешение», как «примирение», «согласование» тезиса и антитезиса в чем-то (более или менее приемлемом) третьем. Из двух истин выводилась третья – хотя бы и стоящая на более высоком уровне. Так или иначе, в сонете антиномии примирались: научное мировоззрение XX века способно примирить нас с невозможностью их примирения.

Понимание сонета как «формы мировидения»⁷⁵ позволяет предугадывать эволюцию этой формы вместе с эволюцией самого нашего мировидения. Когда-то Шлегель желал даровать в своем сонете о сонете тому, кто видит в нем не «искусственные законы» и не «пустую игру», - «всевластие и полноту» поэтической мысли; в поистине пророческой же последней строке – «Und reines Ebenmaß der Gegensätze» - «и чистую соразмерность противоположностей». Осознание парадоксальной природы бытия и способность восприятия ее эстетической ценности было уделом немногих, но впечатляющих прозрений и в русской поэзии; сонет с его уникальными потенциальными возможностями может сыграть особую роль в дальнейшем освоении красоты парадоксального современным поэтическим мировосприятием.

В наш век, когда аморфность значительной части поэзии стала явлением глобальным, когда ее стремление к антирациональному, к эксцентричности, зауми, обязательной «остраненности» в угоду авторскому произволу стали на деле ничем иным как расхлябанностью, защита сонета означает не движение вспять к архаическим формам, «предписанным» в незапамятные времена, но сохранение драгоценнейшей части культурного наследия. И не в качестве музейной реликвии: сонет – полный жизненных сил жанр лирики XX века с неисчерпаемыми потенциальными возможностями!

Сонету более семи столетий. Ничто не может существовать вечно, не умирая, чтобы возродиться вновь, и сонет каждый раз обретает все большую уверенность в своей бессмертии за периодами забвения или открытой враждебности, выходя из них обновленным. «Подлинно, что сей токмо может... фениксом назваться».⁷⁶

Искажающие суть сонета хитроумные теоретические построения, непонимание его сущности, бесчисленные увечья, наносимые его структуре, безотчетная неприязнь невежд к недоступному их пониманию, - все это остается на обочине многовекового пути к вящей славе подлинного искусства сонета, встающего, как феникс, из пепла всегда тем же, и всегда – преображенным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брюсов В. Ремесло поэта – Вступительная статья к «Опытам по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам». – Собр. соч. в семи томах, т. 3. – М.: Худ. лит. 1974, - с. 474.
2. В сб.: Проблемы поэтики. - М. – Л.: ЗиФ, 1925, - с. 136.
3. Mönch W. Das Sonett. Gestalt und Geschichte. F. H. Kerle Verlag, Heidelberg, 1955.
4. Бехер И. Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. - Вопросы литературы, 1965, № 10, - с. 203.
5. Калачева С. В. Стих и ритм. М.: Знание, 1978, - с. 69.
6. Скрябин Г. С. О русском стихосложении, М.: Просвещение, 1979, - с. 40.
7. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974, - с. 364.
8. Schlegel A. Vorlesung über schöne Literatur und Kunst. Heilbronn, 1884. См. об этом также: Титаренко С. Д. Сонет в русской поэзии первой трети XIX века. В сб.: Проблемы метода и жанра (вып. 10), Томск, 1983, - с. 76.
9. Mönch W. Das Sonett. Gestalt und Geschichte, - SS, 33, 40.
10. Гинзбург Л. Сонеты Иоганнеса Бехера. В кн.: Иоганнес Р. Бехер. Сонеты. – М.: ГИХЛ, 1960, - с. 9.
11. Романов Б. В кн.: Русский сонет. Сонеты русских поэтов XVIII – начала XX века. – М.: Сов. Россия, 1983, - с. 3.
12. Там же, - с. 445.
13. Гроссман Л. Поэтика сонета, - с. 140.
14. Сумароков А. П. Эпистола II. В кн.: Избранные произведения, - Л.: Сов. писатель, 1957, - с. 123.
15. Коваленков А. А. Практика современного стихосложения. М.: Молодая гвардия, 1962, - с. 79.
17. Там же, - с. 76.
18. К примеру – Жирмунык В. М. Композиция лирических стихотворений (1921 г.) В кн.: Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975, - сс. 449-450; Шенгел Г. А. Техника стиха (1940, 1956 гг.), М.: ГИХЛ, 1960, - с. 304.
19. Брюсов В. Лекция «Поэзия и наука» (автограф), РО ГБЛ, Ф. 386, 38, 10.
20. Бехер И. Ук. соч., - сс. 190, 201, 200.
21. Во всех источниках справочного характера до сих пор указывался 1735 год. См. об этом: Бердников Л. И. К издательской истории русского сонета 1730-1750 годов. В сб.: Федоровские чтения 1980. М.: Наука, 1984, - сс. 155, 168.
22. О «шекспировской» сонетной форме будет сказано ниже.
23. Поступальский И. С. Жозе-Мария де Эредиа – поэт знаменитый и неведомый. В кн.: Жозе-Мария де Эредиа. Трофеи. – М.: Наука, 1973, - с. 215.
24. Томашевский Б. В. Русское стихосложение. Метрика. Петербург: Academia, 1923, - с. 132.

25. В я з е м с к и й П. А. Введение к кн.: Крымские сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова. СПб, 1829, - с.Х.
26. Там же, - сс. VI-VII.
27. М и х а й л о в А. А. Азбука стиха. М.: Молодая гвардия, 1982, - с. 302.
28. Б е х е р И. Ук. Соч., - с. 198.
29. Б о р о н и н а И. П. Хокку. Краткая литературная энциклопедия, М.: Сов. энциклопедия, т. 8, 1975, - с. 303.
30. С к в о з н и к о в В. Лирика. В кн.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Кн. 2: Роды и жанры литературы. М.: 1964, - с. 204.
31. Oeuvres de Boileau Despréaux. Tome second. L'art poétique. A Paris, de l'imprimerie de Didot l'aîné. VDCCLXXXVIII, p. 18. В переводе Э. Л. Линецкой: «Поэму в сотни строк затмит сонет прекрасный».
32. История французской литературы. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, том I, 1946, - с. 294.
33. В построчном переводе: «Кто жаждет величия, должен сжиматься: в умении ограничивать проявляет себя прежде всего Мастер, и лишь закон может дать нам свободу».
34. Б е х е р И. Ук. соч., - сс. 191, 199, 201.
35. У и л ь я м Б л е й к. Изречения невинности. В кн.: Стихи. М.: Прогресс, 1982, - с. 542 (перевод С.Маршака).
36. См. напр.: П а ш к о в с к а –Х о п п е К. Основные модели синтаксической композиции сонетов Шекспира. В сб.: Шекспировские чтения 1976, М: Наука, 1977, - сс. 195-214. О трех основных типах сонета см.: Mönch W., op. cit, - S. 16.
37. Философский словарь. М.: Издательство политической литературы, 1975, - с. 110.
38. Р о м а н о в Б. Ук. соч., - с. 5.
39. Ж и р м у н с к и й В. М. Теория стиха, - сс. 449-450.
40. Г у р е в и ч А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972, - с. 13.
41. Г у р е в и ч А. Я. Категории средневековой культуры, - сс. 264-265.
42. Б р ю с о в В. Ремесло поэта, - с. 474.
43. Б е х е р И. Ук. соч., - с. 199.
44. Б е р д н и к о в Л. И. К издательской истории русского сонета 1730-1750 годов, - с. 166.
45. К о г а н Ф. Техника исполнения стиха. – М.: ГИХЛ, - сс. 156-157.
46. Р о м а н о в Б. Ук. соч., - с. 5.
47. Б р ю с о в В. Примечания к «Опытам». Собр. сочинений в семи томах, том 3, - с. 542.
48. Б р ю с о в В. Рецензия на книгу сонетов Вл. Нелединского «Томление духа. Вольные сонеты» (Пгд, 1916). В газ.: «Биржевые ведомости», 1916, 9 сентября.
49. С о в а л и н В. С. В кн.: Русский сонет. XVIII – начало XX века. М.: Московский рабочий, 1983, - с. 493.

50. К в я т к о в с к и й А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966, - с. 276.
51. Это мнение в числе других приводит М. Л. Гаспаров в статье «Сонет» (Краткая литературная энциклопедия, т. 7, 1972, - с. 67).
52. П о с т у п а л ь с к и й И. С. Ук. соч., - с. 205.
53. Р о м а н о в Б. Ук. соч., - с. 22.
54. Ж и р м у н с к и й В. М. Композиция лирических стихотворений. Теория стиха, - с. 440.
55. Там же.
56. Ж и р м у н с к и й В. М. Введение в метрику. Теория стиха, - с. 159.
57. Т о м а ш е в с к и й Б. В. Теория литературы. Поэтика. М-Л.: ГИЗ, 1930, - с. 130.
58. С м. Т ы н я н о в Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924, - сс. 61-71.
59. «Если диалектическая структура сонета различима визуально в его строфическом членении, то акустически она отчетливо выступает в системе рифмовки» (Monch W., op. cit. - S. 33).
60. Б е х е р И. Ук. соч. - с. 202.
61. С м. Г р о с с м а н Л. П. Поэтика сонета, - сс. 126-127.
62. Книга А. да Т е м п о Summa artis rithimici относится к 1932 году; первое печатное издание - 1509 г.
63. «Рифмы октавы должны отличаться от рифм терцетов» (лат.). Цит. по кн.: Mönch W. Das Sonett. Gestalt und Geschichte. S. 24.
64. Ж и р м у н с к и й В. М. Теория стиха, - сс. 449-450.
65. Г и н з б у р г Л. Ук. соч. - с. 9.
66. В я з е м с к и й П. А. Ук. соч. - с. VI.
67. Словарь литературоведческих терминов, - с. 364.
68. Г е р а с и м о в К. С. Сонет в творческом наследии Валерия Брюсова. В сб.: В. Брюсов. Проблемы мастерства. Сборник научных трудов. Ставрополь, 1983, -с. 39.
69. В а h r W. Der goldene Schnitte am Sonett. In: Das Literarische Echo. Halbmonatschrift für Literaturfreunde, 1919, Heft 5.
70. С м. Monch W., op. Cit., - S. 35.
71. С м. Об этом: Г е р а с и м о в К. С.: Сонет в творческом наследии Валерия Брюсова, - сс. 39-40.
72. Б е х е р И. Ук. соч., сс. 204.
73. Л о т м а н Ю. М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972, - сс. 128-130.
74. С м. Л и н н и к Ю. В. Эстетика парадокса. В сб.: НТР и развитие художественного творчества. - Л.: Наука, 1980.
75. Т и т а р е н к о С. Д. Сонет в русской поэзии первой трети XIX века. Автореферат диссертации к.ф.н. Томск, 1983, - с. 5.
76. Т р е д а к о в с к и й В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов. - В кн.: Третьяковский. Избранные произведения. - М.- Л.: Советский писатель, 1969, - с. 386.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

ВВЕДЕНИЕ

Кризис духовной культуры буржуазной Европы конца XIX века был следствием резкого обострения экономических, социальных и политических противоречий эпохи империализма. Все стремления апологетов буржуазии смягчить и затушевать эти противоречия были обречены на провал, и становилась все яснее неизбежность приближающегося краха капиталистической цивилизации. Позитивистски настроенной интеллигенции, считавшей XIX век «веком прогресса и разума», казалось близким преодоление с помощью прогресса науки и успехов производства всех темных сторон действительности и достижение всеобщего счастья без ломки существующего общественного строя. Когда же этого не произошло, и конец века ознаменовался ростом классовых и национальных противоречий, то в обстановке надвигающейся военной катастрофы и неминуемых социальных перемен наступило разочарование части интеллигенции в возможностях знания вообще, возникло чувство неверия в могущество человеческого разума и способность познать, отобразить и преобразовать мир. Естествознание, сделавшее в течение века колоссальный шаг вперед и продолжавшее бурно развиваться, столкнулось в области физики и биологии с рядом неожиданно сложных проблем, чем поспешили воспользоваться клерикалы и идеалисты всех мастей.

В предгрозовой тьме и духоте возникают реакционные философские литературные течения. Упадок критического реализма (хотя продолжали творить или появлялись отдельные крупные художники) был следствием неспособности его разрешить новые проблемы действительности старыми средствами. Отказ от объективного познания и отображения действительности во всех ее аспектах, отказ от демократического искусства и идеалов гуманизма, идеализм и религия, агностицизм в личинах кантианских и неокантианских его проявлений, культ интуитивизма и Бергсона как пророка его, проповедь шопенгауэровского пессимизма или ницшеанского индивидуализма послужили философской основой множества литературных направлений. Вне зависимости от того, проповедовали они уход от жизни в мистические сумерки и «башни слоновой кости» или находили идеалы в империалистической агрессии, культе сильной личности и

национализме, эти течения – импрессионизм, символизм, акмеизм, неоромантизм, футуризм и другие «измы» - были декадентскими в своей сущности. Печатью распада отмечены не только литература, но и живопись, музыка, скульптура конца века.

В России классовый и национальный гнет проявлялись к концу века в особенно уродливых формах, а русская интеллигенция, настроенная в значительной своей части менее рационалистически, чем западная, готова была отдаться мистическим настроениям или представляла благоприятную почву для пересадки французских «цветов зла». Впрочем, русский декаданс нельзя рассматривать ни как заимствование, ни как изолированное явление – он был как «с перевода переводом», так и очередным этапом развития антиреалистических тенденций в русской литературе XIX века и итогом религиозных настроений известной части интеллигенции.

Кроме того, символизм, сыгравший главную роль в антиреалистической литературе России конца XIX и начала XX века, характеризовался рядом черт, присущих только ему, свойственных только данной исторической обстановке.

Задача данной работы – дать беглый очерк идейных – религиозных и философских – истоков русского символизма.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

1. «Глухое время».

Восьмидесятые годы в истории России были годами торжества дворянско-крепостнической реакции, террора царизма, растерянности и уныния значительной части буржуазно-дворянской интеллигенции.

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.
И не было ни дня, ни ночи,
А только тень огромных крыл...¹
писал Блок в поэме «Возмездие».

Революционное народничество потерпело неудачу в попытке построения «докапиталистического социализма» на базе разлагающейся крестьянской общины. Не привели к цели ни хождение в народ, ни террористические акты. Испытав разочарование, часть интеллигенции стала искать примирения с царизмом, душившим остатки революционных настроений прошлого. Пролетариат делал лишь первые свои шаги, социал-демократия существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков. Девяностые годы, принесшие

новый общественный подъем, связанный с ростом рабочего движения и началом пролетарского периода революционной борьбы, были еще впереди.

Буржуазно-дворянская литература выдыхалась и мельчала. Патристические, гражданские, освободительные идеи Некрасова и его учеников вырождаются в поэзии подражателей Надсона и поздних народников в неопределенные, бесплотные, ни к чему не обязывающие и изрядно всем надоевшие «идеалы». Народолюбивые и освободительные мотивы поэзии Морозова, Волховского, Кравчинского, Ольхина сменяются мотивами тоски, безнадежности у Якубовича и Надсона. Русская поэзия испытывала кризис межвременья, потеряла свою былую авангардную роль. В результате слабеет интерес к ней, снижается уровень ее мастерства: только этим можно объяснить возведение бессильных стихов Надсона в ранг чуть ли не великих произведений эпохи.

«До какой степени достигало у нас «техническое одичание» в поэзии (если позволено будет так выразиться), достаточно показывает тот факт, что у нас считали «прекрасно владеющим формой» Надсона, этого младенца в области стихотворной техники, не знавшего ее азбуки! И это у нас, у которых был и Пушкин, и Лермонтов, и Фет!²

Это было, как писал Блок, время «умозрительных понятий, матерьялистических малых дел, бессильных жалоб и проклятий, бескровных душ и слабых тел».³

Даже лучшей части русской интеллигенции, ненавидевшей тупость царизма и капиталистический «железный, воистину жестокий век», грядущие «неслыханные перемены, невиданные мятежи» казались концом цивилизации вообще.

2. «Модернисты».

Неприятие действительности привело к отрицанию роли поэзии, пытавшейся эту действительность осмыслить и отобразить. Антиреалистические настроения русской модернистской поэзии находят опору в религии и в идеологии и творческой практике декадентов Запада.

Еще в 1884 году появляются в киевской газете «Заря» статьи поэтов Н.Ясинского и Н.Минского, излагавших взгляды, ассоциирующиеся со взглядами французских символистов. В номере «Зари» от 22 июля 1884 года Н.Ясинский писал: «Была полоса в жизни нашей молодой интеллигенции, когда искусство отрицалось, красоту считали пустяком и ответов на «проклятые вопросы» искали в курсах политической экономии. И я стоял в этой полосе».

В книге «При свете совести» (1890г.) Ясинский решительно отмежевывается от идей и настроений потерпевшего крушение революционного народничества, «дерзко презревшего искусство и бо-

жество». Подтверждением его позиции становится вышедшая затем книга его стихов. Порывая с идеями шестидесятых годов и с неонародническими литературными традициями, Н.Минский и Н.Ясинский призывают к поискам «новых путей», лежащих вдали от «оков тесного мира», пропагандируя нищезанятие и отрыв искусства от проблем действительности.

В скором времени Д.Мережковский, Ф.Сологуб, З.Гиппиус, К.Фофанов, К.Льдов, М.Лохвицкая и другие образуют уже целый лагерь представителей модернистской поэзии. В 1892 году появляется сборник стихов Мережковского «Символы», а год спустя его книга «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», вызвавшая бесконечные споры и ставшая манифестом декадентства.

Мережковский видел выход из кризиса русской литературы в разрыве с традициями прошлого и в обращении к религиозным исканиям. Отказ от возможности постижения правды жизни во имя служения высшей, божественной истине, доступной лишь немногим избранникам, призыв к идеальному – суть убеждений автора. «Тремя главными элементами» модернистского искусства провозглашались – мистика, символы, «расширение художественной впечатлительности». В качестве образца предлагалась поэзия П.Верлена. Идеино смыкался с Мережковским критик А.Волынский, вставший с начала 90 г. во главе первого печатного органа декадентов журнала «Северный Вестник». В своих статьях «Борьба за идеалы» и «Религия в современной литературе» он пропагандировал «перенесение центра внимания из мира явлений в мир потусторонний, убеждение в бессилии научного знания перед тайнами этого мира, взгляд на личность, как на отражение божественного начала».

3. «Русские символисты».

Объединить все эти пока еще разрозненные попытки и стать во главе нового литературного течения суждено было В.Брюсову,

«...Оно (декадентство К.Г.) идет вперед, развивается, и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет себе достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!» - возникает в дневнике его за 1893 г. Претенциозная запись.

Первая тоненькая тетрадка «Русских символистов», выпущенная В.Брюсовым и А.Миропольским, появилась в 1894 году. Второй выпуск, относящийся к тому же году, содержал стихотворения Дарова, Бронина, Мартова, Миропольского, Новича и др. Третий вышел летом 1895 года. Сборники эти удачнее было бы назвать «Русскими декадентами», ибо в них было очень мало от символизма, каким он оформился впоследствии.

В предисловии Брюсов предлагал в качестве программы – минимума свою интерпретацию «расширения художественной впечатлительности», о которой писал в свое время Мережковский, а именно – способность поэтов новой школы выражать «тонкие, едва уловимые настроения».

«Русские символисты» были встречены подлинным взрывом возмущения критики. Собственно, это и было целью Брюсова, ибо «Русские символисты» были не более, чем маневром, рассчитанным на привлечение всеобщего внимания. «Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало. Надо выбрать иное», - читаем мы в той же записи дневника. Однако, и он был поражен размерами негодования прессы, градом пародий и издевательств, озадачено отмечая, что его сумели обругать даже в заметке «О зоологическом саде», что было своего рода виртуозностью. Это не помешало ему дать название «Шедевры» первой книге своих стихов, вышедшей в 1895 году.

Стараясь привлечь внимание к зарождавшемуся течению, Брюсов намеренно доводил до карикатурных крайностей характерные черты его. Экзотичность тем и лексики, вычурность, холодная «литературность», экскурсы «по ту сторону добра и зла» и т. д. Поражали русского читателя. Цель была достигнута, а вся русская критика, реакционная и либеральная, ополчилась против новоявленных символистов.

Как пишет Андрей Белый, «он (Брюсов К.Г.) за все нас, пошедших за ним, понес тяжесть всеобщего осуждения... То, что несли мы, не составляло и сотой доли того, что он один вынес, себя превративши в таран, прошибающий традиции своего времени... В то время он был одинок, против себя имея всю русскую литературу и всю русскую критику».

Под многими псевдонимами «Русских символистов» скрывался тот же Брюсов, стараясь создать видимость широкого литературного движения. По словам того же А.Белого, «Брюсов один организовал символизм в России». Иррационализм, субъективизм, пряная эротика и культ формы, доведенный до абсурда, ряд переводов Верлена, Маллармэ, Рембо, Верхарна, Тайада определяли избранный «Русскими символистами» путь, путь по преимуществу подражательный. В «Автобиографии» своей Брюсов отмечает стремление дать в «Русских символистах» эстетическую программу символизма: «Я постарался дать образцы всех форм новой поэзии, с какими успел сам познакомиться... а рядом с этим переводы – образцы всех виднейших французских символистов. Кто захочет посмотреть в них этот сознательный подбор образцов, делающий из них как бы маленькую хрестоматию».

Характерно, что идеями, пропагандируемыми «Русскими сим-

волистами», никак не ограничивалось творческое credo Брюсова: намеренное эпатирование читателя отмечает и Н.Поярков в книге «Поэты наших дней»: «Брюсов начинает свой поэтический путь в костюме арлекина, в шутовском колпаке, кривляясь и ломаясь. На каждом шагу нарушение общепринятых правил, странность и вольность тем». «Дерзкими детьми» называет сам Брюсов себя и соратников своих тех лет в стихотворении 1899 г. «По поводу сборников «Русские символисты»».

В письме П.П.Перцову от 22 сентября 1895г. Брюсов писал: «Вы хотите, чтобы русская литература прямо от стихотворений гг. Порфирьевых и кн. Ухтомских перешагнула к чистому идеалу. А я уверен, что хотя бы и бегло, ей надо пройти все стадии, все ступени. В будущем символизм войдет, как элемент, в поэзию вообще, - но как будет это, если мы не переживем самого символизма, чистого символизма, т. ск.! С этой точки зрения нужны даже уродливые проявления...»⁴

Критиком «Русских символистов», как эпигонов Запада, был и Вл.Соловьев, чьими пародиями «искренно восхищался» даже сам Брюсов. Но именно под влиянием религиозно-философских идей Соловьева формировалось мировоззрение символистов второго призыва – А.Блока, А.Белого, В.Иванова, входивших в литературу в 900-е гг. В связи с этим возникает вопрос о том, в какой степени является русский символизм продолжением антиреалистических традиций русской литературы и в какой может быть объяснен подражанием западным образцам.

4. Символизм и русская литература XIX века.

Заслуживает внимания тот факт, что по собственному своему признанию, Брюсов познакомился с французским символизмом лишь в 1892 году через статью З.Венгеровой в 9 номере «Вестника Европы»,⁵ а его литературные опыты относятся еще к 1886 г. («Если бы напечатать все сохранившиеся детские сочинения, то это составило бы целые томы»)⁶ Какими бы робкими ни были эти попытки, ясно, что не Верлен, Рембо или Маллармэ стояли у колыбели Брюсова – поэта. Действительно, одним из первых имен, услышанных им в родительском доме, было имя Некрасова; над столом отца поэта, как вспоминает Брюсов в своих автобиографиях, постоянно висели портреты Писарева и Чернышевского.

После периода увлечения Надсоном и Некрасовым, Брюсов – гимназист подражает Лермонтову, и, наконец, П у ш к и н у.

Пушкин, Баратынский, Фет и Тютчев – русские поэты, оказавшие наибольшее воздействие на зрелого Брюсова. Наиболее благотворным было влияние Пушкина, на стих которого упорно ориентирует-

ся Брюсов в течение почти всей своей творческой жизни. Исследованию Пушкина посвящено большое количество работ Брюсова. («Медный всадник» 1909; «Стихотворная техника Пушкина», 1915; «Маленькие драмы Пушкина», 1915; «Гавриалиада», 1908-1918; «Разносторонность Пушкина», 1922; «Почему должно изучать Пушкина?», 1922; «Пушкин и крепостное право», 1922; «Звукопись Пушкина», 1923; «Левизна Пушкина в рифмах», 1924 и многие другие. См. также книгу Брюсова «Мой Пушкин»).

Не вдаваясь в рассмотрение сложного вопроса о достоинствах и недостатках Брюсова-пушкиниста, следует отметить искреннее преклонение его перед Пушкиным. Яркое свидетельство этого преклонения – ответ на анкету журнала «Всемирная иллюстрация» (1924, №3-4). На вопрос анкеты – «Сохранил ли Пушкин значение для современности? Какое? Что почерпнет в его произведениях строитель нового мира – рабочий класс? – Брюсов ответил лаконично: «Учитесь у Пушкина».

Влиянию Пушкина обязан Брюсов классической ясностью лучших своих произведений, избавлением от крайностей поэтики символизма, многообразием тем, и иногда их социальным звучанием, хотя разница мировоззрений дает о себе знать на каждом шагу, снижая ценность этого влияния.

Пушкин – ярчайшая любовь Брюсова, идеал его; «мой герой – Пушкин»; «восторг и преклонение перед божественной поэзией Пушкина, перед ее чистыми красками и чистыми звуками» крепили все более и более: недаром большая часть работ о Пушкине выполнена Брюсовым в последние годы жизни.

Особенно интересны (в аспекте разрабатываемой темы) следующие высказывания статьи «Разносторонность Пушкина»: «...Пушкин как бы предугадывал дальнейшее развитие литературы: у него уже есть создания, по духу, по настроениям близкие к поэзии символистов конца XIX века («В начале жизни», «Гимн чуме», «Не дай мне бог» и др.); более того – в одной заметке он как бы предупреждает доводы современной «левых» течений... И до сих пор наша литература еще не изжила Пушкина; до сих пор по всем направлениям, куда она порывается, встречаются веши, поставленные Пушкиным в знак того, что он знал и видел эту тропу».

Несмотря на ошибочность этих утверждений, и в них звучит преклонение Брюсова перед гением Пушкина.

Со временем все более крепнут пушкинские традиции и в поэзии Блока. Особенно ярким примером может служить поэма «Возмездие», над которой Блок работал в течение 11 лет. Последние стихотворные наброски Блока (1921г.) относятся именно к поэме «Возмездие».

В русской поэзии «Возмездие» - одно из наиболее ярких проявлений пушкинской традиции. Пушкинское начало явственно при-

сутствует в поэме Блока – в обобщенных характеристиках эпохи, в бытовых сценах и описаниях, в системе лирико-философских отступлений, в приемах свободного включения исторического материала в сюжетную ткань повествования, в трактовке человеческих образов, в классической стиховой форме четырехстопного ямба, короче говоря – во всей художественной структуре «Возмездия». Самый жанр исторической, общественно-бытовой хроники, избранный Блоком, преемственно связан с «Евгением Онегиным».⁷

Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни», - начал Блок свою речь «О назначении поэта», произнесенную на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина. Не касаясь многих ошибочных или спорных положений этой в высшей степени значительной для понимания Блока речи, отметим лишь, что она проникнута глубокой любовью к величайшему русскому поэту и холодным презрением к тем, кто хотел «сбросить его с корабля современности».

Черты влияния Г о г о л я выступают в творчестве А.Белого, выпустившего исследование о его стиле («Гоголь» 1909г.). Влияние это, впрочем, касается лишь определенных особенностей авторского стиля, формальных приемов. В период написания романа «Серебряный Голубь» (1902-1909) Белый считал своим учителем именно Гоголя, увлечение которым начинается у него с детства: «Гоголь – первая моя любовь среди русских прозаиков; он, как громом, поразил меня яркостью метафоры и интонацией фразы; весь сезон 1890 года мать читала мне «Вечера» и «Миргород»; поразил напевный стиль «Бульбы».⁸ Характерно подчеркивание особенностей формы – в восприятии Гоголя ребенком.

Стремление в бредовом «Серебряном Голубе» подражать интонациям пасечника Рудого Панка производит более чем странное впечатление своей искусственностью.

Представить Гоголя как «отца русского символизма», пытались и Мережковский, и Брюсов («Испепеленный») и даже О.Форш в романе «Ворон».

В Д о с т о е в с к о м же Белого привлекли наиболее реакционные и болезненные стороны его творчества (роман «Петербург», (1911-1913г.). Достоевский оказал определенное влияние и на Вл.Соловьева, впрочем вопрос этот, как и ряд других, связанных с выявлением литературных предшественников русских символистов не исследован совершенно.

В сохранившемся фрагменте речи, написанной к столетию со дня рождения Н е к р а с о в а, Брюсов пишет: «...Чуть ли не в начале 1878 года я получил в подарок книгу «Некрасов – русским детям» и (так как научился читать очень рано, трех лет) читал ее изо дня в день, заучил почти всю наизусть... Вообще Некрасов был первым

поэтом, которого я узнал в жизни; из произведений других поэтов – Лермонтова, Полонского, Пушкина – знал только несколько отдельных стихотворений... И в течение всего своего раннего детства я привык смотреть на Н.А.Некрасова как на тип, как на идеал поэта».

Касаясь споров, происходивших вокруг него в гимназические и студенческие годы о том, «поэт ли Некрасов», Брюсов заключает: «И сам я иной раз колебался в своем суждении, но всегда мне достаточно было раскрыть книгу стихов Некрасова, чтобы решительно повторить: да, поэт! И именно – один из наших «великих». («Поэт ли Некрасов?» Лит. газета, 1935г. №56).

Высокую оценку творчеству Некрасова Брюсов дает в статье «Некрасов и Тютчев» (1900г.); в ответе на вопрос газеты «Новости дня» – «Отжил ли Некрасов?» (1902г.); в статьях «По поводу 25-летия со дня смерти Н.А.Некрасова» (1903г.); «Некрасов как поэт города» (1912г.), не избегая, впрочем, некоторых ошибок и порою давая отрицательную оценку его «гражданскому служению» (в более ранних статьях). В последней статье интересно указание на Некрасова, как на предшественника современных Брюсову поэтов-урбанистов: «Красота городских туманов, уличных фонарей, ярко освещенных магазинных витрин, шумного и пестрого столичного движения, - все то, что любовно разрабатывают поэты наших дней (в особенности сам Брюсов К.Г.), уже намечено в поэзии Некрасова».⁹

Зрелый Блок был в значительной степени учеником и Некрасова. Об этом говорил и сам Блок, об этом свидетельствуют и его лучшие стихи – «На железной дороге» (т.1 стр. 355), «Унижение» (т.1 стр. 364), «Перед судом» (т.1 стр. 445) и другие. Это сказывается не только в обращении поэта к темам народа, родины, гражданского долга, но и в усвоении типичных размеров и интонаций некрасовского стиха.

С осторожностью следует подходить к вопросу о некрасовских мотивах поэзии А.Белого. Связь его стихов 900-х гг. о русском крестьянстве с некрасовскими – внешняя. Далеки от традиций поэзии Некрасова изощренность их инструментовки, лихорадочность ритмов. В деревне поэт увидел лишь ругань, непристойность, животную тупость, пьяный угар, гибель всего живого. «Пьяные» и «похоронные» песни проникнуты отчаянием безысходности, поэт-индивидуалист часто с брезгливостью отшатывается от развернувшейся перед ним жути («Россия, куда мне бежать от голода, мора и пьянства?!», «Русь» 1908г.). Апофеоз этих настроений – стихотворение «Отчаяние» (1908г.):

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространства пади и разбейся
За годом мучительный год.

.....

Туда, где смертей и болезней
Лихая прошла колея, -
Исчезни в пространство, исчезни
Россия, Россия моя!

Брюсов считал, что оспаривать лавры «первого русского декадента» можно многим, начиная с Т ю т ч е в а». ¹⁰

В ряду увлечений Брюсова русскими поэтами, с именами Некрасова и Пушкина стоит имя Тютчева, «поэзия которого принадлежит к самым значительным, самым замечательным созданиям русского духа» (Статья «Ф.П.Тютчев», 1910г.) ¹¹

Называя учителями Тютчева Гете, Гейне, Ленау, Эйхендорфа, отчасти Шиллера, Брюсов считает, что «у своих русских предшественников Тютчев почти ничему не учился». ¹² Какие же особенности Тютчева как «родоначальника поэзии намеков» привлекают внимание Брюсова? Прежде всего – вера в провиденциальную роль славянства и России в судьбах мира; интуитивизм и созерцательность его лирики; пантеистическое мироощущение; его пессимистический взгляд, согласно которому подлинное бытие имеет лишь природа в целом, а жизнь человека – «подвиг бесполезный»; тяготение к «древнему родимому» хаосу изначального бытия, открывающемуся лишь в минуты прозрения немногим избранникам; взгляд на любовь, как на причащение этому хаосу и сплетение тем любви и смерти; восхваление красоты смерти, влечение ко всему роковому, сулящему гибель; признание безнадежности борьбы человека с роком.

Особо подчеркивается противопоставление «дневного» мира и «ночного хаоса», недоступного человеческому познанию. Противопоставляя Пушкина Тютчеву, Брюсов характеризует приемы последнего как импрессионистические, восхищается его формальным мастерством, изысканностью и утонченностью. Статья заканчивается словами: «у Тютчева не было настоящих преемников, можно назвать одного лишь Фета, который, впрочем, развился без его непосредственного влияния. Только в конце XIX века нашлись у Тютчева истинные последователи, которые восприняли его заветы и попытались приблизиться к совершенству им созданных образов». ¹³

Тютчеву, изучению биографии и творчества которого Брюсов уделял много внимания, посвящен, помимо уже цитированной, ряд других его статей: уже цитировавшаяся выше «Некрасов и Тютчев», 1900г.; «По поводу нового издания сочинений Тютчева», 1900; «Легенда о Тютчеве», 1903г.; «Неизданные письма и неизвестные стихи Тютчева», 1903г.; «Тютчев. Летопись его жизни. Биографический очерк», 1903г.; «Разгадка или ошибка», 1914г. и другие.

Оценивая Тютчева, подобно другим символистам, как своего предшественника и учителя, Брюсов проходит мимо идеализма Тютчева, не подвергая его критике, хотя еще в поэме «Краски» (1898г.)

он, как позитивист и материалист, считает, что не станет «петь цветы, подобно Фету».

Что касается влияния на Блока, других русских поэтов XIX века, в частности Фета, то Брюсов указывает в статье «Александр Блок» (1916г.), что «по технике стиха, по приемам творчества Блок – ученик Фета и Вл. Соловьева; если позднее Блок и подвергался влиянию других поэтов (в том числе и Пушкина), то оно уже не могло изменить сложившийся характер его стиха».¹⁴ Это отчасти подтверждается и записью Блока в сентябре-октябре 1901 года, представляющей план статьи о декадентской поэзии, в которой он, ставя задачей «определить начала новой поэзии у нас», указывает на Фета, Тютчева, Соловьева, как на ее источники и рассматривает эти начала, «как вполне самобытные, вызванные требованиями нашими историческими и другими».¹⁵

Характерно упоминание А.Белого, характеризующее «...интерес к тем образам прошлого, которые были заштампованы прохожею визую поколения семидесятников и восьмидесятников; они не учли Фета, Тютчева, Боратынского; мы их открывали в пику отцам...»¹⁶ И далее: «... Фет стал моим любимым поэтом на протяжении пяти лет».¹⁷ Впрочем, впервые Белый познакомился с Фетом, как с ... переводчиком Шопенгауэра!

Традиции лирики Тютчева, А.Григорьева, Майкова, А.К.Толстого, Фета, Полонского и особенно Соловьева ясно обнаруживаются в юношеской лирике Блока. В дневнике его читаем: «Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки так называемой «новой поэзии» я не знал до первых курсов университета».¹⁸

Расценивая декадентство как явление, чуждое русской культуре, давая ему самую резкую характеристику, Блок считает предтечами русского символизма не Маллармэ или Верлена, а тех же Тютчева, Фета, Полонского. Обращает внимание стремление Блока противопоставить декадентство и русский символизм, как явления разного порядка, резкое осуждение им «Русских символистов», авторов которых он считал «дегенератами», «беспочвенниками», «настоящими упадочниками», бездушными подражателями западным образцам, «имена которых история сохранит без благодарности». Незнакомство с западными декадентами Блока-юноши и Блока-ребенка, писавшего первые стихи в подражание Жуковскому – важный факт. В его «Автобиографии» (1915г.) читаем: «Здесь (в семье Блока К.Г.) именно любили и понимали слово; в семье господствовали, в общем, старинные понятия о литературных ценностях и идеалах... Милой же старинной *eloguence*¹⁹ обязан я до гроба тем, что литература началась для меня не с Верлена и не с декадентства вообще».²⁰

Свое отрицательное отношение к западным декадентам и к западной буржуазной цивилизации Блок проявлял не раз. Он резко

отзывается о постановке Мейерхольдом «Пробуждения весны» Ведыкина: «... чужим и ненужным представлялось все то, что благо-разумно-цинический немец осмелился назвать «трагедией»; считает, что «Метерлинк украл у западной драмы героя, превратил чело-веческий голос в хриплый шепот, сделал людей куклами, лишил их свободных движений, света, воли, воздуха».²¹

Блок резко критикует акмеистов за то, что «они хотят быть знат-ными иностранцами, цеховыми и гильдейскими» (статья «Без боже-ства, без вдохновенья», 1921г.), говоря там же, что «французская травка с уксусом в виде отдельного блюда может понравиться лишь гурманам».²² Он не может согласиться с утверждением Гу-милева о том, что «родоначальник всего символизма как школы – французский символизм».

Нелепы и сумбурны взгляды А.Белого на Ч е х о в а – то ли он «реалистический символист», то ли – «символистический реалист»; в мнении Белого, что «в Чехове скрещиваются противоположные те-чения – символизм и реализм» (статья «Чехов» 1907г.), верно лишь, что символизм и реализм – противоположные течения.

Еще в гимназии Льва Поливанова Брюсов пишет стихи, подра-жая Н а д с о н у, которого он знал почти целиком наизусть и много лет спустя. В одном из писем он характеризует Надсона как созда-теля всей молодой лирики, которого нельзя забыть благодаря его историческому значению, хотя «как поэт, взятый вне своего века, он, конечно, не велик».²³

Мнение это о Надсоне как о поэте эпохи упадка жизненных сил и духовного обнищания русской поэзии не противоречит резкой харак-теристике его мастерства, приведенной выше.

Представляет некоторый интерес и отношение символистов к Фо-фанову, примыкавшему к ним некоторыми сторонами своего твор-чества. Указания на это отношение мы можем найти хотя бы в статье Брюсова «К.М.Фофанов» (1911г.). В ней мировоззрение Фофанова характеризуется как наивное противоположение действительности и мечты, прозы и поэзии, отмечается стремление поэта «от пытки буд-ничных минут уйти в лазоревые гроты» «фантазий и причуд». Одна-ко, действительность вторгалась в его стихи, некоторые из которых Брюсов называет «почти бодлэровскими».

Говоря о том, что «стих Фофанова воспитан преимущественно на образцах Лермонтова и Фета», Брюсов отмечает, что поэзия его «не посмела стать вполне поэзией современного мира», подразумевая под последней, очевидно, поэзию символизма.

Заслуживает быть особо отмеченным весьма значительное воз-действие религиозно-философских идей и поэзии Владимира С о л о в ь е в а на молодого Блока и других «соловьевцев» (Белый, С.Соловьев, Эллис и другие). Даже Брюсов, высмеянный Соловье-вым, дает высокую оценку его стихам.²⁴

О восторге и преклонении Блока перед Соловьевым говорит письмо его к Г.И.Чулкову,²⁵ статья «Рыцарь-монах» (1910г.), статья «Владимир Соловьев и наши дни» (1920г.) и т.д.

Рассматривая в другом разделе субъективное преломление философских взглядов Соловьева в мировоззрении и поэзии Блока (в известной степени – вплоть до последних лет его жизни), отметим здесь, что сам Блок называет Соловьева «властителем» своих дум в письме А.В.Гиппиусу.²⁶ Не следует, однако, забывать о религиозных настроениях Блока и об увлечении Платоном до знакомства со стихами Соловьева.

В ряде статей («Апокалипсис в русской поэзии», 1905г.; Владимир Соловьев», 1907г. и др.) признает Андрей Белый силу воздействия на него эсхатологических бредней Соловьева, «предтечи горячки религиозных исканий», определивших его путь к символизму. Об этом воздействии говорят и многочисленные произведения Белого.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что претензии символистов представлять в качестве своих предшественников великих реалистов прошлого – Пушкина, Некрасова, Гоголя и других – тщетны; нет сомнения, однако, что наиболее болезненные стороны творчества Достоевского и индивидуалистическая и антиреалистическая лирика линии Тютчева – Фета сыграли в этом отношении значительную роль. Взгляд же критиков символизма на историю литературы как на историю борьбы двух начал – реалистического и романтического – с преобладанием одного из них на том или ином этапе приводил их к выводу о «закономерности» возникновения символизма как неоромантизма в конце XIX века после долгого периода господства реалистических тенденций в русской литературе. Однако, назвать декадентские течения неоромантическими еще не значит определить их специфику, порожденную социально-экономическими и политическими условиями конца века.

5. Русский символизм и декадентская литература Запада.

В сложном сплетении влияний, оказавших воздействие на пути русских символистов, влияние декадентов Запада сыграло важную роль, но не было безусловным во всех случаях, а в некоторых – незначительным (Блок). Об этом свидетельствуют и воспоминания Белого: «...мы спорили о весьма многом: о значении французского символизма, не слишком значительного для нас с Блоком и значительного для Брюсова, о значении Ницше, ценимого мной и не слишком еще ценимого Блоком, и т.д....»²⁷

Наиболее усердным пропагандистом декадентов Запада был, конечно, Брюсов, ранние стихи которого носят следы влияния как французских импрессионистов и символистов, так и О.Уайльда и Эдгара По.

Даже заглавия его детских стихотворений, драм и романов (когда он не был еще знаком с французскими символистами), говорят о его «нерусскости»: «Рай Шадада», «Гибель троянцев», «Из трагедии Ксеркса», «Куртизанка», «Содом и Гоморра», «Руджеро», «Два центуриона»; о том же говорят переводы из «Фауста» и Гейне.²⁸

Кстати, Брюсов считает уже в 1895 году Верлена и Маллармэ «стариками», призывая читать молодых – «Тальяда, Тальеда, Вьеле, Гриффэна, ст. Мэрриля, Монтекиу».²⁹

И когда Брюсов пишет, что «символизм у Федора Солг. (Сологуба, К.Г.) не естественный, а напускной, приделанный и заимствованный так и чувствуются отголоски иностранных поэтов»...³⁰ то это с полным правом может быть отнесено и к самому Брюсову.

Он был одним из первых переводчиков В е р л е н а, чья поэзия привлекала его болезненной утонченностью формы, субъективизмом, отрешенностью. От действительности, и посвятил этим переводам многие годы жизни.

Высоко ценил Брюсов и Б о д л э р а; следы влияния которого на Брюсова (особенно раннего) – в культе формы, любовании жизнью капиталистического города, взгляде на революцию, как на разрушительную стихию, экзотической эротике.

О явном влиянии М а л л а р м э свидетельствуют многие страницы «Русских символистов»: оно проявляется в причудливости словесного узора, гипнотических ритмах, совмещении несовместимых образов, в уходе от реальных проблем жизни в мистическое сплетение тем любви и смерти.

Впрочем, что касается самого Брюсова, то уже начиная со сборника «Tertia vigilia» (1900г.) и «Urbi et orbis», «Stephanos» и других сборниках болезненную невнятицу Маллармэ и Верлена заглушает гулкая бронза классических парнасских ритмов Леконта де Лиля или Эредиа.

Весьма значительно влияние на Брюсова В е р х а р н а, с которым он поддерживает в течение ряда лет переписку, а с 1908 года знакомится лично. Брюсов, первый ознакомивший с Верхарном русского читателя, посвящает ему ряд статей, заметок, рецензий, считает его «Данте современности» (название статьи 1913 года), «поэтом, которым мы вправе гордиться перед гениями других планет» (предисловие к изданию переводов Верхарна, «Всемирная литература», П., 1923г.).

Не отрицая Верхарна-поэта и временно опуская вопрос о гениях других планет, отметим лишь, что Брюсовым Верхарн был воспринят и с декадентскими сторонами его творчества – пессимизмом, мистикой и т.д.

Скептически относился к европейской «цивилизации дреднаутов, дантистов и riselles» (письмо матери из Аберврака (Бретань) от 12 августа 1911 года)³¹ Блок, считая Россию единственным местом, где он мог бы жить; Брюсов чувствует себя «своим» в любой стране

(как, впрочем, и в любом веке или тысячелетии). Влияние декадентской литературы Запада на Блока не было значительным (с восторгом говорит он, кажется, только об Августе Стриндберге). Что же касается Белого, то на него «огромное впечатление» производят переводы из Верлена,³² он «в плену» у Метерлинка,³³ он боготворит Ибсена, пишет о «ежедневном общении» с «Бодлером, Верленом, Метерлинком, Уайльдом, Ницше, Рескиным, Пеладаном, Гюисмансом».³⁴

Итак, первые же шаги большинства русских символистов свидетельствуют о стремлении их приобщиться к упадочной буржуазной культуре Запада. Культ красоты и индивидуализма считает Брюсов двумя основными «течениями» французского символизма. Вполне закономерно эти стороны искусства разлагающегося буржуазного общества были подняты на щит русскими декадентами. Декларируя свою «ненависть» к царизму и буржуазии, свою «надклассовость» и «революционность», они на деле поставили на службу российской реакции все средства из арсенала европейского декаданса.

6. Отцы и дети «конца века».

Прослеживая пути В.Брюсова, А.Блока и А.Белого (поскольку их фигуры наиболее значительны в истории русского символизма), следует коснуться вопроса о классовой природе течения. Верно, что «объективное классовое назначение декадентской литературы заключалось в том, чтобы обслужить «буржуазное сознание» на новом этапе его развития и отвлечь внимание общества от очередных задач освободительного движения»,³⁵ однако было бы ошибкой полагать, что с этой целью она (декадентская литература) с самого же начала искусственно насаждалась правящими кругами в противовес «гражданственности» реалистической поэзии прошлого. Модернизм возник прежде всего как протест – протест против тогдашней действительности, которая была не действительностью общественного подъема, но застоя и реакции 80-х годов. Демонстративный уход от нее был не только вызовом бессилию эпигонской народнической поэзии, но и уходом от сковывающего, мертвящего гнета царизма, лженародности и лжепатриотизма верноподаннических образцов. Не следует проходить мимо того, что на новоявленных декадентов обрушилась вся официальная пресса.

Вскоре, однако, буржуазия начинает понимать, какие выгоды сулит ей «протест», направляющий литературу на путь мистики, индивидуализма и культа «чистого искусства». Тогда – то декаденты получают «признание» и меценатствующие капиталисты не жалеют средств для пропаганды идеалов, уводящих далеко в сторону от борьбы народа за свои права.

С обострением классовой борьбы в 90-е гг. часть расслоившейся буржуазно-дворянской интеллигенции, колеблясь между неприятным существующим строем и недоверием к народу, повернулась спиной к действительности вообще, часть – вступила в союз с реакцией, обслуживая ее интересы на идеологическом фронте. К представителям второй и должна относиться характеристика А.Белого – «обозная сволочь». Но в свете сказанного выше смехотворен протест Белого против «выведения символизма из крупной промышленности с ссылкой его на то, что русские символисты – «не сыновья крупных промышленников».³⁶ Действительно, Белый – сын крупного математика, Блок – «сын профессора, внук известного ботаника, профессора же, женатый на дочери профессора Менделеева, Эллис – побочный сын известного московского педагога; С.М.Соловьев – внук знаменитого историка Соловьева (профессора же); Балтрушайтис, В.Иванов – никакого отношения к крупному капитализму не имели; Б.Садовской – тоже...»³⁷

Действительно, лишь Брюсов – сын купца, но и отец его и дед были крепостными, а отец – вольнослушатель Петровской Академии, сблизившийся с кружками революционеров-шестидесятников, идеям которых оставался верен всю жизнь. (Краткая автобиография).³⁸

Все эти факты не имеют никакого отношения к тому, что объективно символизм был использован реакцией в качестве «идеологического наркотика».

Любопытнее мысль о возникновении символизма как протеста «сыновей» против плоского позитивизма и беззубого либерализма «отцов», против их «непроветренного быта»: свидетельство жестокости борьбы «отцов» с «детьми» - записи Белого: «...отцы...с какою жестокою неумолимостью...душили нас: Блок – идиот; Брюсов – махровый нахал и бездарность; я – и идиот, и нахал».³⁹

Белый рисует духоту, косность, статичность «профессорского» круга, повиновавшегося своей «Марье Алексеевне»; в нем «брак позитивизма с либерализмом легко вырождался в оппортунистическое шатание», а «витиеватая фраза, очищенная от аллегорий, вводящих и придаточных предложений», оказывалась нулем.⁴⁰

Я всосал это все в себя еще с карачек, - пишет Белый: - на то «мы» - профессорский круг, чтобы младенцы у нас не так ползали, как у всех прочих, а конституционно и позитивистически».⁴¹

Брюсов был воспитан «с пеленок» в принципах материализма и атеизма» (Автобиография).⁴² Из круга его чтения отцом-шестидесятиником тщательно устранились сказки и «всякая чертовщина», идеи Дарвина и принципы материализма стали ему известны прежде таблицы умножения. Отец Белого, известный математик, старательно приобщал сына к Спенсеру, Миллю, Оствальду, Лейбницу, Вундту, сам Белый – студент – естественник, слушавший лекции Тимирязе-

ва, Мензбира и Зелинского.

Что же – становление и Брюсова и Белого символистами – случайность, курьез? Нет, для первого он – средство утверждения себя «вождем» литературного направления («Что ни говорить, ложно ли оно, смешано ли, но оно идет вперед...», - оговаривается Брюсов в «Дневнике» еще в 1893г.) и протест против «малых дел» современников; для второго – протест против духоты «непроветренного» профессорского быта и механицизма плоских эволюционных теорий «по Спенсеру», убогости заемного «позитивизма». Куда завел их этот протест в силу незнакомства с научным материализмом Маркса и Энгельса, с диалектикой природы и исторического процесса (для Эллиса, например, марксизм был, как для типичного попутчика, лишь временной модой) – вопрос иной.

Молодой Блок рос в семье, хранившей представление о дворянской интеллигенции как о носительнице культурных традиций, но она отгородилась не только от победоносцевской реакции, но и от нараставшей борьбы народа за свои права на новом – пролетарском – этапе освободительного движения.

Бекетовы жили лишь литературными интересами: писательницами и переводчицами были мать Блока и ее сестры, причем их литературные вкусы были несколько старомодны.

Характеристику семьи, видевшей вне рамок этих интересов лишь тупую и темную «византийскую» реакцию, дает Блок в поэме «Возмездие»:

...В ней старина еще дышала
И жизнь по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым...

.....
И н и г и л з м здесь был беззлобен,
И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
Здесь был религии подобен.

.....
И заколдован был сей круг:
Свои словечки и привычки,
Над всем чужим – всегда кавычки,
И даже иногда – испуг...43

Из этого заколдованного круга, которому Блок отдал дань в первом периоде творчества и следы влияния которого сохранились до конца его жизни – он вырвался позже, благодаря любви к родному народу и России. Пути его бунта были иными, символизм же его – не

результат отталкивания от среды (как у Брюсова и Белого), но ее влияния.

Впрочем, рассматривать протест символистов как революционный и проводить иные параллели, ссылаясь, в частности, на то, что произведения символистов печатались в некоторых легальных марксистских печатных органах – заблуждение по меньшей мере наивное.

«Революционность» Бальмонта, Минского, З.Гиппиус и др. была кратковременной данью моде, идеалом же революции являлся, по их мнению, идеал полной свободы личности (Статья Минского «Идеал русской революции»). Как отметил В.Воровский в статье «О буржуазности модернистов», стремлениям пролетариата декаденты были чужды и в сущности враждебны.

7. Символизм и символисты.

Брюсов, сыгравший роль повивальной бабки русского символизма, становится во главе его, вызывая к жизни новые имена – В.Иванова, М.Волошина, М.Кузмина и др. Символизм бурно развивается и (без особых оснований) резко противопоставляет себя декадентству.

После выхода «Русских символистов» организуется книгоиздательство символистов «Скорпион» (с 1899г.), затем «Гриф», с 1903 года Брюсов выходит в редакцию газеты «Новый Путь». В 1904 году основывается известнейший журнал символистов «Весы», просуществовавший до 1909 года. Возникают и другие их журналы: «Золотое руно», «Перевал» и т.д.

На деньгах купцов-меценатов, как на дрожжах, растут журналы и издательства, наводнявшие своей продукцией книжный рынок. Бальмонт, Сологуб, И.Анненский становятся характернейшими защитниками «чистого искусства». Капиталисты типа Рябушинского или Полякова определяют идеологическое лицо субсидируемых ими изданий. Как вспоминает Андрей Белый, миллионер входил в литературный салон осторожно, с конфузом, а выходил уверенно, без всякого стеснения.

В 900-е гг. кружки и собрания символистов процветают: знаменитые «среды» на «башне» Вячеслава Иванова у Таврического дворца, «символические вечеринки» Белого, «четверги» на квартире Брюсова, «воскресенья» Мережковских; «члены кружка «Арго» – соловьевцы – усиленно предлагают свою дружбу Блоку.

«Не прошло и пяти лет, как эти «чайные столы», за которыми мы отдыхали, изгнанные отовсюду, стали кружками, салонами, редакциями, книгоиздательствами», - вспоминает Белый.⁴⁴

Символизм становится «модой» у буржуазии. У лучших пред-

ставителей символизма это вызывает протест (статья «Вечера искусства» (1908г.) Блока, где он называет эти вечера «ячейками реакции»; отзыв Брюсова о Рябушинском в письме к Сологубу от 31 августа 1907г. и т.д.) Отдал дань этому возмущению и Белый: «Доколе еще прислуживать вашей мерзости, доколе быть шутом вашей пустоты, посмешищем вашего ничтожества, рвотным камнем вашей пресыщенности?... Как смеете вы хотя бы ценить нас!.. Мы, художники, посылаем вам наше неугасимое проклятие».⁴⁵ Проклятие, однако, если они и были искренними, были уже бессильны; в символизме объединились дворянские и буржуазные интересы и идеологии, символизм, оцененный правящими кругами особенно после революции 1905 года, удостоивается академических лавров.

Бывшие «бунтари» и «протестанты» оказались прикованными к колеснице самодержавия, с которым русская буржуазия, нуждавшаяся в сильной власти, жила в полном согласии.

Символисты после 1905 года смыкаются с либерально-буржуазными идеологами «Вех», в «Религиозно-философском обществе» и вокруг журнала Струве «Русская мысль». Символизм превращается в господствующее течение буржуазного искусства, резко враждебное революционным и демократическим устремлениям нарождающейся в лице Горького пролетарской литературы. Было бы, однако, ошибкой представлять символизм в качестве монолитного движения, объединенного одной программой и одними целями. Чуть ли не со дня своего возникновения он раздирается противоречиями, находится в состоянии хронического кризиса. Уже с 1909 года он оттесняется на второй план акмеизмом. Все это объясняется как постоянным тяготением лучших представителей символизма к реальной жизни и к общественно-значимому искусству, так и эклектизмом и философской несостоятельностью его идеологии.

II. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА.

1. Литературная школа или мировоззрение?

Ожесточенные споры символистов, происходившие вокруг вопроса о том, является символизм лишь литературной школой или же мировоззрением, возникли после доклада В.Иванова «Заветы символизма», прочитанного им в Обществе ревнителей художественного слова 26 марта 1910 года («Аполлон» №8 за 1910г.).

В спор были вовлечены Блок (статья «О современном состоянии русского символизма»); Брюсов (статья «О «речи рабской» в защиту поэзии»); Белый (статья «Венок или венец»); С.Городецкий (статья «Страна Реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедекер»); Мережковский (статья «Балаган и трагедия») и др.

Не касаясь позиций разных символистов в этом вопросе, скажем, что еще в 1908 году в статье «Теория или старая баба» Белый писал о том, что «теория символистов смутно предугадана всеми виднейшими художниками, но ими она не определена в философских терминах». Эту задачу Белый, очевидно, намеревался взять на себя, заявляя: «Мы должны разработать широкие лозунги символизма: должны превратить платформу в теорию..., то что мы читаем у Ницше, Уайльда, Ибсена, Метерлинка и далее: у Шюре, Реми де Гурмона и Танкреда де Визана, что узнаем про теорию Маллармэ еще не есть защита символизма и всего нового искусства вообще, а боевая платформа... Мы должны углубить поднятые вопросы... Мы хотим честных доказательств, а не Парок бабьего лепетанья...»⁴⁶

Вне зависимости от взглядов символистов на этот вопрос, отметим, что задача создания теоретической программы, содержащей законченную философскую «систему», символистами не была и не могла быть выполненной. Философия символистов (если она может быть так названа), представляет собою пеструю картину, эклектически включая те или иные взгляды различных философских школ. Однако и Брюсов, считавший символизм лишь литературной школой, не мог не признать роль его выходящей за рамки одной только литературной школы.

Разумеется, в понятие «символизм» входит и определенный комплекс взглядов мировоззренческого порядка, если даже принять во внимание отсутствие сколько-нибудь цельной, стройной системы воззрений.

Во всяком случае, ничего нового или оригинального в мировоззрении русских символистов искать не приходится. Христианство и идеалистические школы и школы Запада, начиная с Платона и кончая Махом, образуют в храме символизма довольно пестрый иконостас. Не было ни одного сколько-нибудь значительного проповедника идеализма или индивидуализма, чьему лику не было бы уделено там места.

Теоретические рассуждения свои символисты неизменно облекали в ритуальные ризы пышного жреческого красноречия, что же касается путаности их взглядов, то А.Белый, например, договаривается до чудовищного термина – «плюро-дуо-монизм», понимание содержания которого (если таковое вообще имелось бы) должно было, очевидно, являться привилегией автора.

Следует также отметить, что не было, вероятно, двух символистов, которые считали бы возможным придерживаться одинаковых взглядов по сколько-нибудь важному вопросу философского порядка, поэтому под введенным исключительно из соображений удобства понятием «философии символизма» подразумевается эклектическое соединение тех или иных школ и влияний во взглядах отдельных его представителей.

2. Бытие и сознание. Идеализм.

Философские воззрения русских символистов прежде всего должны быть охарактеризованы как и д е а л и з м во многих его разновидностях объективного и субъективного характера, и в них могут быть прослежены следы влияния Платона, Канта, Гегеля, Фихте и т.д. Вот, к примеру, типично идеалистические высказывания А.Белого: «Сказка – символическое отображение трансцендентального мира» («Кризис сознания и Генрих Ибсен», 1910г.); «В глубочайшей сущности моего творческого самоутверждения я не могу не верить в существование некоторой реальности, символом или отображением которой является метафорический образ, мной созданный» («Магия слов», 1909г.) – т. е. идея предшествует материи, «в начале было Слово»... Белому остается лишь сказать в заключение: «Deus factus sum» («Я стал богом»).

Известно, например, что П л а т о н о м Блок был увлечен еще до знакомства с идеями Соловьева. Учение Платона о бессмертной душе, временно томящейся в тленном теле, и противопоставление мира вечных идей бренному миру вещей гармонировали в воззрениях символистов с идеями христианства. Задачей искусства для них становилось угадывание, прозрение в реальных явлениях проявлений идеального мира, прекрасного и недоступного.

Соловьев становится наставником, учителем «аргонавтов» - соловьевцев, символистов младшего поколения: Блока, Белого, Сергея Соловьева и др.

Ясно выступает тема Платона в третьей «симфонии» А.Белого «Возраст» (1902г.). Подлинна лишь «доземная», «вневременная и внепространственная» жизнь героя «симфонии» - магистранта Хандрикова, которому она кажется сном, в то время как сном на деле оказывается его земное прозябание. Пути преодоления этого сна – сумасшествие (!) либо смерть.

Прямую характеристику теории символизма как усвоение христианством взглядов Платона встречаем и у Вячеслава Иванова, ставящего искусство на службу религии. Девиз символистов, созданный им, гласит: «a realibus ad realiora», - «от реального мира к реальнейшему».

Вполне в духе «вечных идей» Платона – следующее высказывание Блока: «Сама Милосская Венера есть некий звуковой чертеж, найденный в мраморе, и она обладает бытием независимо от того, что разобьют ее статую или не разобьют» («Крушение гуманизма», 1919г.).⁴⁷

Дуалистическое учение о двух мирах – основа поэтики символистов – находит поддержку в философии К а н т а. Лозунг «назад к Канту» выдвигался символистами, якобы, лишь из тактических соображений в пику «позитивистам» - отцам (А.Белый); на практике кантовский мир «вещей в себе» был для символистов прекрасным убежищем господ бога.

Длинный ряд чрезвычайно путанных дилетантских статей Белого, касающихся вопросов философии, свидетельствует, в частности, и об изучении им Канта. Белый то ищет в Канте и в «серьезной, как музыка Баха, строгости теории познания» спасения от «словесного пьянства» разнузданной мистики, то Кант становится для него синонимом скуки и мертвечины, а его философия – кладбищенской:

Оставьте! В этом фолианте
Мы все утонем без следа!
Не говорите мне о Канте!! («Мефистофель», 1980г)

На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда...метод.

«Жизнь, - шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могил, -
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок»...
(«Мой друг, 1908г.).

Вообще Белый судорожно мечется от Канта – к Риккерту, от Риккерта – к Ницше, от Ницше – к Бергсону... Неокантианству, в частности, отдает он четыре года. Статьи его пестрят сотнями ссылок на Гете, Милля, Вундта, Гефдингга, Шопенгауэра, Спенсера, Ренувье, Гуссерля, Липпса... В результате – эклектическая похлебка из «плюро-дуо-монизмов» и «идеореализмов», непереваримая ни для читателя статей, ни для их автора, «Дьявол с Гретхен пополам» (слова Брюсова).

В противоречии с поэтической практикой Брюсова (и с его самыми последними взглядами) стоит кантианское истолкование им сущности искусства, данное в статье 900-х гг. «Ключи тайн». В этой статье Брюсов считает функцией науки изучение внешней стороны явлений, а проникновение в таинственную суть их считает прерогативой мистических средств поэзии. Иных, общественных интересов у искусства, по мнению Брюсова, нет. Брюсов специально изучал Канта в университете, но большого влияния его не испытал.

Настоящую апологию Канта находим мы уже в манифесте символизма – книге Д.Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»: «Новейшая теория познания воздвигла несокрушимую плотину, которая навеки отделила твердую землю, доступную людям, от безграничного и темного океана, лежащего за пределом нашего познания. И волны этого океана уже более не могут вторгаться в обитаемую землю, в область точной

науки. Фундамент первой гранитной глыбы циклопической постройки – великой теории познания XIX века – заложил Кант».

Что же касается Блока, то он в статье «Крушение гуманизма», относящейся к 1919 году, называет Канта «лукавейшим и сумасшедшим мистиком».⁴⁸

Считая своей привилегией «приотворять двери в вечность», символисты рассматривали всю предшествующую литературу как предисторию символизма, впервые прозревшего «под грубою корою вещества» «нетленную порфиру» и «сиянье Божества» (В.Соловьев). Характерным примером могут служить «Стихи о Прекрасной Даме» Блока, построенные на смутных и тревожных предвестиях и прозрениях мира иного бытия в темном и зловещем земном хаосе.

Особое развитие в этой книге стихов получает соловьевская тема «Мировой Души», в связи с чем уместно провести некоторые параллели с системой Гегеля.

Мировой дух (абсолютная идея, абсолютный дух, бог) Гегеля, являющийся в его системе основой всех явлений природы и общества выступает в поэзии Соловьева и Блока в виде «Мировой Души» и «Вечной Женственности». «Мировая Душа» поэзии Соловьева – «единая внутренняя природа мира», совсем в духе Гегеля незримо живущая во всех земных явлениях. На различных стадиях своего «инобытия» она принимает образы Софии, Прекрасной Дамы, Владычицы Вселенной, Вечно-Юной, Таинственной Девы и претерпевает еще более неожиданные (для Гегеля) изменения, превращаясь у Блока в девицу-красавицу русских народных сказок...

Образ Прекрасной Дамы Блока часто наделяется более земными чертами, чем образ Софии Соловьева, для которого божественная сила «Мировой Души» призвана духовно обновить человечество. (Есть нечто и от Фейербаха в прославлении Соловьевым «священной любви» и обожествлении ее).

В соловьевской метафизике Блок вскоре разочаровывается, хотя продолжает даже в 1916 году считать «Стихи о Прекрасной Даме» – лучшими. (Творческий подъем, характеризовавший период работы над ними, связан с глубоким чувством к будущей жене поэта – Л.Д.Менделеевой. Не случайно же, к примеру, Павлов придавал большое значение тому факту, что Сеченов писал свои гениальные «Рефлексы головного мозга» в состоянии влюбленности. (Коштоянц. «Очерки по истории физиологии в России»).

Главная ошибка Блока – приравнивание мистических исканий иных миров к общественному служению. Блок вполне серьезно относится к поэме Соловьева «Три свидания»: «Поэма Вл.Соловьева, обращенная от его лица непосредственно к Той, Которую он здесь называет Вечной Подругой, гласит: «Я, Владимир Соловьев, уроженец Москвы, призывал Тебя и видел Тебя трижды: в Москве в 1862 году, за воскресной обедней, будучи девятилетним мальчиком; в

Лондоне, в Британском музее, осенью 1875 года, будучи магистром философии и доцентом Московского университета; в пустыне близ Каира, в начале 1876 года...» (Статья «Рыцарь-монах», 1910 год).⁴⁹

В той же статье Блок развивает идеи Соловьева; «Лучшее, что мы можем сделать в честь и память Вл.Соловьева, - это радостно вспомнить, что сущность мира – от века невременна и внепространственна; что можно родиться второй раз и сбросить с себя цепи и пыль... все мы, насколько хватит сил, должны принять участие в освобождении плененной Хаосом Царевны – Мировой и своей душ. Наши души – причастны Мировой».⁵⁰

Самая система образов «Стихов о Прекрасной Даме» говорит о наличии в представлении Блока двух различных мировых начал: материального и идеального; «ночь», «мрак», «туманы», «вьюга», «метель», - это один ряд образов, создающих в лирике Блока картину «здешнего мира», а «зори», «лазурь», «звезды», «свет» и т.п. – иллюзорные образы «миров иных», предстающих духовному взору поэта.

Впоследствии (в начале девяностых годов) Блок пытается отождествить «Мировую Душу» с «душой народа» в связи с развитием в его поэзии тем родины и народа.

И уж, конечно, не может не потолковать о «Мировой Душе» и А.Белый: в его понимании она есть мистическое начало человечества, отношение к ней Логоса есть мировой Символ, исток земного символизма. Что может быть яснее и разумнее этого выведения литературного течения из Логоса и «Мировой Души»!

Не следует забывать, что еще Тютчев «признавал истинное бытие лишь у мировой души и отрицал его у индивидуальных «я». Он верил, что бытие индивидуальное есть призрак, заблуждение, от которого освобождает смерть, возвращая нас в великое «все». (Статья Брюсова «Ф.И.Тютчев», 1910 год).⁵¹

3. Бытие и сознание. Религия. Мистика.

О смыкающихся с философским идеализмом религиозных воззрениях символистов, «поседевших в спорах о Христе» (слова Блока), можно было бы написать многие тома, будь в том необходимость. Извечность борьбы христианства и язычества и синтез их в мистическом «третьем царстве», Христос и Антихрист, ужас перед «грядущим Хамом» - пролетариатом, близкое – не сегодня, так завтра светопреставление, а также замечательное открытие, что черт серого (!) цвета – этот круг идей характеризует с достаточной определенностью мировоззрение Мережковского, например, - одного из вождей русского богоискательства.

Представляет интерес лишь следующий вопрос: насколько наи-

более значительные символисты были действительно верующими христианами, действительно убежденными мистиками, ибо во многих их произведениях удается лишь после тщательного анализа провести грань между «правоверной» искренностью с одной стороны, и стилизацией, позерством, мистификацией – с другой.

Брюсов, к примеру, с детства был воспитан в духе материализма и атеизма, зачитывался Писаревым. Круг его философских интересов – Огюст Конт, Спиноза, Лейбниц, Спенсер. Религиозные переживания символистов ему чужды, он резко возражает В.Иванову, стремившемуся превратить литературу в «служанку теологии», остается и среди символистов «утилитаристом».

И Белый, и Блок, еле выкарабкавшийся из-под тяжести стихов Брюсова (слова Блока), начинают понимать, что «серьезного мага» в нем нет (из писем Белого).

Считая символизм литературной школой, Брюсов лишь пользовался его приемами, являясь не мистиком, но мистификатором. Ему, как рационалисту, были глубоко чужды и религиозная проповедь Соловьева-Мережковского и бесконечные рассуждения о пресловутой «Мировой Душе»; мистической «Невесты» соловьевцев он, по собственному признанию, не видел и не слышал. Вот пример его отношения к модному в то время спиритизму – «самому дикому из всех суеверий» по выражению Ф.Энгельса.⁵² «Посещаю одно спиритическое общество, которое прелесть. Безумцы со всей Москвы тянутся туда. Толпа помешавшихся женщин и потерявших разум мужчин, истерия, дьяволы, тьма и юный проповедник Христа».⁵³ Характерны его упреки по адресу Бальмонта, относившегося с пренебрежением к науке, точному знанию.

«Вы производите чрезвычайно крепкое впечатление, - писал ему Горький в 1900 году, - есть что-то в вас уверенное, здоровое».

И, наконец, отзыв о христианстве в целом: «Если есть «чудо» в христианстве, то только одно: что такая бедная содержанием религия, вся составленная из клочков египетской мудрости, еврейства, неоплатонизма и других учений, могла иметь такой успех. Причина тому, конечно, политическая».⁵⁴

Мучителен был путь переоценки религиозных ценностей у Блока. Еще в начале 900-х гг. он занимает позицию, враждебную попыткам Мережковского создать «новое христианство», и с 1904г. примыкает к соловьевцам, чуждым казенному «неохристианству», хотя за два года до этого признавался, что не верит больше ни Мережковскому, ни Соловьеву. Он рано начинает понимать ценность религиозных исканий «образованных и обозленных» интеллигентов: «... а в России жить трудно, холодно, мерзко. Да хоть бы все эти болтуны влоск исхудали от своих исканий, никому на свете, кроме «утонченных натур», ненужных, - ничего в России бы не убавилось и не прибавилось!... Это – своего рода словесный кафешантан» (статья

«Религиозные искания и народ», 1907г.)⁵⁵

Блок по-толстовски противопоставлял поповство и болтовню интеллигентов о Христе «подлинному» христианству; Блок, в отличие от Брюсова – верующий, но он понимает, что «русской церкви больше нет ... но храмы не заперты и не заколочены; напротив, они набиты торгующими и продающими Христа» (статья «Исповедь язычника», 1918г.).⁵⁶ И восприятие Блоком идей Соловьева было с самого же начала своеобразным: он игнорировал и его учение о «всемирной теократии», и все специально-богословские стороны его многотомных сочинений. Схоластика и догматизм Соловьева не вызывали у него ничего, кроме скуки. Он видел в Соловьеве лишь пророка, провозвестника будущего, его привлекает и вера Соловьева в обреченность старого мира. Даже в статье, относящейся к 1920 году («Владимир Соловьев и наши дни»), Блок уверял, что Соловьев провидел события революции.

Певец «Прекрасной Дамы» без всякого удовольствия следил за назойливыми попытками соловьевцев, всерьез принимавших жену поэта за земное воплощение «Мировой Души», установить мистический культ ее. В 1907 году отношения Блока с соловьевцами обрываются. Поэт не хочет иметь ничего общего также ни с «мистическим реализмом», ни с «мистически анархизмом», ни с «соборным индивидуализмом», ни с другими «теориями», возникавшими и лопавшимися, как мыльные пузыри. Он приходит к заключению, что цели истинного искусства и религии несовместимы.

Что же касается «демонологии» Блока (в особенности цикла «Пузыри земли»), то всерьез всех этих болотных попикив, чертенят и «мохнатцев» принимать, разумеется, нельзя; это – отдых от схоластики соловьевства.

Стихотворение «Старушка и чертенята», например, посвящено Григорию Е.

Кто же этот единомышленник, разделявший мистические и демонологические откровения Блока? Оказывается, Григорием звали ручного ежа, жившего у Блока...

Целые же легионы демонов, дьяволов, лемуров, ведьм, ламий, духов огня, земли четвертого измерения и просто духов, выведенные в стихах Брюсова, играют в них ту же роль, что, к примеру, разная «нечисть» в стихах Пушкина – стилизаторскую. Разумеется, этим стилизаторством Брюсов сильно злоупотребляет. Однако, он подсмеивается над Бальмонтом, критикуя не только его пустозвонство, но и чрезмерное пристрастие ко всякого рода «чертовщине» (См. хотя бы пародии на Бальмонта).⁵⁷

Самоосмеяние и гротескное изображение «дураков и дур» мистицизма в «Балаганчике» (1906г.) Блока вызвали бурю возмущения у соловьевцев, воспринявших это произведение как измену идеям Соловьева, издевательство над ними. Небесная мистическая

«Невеста» оказывается в «Балаганчике» картонной, паяц истекает клюквенным соком, а мистики сравниваются с пустыми сюртуками, висящими на стульях.

Подобное же самоосмеяние видим мы и во второй «Симфонии» Белого (1901г.). В ней фигурируют и Мережкович (Мережковский), и Шиповников (Розанов), а В.Соловьев, вставая из гроба, бродит ночью по крышам Москвы, трубя в рожок и выкрикивая свои стихотворения. Мальчик, коему предстояло стать в будущем Мессией, оказывается девочкой и т.п.

В стихотворении «Жертва вечерняя» (1903г.) Мессия оказывается обманутым дураком:

Стоял я дураком
В венце своем огнистом,
В хитоне золотом,
Скрепленном аметистом.
Стоял один, как столп,
В пустынях отдаленных
И ждал народных толп
Коленопреклоненных.

.....
На мой зажженный свет
Пришли степные козы.

.....
Как сорванная цепь
Жемчужин – льются слезы...

Помчались быстро в степь
Испуганные козы.

В другом стихотворении пророк, Мессия, оказывается помешанным, пытающимся бежать из сумасшедшего дома:

Внемлите, ловите: воскрес я – глядите: воскрес!
Мой гроб уплывает туда – в золотые лазури....
Поймали, свалили: на лоб положили компресс.
(«Утро», 1907г.)

У Брюсова нет произведений, подобных «Балаганчику» или «Симфонии», ибо ему не в чем было каяться; мистика его была напускной; в холодном компрессе на лоб не нуждался человек, охарактеризованный Леонидом Андреевым как «рассудительный покойник на 10-градусном морозе». Интересно, что Брюсов стал высоко ценить Блока именно с появления его «Балаганчика» и сборника стихов «Нечаянная радость».

Множество толков вызвал (неудачный в общем) образ Христа в конце поэмы Блока «Двенадцать». В представлении Блока, Христос – некая третья сила между «двенадцатью» и «буржуем». Ассоциируя крушение растленного Рима с современными ему событиями, Блок подчеркивает прогрессивное значение раннего христианства, и тогда (по его представлению) бывшему третьей силой между рабами и варварами с одной стороны и жестокой гибнущей империей с другой. Интересна не ошибочность исторических взглядов Блока, но мысль его о Христе, как о вестнике обновления жизни, лишенная по сути дела религиозно-мистической окраски. Но и Блок иногда «ненавидел этот женственный призрак» Христа в поэме.

В 1929 году А.Белый уверял:⁵⁸ «Религиозный момент мною был воспринят этически и стилистически; действовали: Уланд... «Демон» Лермонтова, Андерсен и образы заветов; верить в наивно-реалистическом смысле не мог я; но всякой метафорой я упивался». Действительно, в доме Бугаевых религия не была в почете: «... вместе со словом «священник», «церковь» или даже раньше еще, я слышал слова: Лагранж, Абель, Дарвин!... Наспех обучили меня «Отче наш»... гувернантки мои не имели ни малейшего касания к религии ... с четырех лет мне внушили весьма серьезно, что чертей, колдуний и прочей нечисти нет, да и не может быть» и т.п.

Далее – решительное отрицание элементов мистики в творчестве: «Брюсов с первого мига понял, что мои символизационные упражнения, захватывающие не только «словесную фразу», но и «переживание» (индивидуальное и социальное) отстают за тридцать земель от вер в мистическую «кошку серую», которыми порой так страдал в юном возрасте Александр Блок»...⁵⁹

В 1929 году Белому было легко подчеркивать это, однако в его поэзии (особенно в 900-е гг.) весьма трудно отделить религиозные моменты от моментов стилизации или мистификации, а невероятная путаность взглядов (вплоть до серьезного увлечения теософскими или антропософскими бреднями Блаватской, Рудольфа, Штейнера, Анни Безант) допускала соседствование Ницше с Соловьевым, Канта с Христом, Шопенгауэра с Махом и Гегеля с буддизмом. Всерьез о «философии» Белого говорить не приходится, ибо она представляет собою бредовую мешанину клочков более или менее усвоенных теорий. Тема Христа занимает весьма значительное место в поэзии Белого; вряд ли сам он мог провести в ней четкую грань между концом «моментов стилизации» и началом болезненно-искренней веры. Даже революцию 1917 года он воспринял как «сошествие Христа»:

Сухие пустыни позора,
Моря неизливаемые слез –
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос

.....

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия,
Мессия грядущего дня!
(«Родина», 1917 г.)

Что же касается истоков так называемого пантеистического мироощущения символистов (Мережковский, особенно Бальмонт, а также другие), то искать их следует еще у Тютчева, в его стихах о природе. Чувство причастности всемирной жизни, единства души с «Мировой Душой» характеризует также поэзию Соловьева. Ощущение общности индивидуальной жизни с космическим бытием вселенной прослеживается и в юношеской лирике Блока, пытавшегося примирить свое индивидуальное «я» с макрокосмом то в мистической любви, то растворяя его в природе.

Эти рассуждения вскрывают еще одно качество философских взглядов символистов – их созерцательность, пассивность. Отвергалось отношение к окружающему, как к сфере приложения человеческой деятельности, энергии; поэт-символист в большинстве случаев был лишь наблюдателем жизни, испытывая перед нею суеверный страх. Мысль о возможности преобразования этой действительности, покорения ее силой человеческого разума и человеческих рук казалась поэтам кощунственной. Вполне соглашаясь с Гегелем, что «философия может не омолодить, а лишь понять жизнь» и что «сова Минервы начинает свой полет лишь в сумерках»,⁶⁰ символисты могли в лучшем случае лишь мечтать о некоем «пантеистическом» приобщении к реальному миру, но не о его познании, покорении и преобразовании. Не может быть никакого сомнения, что и эта проповедь бессилия была по достоинству оценена реакцией в период нового революционного подъема в России, связанного с выступлением пролетариата, и также использована ею в качестве идеологического оружия.

4. Гносеология. Агностицизм.

Платонизм и кантианство, характеризующие, в основном, онтологическую сторону того, что называется здесь философией символизма, определяют и гносеологическую ее сторону. Из дуалистического представления о двух мирах – реальном мире вещей и вечном, божественном мире идей – вытекал агностицизм символистов, ибо мир идеальный считался недоступным для человеческого познания.

Достаточно ясно говорит об этом панегирик в честь Канта, содержащийся в книге Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Достаточно красноречив и А.Белый в статье «Магия слов» (1909г.): «Всякое познание – есть

фейерверк слов, которым я наполняю пустоту, меня окружающую... Никто никому не убедит, никто никому ничего не докажет; всякий спор есть борьба слов, есть магия».

Агностицизм символистов – та основа, на которой воздвигались их шаткие теории интуитивного познания, их иррационализм, релятивизм, индетерминизм. Именно здесь объективный идеализм дополняется субъективным (через Маха вплоть до Беркли) идеализмом, прибавляющим еще один пестрый клочок к лоскутному покрывалу заимствованных «систем», которым символисты пытались кое-как прикрыть отсутствие подлинно научного мировоззрения.

Наиболее наивна платоновская «теория познания» юноши-Блока. Отрицая роль чувственных восприятий в познании мира идей, Платон считал возможным получить о нем хоть какое-либо представление, закрыв глаза и заткнув уши: суть процесса познания, по его мнению, заключается в воспоминании души о времени, проведенном ею в «мире идей» до ее земного воплощения. Намек на это содержится в письме Блока к М.И.Пантюхову от 22 мая 1908 года, упоминающем платоновский термин «припоминание».⁶¹

Платон сравнивал земное существование человека с пребыванием в пещере. О явлениях внешнего мира узник может судить только по теням, падающим на стену этой пещеры.⁶² Согласуется с этим представлением мысль стихотворения Соловьева:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Символ в представлении символистов – лишь намек на некие особенности потустороннего; мистическое прозрение теурга, жреца или функция подсознательного, интуиция в духе Бергсона – Фрейда. В понимании тех или иных символистов символ приобретает различные значения. То он выступает как «комплекс ощущений» (субъективный идеализм махистского толка); то как иероглиф, дающий ошибочное, искаженное представление о действительности (Гельмгольц); то как божественный дар, позволяющий избранникам «приотворять двери в вечность». В последнем случае роль поэта приравнивается к роли пифии, бормочущей обрывки непонятных ей самой истин. Во всех случаях символ допускает не одно толкование, а множество, причем игнорируется тот факт, что понятие, могущее означать все что угодно, не означает на деле ничего, во всех случаях отвергается ценность и самая возможность научного познания действительности, отражения сознанием объективно реального внешнего мира.

Многозначность символа была неприемлема для Брюсова. У него

рационалистическое мировоззрение, а символ может быть сближен с аллегорией, причем нет непроходимой пропасти между прямым и символическим смыслом стихотворения. Это позиция эстета и стилизатора, но не агностика и мистика. Брюсов понимал символизм не как поэзию символов, а как поэзию намеков. В статьях своих «Научная поэзия» (1909г.), «Синтетика поэзии» (1924г.) он приходит к мысли, что цель у искусства и у науки одна – познание и отображение действительности, а различны лишь их методы.⁶³

5. Гносеология. Интуитивизм.

Агностицизм символистов выражен в их заимствованном у Тютчева девизе – «Мысль изреченная есть ложь». (Кстати, эта строчка – тоже изречения мысль!) Отсюда и их иррационализм, презрение к силе разума и обращение к интуитивному проникновению в мир иного бытия, знак которого – символ.

На этих позициях стоят и Ф.Сологуб, и К.Бальмонт, и В.Иванов, а А.Белый пытается теоретически обосновать их в статье «Критицизм и символизм» (1904г.).

Символистами создана так называемая «теория соответствий»: приблизиться к познанию «божественной сущности» можно, уловив «соответствие» не связанных на первый взгляд явлений. Еще в «русских символистах» Брюсов призывал импрессионистически улавливать «тонкие, едва ощутимые настроения». Вся система тропов имела в поэзии символистов задачу размыть четкие грани реальных явлений, сместить их и в иллюзорном сумраке неопределенных ощущений интуитивно угадать, уловить нечто таинственное, какой-то отзвук иного, идеального мира. Короче говоря, теоретик-символист подобен человеку, ловящему в темной комнате черную кошку, которой там нет.

Еще Кант считал интуицию средством познания, но учителем символистов в этом отношении становится А н р и Б е р г с о н, считавший бытие мира становлением, непостижимым разумом. В согласии с Бергсоном, символисты считали, что искусство не анализирует, а изнутри схватывает образ как целое, а образ по Бергсону есть «кристаллизация интуитивного знания». Все что есть в философии и науке великого и плодотворного – достижение интуиции по Бергсону. Художники же отличаются «спонтанным», «девственным» образом видения, слушания, мышления. Цель искусства – усыпить силу разума для подсознательного постижения действительности.

С Бергсоном, отрицавшим роль интеллекта, во многом смыкается З и г м у н д Ф р е й д, считавший, что «сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью» («Психология масс и анализ человеческого

«Я»). Фрейд близок символистам и своей переоценкой значения сексуальных моментов в психологии человека, и ненавистью к «толпе», и проповедью необходимости иллюзий вместо знаний для нее. Явный привкус фрейдизма, помимо любовной лирики символистов, в переоценке влияния впечатлений детства на становление характера в автобиографических произведениях Белого.

Что же касается интуиции, то еще Тютчев был в русской поэзии задолго до Бергсона ее пророком, как подчеркивает Брюсов в своей статье «Ф.П.Тютчев». Брюсов же писал в статье «Научная поэзия» (1909г.): «Его (Р.Гиля, К.Г.) вывод тот, что «вдохновение», или, что то же, «интуиция», - необходимо во всякого рода работе мысли, в науке, как в искусстве. Все великие художественные открытия были совершены силою интуиции, хотя исходными точками для них и были положительные данные... Этот вывод всего менее может изумить нас, русских, так как нам памяты слова нашего Пушкина: «вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии».⁶⁴ Оставляя в стороне смешение понятий «интуиция» и «вдохновение», отметим лишь, что в практике Брюсова, считавшего творческий акт художника актом познавательного порядка («Синтетика поэзии»), интуиция не играла главенствующей роли, характер поэзии Брюсова – в основном головной, рационалистический. Не то – у Блока (раннего); попытки причащения его «Мировой Душе» и природе (о чем говорилось выше) – интуитивны.

6. Гносеология. Субъективизм.

Символисты считали, что их «теорию познания» разработал А.Белый, однако, вкратце передать суть его гносеологических построений невозможно по простой причине отсутствия в них этой сути. Такие выражения, как «диалектика преломления методологических смыслов»,⁶⁵ или «мировоззрение мое...пространственная фигура, имеющая одну вершину, многие основания и явно совмещающая в проблеме имманентности антиномию дуализма – но преодоленную в конкретный монизм»,⁶⁶ – примеры злоупотребления не только специальными терминами, но и способностью человека к речи вообще. Должны ли мы относиться к этим и многим другим откровениям как к сознательному жреческому шарлатанству или рассматривать их как патологические примеры беспомощности запутавшегося автора? Скорее – второе, хотя и не без первого.

Не удивительно, что отсутствие прямой и четкой связи с реальным миром и органическая порочность «теории познания» символистов приводили к крайнему, чуть ли не солипсическому субъективизму их мировосприятия и, как следствие, произведений. Если целью искусства становится вместо объективного осмысления и отображения

действительности фиксирование мимолетных и неясных импрессионистических переживаний, причем любое чудовищное искажение, любая странность могут быть вызваны как особенностями субъективного видения, восприятия, так и метафорическими вывертами стилизаторства, то понимание произведения подобного искусства становится уже возможны для одного автора. Для читателя же необходим подробный комментарий, подстрочник.

Так, когда Блок, к примеру, писал:

Пять изгибов вдохновенных,
Семь и десять по краям,
Восемь, девять, средний храм –
Пять стенаний сокровенных.
Но ужасней средний храм –
Меж десяткой и девяткой,
С черной выпренной загадкой,
С воскуреньями богам...

то это означало лишь путь, по которому обыкновенно проходила возлюбленная поэта – Л.Д.Менделеева.

Когда Брюсов писал:

Тень не созданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

.....
Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.....

то это означало, что на кафель печей квартиры Брюсова на Цветном бульваре падают тени стоящих там же пальм (латаний).

Когда, наконец, А.Белый писал:

Ты говорил: «летающие монады
В эонных волнах плещущих времен-
Не существуем мы; и мы – громады,
Где в мире мир трепещущий зажжен...»

это означало, что Боря Бугаев беседует с отцом – математиком. Молодой Брюсов писал П.Перцову, что «эволюция новой поэзии есть ни что иное, как постепенное освобождение субъективизма»⁶⁷; что нельзя рассматривать художественное произведение «вне его творца... Перенесите точку зрения, сделайте поэта с его созданием – и вдруг все смутное станет простым и ясным. В поэзии, в искусстве – на первом месте сама личность художника! Она и есть сущность – все остальное форма! И сюжет и «идея» - все это только форма!». Но Брюсову показалось недостаточным назвать идею формой, и он пишет далее «Поэтическое произведение в своем идеале таково – что оно будет доступно только автору».⁶⁸ Горе читателю!

Любопытен следующий случай, рассказанный Брюсовым: «NN спросил меня однажды:

- В.Я., что значит «вопинсоманий»?

- Как? Что?

- Что значит «вопинсоманий»?

- Откуда вы взяли такое слово?

- Из ваших стихов.

- Что вы говорите! В моих стихах нет ничего подобного.

Оказалось, что в первом издании «Urbi et orbi» в стихотворении «Лесная дева» есть опечатка. Набор случайно рассыпался уж после того, как листы были «подписаны к печати»; наборщик вставил буквы кое-как и получился стих:

Дыша в бреду огнем вопинсоманий.

В следующем издании книги стоит, как должно: «огнем воспоминаний», но до сих пор я со стыдом и горем вспоминаю эту опечатку. Неужели меня считали таким «декадентом», который способен сочинять какие-то безобразные «вопинсоманий»!... Стыдно и горько.

Мораль: прочитывай «чистые листы» печатаемой книги.⁶⁹ В этом ли мораль? На фоне среднего храма меж десяткой и девяткой, теней не созданных созданий и летящих в зонных волнах монад даже огонь «вопинсоманий» казался напуганному читателю не слишком ярким.

Самая сущность символа, содержащего ряд значений, допускающих какое угодно субъективное толкование, способствовала отказу символистов от создания общедоступных произведений. Тем самым искусство лишалось (внешне) своих социальных функций и становилось выражением капризов личности художника, отвернувшегося от своего народа.

7. Гносеология. Релятивизм.

В тесной связи с агностическими и субъективистскими воззрениями символистов стоит и их р е л я т и в и з м.

Теория относительности, знаменовавшая собою подлинный перелом во многих областях научной мысли, была своеобразно использована реакционерами, сделавшими ее источником многочисленных домыслов и лжетолкований. Перекочивая из области точных наук в философские теории, эти искажения и произвольные построения стали основой далеко идущих выводов, вплоть до новых, математических «доказательств» существования бога. Что же касается представителей антиреалистического искусства, то в релятивизме они пытались найти лишнее подтверждение своему скептицизму, агностицизму, субъективизму.

Поскольку отказ от абсолютов произвольно воспринимался ими как крах научного осмысления действительности, для них исчезали все критерии ценности наблюдаемых явлений и событий; единственным мериллом их оставался количественный признак, яркость явлений, их интенсивность. Классический пример подобного отношения к действительности – стихотворение В. Брюсова «З.Н. Гиппиус»:

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья.
И господа и дьявола
Хочу прославить я...⁷⁰

Особое влияние оказали идеи релятивизма на социалистические воззрения символистов, способствуя их отказу от самого понятия направленности исторического процесса и от признания существования каких-либо общественных или моральных ценностей. Это достаточно красноречиво выражено и Брюсовым:

Прекрасен, в блеске грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон,
И океан народной страсти,
В щепы дробящей утлый трон...⁷¹
(«Довольным», 1905г.)

Самые понятия косности или ценности становятся абсурдными. «Все – истина, все – ложь, блажен лишь тот, кто молод» (Бальмонт),

«багряней всех цветов на плахе кровь, и смерть – сюжет прекрасный для картины» (он же). Подобные выводы приводили к прославлению индивидуализма и полного освобождения личности художника от каких-либо общественных и моральных норм: «Я не знаю других обязательств, кроме девственной веры в себя» (Брюсов).

Подводя итоги можно сделать следующий вывод: философии символизма нет, не было, а есть эклектическая путаница обрывков множества более или менее усвоенных «систем» и религиозных учений во взглядах отдельных символистов, причем использовались, как правило, наиболее реакционные стороны этих теорий. Поражает обилие и пестрота подобных обрывков. По признанию одного из главных теоретиков символизма, общепризнанного его философа, Андрея Белого, он до окончания естественного факультета не читал Маркса, Энгельса, французских социалистов – утопистов, энциклопедистов, ни даже Герцена и Чернышевского!⁷²

Но творчество Блока и Брюсова, несмотря на все их блуждания и ошибки, свидетельствует о стремлении выбраться из болота мистики и идеализма, причем пути преодоления символизма у них различны – Брюсов опирается, в основном, на точное знание, научное видение мира; Блок – на растущую уверенность в необходимости гражданского служения своему народу. Благотворно влияли на них традиции великой русской реалистической литературы. Насколько это преодоление удалось им – вопрос особый.

За рамками данной работы, слишком узкими для более или менее подробного освещения вопросов происхождения и сущности русского символизма, остались также такие важнейшие проблемы, как отношение искусства к действительности и процесс художественного творчества в понимании символистов; формальное мастерство их; разработка ими «вечных тем» смерти, любви, одиночества, природы. Затем не были затронуты вопросы понимания символистами исторической действительности (представление их об историческом процессе и о роли масс и личности в истории, индивидуализм и влияние Ницше, эсхатологические мотивы творчества, тема Востока и Запада и т.д.). Наконец, не были охарактеризованы отношения символизма к акмеизму и другим декадентским течениям, борьба Горького и других представителей прогрессивной литературы и критики с символистами, не прослежены судьбы символизма и символистов до и после Октябрьской революции.

Без беглого хотя бы обзора круга этих и некоторых других вопросов, что не ставилось здесь целью, понимание сущности русского символизма не может быть достаточным; но даже те вопросы, которые были затронуты, настолько многогранны и обширны, что в данном объеме освещение их должно было неизбежно приобрести характер торопливого очерка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александр Блок. Сочинение в двух томах. Гос.издат. худ. лит. М. 1955г. Том 1, стр. 507-508. В дальнейшем Блок будет цитироваться по этому изданию
2. Статья Брюсова «О стихотворной технике» (1903. 1911г.). В.Брюсов. Избранные сочинения в двух томах. Гос.изд. худ.лит. М. 1955г. Том 2, стр. 183. В дальнейшем Брюсов будет цитироваться по этому изданию.
3. Том 1, стр. 484.
4. Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. Гос. Академия художественных наук М. 1927 г. Стр. 41.
5. Иоанна Брюсова. Материалы к биографии Валерия Брюсова. Валерий Брюсов. Избранные стихи. «Академия». 1933 г.
6. Там же. Стр. 122.
7. Стр. 196
8. А.Белый. На рубеже двух столетий. Зиф. М-Л. 1930г. стр.225
9. Том 2, стр. 235.
10. Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову. Гос.Академия худ., наук М. 1927г. стр. 35.
11. Том 2, стр. 210.
12. Там же, стр. 222.
13. Там же. стр. 225
14. Том. 2, стр. 292
15. Том 2, стр. 373.
16. Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Зиф М-Л 1930 стр. 5
17. Там же, стр. 353
18. Том 2, стр. 208
19. Блок имеет в виду тот символ, который придается этому слову в стихотворении Верлена «Поэтическое искусство».
20. Том 2, стр. 207
21. Том 2, стр. 54.
22. Том 2, стр. 363
23. Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову, стр.10
24. Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову, стр. 37
25. Том 2, стр. 552.
26. Том 2, стр. 521
27. Андрей Белый. На рубеже двух столетий, Зиф М-Л, 1930 стр. 7
28. Иоанна Брюсова. Материалы к биографии В.Брюсова. В.Брюсов. Избранные стихи. «Академия». 1933г. стр. 121-122.
29. Письма В.Я.Брюсова П.П.Перцову. Стр. 18, 35
30. Там же, стр. 39
31. Том 2, стр. 667.
32. Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Зиф. М-Л 1930 стр. 349
33. Там же, стр. 351
34. Там же, стр. 370
35. В.Брюсов. Стихотворения, Библиотека поэта. Л. 1952г. Вступительная статья Д.Максимова, стр. 9.
36. А.Белый. На рубеже двух столетий. Зиф. М-Л 1930 стр. 194-195
37. Там же, стр. 195

38. Том 2, стр. 35
39. Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Зиф. М-Л 1930 стр. 9
40. Там же, стр. 123
41. Там же, стр. 83.
42. Том 1, стр. 35.
43. Том 1, стр. 494
44. Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Стр. 4
45. Там же, стр. 196.
46. А.Белый, «Теория или старая баба», «Весы», 1908г. №4, стр.38-42.
47. Том 2, стр. 321.
48. Том 2, стр. 313.
49. Том 2, стр. 169
50. Том 2, стр. 170-171.
51. Том 2, стр. 215.
52. Ф.Энгельс, «Диалектика природы», ОГИЗ, Госполитиздат, 1948 г, стр.
- 38
53. Иоанна Брюсова, Материалы к биографии В.Брюсова, в кн. «Избранные стихи», 1933 г., стр. 132.
54. Том 2, стр. 552-553
55. Том 2, стр. 58
56. Том 2, стр. 243.
57. Валерий Брюсов. Неизданные стихотворения. Гослитиздат 1936г. Стр. 446-447
58. А.Белый. На рубеже двух столетий. Зиф. М-Л. 1930г. Стр. 178-182
59. Там же. Стр. 336
60. Г.Гегель, «Сочинения», Соцэкгиз, М-Л., 1934г. Том 7, стр. 17-18.
61. Том 2, стр. 611
62. Платон. Сочинения, изд. «Мысль», том 3(1), М., 1971г. Стр. 321 и далее.
63. Том 2, стр. 208, 356-370.
64. Том 2. Стр. 204
65. Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Зиф М-Л. 1930. стр. 14
66. Там же, стр. 188.
67. Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову, стр. 10
68. Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову, стр. 13.
69. Том 2, стр. 556.
70. Валерий Брюсов. Избранные стихи. Академия. 1933. стр. 289
71. Там же. Стр. 334.
72. А.Белый «Начало века». Гос. Издательство худ. лит. М-Л. 1933, стр. 4-5.

ИДЕЯ ПОЗНАВАЕМОСТИ МИРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

(Из истории русской поэзии)

I.

На протяжении веков важнейшие научно-философские проблемы той или иной эпохи неизменно находили отражение и в поэтическом творчестве. Конечно, в истории давнего, но и ныне все еще далекого от разрешения спора о взаимосвязи и взаимовлиянии науки и искусства, в частности поэзии, каждая эпоха ставила и разрешала вопрос об их соотношении по-своему.

В наше время, часто и не без оснований именуемое эпохой научно-технической революции, мы должны считаться с существованием реакционных теорий о якобы неизбежном закате искусства и утрате им его культурно-исторической роли. Тем более важно ознакомиться с былыми перипетиями многовекового спора о роли научного знания в художественном творчестве, о возможности выражения актуальных научно-философских проблем языком поэзии.

Нет нужды доказывать, что создание действительно значительных произведений поэзии возможно лишь на высоком интеллектуальном уровне, при условии овладения автором основами современного научно-философского мировоззрения.

В получившей широкую известность лекции Чарлза Сноу, прочитанной в Кембридже (США) в мае 1959 года «Две культуры и научная революция», речь шла об углублении непонимания – и даже пропасти – между научно-технической и литературно-художественной интеллигенцией.

Лекция положила начало оживленной дискуссии во многих странах мира. Спор о соотношении науки и искусства, ведущийся в нашей стране еще с 20-х гг. и породивший – особенно в последние годы – множество статей и книг, также свидетельствует об актуальности проблемы соотношения и связи научного и художественного творчества на данном этапе развития общества.

В данной работе не ставится цель осветить – хотя бы в общих чертах – основные этапы многовековой борьбы представителей передового, материалистического мировоззрения против защитников религиозных, идеалистических концепций – борьбы, которая велась на многих научно-философских фронтах и от которой никогда не стояли в стороне поэты.

Поставленная здесь цель гораздо скромнее. Круг гносеологических проблем, связанных с процессом познания действительности средствами науки и искусства, с возможностями этого познания, издревле привлекал внимание поэтов – мыслителей всех эпох и народов и волновал их. Вопрос о месте человека во вселенной, о границах его познания и творческих возможностей, разрешавшийся так или иначе в зависимости от личности художника и исторической эпохи, был в центре внимания Лукреция Кара, Данте, Мильтона, Гете, Ломоносова, Тютчева...

Наша цель – обрисовать в самых общих чертах на материале русской поэзии XVIII-XX веков, как в творчестве некоторых выдающихся поэтов находила выражение идея познаваемости мира.

Обращение к историко-литературным проблемам, подобным затрагиваемой нами, тем более важно, что на Западе иные из современных защитников чисто интуитивных теорий творчества решительно противопоставляют науку искусству, вменяя в вину последнему рационализм. Отказ от прогрессивных завоеваний рационалистического Просвещения и обращение к философскому иррационализму, восходящему к Ницше, Бергсону и Фрейдю, лежит в основе этих теорий, в частности экзистенциализма.

В своей статье «Литература и западный человек» Д.Б.Пристли утверждает, что основа художественного процесса – работа подсознания, которая не поддается рациональному истолкованию и объяснению, анализу, и приходит к выводу о том, что «ясный свет разума – смерть для великой поэзии».

Представление о поэзии как об искусстве, призванным лишь чувствовать, но не мыслить, характеризует сущность большинства модернистских литературных направлений; не были в какой-то степени чужды этому взгляду и русские символисты.

И до сих пор в нашем литературоведении проскальзывают порой мнения о «трагическом противостоянии науки, научного знания искусству» (П.Антокольский), что «физике – свое, поэзии – свое» (М.Салиев), что поэзия должна быть в принципе чужда научному знанию (М.Луконин). Поэтому проследить на материале русской поэзии некоторые эпизоды идейной борьбы хотя бы вокруг одного из важнейших философских вопросов – вопроса о познаваемости бытия – представляется нам не лишним в рамках разворачивающегося комплексного изучения художественного творчества.

Заметим прежде всего, что в подлинно высоком произведении поэзии интеллектуальное и эмоциональное, идея и образ, мысль и чувство выступают в нерасторжимом диалектическом единстве, и все сказанное выше, отнюдь не означает защиты поэзии «ученой», «умственной», рассудочной, рассуждающей.

Произведение искусства строится в значительной степени на основе не логического, понятийного, но интуитивного, эмоционального,

образного отображения окружающего. Процесс создания и восприятия его сложен, многоступенчат, и на той или иной ступени логика мысли и «логика чувства» выступают в различных сочетаниях противоречий и единства.

Эмоциональную основу поэзии и только ее имел в виду Пушкин, когда писал, что «поэзия должна быть глуповата».

С другой стороны, вполне уместно напомнить здесь слова Маркса: «Мы восхищаемся непосредственной наивностью ребенка, но взрослый человек не может ограничиться наивно-чувственным отношением к окружающему, ибо становится ребячливым» («Введение. Из экономических рукописей 1857-1858 гг.»)

Конечно, не поэта, ограничивающегося узкой сферой повседневного личного опыта, далекого от всего, что волнует человека современности, имел в виду Нильс Бор, сказав: «Причина, почему искусство может нас обогатить, заключается в его способности напоминать нам о гармониях, недостижимых для систематического анализа». Действительно, у поэзии свои средства постижения и отображения мира, отличающиеся от методов науки. Заметим, что Бор говорит о н е д о с я г а е м о с т и (в настоящее время), но не о недостижимости (принципиальной) возможности систематического анализа языка искусства, что не противоречит марксистскому пониманию диалектики относительной и абсолютной истины.

Выразить на данном этапе «алгеброй гармонию», заменить формулой образ н е в о з м о ж н о (и далеко не всегда нужно). «Поверить» гармонию одною только алгеброй, по примеру Сальери, - недостаточно. Отсюда – необходимость комплексного изучения законов художественного творчества, более перспективного, чем традиционное литературоведение, чуждающееся использования при исследовании литературного процесса средств и возможностей других наук.

2.

Научно-философская традиция мировой поэзии уходит корнями в далекое прошлое, восходя к устному народному творчеству, мифологии, поэмам Гесиода, греческих философов-поэтов Ксенофана, Парменида, Эмпедокла и многих других, впитавших и преломивших еще более древнюю мудрость поэзии Востока.

Один из немногих, чудом сохранившихся фрагментов греческого поэта VII века до н.э. Алкмана, выражающий в лапидарной форме его гносеологическую концепцию, гласит: «Опыт – вот основа познания» (за века и века до Фрэнсиса Бэкона!).

Ярчайшее воплощение эта традиция получает в поэме Лукреция Кара «О природе вещей». Из всего богатства идей поэмы, рисующей картину мира с позиций античного атомизма, обратим здесь внимание на строки:

Если же думает кто, что немысленно знанье, не знает
Может ли это он знать, коль свое утверждает незнанье.
И с утверждающим так заводит не желаю я спора.
(IV, 469-471).

При всей примитивности представлений о процессе чувственного познания природы Лукреций в своей теории познания – законченный материалист. Он считает, что данные чувств, а не умозрительные построения, являются достоверным источником познания мира и видит источник суеверных страхов и религиозных верований в недостаточности научных знаний об истинной «природе вещей».

Причудливо сочетается энциклопедическая ученость Данте Алигьери со средневековой схоластикой, достойной Фомы Аквинского, в его поэтическом своде представлений о земле и небе – «Божественной Комедии». Характерно, что в поразительной по смелости воображения картине полета Данте сквозь небесные сферы, встречается строка

Как мы туда взлетели, мне неясно.
(Рай, VIII, 13).

И так же характерно, что, говоря об отношении человеческой мысли,

Лишь в осязуемом черплющей познатье,
Чтоб разуму его потом вручить
(Рай, IV, 41-42),

к высшей истине (пусть для Данте это истина Писания, истина божественная), поэт вкладывает в уста Беатриче слова о том, что

... человеческим умом
Глубины этой правды постижимы.
(Рай, IV, 70-71).

О всесиили познания – вдохновенные строки одного из сонетов диалога Джордано Бруно «О бесконечности, вселенной и мирах»:

Кто дух зажег, кто дал мне легкость крылий?
Кто устранил страх смерти или рока?
Кто цепь разбил, кто распахнул широко
Врата, что лишь немногие открыли?

Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,

Рассекши их, подьёмлюсь в бесконечность.

И между тем, как все в другие сферы
Я проникаю сквозь эфира поле,
Внизу – другим – я оставляю Млечность.

Прекрасно гармонируют с этими стихами строки шекспировского «Генриха VI»:

Невежество – проклятие господне,
А знание – крылья, что несут нас к небу.
(Генрих VI, часть II, сцена 5).

По-видимому, нет ни одного великого поэта, который не обращался бы так или иначе в своем творчестве к идее познаваемости мира. Причудливо сочетая астрономические понятия с астрологическими, Д.Чосер вкладывает в «Кентерберийских рассказах» в уста Юриста мнение о том, что

... лежит завеса
На нашем зренье, - к звездным письменам
Мы слепы, их язык неведом нам.

Коллеблющийся между бунтарским республиканством и пуританской религиозностью Джон Мильтон считает возможным, вопреки гуманистическому пафосу своей поэмы, предостеречь в «Потерянном рае» устами архангела Рафаила смертных от попыток проникнуть в тайны мироздания:

Напрасно дум своих не утруждай
Над тайнами, известными лишь богу.
Служи ему! Страшись его! Пускай
Мирами он по усмотренью правит,
А ты своим уделом наслаждайся
И не мечтай о дальних небесах
И о мирах, неведомых тебе!¹

Общеизвестно, насколько полное и многогранное выражение нашла проблема возможности и конечных целей познания бытия в монументальном «Фаусте» Гете – ученого, философа и поэта, для которого поэтическое творчество было одним из способов постижения действительности. Мысль, высказанная им в письме е Римеру от 28 октября 1821 г., предвосхищает цитированное выше высказывание Нильса Бора. Гете писал: «... пожалуй, лишь одной поэзии может удастся выразить до известной степени такие тайны, которые

в прозе обычно кажутся абсурдными, ибо они могут быть выражены только в противоречиях, которые неприемлемы для человеческого рассудка».²

Не имея возможности дать здесь хотя бы самую беглую характеристику взглядов Гете на общность познавательных целей науки и искусства, приведем только прекрасное в своей лаконичности определение им искусства как «истины в образе» («Вильгельм Мейстер», IV, 16). «Верховным актом мысли» считал поэзию Рене Гиль; по его мнению поэт, опираясь на интуицию, призван продолжать и развивать то, что было завоевано научным знанием.

В известной степени удалось осуществить это в своей поэтической практике не Р.Гиллю – более теоретику, чем поэту – но Э.Верхарну. круг интересов Верхарна –

Весь беспредельный мир, который населен
Несметным множеством логических гипотез;
Сплав черни с золотом – надменный небосклон,
Куда залетел расчет, за истиной охотясь.

В том же стихотворении «Наука» – строка о видение мира, предвосхищающем научное:

И мы уж верим в то, что будут знать другие.

Подлинным гимном познанию звучат строки верхарновских «Буйных сил»:

С каким чутьем,
С каким согласьем равновесным
С широкой смелостью и гением чудесным
Наследовать придется нам
Связующие жизнь законы –
Мосты, ведущие к иным мирам,
Под золотые небосклоны ...

Даже этот очень беглый перечень поэтов – мыслителей Запада дает представление о том, насколько важную роль играл в их творчестве круг гносеологических проблем.

3.

Он неизменно находил отражение и в произведениях крупнейших русских поэтов.

Уже «Ветроград многоцветный» и «Рифмологион» Симеона Полоцкого (1639-1686), несмотря на преимущественно просветитель-

Пожалуй, многие из соотечественников Кантемира, послужившие ему прототипами для создания хулиателя наук Сильвана, могли бы согласиться с мнением, которое поэт в этой сатире вкладывает в уста последнего:

К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Некстати за одним ночь пятном не спать целу?
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею?

Примечательна и IV ода Кантемира, прославляющая победное шествие наук вполне в духе од Ломоносова.

Ломоносову принадлежит в истории русской культуры особое место. Исторические по своему значению научные открытия счастливо сочетаются у него с великолепными образцами научно-философской поэзии.

Пророчески смелая мысль Ломоносова – исследователя, получившая образно-поэтическое воплощение в «Утреннем размышлении о Божием Величестве» и «Вечернем размышлении о Божием Величестве», в которых Ломоносов излагает свои гипотезы о природе фотосферы Солнца и природе северного сияния, наглядно подтверждает, что поэзия может быть творческим актом познания действительности.

В «Письме о пользе Стекла» Ломоносов прославляет великие завоевания науки нового времени, раскрывающей тайны микромира и беспредельной вселенной:

В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.

Признавая бога творцом вселенной, давшим ей «начальный толчок» вынужденный из тактических соображений сослаться на авторитет Василия Великого и делать вид, что «знание природы... христианскому закону не противно», Ломоносов в то же время с большой решительностью ограждает науку от вмешательства церковников. Признавая в «Вечернем размышлении» относительную ничтожность и мимолетность человека в бездне космоса и относительную ограниченность его знаний,

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?

- Ломоносов, несмотря на это, полон веры в неисчерпаемые возможности познания. «Легко быть философами, выучась наизусть три слова: бог так сотворил, и сие дая в ответ вместо всех причин», - не без иронии замечает он в своей работе «О слоях земных».

Верой в беспредельные возможности труда и познания звучат пророческие слова «Оды» 1750 г., обращенные к «счастливым наукам»:

Пройдите землю, и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И нутр Рифейский, и вершину,
И саму высоту небес.

Разительно контрастирует с этим призывом молитвенная покорность «Гимна о премудрости божией в солнце» 1760 г. А.П.Сумарокова:

Но трудно на лицо твое воззрети оку:
Трудные нам еще постигнути тебя.

Грандиозная по замыслу поэма В.К.Тредиаковского «Феоптия» 1754 г., признанная продолжить на русской почве традиции поэмы Лукреция и «Опыта о человеке» А.Попа, оказалась погребенной в архиве цензорами святейшего Синода, где находилась более двух столетий. Начисто выпав из литературного процесса эпохи, она увидела свет лишь в 1963 году. В этой поэме, созвучной по духу с научно-философской поэзией Ломоносова, нашло отражение многообразие богословских и одновременно естественно-научных воззрений автора.

Теологическая основа мировосприятия Тредиаковского, его возражения атеистам, не отнимает у «Феоптии» значения интереснейшего памятника раннего русского просветительства. Особый интерес представляет для нас эпистола V, поскольку в ней, по словам авторской аннотации, «утверждается, что разум наш как велик, так совокупно и слаб. Величество его в том, что он прошедшее соединяет с настоящим и проникает даже до будущего и что идеи его повсеместны и вечны, но слабость в сем, что он не сильно противится страстям. От сего заключается, что он крайнего совершенства не имеет ...»³

В поэме читаем:

По грунту разум наш величествен и слаб:
По первому в себе является не раб.
Прошедшее уже не смятно ограняет
И с настоящим то в себе соединяет;

Он проникает так до будущего сам,
По настоящим всем и прошлым всем делам;
Имеет о себе идею, и о теле,
И в бесконечном что находится отделе.
Пристойное себе все познавает он,
Отмещевает же то все, в чем вред есть и урон.⁴

Идея познаваемости мира находит в «Феоптии» настолько многогранное отражение, что поэма могла бы в этом отношении стать предметом специального исследования – в рамках изучения истории русской философии.

Не лишена интереса история перевода на русский язык одного из источников вдохновения автора «Феогтии» - поэмы А.Попа «Опыт о человеке».

Деистическое игнорирование роли бога, который, по А.Попу, не вмешивается в судьбы сотворенного им мира, а также утверждение в поэме идеи бесконечности вселенной и множества обитаемых миров в ней навлекли на переводчика – А.Поповского – недовольство церковников, а отдельные строки его перевода были самовольно изъяты цензором и заменены собственными, т.е. сочиненными тем же цензором...

И этот факт, и многие другие свидетельствуют о том, что произведения художественной литературы, в которых находили отражение актуальные научно-философские проблемы века, неизменно оказывались в центре ожесточенной идейной борьбы.

Передовую общественную роль в этой битве идей русской поэзии XVIII века было суждено сыграть именно потому, что она не чуждалась тогдашней науки, стремясь разрешить своими средствами важные мировоззренческие проблемы.

Непримиримым характером отмечалась литературная борьба между Ломоносовым и Сумароковым. Сумароковские «вздорные оды» 50-х гг., направленные против Ломоносова, высмеивали не только «высокий штиль» последнего (в этом отношении «вздорные оды», по справедливому замечанию П.Н.Беркова, в известной мере могут считаться и автопародиями), но, прежде всего, их пафос познания. Стремление поэта выразить в своих стихах извечное стремление человека проникнуть в тайны мироздания, постичь неведомое, Сумароков считал дерзким, безбожным посягательством на непостижимое. В издевательских одах Сумарокова смелость вдохновенных взглядов Ломоносова, опирающегося на завоевания точного знания, представлена бесплодным парением в эмпириях.

В статье «Путешествие Разума» примыкает к Сумарокову в стремлении дискредитировать масштабность ломоносовского мыш-

ления образами и М.Херасков.

О возможностях познания тайн вселенной в понимании М.Хераскова достаточно красноречива может поведать его «Ночное размышление» (1806 г.). Поэтическое и философское credo автора – вдохновенное преклонение перед тем, что «понять ... умом не можно».

«Размышление» недвусмысленно направлено против «ложного света» ученья, насквозь проникнуто настроением религиозной восторженности.

Как итог всех агностических вариаций на тему «Творенью лъзя ль творца понять» звучит чистосердечное признание Хераскова:

Чудес таких не понимаю,
В восторге, боже! Преклоняю
Мои колена пред тобой,
Для смертного необычайны,
В твои проникнуть вечны тайны
Не создан бренный разум мой...

В басне И.Хемницера «Метафизик» (1799) герой ее, доверившись тем «школьным врялям»,

Которые с ума не раз людей сводили,
Неистолкуемым давая ток вещам ...
Пытается сыскать «начало всех начал», но
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.

Этот весьма распространенный анекдот (мы встречаем его, в частности, и у Чосера) восходит к рассказу Платона о философе и атрономе Фалесе и, по всей вероятности, к еще более отдаленным временам. В стороне от волновавших все умы научно-философских идей эпохи не мог остаться и Г.Р.Державин. В знаменитой оде «Бог» (1784) он допускает – в виде предположения – что человеческий ум способен

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет...

Но «духи просвещенны» бессильны объять разумом величие творца вселенной – это навеки недоступно им. Все же ломоносовская научно-поэтическая традиция ощущается особенно отчетливо именно в этой глубоко противоречивой оде Державина, в которой он не только преклоняется перед могуществом неведомого, но, по его же словам, «вникает, мыслит, рассуждает».

Достойным продолжателем Ломоносова в прославлении гения человека стал впоследствии и Радищев. О преемственности этой особенно ярко свидетельствуют строки «Осьмнадцатого столетия» (1801), воспевшего «ясное созвездье истины, вольности и света».

Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев:
Нитью вождения впятъ ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
Новые луны из тьмы дальной воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
Даже летучи пары ты заключило в ярем;
Молнию небесну сманило во узы железны на землю
И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.

В строках этих – восхищение поэта величием разума, безграничными возможностями познания.

Резкие сатирические обличения Кантемиром православной дикости, борьба вокруг «Феоптии» и переводе «Опыта о человеке», богословские упражнения в стихах Сумарокова и Хераскова, решительная борьба поэта-ученого Ломоносова против мракобесия церковников, прославление Радищевым могущества человека – исследователя и творца – все это четко противопоставляло поэтов, складывавших стихи – молитвы, восхвалявшие всемогущество господ, чьи творения непознаваемы, дела непостижимы и пути неисповедимы, поэтам, чей творческий кругозор неизмеримо расширяло обращение к передовым научно-философским идеям эпохи.

4.

В силу ряда историко-литературных условий, которых здесь касаться излишне, научно-философская линия русской просветительской поэзии XVIII века не получила в дальнейшем прямого продолжения. Прав, однако, Б.С.Мейлах, который, опираясь, в частности, на работу М.П.Алексеева «Пушкин и наука его времени»,⁵ утверждает громадное «универсальное значение художественных открытий Пушкина для всех областей познания действительности, и в том числе для совершенствования мышления научного, для освобождения его от метафизической скованности».⁶

Что же касается молитвенно-созерцательной линии русской философской лирики, то она находит яркое отражение в идеалистической и агностической тенденциях поэтического мировосприятия Фета и Тютчева.

Многие стихи Фета проникнуты ощущением ничтожества человека и бессилия его разума перед беспредельностью «бездны эфира», открывающихся ему в его кратком «земном сне»:

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, -
Твой только отблеск, о, солнце мира,
И только сон, – только сон мимолетный!
(«Измучен жизнью, коварством надежды»...)

Поэт, по Фету, общается со «стихийной жизнью» непосредственно «душой», не нуждаясь в посредничестве разума, внерассудочным путем:

Весна и ночь покрыли дол,
Душа бежит во мрак бессонный,
И внятно слышен ей глагол
Стихийной жизни, отрешенной.
И неземное бытие
Свой разговор ведет с душою
И веет прямо на нее
Своею вечною струею.
(«Весна и ночь покрыли дол»...)

Одни из лучших строк, во всем созданном Державиным, - «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю» (ода «Бог»). По Фету не «мятущийся» разум, но божественная сущность души, созданной для любви, веры и прямого познания «неземного» - источник величия человека.

«Напрасно мыслью жадной Ты думы вечной догоняешь тень» («Среди звезд») – вот его «теория познания»...

Не менее ярко проявляется агностическая тенденция у Тютчева, сочетаясь с высокой поэтичностью и философской глубиной его мироощущения.

Его видение мира носит характер интуитивного, созерцательного проникновения в «хаос изначального бытия», открывающийся в минуты прозрения немногим избранникам. По Тютчеву, подлинное бытие имеет лишь природа в целом, а жизнь человека – «подвиг бесполезный»: борьба против рока – безнадежна. Настойчиво звучит в его стихах тема противопоставления «дневного» мира и «ночного хаоса», недоступного нашему познанию, открывающегося только поэту в его «пророческих снах».

Ответов на «извечные» вопросы

... что значит человек?
Откуда он, куда идет,
И кто живет под звездным сводом? –

по Тютчеву, может ждать только глупец («Вопросы»)
Наиболее полное выражение агностицизма Тютчева – «Фонтан»:

О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Стихотворение «Silentium» и известнейшая его строка «Мысль изреченная есть ложь» (кстати, эта строка – тоже изреченная мысль!) неизменно упоминались русскими декадентами, желавшими видеть в Фете и Тютчеве своих предшественников. Впрочем, по мнению Д.Благого, «здесь говорится лишь о том, как трудно «изречь» «мысль», выразить в точно соответствующих словах всю полноту и все богатство человеческого переживания – душевной жизни человека». ⁷ Нельзя безоговорочно согласиться с мнением Д.Благого, отрицающего наличие в поэзии Тютчева антисоциальных тенденций, мистической самопогруженности. И философское содержание тютчевской строки-афоризма «Мысль изреченная есть ложь» далеко не ограничивается жалобой на бедность языка.

5.

Вне зависимости от взглядов символистов, расходившихся во мнениях о том, является ли символизм мировоззрением или всего лишь литературной школой, отметим, что задача создания теоретической программы, содержащей законченную философскую «систему» ими выполнена не была. Философия символизма (если она может быть так названа) являет пеструю картину, эклектический включая те или иные взгляды различных философских школ.

Разумеется, в понятие «символизм» входит определенный комплекс взглядов мировоззренческого порядка, если даже принять во внимание отсутствие цельной и стройной системы.

Его характеризует, прежде всего, идеализм во многих его разновидностях объективного и субъективного порядка, и в нем могут

быть прослежены следы влияния Платона, Канта, Гегеля, Фихте и т.д. Вот, к примеру, типично идеалистическое высказывание А.Белого: «Сказка – символическое отображение трансцендентального мира» («Кризис сознания и Генрих Ибсен», 1910).

Прямое определение теории символизма как усвоения христианством взглядов Платона мы встречаем у В.Иванова, создавшего девиз символистов «a realibus ad realiora» - «от реального мира к реальнейшему».

Платонизм и кантианство, характеризующие, в основном, онтологическую сторону того, что именовалось философией символизма, определяют и гносеологическую ее сторону. Из дуалистического представления о двух мирах – реальном мире вещей и вечном, божественном мире идей – вытекал агностицизм, ибо мир идеальный считался недоступным познанию. Достаточно ясно говорит об этом панегирик Канту в программной работе Д.Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Достаточно красноречив и А.Белый в статье «Магия слов» (1909): «Всякое познание – есть фейерверк слов, которым я наполняю пустоту, меня окружающую... Никто никого не убедит, никто никому ничего не докажет; всякий спор есть борьба слов, есть магия».

Агностицизм символистов – основа, на которой воздвигались их теории интуитивного познания и творчества, основа их иррационализма. Именно здесь объективный идеализм дополнялся субъективным (через Маха вплоть до Беркли) идеализмом, прибавлявшим еще один клочок к пестроте заимствованных ими «систем».

Платоновский образ земной «пещеры» возникает в стихах В.Соловьева:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
(«Милый друг, иль ты не видишь...», 1892).

Платонизм В.Соловьева – в восприятии им земного бытия как слабого, неверного, искаженного отражения вечного «мира идей»; сущность процесса познания – «вспоминание» идеального мира, недоступного нам в силу несовершенства нашего земного воплощения:

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь – игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени.
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.
(«В сне земном мы тени, тени...», 1875).

Символ в представлении символистов – намек на потустороннее; мистическое прозрение; функция подсознательного, интуиция. В понимании тех или иных символистов он – «комплекс ощущений», «иероглиф», дающий искаженное представление о действительности, он – дар свыше, позволяющий «приотворять двери в вечность». В последнем случае роль поэта приравнивалась к роли пифии, изрекающей непонятные ей самой пророчества.

Во всех случаях символ допускает не одно, а множество толкований, причем игнорируется тот факт, что знак, означающий все что угодно, не означает на деле ничего. Тем самым отвергается ценность и самая возможность отражения в творчестве объективной реальности внешнего мира.

Итак, агностицизм символистов неизбежно приводил их к утверждению интуитивного проникновения в мир «иного бытия». На этих позициях стоят и Ф.Сологуб, и К.Бальмонт, и В.Иванов, а А.Белый пытается теоретически обосновать их в статье «Критицизм и символизм» (1904).

Картина «теории познания» символистов не была бы полна без упоминания о так называемой «теории соответствий». В согласии с ней, приблизиться к познанию сущности вещей можно, улавливая «соответствие» не связанным, на первый взгляд, явлений. Еще в сборниках «Русские символисты» (1904-1905) В.Брюсов призывал импрессионистический улавливать «тонкие, едва ощутимые настроения».

Вся система тропов имела в поэзии символистов задачу размыть четкие грани реальных явлений, сместить их и в сумраке неопределенных ощущений интуитивно угадать нечто от иного, идеального мира.

Еще Кант считал интуицию средством познания, но учителем символистов в этом отношении становится Анри Бергсон. В согласии с ним символисты считали, что искусство не анализирует, а изнутри схватывает образ как целое; образ по Бергсону есть «кристаллизация интуитивного знания». Художник, отличающийся «спонтанным» видением, постигает действительность подсознательно, отключив, «усыпив» разум.

Не удивительно, что отсутствие прямой и четкой связи с реальным миром, органическая порочность «теории познания» символистов приводили к крайнему субъективизму из мировосприятия. Для

читателя становились необходимыми подробный комментарий, расшифровка, подстрочник стихотворения. В этих условиях поэзия утрачивала социальную функцию.

Так, когда Блок, к примеру, писал:

Пять изгибов вдохновенных,
Семь и десять по краям,
Восемь, девять, средний храм –
Пять стенок сокровенных.
Но ужасней средний храм –
Меж десяткой и девяткой,
С черной выпренок загадкой,
С воскуреньями богам...

- то это означало всего лишь путь, по которому обычно проходила возлюбленная поэта – Л.Д.Менделеева.

Когда Брюсов писал:

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине

- то это означало, что на кафель печей квартиры Брюсовых на Цветном бульваре падают тени стоящих там же пальм (латаний).

Когда, наконец, А.Белый писал:

Ты говорил: Летящие монады
В эонных волнах плещущих времен –
Не существуем мы; и мы – громады,
Где в мире мир трепещущий зажжен...

- это означало, что Боря Бугаев беседует с отцом – математиком.

Самая сущность символа, выражающего любое значение, допускающего любое толкование, обуславливало субъективизм произведения поэзии, становящегося выражением прихотей личности художника.

В тесной связи с агностическими воззрениями символистов стоит их релятивизм. Поскольку отказ от абсолютов (не без связи с искаженным толкованием теории относительности Эйнштейна) произвольно воспринимался символистами как крах научного постижения действительности, для них исчезали критерии ценности явлений,

событий. Единственным мерилom становился количественный признак, яркость явлений, их интенсивность, привлекательность для художника.

Классический пример подобного отношения к действительности – стихотворение Брюсова «З.Н.Гиппиус»:

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И господа и дьявола
Хочу прославить я...

Релятивистские тенденции символистов способствовали их отказу от признания направленности исторического процесса, от признания каких-либо общественных, моральных ценностей. Это достаточно красноречиво декларировано Брюсовым:

Прекрасен, в блеске грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон,
И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон.
(«Довольным», 1905).

Самые понятия истинности или ценности становятся абсурдными: «Все – истина, все – ложь, блажен лишь тот, кто молод» (Бальмонт); «Багряней всех цветов на плахе кровь, и смерть – сюжет прекрасный для картины» (он же). Это приводило к индивидуализму, полному освобождению личности художника от каких-либо общественных и моральных норм: «Я не знаю других обязательств, кроме девственной веры в себя» (Брюсов).

6.

В соответствии со взятой на себя ролью вождя русского символизма Брюсов писал в статье 900-х гг. «Ключи тайн», что функция науки – изучение внешней стороны явлений, а проникновение в таинственную суть их – привилегия поэзии. Однако многое в его символизме было попой.

Он с детства воспитывался в духе материализма и атеизма; круг его философских интересов в начале творческого пути – Огюст Конт, Спиноза, Лейбниц, Спенсер... Многозначность символа была

для него неприемлема, за «символизацией» Брюсова стоит рационалистическое миропонимание. Брюсов (считавший, кстати, символизм литературной школой, а не мировоззрением) сближал символ с аллегорией, не видя пропасти между прямым и символическим смыслом стихотворения. Это позиция стилизатора, но не агностика и мистика. Понимая символизм как поэзию намеков, а не поэзию символов, он с годами становится все более чужд ему не только как мировоззрению (которого он всерьез не принимал никогда), но и как литературной школе.

Все более утверждаясь во мнении, что творческий акт художника – акт познавательного порядка, он в конечном итоге приходит к убеждению, что цель у искусства и у науки одна – познание и отображение действительности, а различны лишь их методы («Научная поэзия», 1909).

С самых первых, еще юношеских, если не детских поэтических опытов научно-философская – сначала позитивистская, а затем материалистическая – основа его мировоззрения находит выражение во все усиливающейся реалистической тенденции его поэтической практики.

Представляется вполне закономерным, что круг его поэтического видения неуклонно расширялся. Завоевания передовой науки все чаще увязываются в его стихах с раздумьями о социальных судьбах человечества, с мечтами о грядущем братстве всех людей Земли.

В целом ряде работ и выступлений Брюсов теоретически обосновывает необходимость сделать достоянием поэзии самые глубокие научно-философские проблемы эпохи. Все четче проступают черты лирического героя его стихов – труженика, борца, мыслителя. «Все, что интересует и волнует современного человека, имеет право на отражение в поэзии», – читаем мы в предисловии к сборнику стихов «Дали» (1922). Безоговорочное признание Октябрьской революции и активное участие Брюсова в строительстве советской культуры было подготовлено и обусловлено всем ходом его идейной и творческой эволюции.

Вряд ли в творчестве еще какого-либо русского поэта комплекс гносеологических проблем получил столь же полное, многогранное и противоречивое отражение, как у Брюсова. Можно назвать десятки и десятки стихотворений разных лет жизни, в которых поэт настойчиво обращался к глубоко волновавшим его проблемам познания бытия.

В раннем стихотворении «Братьям соблазненным» (1899) он уже призывает неустанно славить «подвиг мысли и труда»; об «обманности всех путей» во вселенной говорит в стихотворении «К олимпийцам» (1904)... Дух поэта опьянен восхождением по бесконечной лестнице познания («Восхождение», 1914); во всей русской поэзии нет произведения, равного по силе пафоса венку сонетов «Светоч

мысли» (1918) – это торжественный гимн могуществу разума, сияющего «как свет в эфире» на тысячелетних путях истории человечества. И рядом – ощущение безцелья непостижимого в своей сущности бытия («Зачем», 1921). «Слово сильно, и рифма сильней еще... Но есть мысль! Мысль! Ее вы забыли ль?» - немедленно вслед за этим срывом восклицает Брюсов («Товарищам поэтам», 1922).

Процесс познания находит поэтическое воплощение у Брюсова еще в 1895 году («Я часто размышлял о сущности вещей»), причем в типично символистской манере: поэт, вместо искомой «сущности вещей», видит «смутный рой мелькающих теней». Но и три десятилетия спустя, в период творческой зрелости поэта, он во власти сомнений:

Смысл веков не брожение ль во лжи пустой!
Время, место – мираж прохожий!
(«Рou sto», 1922).

В чем истоки противоречивости поэта, противоречивого во многом – и в решении вопроса о познаваемости бытия в частности? В не преодоленном до конца тяготении прошлого? Скорее – в диалектике самого процесса познания, открывающего с каждым шагом вперед новые далекие горизонты. Поэт, по его же выражению, «сжигаемый жаждой познания», знает, с каким упорством хранит природа свои тайны:

Все в той же клетке морская свинка,
Все новый опыт с курами, с гадами...
Но пред Эдипом загадка Сфинкса,
Простые числа все не разгаданы.
(«Загадка Сфинкса», 1922).

И все же невозможность немедленно утолить жажду познания, преодолеть все преграды, объять разумом всю бесконечность бытия не приводит поэта к пессимизму. Напротив,

А сколько учиться, - пред нами букварь еще!
Ярмо на стихи наложить не пора ли,
Наши зовы забросить на планеты товарищу,
Шар земной повести по любой спирали?
(«Молодость мира», 1922).

Стихи Брюсова последних лет жизни вводят в мир так называемой «большой поэзии» научно-философские проблемы (в том числе гносеологического порядка), которые не были до тех пор ее традиционным достоянием. Лирический герой, встающий за этими строка-

ми – мыслитель, и было бы странно, если в них не звучали бы иной раз драматические нотки – отголоски того противоречивого процесса познания, который был назван А.Эйнштейном «драмой идей». В целом же философский оптимизм зрелого Брюсова – певца труда, научного прогресса, борьбы всех народов земли за лучшее будущее – решительно, принципиально противостоит идеологии символизма и неоспорим.

Сомнения, которые поэт мог себе позволить в отдельных стихах и в последние годы жизни, - не сомнения в возможностях человеческого познания вообще – но лишь на данном историческом уровне. Судить об идеологии Брюсова по этим отдельным стихам, не противопоставляя им всего того, неизмеримо большего, что им противостоит в творчестве поэта, нельзя, если даже они столь горьки, как стихи «Бесконечности» (написанной в 1924 г. и обнаруженной в архиве поэта автором этих строк в 1967 г.):

Мы в бесконечности иль мы в конечности?
Иль рано разуму познать?
И мысль нам надо пеленать,
А не водить в уборе подвенечном?
Иль нам познание вовсе не дано
И все игра «воззрений» или «категорий».
И все равно
Сверлим ли небо мы с высот обсерваторий!⁸

Подводя итоги, можно сказать, что даже этот эскизный, далекий от полноты очерк истории отражения идеи познаваемости мира в творчестве русских поэтов на протяжении более чем двух столетий может дать некоторое представление о роли, которую то или иное решение гносеологической проблемы играло в определении идейной позиции поэта в литературном процессе эпохи.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Д.Мильтон. Потерянный рай. Пер. О.Чюминой, СПб, 1899, стр. 84.
2. Цит. По кн. И.И.Канаева «И.В.Гете. Очерки из жизни поэта-натуралиста». «Наука», М-Л., 1964, стр. 213.
3. В.К.Третьяков. Избранные произведения. «Сов. Писатель», М-Л., 1963, стр. 280.
4. Там же, стр. 298.
5. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т.1, М-Л., АН СССР, 1959.
6. «На рубеже науки и искусства». «Наука», Л., 1971 г., стр.119.
7. В книге: Ф.Тютчев. Стихотворения. «Сов.писатель», Л., 1953, стр. 46.
8. В.Брюсов. Стихотворение «Бесконечность». Публикация К.Герасимова и Р.Щербакова. «Неделя», 1967г., №6 (29 января – 4 февраля).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

I
Не впервые уже конец одного и начало следующего календарного столетия с некоей фатальной неизбежностью знаменуются в истории России, русской культуры и, конечно, русской литературы, кардинальными сдвигами, меняющими очень многое самым решительным образом. Так было на рубеже семнадцатого и восемнадцатого веков, в эпоху реформ Петра, так было в начале века девятнадцатого, столь быстро предавшего забвению классицистическую россиаду, казавшуюся современникам бессмертной. Величайшая ценность идейно-эстетических принципов классической русской литературы девятнадцатого века представляется нам незыблемой и поныне. Но, несмотря на явную тенденцию русских символистов опираться во многом на наследие своих великих – начиная с Пушкина – предков, литература Серебряного века, являя не представимые ранее аспекты художественного бытия, демонстрирует по сравнению с веком предшествующим контраст достаточно впечатляющий.

И в начале нынешнего столетия катастрофа, обрушившаяся на нашу страну и так долго грозившая гибелью и нам, и всему цивилизованному человечеству, казалось, навсегда обрекла нас на физическую и культурную деградацию в условиях жесточайшего диктаторского, тоталитарного, государственного вандализма. Казалось, эпохе систематического, планомерного искоренения складывавшихся в нашей стране веками христианских этических норм, эпохе уничтожения завоеваний мировой, европейской и русской национальной культуры конца не будет. И вновь конец одного и близящееся начало грядущего столетия являют – и еще более грозно сулят нам самые решительные перемены во всех областях нашей идеологии, государственности, экономики, культуры и, уж конечно, нашей литературы!

Ныне нет более сомнений в том, что наступает конец насильственному, варварскому уродованию нашей культуры. Нечто, официально нам всем предписывавшееся, а также десятилетиями выдававшееся за историю русской литературы конца XIX и XX века, – не что иное, как грубейшая фальсификация, самым беззастенчивым образом искажающая историю подлинную. Россия Серебряного века, храня несметные, неисчислимые духовные сокровища, копившиеся столетиями, и обретая новые, обогатила мировую культуру вкладом, масштабы и величайшая ценность которого начинают нами осознаваться лишь в самое последнее время. Вступление

наше на берег малоисследованного континента русской философии нового времени – событие недавнее; мы только начинаем понимать, насколько прекрасен необозримый мир искусства России конца-начала века; что на карте русской поэзии Серебряного века нашими государственными издательствами оставлено больше белых пятен, чем уже дарованных читателям областей...

Все это – далеко не все из трагических последствий целенаправленного процесса осквернения и разрушения культуры, начавшегося в 1917 году, процесса истребления миллионов и миллионов – причем лучшей части населения – интеллигенции, уничтожения генетического потенциала нации. Революция, гражданская война, массовые репрессии, массовая – и длящаяся до сих пор – эмиграция, наробразовское оболванивание оставшихся в живых, деградация в условиях сложившегося образа жизни – вернее, существования – в условиях социальной, евгенической, экологической катастроф, постигших нашу страну – вот что стало нашей судьбой, нанеся непоправимый урон национальному генофонду.

Надеясь на то, что за вырождением последует возрождение, мы отдаем себе отчет в том, что перед историками литературы стоит сложная, ответственная задача восстановления исторической правды, создания подлинной истории отечественной литературы – и в красоте, и в величии, и в неприглядности ее. И приступать к выполнению этой задачи необходимо с осознанием нашего долга перед будущими поколениями и нашей ответственности перед ними.

Не хотелось бы, конечно, чтобы необходимый процесс переоценки ценностей сопровождался наряду с воскрешением имен несправедливо забытых деятелей нашей культуры – и литературы – максималистским, огульным отрицанием всего, что делалось на протяжении минувших десятилетий, всего того, что не укладывается в рамки пресловутого, недоброй памяти «социалистического реализма». Впрочем, низвержение одних кумиров, сотворение или восстановление других – симптомы подобного пути, к сожалению, уже налицо. Налицо и нечто новое в условиях новообретенных свобод, а вернее новообретенного хаоса и беззакония – поднимающаяся волна массовой, рыночной субкультуры. Горы низкопробного – переводного и самодельного – чтива, откровенной порнографии и похабщины – такова наша дань изменению внутривосточной ситуации, и падение издательской культуры поистине катастрофично во многих, к сожалению, областях. Словом, сложная, трудоемкая, кропотливая работа по объективному, чуждому конъюнктурщице любого типа выяснению кто есть кто и что есть что в истории нашей культуры еще впереди.

Более полувека нашему читателю не позволено было видеть новых изданий произведений одного из выдающихся деятелей русской культуры двадцатого столетия – мыслителя и поэта Вячеслава Ива-

нова. Уже в первом после этого долгого перерыва издании «Стихотворений и поэм» Вячеслава Иванова (Библиотека поэта, малая серия, Сов. писатель, Л., 1976) С.С.Аверинцев высказал в предисловии не подлежащее сомнению мнение: «Историческое значение творчества и личности Вячеслава Иванова – вне сомнения» (с.5). Далее, однако, в том же предисловии следует: «Если о чем можно спорить, так о другом: представляют ли еще его стихи какой-либо интерес помимо исторического?» (с.5-6). И еще: «... смысл и ценность поэзии Вячеслава Иванова, по-видимому, останутся спорными» (с.7); «... слабости и поражения поэзии Вячеслава Иванова по своему интересны и поучительны; но в чем сила этой поэзии? Жива ли она или к ней пора отнестись как к музейной достопримечательности? Едва ли современные любители поэзии ответят на такой вопрос единодушно; скорее, он вызовет споры» (с.60). И с этим нельзя не согласиться, впрочем, каждый любитель поэзии вправе решать сам – в зависимости от уровня своего читательского «я» - жива для него поэзия Гомера, Данте, Шекспира, Пушкина, Вячеслава Иванова ли – или представляет собой музейную достопримечательность. Способностью к сопереживанию творчества того или иного поэта каждый наделен в меру своих возможностей – с времен Пушкина и Бенедиктова до времен Пастернака и Лебедева-Кумача. Кто сейчас живет всех живых, дано решать нам по принципу «каждому – свое». Требовать же единообразия и единомыслия – значит уверовать в существование никогда и нигде не бывшего, мифического «среднего читателя». О чем же спорить? Историческая – подчеркнем – историческая ценность любого значительного вклада в историю нашей поэзии от Сименона Полоцкого до Мандельштама несомненна, а вот чья поэзия «живей» - Маяковского или Цветаевой, Демьяна Бедного или Вячеслава Иванова – решает интеллектуальный уровень читателя, его – да простится мне старомодное слово – душа.

Недобрый памяти времена, когда «любителям поэзии» дозволялось любить только официально предписанных властью предержащими поэтов, миновали. Миновали также времена, когда каждому пишущему поэту полагалось быть не только благонадежным прославителем всеобщего единомыслия, но вменялось в обязанность быть доступным и понятным для всех без исключения «простых хороших советских читателей», т. е. ориентироваться на уровень достаточно примитивного массового сознания. Малейшее проявление самобытной индивидуальности, собственного, нестандартного понимания сути вещей, малейшая попытка подняться над пустыней всеобщей рабской покорности, пустыней без духовности вменялась в преступление и подлежала каре.

То, что, по словам С.С.Аверинцева, «...знания историка и филолога не засчитываются поэту. От поэта требуют иного» (с.20), верно лишь отчасти: с той оговоркой, что знаний историка и филолога не-

достаточно для того, чтобы стать поэтом. Но определенный уровень эрудиции в этих областях знания поэтам не только не противопоказан, но необходим. Бесспорно и то, что пока не исчезнет в нашем обществе читатель достаточно образованный, он вправе будет ценить и любить поэтов – былых и современных – возвышающихся по уровню своему над любимцами широких народных масс. Вне зависимости от того, правда или нет то, что «... душа пред тем, Как в мир сойти, на мир иной взирала», стоит ли спорить со словами Вячеслава Иванова;

Поэтом тот родится, с кем

София вечная играла.

(«Коль правда, что душа пред тем...»

«Римский дневник», 1944).

О месте Вячеслава Иванова в бесконечно многообразном мире духовных интересов вчерашнего дня истории нашей культуры – в ее Серебряном веке – можно судить, обратившись, в частности, к творчеству – стихам ли, прозе – его современников. Вождь русских символистов, их московский мэтр Валерий Брюсов в своем посвящении Вячеславу Иванову, игравшему ту же роль мэтра «... в столице жизни новой» - Петербурге, - обращается к тому, кто «... нашу северную лиру сведя на эолийский звон», может быть назван Горацием новой русской поэзии (Брюсов перефразирует в своем стихотворении 1903 года строки оды Горация «К Мельпомене»: «*Principes Aeolium carmen ad Italos Deduxisse modos*»).

Вячеславу Иванову посвящено немало ярких страниц во множестве произведений мемуарного характера, запечатлевших образ хозяина знаменитой петербургской «башни», с чьей славой блестящего литературного салона той эпохи может поспорить, пожалуй, только кокταбельский Дом Поэта – Максимилиана Волошина. Быть может, наибольший интерес представляют при всей их субъективности воспоминания о Вячеславе Иванове Андрея Белого в его книге «Начало века», причем определенная доза авторской иронии отнюдь не мешает читателю оценить масштабы роли, которую суждено было сыграть Вячеславу Иванову в блистательной плеяде именитых своих современников.

Вклад Вячеслава Иванова в сокровищницу национальной и европейской духовной культуры, в русскую поэзию не оценен еще в нашей стране по достоинству. Неоднократно цитированное выше предисловие С.С.Аверинцева, писавшееся за десятилетие до начала решительных прогрессивных перемен в нашем общественном сознании, многогранно, оно обладает многими другими несомненными достоинствами и знаменует начало нашего пути к восприятию творческого наследия Вячеслава Иванова, возрождение нашего

интереса к нему. В этом отношении оно может быть названо классическим, но оно – лишь начало. И при всей спорности или явной ошибочности того, что представлялось некогда Вячеславу Иванову бесспорным, истинные любители поэзии обретут в его творчестве не только наивные порою умозрительные построения символизма, или смогут познакомиться с обращением поэта XX века к архаичным пластам языка, или столкнутся с выглядящими иногда вызовом не только искусству стихосложения, но и здравому смыслу синтаксическими или эфоническими особенностями его поэтического мастерства (и это последнее – наряду с образцами, демонстрирующими совершеннейшую технику!)

Масштабы влияния на современников, достойная восхищения эрудиция, изощренность лирического мироощущения, верность своему неповторимому – вне мерок обыденности – поэтическому и житейскому «я» – все это и многое другое (в том числе даже и неприемлемое) позволяет нам видеть в Вячеславе Иванове одно из наиболее значительных явлений во всей истории русской поэзии. Помимо этого, он как филолог, критик, богослов, культурфилософ – явление значительное в масштабе и европейском, и мировом.

Очевидно, к этому заключению за рубежом пришли, к нашему стыду, раньше, чем на родине поэта. Приведем, хотя бы некоторые подтверждающие это примеры. Стихи Вячеслава Иванова (на русском языке) издавались до выхода в свет у нас упоминавшегося уже томика «Библиотеки поэта» и во Франции (Мелопея «Человек», Париж, издательство «Дом книги», 1939 год), и в Англии («Сонеты», Oxford Slavonic Papers, Oxford, Clarendon Press, 1954; «Свет вечерний», Oxford, Clarendon Press, 1962), и в Германии («Зимние сонеты», Берлин, 1922, издательство «Мысль»). И это – подчеркиваем – лишь немногие примеры. С 1971 года в Брюсселе под редакцией Дмитрия Вячеславовича Иванова и Ольги Александровны Шор (Дешарт) стали выходить в издательстве Foyer Oriental Cheetien тома капитального «Собрания сочинений» Вячеслава Иванова с обширным (страницы 7-227) «Введением» Ольги Дешарт в первом томе. Второй том увидел свет в 1974 году, третий – в 1979, четвертый (при участии А.Б.Шишкина) – в 1987, пятый, шестой и седьмой готовится к печати. В Англии профессор Памела Дэвидсон составляет научную библиографию трудов Вячеслава Иванова и исследований, посвященных его творчеству.

В 1991 году – т. е. на сорок втором после смерти Вячеслава Иванова – конференции по его творчеству были впервые проведены, наконец, в нашей стране. 28 февраля в Ленинграде в Библиотеке АН СССР состоялось встреча ученых в ознаменование 125-летия со дня рождения поэта, программа которой включала полтора десятков докладов. Через несколько дней конференция, посвященная Вячеславу Иванову, была проведена в Московском университете.

3-5 июня в Москве была проведена конференция по творчеству Вячеслава Иванова в Институте мировой литературы АН СССР. Наконец, 15-20 сентября Домом-Музеем М.А.Волошина (Коктебель) совместно с ИМЛИ был проведен международный colloquium в городе Судак (Крым) – уже четвертая конференция в честь Вячеслава Иванова в 1991 году. Лед, наконец, тронулся! Но еще в 1981 году в Иельском университете был проведен по инициативе профессора Р.Л.Джексона первый международный симпозиум, посвященный творчеству Вячеслава Иванова, на котором «было принято решение о создании общества «Convivium» для дальнейшего изучения творчества поэта» (см. Собрание сочинений Вячеслава Иванова, том IV, с.698). Был издан том, включающий доклады участников конференции. В 1982 году профессор Жорж Нива провел интернациональный ивановский colloquium в Женеве (СС, том IV, с.698). Доклады опубликованы во французском журнале «Cahiers du monde Russe et soviétique».

Второй международный симпозиум «Вячеслав Иванов и культура его времени» был проведен в 1983 году в Риме, причем торжественное открытие его имело место на Капитолии, а принявший участников этого симпозиума папа Иоанн Павел II в своей речи назвал Вячеслава Иванова, которому, по его словам, его предшественник папа Пий XI доверил церковнославянскую и русскую кафедру Папского Восточного института, «большим поэтом» и «большим мыслителем» (СС, т. IV, с.700). Третий международный симпозиум состоялся в сентябре 1986 года в колледже Борромео Павии (а Вячеслав Иванов преподавал в колледже Борромео и Университете Павии в конце 20-х годов); это был первый зарубежный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову, в работе которого, наконец, удалось принять участие и нашим ученым. Труды участников были изданы в двух томах (Cultura e Memoria. Atti dei terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov, I-II Firenze, 1988).

Четвертый международный симпозиум по творческому наследию Вячеслава Иванова был проведен в 1989 году в ФРГ, в Гейдельбергском университете при участии председателя общества «Convivium» профессора Р.Джексона и под руководством профессора Вилфрида Поттхоффа с 60 участниками из США, Великобритании, Франции, Италии, Швеции, Югославии, Венгрии, Советского Союза и, конечно, Германии.

Не пришло ли время выразить глубокую благодарность нашим коллегам из многих стран цивилизованного мира, которые на протяжении стольких трагических для русской культуры десятилетий хранили память о Вячеславе Иванове – философе, богослове, мыслителе, поэте – и приложили столько усилий для того, чтобы память о нем не померкла, но была сохранена для будущих поколений!

II

Четверть века суждено было прожить Вячеславу Иванову в эмиграции. Для него, европейца, Запад не оказался такой уж чужбиной, но что столь долгая разлука с родиной была вынужденной – сомнений нет.

В годы первой русской революции Вячеслав Иванов, разделяя взгляды, характерные для значительной части русской интеллигенции и сурово осуждая карателей восставших, выражал веру в будущее. Характерно в этом отношении стихотворение «Палачам» (1905 или 1906), завершающее раздел «Година гнева» сборника «Cor Ardens» (книга первая):

Так! Подлые вершите казни,
Пока ваш скиптр и царство тьмы!
Вместите дух в затвор тюрьмы! –
Гляжу вперед я без боязни.

Недаром в первой публикации (альманах «Факелы» книга первая, СПб, 1906) это стихотворение было названо «Odi et spero» («ненавижу и надеюсь»).

Надеяться Вячеслав Иванов продолжал и после Февральской революции 1917 года. Свидетельство тому – хотя бы «Гимн» (апрель 1917): «Мир на земле! На святой Руси воля!» и т. д. То же – в стихотворении «Вперед, народ свободный» (май 1917), чье заглавие говорит само за себя. Нотки сомнения возникают уже в стихотворении «В смутную годину» (май 1917), хотя надежда автора все же пока не оставляет:

Искони простора
Воли да раздолья,
Хмеля да веселья
Хочет Русь.
.....

На пиру хлебнула
С волей своеволья,
Да и захмелела.
.....

Горького похмелья
Черного позора
Руси – не боюсь.
.....

Есть ей Вождь незримый:
В смуту и разруху
Я Христу и Духу
Верю и молюсь.

«Незримый Вождь» Вячеслава Иванова – не тот ли «Исус», что впереди блоковских двенадцати, - хотя до Октября еще несколько месяцев? Да и ближе к октябрьскому перевороту в «Молитвах» (напечатаны 23 октября 1918) читаем, - в первой:

Боже, спаси,
Свет на Руси
Правду Твою
В нас вознеси ...
.....

Боже, веди
Вольный народ
К той из свобод,
Что впереди
Светит земле
Кормчей звездой!
Будь рулевой
На корабле!

Финал второй из «Молитв» - поскольку уверенности у автора в том, кто, собственно, у руля революции, не было, - достаточно зловещ:

И мгла по придорожью,
И под ногою – мгла ...
Найдет ли правду Божью,
Сгорит ли мир дотла?

Очевидно, недобрые предчувствия у Вячеслава Иванова были. Все же вера в заступничество Господне его не оставляет:

... делом единым милости Господней
Исхищена будет Русь из преисподней.
Гонители, мучители постыдятся;
Верные силе Божией удивятся,
Как восстанет дивно Русь во славе новой
И в державе новой, невестой Христовой.
И вселенной земля наша тем послужит;
А Сатана изгнан вон, горько востужит,
Что одолеть не силен ее твердыни,

Божии не горазд разорить святыни,
Но своею же победился победой

(«Знаю, Господи, - будет над Русью чудо...»,
11 ноября 1917).

Должно было пройти около семи десятков лет, прежде чем разорители святынь, преуспевшие в этом более, чем их предшественники за столетия монгольского ига, «своею же победились победой».

Вячеслав Иванов расстается с прекраснородушной наивной верой, диктовавшей ему строки «Гимна» - «Братья, крепите согласие свободное», «Боже, державство храни всенародное!» после февраля 1917г. И строки «Молитвы» после октября того же года – «Боже ... Солнце любви Миру яви И к бытию Русь обнови». На смену ей приходит нечто совершенно иное. Красноречивое свидетельство – стихотворение «Порочный круг», эпиграфом к которому Вячеслав Иванов взял слова Евангелия: «... пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи» (Петр, Посл. II, 2, 22):

Ругаясь над старою славой,
Одно сберегли мы – бесславье;
Покончив с родимой державой,
Оставили – самодержавье.

.....
Все ново; да тот же в нас норев!
Мы песенку тянем все ту же!
Так дочиста вымытый борев
В зловоннейшей хлюпает луже
(декабрь 1917).

«Когда наступила Великая Октябрьская социалистическая революция, Вячеслав Иванов не принял ее, как Блок, и не проклял ее, как Мережковский, - он вообще не сказал о ней своего слова», - читаем мы в предисловии С.С.Аверинцева (с.53). Нет, свое слово о революции – и довольно веское – Вячеслав Иванов сказал, не проклиная ее, как Мережковский, чье стихотворение «Русь», очевидно, имеет в виду автор предисловия:

И вот опять ... опять закована ...
И безглагольна, и мертва ...
Какой ты царой зачарована?
Каким проклятьем проклята?

Но во грехе тобой зачатые,
Хотим все вместе умирать:
Мы дети матерью проклятые
И проклинаящие мать.

Говоря об отношении Вячеслава Иванова к революции, С.С.Аверинцев продолжает: «Его позиция внутренне, по-видимому, была напряжено противоречивой: на поверхности же она была просто уклончивой. Момент наибольшей отчужденности – первые месяцы после Октября; впрочем, и в этот момент он не доходил до иступленной ненависти к революционному народу, свойственной хотя бы З.Н.Гиппиус» (с.с. 53-54). «Иступленной ненависти к революционному народу» ни в «Прочном круге», ни в других стихотворениях Вячеслава Иванова действительно нет. Но с последними строками стихотворения Зинаиды Гиппиус «Веселье»:

И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь –

- последние же строки «Порочного круга» Вячеслава Иванова, думается, ассоциируется достаточно отчетливо, о позиции его свидетелствуя вполне убедительно:

Так дочиста вымытый боров
В зловоннейшей хлюпает луже,
(декабрь 1917).

То же относится и к «Песням смутного времени». Вот строки первой из них:

И костяшками пальцев
Вновь стучатся скелеты
Под крестом не пригреты;
Воют: «Русь твоя рухнет!» -
Сонмы лютых скитальцев:

«Посажена в тесный
Застенок сынами
И ждет приговора –
Палача и позора» ... (ноябрь 1917).

Лучшее свидетельство того, что позиция Вячеслава Иванова, прежде всего христианина, была действительно противоречивой, - вторая из «Песен смутного времени»:

Может быть, это смутное время
Очищает распутное племя;
Может быть, эти лютые дни –
Человечней пред Богом они,

Чем былое с его благочинной
И нечестья, и злобы личной.

.....

Если ярость одержит сердца
И не видишь Христова лица
В человеке за мглой Вельзевула, -
Не весна ли в подполья пахнула?
Не Судьи ль разомкнула труба
Замурованных душ погреба?
(ноябрь 1918).

Нет, Христос этой «Песни смутного времени» Вячеслава Иванова – не тот из «Двенадцати» Блока, что «В белом венчике из роз»: Он – Судья, Кто в «смутное время» призван судить праведных и неправедных, Тот, Кто «...сядет на престоле славы Своей; и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Матф., 25, 31-32). Страшный Суд революции как время «очищения» - еще один впечатляющий аспект поэзии Вячеслава Иванова тех времен.

В следующей – третьей – из «Песен смутного времени» возникают образы далеко не случайные:

Снится мне притон игорный;
На столе – не злата слитки,
А голов кровавых груды.
Бесы вокруг стола; их черный
Казначей – с казной Иуды.

Свою статью «Лик и личины России», напечатанную в «Русской Мысли» в январе 1917 года, Вячеслав Иванов заканчивает словами: «Агиократия (господство святых – К.Г.) предуготовляет уже ныне свободную теократию, обетованную будущность воцарившегося в людях Христа». Но уже к концу того же 1917 года и к началу 1918-го на смену уверенности в теократической «обетованной будущности» России в шестой из «Песен смутного времени» приходит нечто совершенно иное:

Кто ныне скажет, чем завтра будем? ...
Обидел душу Руси, Церковь – бес ...
(январь 1918).

Бесы, бесы... Еще в 1911 году лекцию свою «Достоевский и роман-трагедия», читанную в петербургском Литературном обществе, Вячеслав Иванов начал словами: «Достоевский кажется мне наи-

более живым из всех от нас ушедших вождей и богатырей духа» (т. IV, с.401). И далее: «Тридцать лет тому назад умер Достоевский, а образы его искусства, эти живые призраки, которыми он населил нашу среду, ни на пядь не отстают от нас» (там же). Еще живее иные из «призраков» Достоевского стали для Вячеслава Иванова после 1917 года, - нетрудно догадаться, какие ...

Во времена первой русской революции надежда Вячеслава Иванова на то, что борьба за свободу обеспечит России счастливое будущее, обрела воплощение в стихотворении «Под знаком Рыб»:

При заревах, в годину гнева,
Из напоенных кровью глыб
Пророс росток святого древа
На звездный зов заветных Рыб.

Росток младенческий, приземный!
Орлов уютить ты будешь в день,
Как над страной неподъяремой
Могучую раздвинешь сень.
(февраль 1905).

Что ж, этот росток спустя годы, прошедшие между двумя революциями – 1905 и 1917 года, - приютил в своей кроне не орлов ... Образы иных существ овладевают воображением поэта. В четвертой из «Песен смутного времени» читаем:

Идет окрест грабеж нетерпеливый;
.....
Нас водит бес злорадно-похотливый,
Но слаще нам поджога хмель тупой.

И в лицах жертв бесовской этой свадьбы,
Внезапных нищих, тихие усадьбы
Утративших и прадедовский сад, -

Читаю хлад забвенья равнодушный,
Высокое спокойствие утрат –
И родиной горжусь великодушной.
(декабрь 1917).

Насколько выше высказанное, выстраданное Вячеславом Ивановым в восприятии им «бесовской этой свадьбы» его же риторики в «Экскурсе» - «Основной миф в романе «Бесы» (1914): «Достоевский хотел показать в «Бесах» как Вечная Женственность в аспекте русской Души страдает от засилия и насильничества «бесов», искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным

началом народного сознания» (т. IV, с.440).

Жизненные и творческие пути Вячеслава Иванова и Волошина пересекались по воле судьбы не раз. Еще одно красноречивое свидетельство тому – «Петроград» М.Волошина (9 декабря 1917):

Сквозь пустоту державной воли
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот Бесовский правит хоровод.

Народ, безумием объятый,
О камни бьется головой
И узы рвет как бесноватый ...
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

«Бесовская» тема в послеоктябрьском дуэте Вячеслав Иванов – Максимилиан Волошин – на первом плане; целый свой сборник стихов называет Волошин не иначе как «Демоны глухонемые» (1919 год); в стихах этих лет обоих поэтов «...бесы земных разрух Клубятся смерчем огромным» (М.Волошин, «Из бездны», 1918 г.).

Итак, «бесы» - всеильны, исхода нет. Россия – обречена. Об этом – пятая из «Песен смутного времени» Вячеслава Иванова:

Последний плач семнадцатого года!
Исхожены блуждания тропы
И мечутся отчаявшись толпы –
В трех маревах: Мир, Сытность и Свобода.

И твой кумир поруган, Власть Народа, -
Как ветхих слав повержены столпы!
И Мстителя багряные стопы
В точиле кар нас топчут. Нет исхода!

Но, спертая противным ветром, вспять
Ты ринешься, мятежная стихия!
Где зыбь росла, там будет мель зиять.

Простором волн уляжется Россия
Над глубиной, и смолкнет гул валов
Под звон со дна глухих колоколов.
(31 декабря 1918).

Надежда на чудо воскрешения России, последняя надежда со дна отчаяния – в сонете «Лазарь». Эпиграф к нему – «Глагола Ему сестра умершего Марфа: Господи, уже смердит, четырехдневен бо

есть» (Иоанн, XI, 39), а последние строки -

О Чуде память слезная вседневна:
И Русь моя, и Русь – четверодневна!
(февраль 1918).

Но надежда эта на чудо слаба,

Когда светил устав нарушен,
Все – трус, потоп, огонь и меч, -
В грозе междоусобных веч ...
Sonettino (1919).

Какова же участь поэта в мире, где «Все – трус, потоп, огонь и меч ...»? О трагизме ее – сонет 1918 года:

Поэты мглы, мы в поздних песнях ловим
Последние лучи души затворной;
Последних зорь румянцем прекословим,
Всезвездной Музе, лирнице соборной.

Но вскоре тусклый пурпур обескровим,
И накипью закат остынет черной.
И будет Бог всенощно славословим
В пещере ли, на площади ль просторной.

От звезд зажги, уединенный, свечи!
Твоей тоске не будет гордой кельи
На праздничном, на людном новоселье;

Ни слов ответных в новозданной речи.
Но все, что дух таит, ревнуя к людям,
Все миром мы полюбим – иль забудем.
(конец 1918).

В том же 1918 году Волошин более четко определял долг поэта в объятной безумием стране:

Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украва твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и воду
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: «Прииди!»
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: - «Бес, изыди!»
(«Русь глухонемая»).

В «Зимних сонетах» (декабрь 1919 – февраль 1920) – сходные нотки раздумий Вячеслава Иванова о судьбе «избранного» :

Свой гроб влачит двойник мой, раб покорный,
Я ж истинный, плотскому изменяя,
Творю вдали свой храм нерукотворный.
(сонет Ш).

И не менее впечатляющая:

В лес лавровый холодная тюрьма
Преобразилась Музы нисхождением ...
(сонет IV).

Итак, Вячеслав Иванов с достаточной уверенностью определяет свою судьбу поэта в «холодной тюрьме» послереволюционной действительности. Судьба эта – верность призванию своему. Но неизбежным оказалось в судьбе его и иное: расставание с величием роли теоретика, философа, учителя, проповедника, пророка, мага, жреца, вождя, расставание с величием роли одной из центральных фигур культурной жизни России. Орел, простиравший крылья на своей башне над великой северной столицей, вынужден был свое гнездо покинуть, и покинуть навсегда. Семь трагичнейших в наше истории десятилетий разрушения отечественной культуры, ее разграбления, надругательства над ее святынями должны были миновать, прежде чем мы, россияне, осмелились во всеуслышание произнести имя одного из наиболее выдающихся наших поэтов – Вячеслава Иванова. Сегодня – ситуация иная. Можно надеяться на продолжение участия наших ученых в международных конференциях, посвященных творчеству Вячеслава Иванова, в том числе проводимых за рубежом – в частности, в организуемой в июне 1992 года в Женевском университете профессором Жоржем Нива совместно с Международной ассоциацией «Convivium» во главе со своим президентом профессором Робертом Джексоном (Иельский университет). Можно надеяться на издание произведений Вячеслава Иванова на его родине и продолжение серьезного и глубокого их изучения, надеяться на то, что за двумя миновавшими актами истории жизни поэта – Славой и Забвением – последует третий – Возрождение интереса к его творчеству.

«Храм нерукотворный» - или памятник нерукотворной поэзии – и всего творческого наследия Вячеслава Иванова – достоин нашего внимания, уважения, изучения, восхищения. Мы вправе гордиться вкладом, сделанным им в мировую культуру, и наш долг – неустанная забота о том, чтобы не заросла тропа к этому храму.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

КОНСТАНТИНУ
ГЕРАСИМОВУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

СВЯТОСЛАВ БЭЛЗА

ПОКЛОННИК ГАЛАКТИКИ ГУТЕНБЕРГА

Мне всегда везло на встречи с замечательными людьми. Как говорится, я правильно выбрал себе родителей. В круг их друзей и знакомых входили люди не только из мира музыки и кино, но и литературы, науки, те, кого потом называли классиками, лицом XX века в нашей стране. Может быть, и не только в нашей.

И даже на этом фоне встреч с великими и очень известными людьми знакомство с Константином Сергеевичем Герасимовым для меня было очень важным и значимым.

Мой папа дружил с Верой Александровной Давыдовой и ее супругом – знаменитым басом Дмитрием Семеновичем Мчедлидзе. Конечно, эта дружба началась еще в Москве, и я помню, когда был еще совсем малышом, Вера Александровна приезжала к нам, после «Кармен», из Большого театра, иногда даже не окончательно сняв грим, собирались гости...

А потом родители впервые привезли меня в Тбилиси. Очень хорошо помню тбилисские улицы, храмы, в первую очередь, Светицховели. Но особенно запомнился Джвари. Помню, как Дмитрий Семенович своим роскошным, мощным басом запел в этом храме, и его голос заполнил все пространство. Детские слуховые впечатления вообще всегда невероятны, но это было одним из сильнейших...

Тбилиси всегда отличался особым гостеприимством. Там любил вспоминать фразу Николая Тихонова о том, что «...чем была для романтиков Италия, тем стала для нас Грузия». При этом я воспринимал Грузию не только через музыку, но и через поэзию – и классиков, и современных поэтов, моих старших современников – Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, всех тех, кто обожал Грузию...

И наконец, в один из приездов в Тбилиси, меня познакомили с Константином Герасимовым. Когда я увидел его впервые, это был, как у Бунина (правда, в отношениях с женщинами), «солнечный удар». Это было мгновенное ощущение «мы с тобой одной крови – ты и я...». Я очень хорошо помню свое восприятие – представьте, идешь по современному Тбилиси, и вдруг - провал во времени, словно какая-то машина времени переносит тебя в прежние эпохи... Все мои высшие ценности совпали в Константине Сергеевиче. И вообще тут многое сошлось. Ведь мой отец, помимо того, что он был ученым-энциклопедистом, был увлеченным библиофилом. И эту «высокую болезнь», библиофилию, я унаследовал в полной мере. Константина Сергеевича – это было очевидно при первом же знакомстве – от-

личала эта высочайшая знаковая культура. Такая культура не достигается одним поколением, она, как английский газон, должна быть взращена и взлелеяна не в один год, не в одно поколение.

Мне думается, что мало кто допускался в его дом – чтоб не мешать высоким занятиям и размышления Мастера. Обстановка дома произвела совершенно восхитившее меня впечатление. Это была картинка из девятнадцатого века, из книг Анатоля Франса – прекрасный и завершённый образ библиофила и эстета. Это проявлялось во всем, в обстановке – крайне скромной, но где главенствовали книги, его уникальная библиотека, причем на разных языках, ведь Константин Сергеевич владел несколькими языками. Там были настоящие библиофильские раритеты. Уж это я мог определить точно, ведь был подготовлен фамильной традицией...

Главный образ, который возникает у меня при воспоминаниях о Константине Сергеевиче – это он сам в своем жилище, в своем мире, где царствовали книги и коты. Тот же Анатолий Франс писал, что настоящего библиофила узнаешь по тому, как он берет книгу в руки, гладит ее шагреневый переплет, вдыхает запах типографской краски, рассматривает гравюры в книге. Редко у кого я встречал такое уважительное отношение к книге, как у Константина Сергеевича. Он гордился своим собранием, и было, чем гордиться. Он был настоящим, убежденным «поклонником галактики Гутенберга». С какой гордостью он демонстрировал мне отдельные экспонаты своего книжного собрания...

С ним было невероятно интересно. Говорить можно было абсолютно на любые темы, и его манера общения была удивительной. Здесь была значительность личности, которая никак не подчеркивалась. Я потом много раз убеждался, что это свойство именно больших людей, больших художников, по-настоящему масштабных личностей. Кичливостью отличаются посредственности, которые таким образом создают вокруг себя некую волну, ложный ореол, а люди настоящие, как правило, очень скромны. Например, одним из самых главных везений в своей жизни я могу считать встречи и дружбу с Грэмом Грином. Он уже был признан абсолютным классиком, имел десять номинаций на Нобелевскую премию, был человеком с мировым именем. И при этом – чрезвычайно скромным. Он, естественно, не всех допускал в свой круг, но уж если допускал, то общение было очень трогательным. И также было с Константином Сергеевичем.

Николай Гумилев писал о себе: «Я вежлив с жизнью современной...» Константин Сергеевич тоже был «вежлив с жизнью современной». Но все же чувствовалось, что он откуда-то из другой эпохи... Я с легкостью представил бы его и в век Серебряный, и даже в век Золотой. Мне кажется, он бы и там не потерялся. Он обладал удивительным Знанием – с большой буквы – которое было почерпнуто не только из книг, но и из генетической памяти.

Интеллигент в первом поколении заслуживает всяческого уважения, а интеллигент потомственный заслуживает уважения много-

кратно. Позже я узнал, что Константин Сергеевич – потомок декабриста, сосланного в свое время на Кавказ... Но порода, которая никак не выпячивалась, которая была облечена в невероятную скромность, - она все время чувствовалась. То же есть и в моем, слава Богу, здравствующем добром друге Петре Петровиче Шереметеве, который живет в Париже. Не надо смотреть на визитную карточку, чтобы понять, что перед вами – граф, человек голубых кровей. Все ясно по внешности, по поведению. И Константин Сергеевич, с его удивительной внешностью, с его несколько вкрадчивой манерой говорить, всегда привлекал внимание. Сейчас, беседуя с вами, я снова вспоминаю его образ – тонкие усики, мягкий взгляд, мягкая манера общения, глубочайшие знания и красивая русская речь, которую и в России не всегда услышишь...

Скоро я узнал, как его обожают его ученики – студенты Тбилисского университета. И мне было ясно, за что они его обожают. Он был не только увлекательным рассказчиком. Он был книгочеем самого высокого чекана, эрудиция его была беспредельна. На фоне все углублявшегося упадка культуры в нашей стране, да и во всем мире, он оставался пришельцем из эпох более культурных.

Мне даже жаль, что Константин Сергеевич, как, например, и знаменитый пушкинист, профессор Сергей Михайлович Бонди, так много времени уделял педагогике, и – выговаривался в этом процессе. Думается, если бы он больше времени провел за письменным столом, ему и как поэту, и как ученому еще многое удалось бы нам сказать. Как человек глубочайшей эрудиции и высокой книжной культуры, он очень «глубоко копал», вгрызался в проблематику интересующих его вопросов – это было очевидно даже на материале сонетологии.

Кстати, возможно, в какой-то мере сам я заинтересовал Константина Сергеевича тем, что к моменту нашего знакомства успел написать предисловие не только к пьесам Шекспира, но и к сборнику его сонетов в переводе Самуила Маршака. Теперь мне это кажется более дерзким, чем тогда, когда я был еще достаточно молодым критиком, литературоведом и членом Союза писателей. Но, видимо, Константину Сергеевичу понравились мои предисловия, и у нас завязалась дружба и переписка.

Между прочим, почерк у него был особенный – ведь и сам он был человеком особенным. Мне довелось многократно встречаться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, который был дружен с моими родителями, а потом, как и Ираклий Андроников, Иван Козловский, Виктор Шкловский, перенес и на меня свои дружеские чувства. Так вот, Дмитрий Сергеевич выработал для себя почерк, несколько стилизованный под летописи. У Константина Сергеевича почерк тоже был несовременный. Таким почерком можно было бы создавать рукописные книги. У меня до сих пор хранятся его открытки, книги с автографами...

Константин Сергеевич был одержим сонетами, устраивал конференции по сонету. В 1984 году по его приглашению я участвовал в

одной из международных «сонетных конференций» в Тбилиси. Но все же мы с ним говорили не только о поэзии. Например, много беседовали об Александре Дюма – я тогда очень увлекался его творчеством, писал предисловие к «Трем мушкетерам». И он относился к этому с большим интересом.

Сейчас мы живем во время суррогатов, подделок, имитаций талантов, имитаций гениальности, попыток имитации культуры, в эпоху «попсы». «Попса» есть не только в музыке, но и в литературе, и даже в архитектуре... На этом печальном фоне особенно надлежит ценить настоящее. Так вот, Константин Сергеевич был образцом именно настоящего, одержимого ученого-филолога. При этом в нем совмещались ученый и поэт. У него была тонкая поэтическая натура, и это очень важно, поскольку эрудиция ученого помогала ему в его поэтическом творчестве, а поэтические озарения, наверняка, помогали в его литературоведческой деятельности.

Прекрасно, что не распалась его библиотека, или, во всяком случае, сохранилась значительными частями в Патриархии и Национальной публичной библиотеке Грузии. Замечательно было бы сделать описание библиотеки Константина Сергеевича и издать ее – это тоже был бы очень выразительный его портрет. И хотя, когда мы читаем в указателях список библиотеки Пушкина, например, и понимаем, что Александр Сергеевич прочел намного больше книг, чем было у него в библиотеке, эти указатели дают очень многое, особенно когда там учтены маргиналии, описаны «отметки резкие ногтей».

Я понимаю, что мы, и в России, и в Грузии, пережили сложнейшие времена. У нас довольно долго гуманитариям было крайне сложно. Я помню, как профессора, доктора наук получали нищенскую зарплату, видел, как бедствовали великие ученые, люди самого высокого ранга. А ведь в Тбилиси, несомненно, это было еще более ощутимо, более болезненно. Тем более, что до филологии, к сожалению, дело доходит далеко не в первую очередь при тех социальных сдвигах, которые нам пришлось пережить. Слава Богу, эти времена прошли.

Так бывает нередко, что к большим исследователям и ученым слава приходит с опозданием, посмертно. Нельзя сказать, что Константину Сергеевичу воздали должное при жизни. По моему глубокому убеждению, сейчас его облик будет вырисовываться все более подробно, и, наконец, ему воздастся должное и в Грузии, и в России.

В моем представлении Константин Сергеевич Герасимов – одна из знаковых фигур своего времени. И особенно важно, что он оставил после себя школу. Его ученики сохраняют преданность его памяти. Уверен, что любовь к филологии, изящной словесности, которую он привил своим ученикам, сохранятся и будут передаваться из поколения в поколение.

Записала и подготовила
Анна Наводничая

БУНТ ЭРУДИТА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОСТИ

По уверению древних римлян, когда гремит оружие, музы молчат. В Тбилиси, в Грузии, истерзанной гражданской войной, лишениями, голодом, вышла книга русских стихов.

Она появилась немногим более года назад; отдельные экземпляры ее проникли через границу. Малый тираж и затрудненные культурные связи уже по выходе сделали ее библиографическим раритетом. Поистине, «книги имеют свою судьбу», и в них почти всегда отражается судьба их автора.

Сборник «Из глубины», быть может, самое разительное тому подтверждение. Автор его – К.С. Герасимов – филолог, библиофил знаток редкой книги, один из примечательнейших представителей тбилисской культурной элиты, отнюдь не бедной яркими индивидуальностями. Носитель и хранитель русской культурной традиции, он вместе с тем и коренной тбилисец; духовная аура Тифлиса – Тбилиси, уникальная, неуловимая, его предания, его неписанный этикет, все то, что обнимается не слишком определенным понятием «мифы города», - стало частью его личности. В ученом и литературном Тбилиси вряд ли найдется человек, не знающий его хотя бы по имени; в течение нескольких десятилетий он читает студентам педагогического института и университета курс истории русской литературы и истории книги.

Мы говорим об авторе – но вместе с тем о книге, ибо лирический субъект ее носит явственный отпечаток реальной личности творца и его занятий и даже пристрастий. Областью специальных интересов К. Герасимова долгое время была «научная поэзия» XX века; десятилетия он отдал изучению Валерия Брюсова. Другой сферой, в которой он получил известность далеко за пределами Грузии, является теория и история сонета. Следящим за исследованиями в этой области памятна, вероятно, книжка «Гармония противоположностей», вышедшая в Тбилиси в 1985 году, - сборник научных статей в изящном библиофильском оформлении, - первый плод организованных К. Герасимовым «Сонетных симпозиумов», куда съезжались энтузиасты из разных республик бывшего Союза. Вот эти занятия и интересы – изучение Брюсова, сонетного жанра, астрономии и точных наук, мифологии и средневековой мистики, искусства Возрождения и прерафаэлитов, - наконец, почти фантастическая страсть библиофила определили во многом не только содержание, но и саму форму поэзии Герасимова.

«Из глубины» - изборник, включивший стихи за сорок лет – с 1947 по 1987 год. До сих пор они не появлялись в печати – да и не могли быть напечатаны: поэт демонстративно уходит от современности в глубины исторических и даже доисторических эпох:

Я обретал следы былого
В непроходимых дебрях зла,
Где ни тропинки, где ни слова,
Где поросль дикая росла
(«Я обретал следы былого....»)

Современный мир рисуется ему как царство насилия и разложения, враждебное всякому духовному началу. Он строит себе иной мир – насыщенный, может быть, даже перенасыщенный культурно-историческими ассоциациями – от античности и Библии до европейской Средневековья Шекспира. Латинские названия, эпитафьи, и даже латинские формулы в строке для него обычны, как и исторические топонимы и ономастика. Все это – наследие научной поэзии, и, возможно, любимого им раннего Брюсова, - но автор сборника идет едва ли не далее: в последней книге сонетов – «Ars moriendi» выдержана средневековая «магия чисел»: семь разделов, девять сонетов в каждом цикле («число Беатриче», как объясняет автор в примечаниях). Этот бунт эстета и эрудита против современности не проходит ему даром: он платит за него чрезмерной герметизированностью своих лирических миниатюр, затрудненностью и рационализированностью образности поэтической речи. Впрочем, к легкости К. Герасимов и не стремится; он экспериментирует с ритмикой, с жанровой формой, из-за наиболее экспрессивных средств – и оставливается на жанровой форме сонета.

Последние разделы книги (последние и по времени, ибо книга построена хронологически) заняты почти исключительно сонетными циклами. В какой-то мере эти опыты сонетного творчества – практическое воплощение теоретических изысканий автора (здесь он тоже следует Брюсову), - но это и самоценная поэзия. В поздних стихах – сонетах и миниатюра, сориентированных на сонет самой своей поэтикой, - преодолеваются недостатки ранней поэзии Герасимова – уже отмеченные нами перегруженность культурными знаниями, и неизменно связанная с этим некоторая вторичность. Поэт выходит из своей «башни из слоновой кости», выноса с собой «вечные темы», свойственные ему и ранее: любовь, смерть, творчество. Культурный потенциал сохраняется – но он заключен в самом строе мышления и чувствований лирического объекта и не имеет нужды во внешнем реквизите. Быть может, здесь сказался опыт изучения шекспировских сонетов из книги «Ars moriendi»:

ИСКУПЛЕНИЕ

*С любовью связан жизненный мой путь,
И кончиться он должен вместе с ней.*

В.Шекспир, сонет 92

Искусства благородней в мире нет –
Бросает ли оно в сраженья рать,
Изысканный диктует ли сонет –
Старинного искусства умирать.

Смирение достойней торжества,
Но если только без любви – а с ней? –
Не сказанные – горше всех слова
И вовремя уйти – всего трудней.

Померкнет изумруд весенних трав,
Лазурь погаснет знойная, и мы
Опавших листьев золото поправ
Там, где хрусталь и серебро зимы.

«Ars moriendi...» Постигаю я
Искусство умирать, любовь моя.

По благородной сдержанности интонаций, красоте эмоционального рисунка этот сонет кажется нам одним из лучших в книге. Мы познакомим читателя еще только с одним сонетом К. Герасимова, - памятуя, что сборник его вряд ли окажется им доступен. Выбираем этот сонет из той же книги «Ars moriendi» как пример образной экспрессии:

Когда любая гнилью пахнет снедь
И глохнут говорящих голоса,
И с каждым оборотом Колеса
Тусклее угасающая твердь,

Когда и день не день, и ночь не ночь
И немота уже невоготу
И подступая, кровь уже во рту,
И дохрипеть последнее невмочь,

Когда ты рухнешь на колени в грязь,
Где зеленела некогда трава,
И мертвецы невнятные слова
Зашепчут, за спиной твоей теснясь,

Одно все это значит – в мире зла
Жизнь твоя жизнью без любви была.

Книга К.Герасимова заслуживает известности – и как культурный, и как факт поэтического творчества. И то, и другое – неординарно, и будущие критики и ценители современной поэзии, надо думать, посвятят ей разборы более обширные и углубленные, чем можно позволить себе на газетной полосе.

«Русская мысль», №4025,
14-20 апреля 1994 года

ЗАХАР ДАВЫДОВ

НАШ ДОЛГ

В августе 1994 года я получил от Константина Сергеевича последнюю весточку. Это горькое письмо я должен процитировать здесь:

*«Тбилиси,
11.VIII 94.*

Дорогой Захар!

Судьба разлучила нас, разлучила меня со всеми моими зарубежными ныне – столь дорогими моему сердцу друзьями и коллегами. Все, чем я жил – в прошлом. Изоляция, нищета, бесперспективность, всеобщее озверение, одичание – все, что осталось. Жизнью это не назовешь. Осталось лишь вспоминать о былом. Наши встречи незабываемы – прекрасные дни в Киеве, в частности, - Волошинские чтения, организованные и проведенные тобою с таким блеском в Киеве – вспоминаю о них с радостью. Многие, очень многие уезжают отсюда, мне – некуда, да и неохота. О моем «житье» расскажут Леночка и Дима. Они были украшением нашего университета и нашей поэтической студии – талантливые поэты, наша гордость. Дай Бог, чтобы их судьба сложилась удачно, я бы очень этого хотел, они достойны этого. Умом и талантом они заметно выделялись «здесь», желаю им успехов и счастья «там». Будет возможность – помоги советом.

*Сердечный привет Леле, спасибо вам за все доброе!
Не забывай, любящий вас К. Герасимов».*

Через два года я узнал, что Константин Сергеевич умер....

В этом письме весь Константин Сергеевич. Главной его заботой были ученики, потом друзья. Такого количества любящих учеников я больше не встречал ни у кого. И такого количества друзей.

Мы познакомились поздно, только в 1987 году, на Волошинских чтениях в Коктебеле. До этого, очного знакомства – была небольшая переписка, связанная с сонетами Максимилиана Волошина.

Доклад, прочитанный Константином Сергеевичем на этих Чтениях назывался «Венок сонетов М.Волошина». Это было блестящее выступление не только знатока волошинского творчества, но и знато-

ка европейского сонета вообще. Константину Сергеевичу удалось в своем докладе исследовать функциональную способность сонета как жанра интеллектуальной лирики – протеста против упрощенного восприятия и отображения бесконечно сложной и противоречивой природы бытия.

Мы сразу стали близкими друзьями. Это бывает редко, но бывает. Мы оказались «одной крови». Понимали друг друга с полуслова, с полунамека. И это была не просто дружба близких по духу и взглядам людей. Это была дружба творческая, дружба, генерировавшая идеи. Одной из таких идей стала – там же в Коктебеле, за рюмкой (и не одной) придуманная и продуманная – идея проведения в Киеве Волошинских чтений, посвященных сонету.

Эти Чтения состоялись уже на следующий год после нашего знакомства. В конце мая 1988 года Константин Сергеевич приехал в Киев и привез своих учеников, своих друзей. Доклады Сергея Хангуляна «Сонет Максимилиана Волошина «Петербург», Галины Подольской «Два Демона» Максимилиана Волошина», Татьяны Кошемчук «Лунный веночек Максимилиана Волошина», Светланы Титаренко «Крымские сонеты» А.Мицкевича и «Киммерийские сумерки» Максимилиана Волошина» были лучшими на этих «сонетных чтениях».

Эти Чтения нам удалось провести с «размахом». Сразу в нескольких местах (Музее Киева, Театральном Клубе, Планетарии) специалисты читали свои доклады, на которых присутствовало непривычно много для таких мероприятий слушателей. Константин Сергеевич блистал на всех площадках.

Особенно мне запомнились стихи самого Константина Сергеевича, которые он читал нам, участникам Чтений, после выступлений, у меня дома. Это было событием.

Многие из этих стихотворений я увидел напечатанными в его книге стихов «Из глубины», которую он мне передал в том же, 1994 году, с последним своим письмом. Приведу только несколько строчек, запомнившихся с того времени:

«Я смог прожить бесчисленные жизни,
Во времени не ведая преград,
И, всем столетьям близок, во сто крат
Верней теперь единственной отчизне –
Поэзии...»

Последняя наша встреча произошла в 1991 году в Коктебеле на VI Волошинских чтениях. Это были особые Чтения. Буквально в последний момент иностранным русистам разрешили участие в Чтениях (до этого времени Коктебель был для них закрыт). Приехали и выступали Джон Малмстад, Джон Боулт. Из Симферополя привезли

только что отпечатанные «Коктебельские берега», и я был одновременно счастлив (раздавая и подписывая книгу друзьям) и несчастлив (я прощался с Коктебелем, прощался со своими друзьями – тогда казалось, что уезжаешь навсегда).

Константин Сергеевич приехал в окружении своих учеников, был оптимистичен, наполнен новыми идеями. Предваряя свой блистательный доклад о «Corona Astralis» М.Волошина, Константин Сергеевич сказал очень важные для того времени слова: «...наш долг – сделать все возможное для превращения лжеистории нашей литературы в подлинную историю. Надо надеяться, что в процессе превращения нашего литературоведения из официального в научное, к нам придет, наконец, признание того, что Волошину суждено было сыграть свою – незаменимую, уникальную роль в плеяде блистательных русских поэтов XX века».

Теперь нет никаких сомнений в том, что поэт, ученый, учитель – Константин Сергеевич Герасимов свой долг выполнил.

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ (ЗВИАДАДЗЕ).

СЛОВО О УЧИТЕЛЕ

На нашем курсе в Духовной семинарии Грузии училось восемьдесят восемь студентов. Мы были зачислены в 1989 году. Это были годы, когда возрождалась Церковь, оживала Вера, молодежь начала проявлять серьезный интерес к религии, а общество, которое было отторгнуто от церкви насильственным образом, возвращалось в ее лоно.

Большую роль в этом процессе сыграл личный пример Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II, его выдающиеся человеческие качества – просвещенность, интеллект, мудрость, скромность, простота, человеколюбие... Это послужило основой того, что значимость веры и Церкви становилась очевидной для очень многих людей, которые начинали новую жизнь.

Немало молодых устремилось в Духовную семинарию, и Патриарх старался их удержать, чтобы именно они в будущем послужили стране и Церкви. В то время ректором семинарии был отец Георгий Гамрекели, тогда протопресвитер Сионского собора (ныне – главный епископ Руставский, владыка Иоанн).

Всех педагогов семинарии Патриарх выбирал сам, и всех их, конечно, знал лично. Было немислимо, чтобы кто-либо начал здесь работать без его приглашения.

И вот нам, студентам, стало известно, что по личному приглашению и благословению Патриарха лекции по истории книги в академии и по русской литературе в семинарии будет читать Константин Герасимов.

В те годы у студентов был большой интерес ко всему, будь то специальные курсы или общие. В семинарии никогда не изучались только богословские предметы. История русской литературы, история мировой литературы, философия, археология, история Грузии, всемирная история Церкви и множество других – все эти предметы преподавались в семинарии.

Более всего мне запомнилась и, наверное, никогда не сотрется из памяти, несмотря на то, что прошло уже немало времени, величайшая изысканность Константина Сергеевича. Он был абсолютным интеллигентом, личностью академичной, с аристократичной манерой речи. В нем остро чувствовалась любовь к нашей церкви, нашей стране, и он преподавал нам свой предмет под таким углом зрения, который был наиболее значимым и интересным для академии и семинарии. Это действительно имело большое значение.

Его лекции нравились всем. Он был человеком сдержанным, но я никогда не забуду, как он откликнулся на любой вопрос, который ему задавали студенты – он не просто был готов ответить, но всегда беседовал со студентами, подробно разъясняя им то, что их заинтересовало.

Мы были молоды и, конечно, многого не понимали, и он всячески старался сделать для нас, будущих духовных лиц, доступными глубины духовного мира тех поэтов и писателей, творчество которых является достоянием не только русского народа, но и всего мира.

Все имеет значение. Если у педагога не хватает интеллекта, умения донести до ученика знания, нет личной внутренней глубины, то его лекции – поверхностны и никогда не оставят следа. То, что говорил нам Константин Сергеевич, чему он нас учил, было осознано и прочувствовано всем его существом.

Я уверен, что у всех моих однокурсников точно такое же отношение к личности Константина Сергеевича. Я очень благодарен Капатоликосу-Патриарху Грузии, что по его приглашению этот человек находился рядом с нами, и его лекции – могу сказать это с полной уверенностью – оставили в нас очень глубокий след.

Несомненно, стены Духовной академии – это те стены, в которых благодарность проявляется очень сильно, и особенно – по отношению к педагогам. Академия, основанная Патриархом, – это обитель знания, где ничей вклад не будет забыт, все заслуги будут оценены по достоинству, ничьи усилия и стремления не пропадут даром – усилия, направленные на поддержку молодых, стремления направить их по верной дороге и обучить самому главному в жизни...

Для нас также очень значимо, что после смерти Константина Сергеевича его родственники передали в дар Духовной академии значительную часть его уникальной библиотеки, которая на сегодняшний день хранится в библиотеке академии. И студенты, которые не застали этого великого учителя, теперь учатся по книгам, ему принадлежавшим...

Я хочу выразить свое глубокое уважение к личности Константина Герасимова. Благослови, Господи, душу его, и со святыми упокой.

Я вспоминаю его образ и осознаю, что самое важное, самое ценное в жизни дело – это то, в котором человек тратит все свои силы, всего себя, чтобы передать людям Знание.

ТАТЬЯНА КОШЕМЧУК

ОДНАЖДЫ...

Однажды – это было через несколько лет после окончания филологического факультета и публикации в университетском сборнике «Анализ одного стихотворения» моей статьи о сонете Волошина – я получила письмо из Тбилиси от незнакомого мне человека. Он писал, что прочитал мою статью, – и далее много теплых слов, которые, впрочем, мне, при моей тогдашней самоуверенности, были вполне безразличны. Задело меня другое: автор письма говорил далее, что цитирует мой фрагмент в своей статье, из которой приводилась большая выписка. В те позднесоветские годы, когда дипломная работа о Волошине была еще не вполне обычным делом, меня занимали особенно антропософские идеи моего любимого поэта, и я старалась в своих статьях осторожно о них говорить. В приведенных рассуждениях неизвестного мне литературоведа как раз отрицались их необходимость для понимания, так что моя мысль была воспринята в прямо противоположном смысле. В ответ я пишу примерно так: «Уважаемый Константин Сергеевич, спасибо...» – и с полной бесцеремонностью: «Но я прошу Вас более меня не цитировать, ибо Вы не понимаете...». За этим следовало разъяснение моей – им не понятой – основной идеи, а именно значимости антропософского подтекста волошинских строк. Отправив это послание неизвестному мне К. С. Герасимову, я и думать о нем забыла. И вдруг... через три недели я получаю из Тбилиси письмо, в котором этот человек предлагает мне стать его аспиранткой.

С этого началась наша дружба с Константином Сергеевичем: я, устыдившись, раз и навсегда им восхитилась и никогда не имела ни малейшего повода усомниться в нем, он был безупречен в каждом своем жесте. Я не случайно начала с нелестного для меня эпизода, ведь здесь – весь он, с его редкостным благородством, с глубоким и истинным великодушием, с полным отсутствием всего мелкого – в нем все было крупно и ярко. И прежде всего было удивительно его умение понимать и ценить самых разных людей. С моей избирательностью и прямоотой, я позднее порой возмущалась его всепримятием, но... принимала в нем и это. Я внимательно созерцала его общение с другими людьми, которые порой казались мне совсем не стоящими того, но он был красив и совершенен и в этих линиях своей жизни, то есть искренен, без капли фальши, действительно расположен к человеку, с которым имел дело.

Впрочем, он умел в иные минуты и выбирать, не уклоняясь. Так,

на сонетном симпозиуме во время обсуждения докладов я сказала о том, что в них нередко просто подсчитываются точные и неточные рифмы, нарушения сонетного канона или же соответствия, и это есть бесполезный формализм – без внимания к смыслу. Эти мои слова вызвали гневную вспышку одного маститого филолога, друга Константина Сергеевича (всех на симпозиуме он считал своими друзьями), который возмущенно заговорил о том, что формалистов уже однажды гнали и преследовали, что нельзя так безответственно и прочее. Я ответила нечто резкое о подмене. Встал Константин Сергеевич – в эту секунду паузы я успела с ужасом подумать: сейчас он что-то скажет, и конец... – он же очень спокойно сказал, что права – я, что слово стоит понимать именно так, как его произносит говорящий. Инцидент был исчерпан. Позднее, стремясь нас примирить, при выборе оппонентов к моей защите, он предложил именно этого человека, но я, к его огорчению, по недостаточности великодушия, отказалась. И мои объяснения, что кто-то может не любить кого-то без называемых причин, но с вескими основаниями, ему были не близки.

Да, он был человек общения, это едва ли не основная черта его личности. Писал как филолог он не много (и лишь о Волошине с любовью и истинной, глубоко личной вовлеченностью), так что не в филологических студиях выговаривалась его жизнь – но в его общении, и здесь уместно именно это слово: в его любви к людям. Все, кто, как и я однажды, попадал в круг его симпатии, знают этот особенный тон его дружбы – с бережным вниманием, безупречной вежливостью и деятельной заботой. Так, Константин Сергеевич пишет мне о «культурной программе» Ставропольской конференции, уже на «ты» (я, конечно, осталась – на «Вы», из-за более чем тридцатилетней разницы в возрасте и по тональности того чувства, которое было у меня к нему): «...ездили мы в Теберду, а затем все участники конференции двинулись дальше – в Домбай, а мне пришлось из Теберды уехать обратно в Ставрополь, так как N. уезжала на следующий день и вместе со всеми вернуться было бы поздно. Пришлось мне проводить ее. Четыре часа езды – и она, как ты догадываешься, по дороге не молчала...» (письмо от 7.11.89) – он проводил одну из симпатичных ему участниц конференции (я заменяю буквой ее мягко названное имя), действительно много и громко говорящую, и если эта особенность, отмечаемая им с улыбкой, была бы невыносима для меня (что он понимал), то не мешала ему. Он, безупречный джентльмен (и ни в коей мере не женолюб), проводил бы точно так же, слегка вздохнув о пропущенном Домбае, и меня, и любую из спутниц по поездке.

Надо ли говорить, что, предложив мне защищаться в Тбилиси, он взял на себя все хлопоты, непонятные мне, связанные с этой непростой процедурой, и мне оставалось только присылать текст дис-

сертации («Сонеты Максимилиана Волошина», тема была задана им) – по главам, которые я писала ему, как письма в нашей многолетней переписке, на его любимую тему как реплики в делящейся беседе. Его письма того времени полны самой чуткой мягкости. Он знал: кое-что в диссертации, для ВАКа, – времена еще советские вполне – надо смягчать, и ему неловко было от меня это требовать; с чем-то он и не мог согласиться, и тогда слова его были особенно теплыми. А ведь мои, в полемике, часто таковыми не были. При всей моей благодарной и восхищенной любви к этому человеку.

Его полюбили все: мой муж и мой сын, мои друзья – он знал всех, кто окружал меня тогда, и я знала многих его друзей, мы общались в Тбилиси с его тбилискими друзьями, в Москве – с московскими, я была дружна с его женой Нателой. Встречи были и на конференциях, но чаще мы прилетали из Москвы в Тбилиси, ведь поводов для приезда было много: сразу же началась история с оформлением моего соискательства, а потом и с защитой кандидатской диссертации. Кстати, это была последняя подобная процедура на филологическом факультете, на которой представлялась работа соискателя из России. Далее подобное стало невозможным. И здесь уже намечен драматический финал этой прекрасной полосы моей и трагический, с разрывом всех связей, – его жизни. Он предчувствовал катастрофу, когда торопил меня с защитой, я и так выполняла все его желания быстро, не разделяя, впрочем, его тревоги о близком грозном будущем. Лейтмотив целого ряда писем, часто с приводимыми симптомами надвигающегося мрака: «Надо спешить. Сейчас главное – твоя диссертация, пока все не перевернулось и не погрузилось в межнациональный хаос» (письмо от 8.11.1989). Предчувствия сбылись в полной мере, оборвав нашу переписку и отменив возможность встреч.

Но мне хочется помедлить здесь, в тех баснословно счастливых, бесконечно далеких днях. Константин Сергеевич был по-волошински щедр в человеческих отношениях, в каких только странных порой комбинациях не пересекались мы в его тбилисской квартире – в тупике Джавахишвили. Гостеприимство этого дома было лично направлено на каждого человека, несравненный юмор украшал эти долгие сидения (и я могла бы привести здесь с десятков историй, рассказываемых им столь артистично, что и при повторе слушать их было действительным удовольствием). Царил же здесь некий возвышенный тон, даже при обильных порой возлияниях. Слова «высокое и прекрасное» были его словами, они шли к его шиллеровской душе необыкновенно, соответствуя ее строю. Да, все – высокое и прекрасное – что есть в людях, было ему близко и дорого. Он сам был высок и прекрасен. С оттенком некоторой старомодной неотмирности: однажды мы заговорили о восточном календаре и знаках зодиака, о моих «собачьих» чертах с оттенками Козерога, и тогда о

себе он сказал: «Я, увы, Мышь. Лев и Мышь. Вроде Льва Мышкина, идиота». И далее добавил: «Но Собака умеет хранить чужие секреты, так что ты об этом никому не говори».

И если был он по-волошински щедр, то по-волошински же был он и одинок в пестроте людей. И любимые мои воспоминания о нем – это наши разговоры вдвоем в той же комнате, которая столь памятна всем знавшим его, с тем же журнальным столиком и теми же креслами возле стеллажей с книгами. Всегда наши беседы сопровождал медленный коньячный ритуал (я выпивала две рюмки, он – остальное). Он вставал иногда, когда читал стихи. Порой подходил к книжным полкам, чтобы показать свои книжные сокровища. Или сделать подарок, если приходилось к слову. Так, к примеру, подарил он «Витязя в тигровой шкуре», когда я посетовала, что у нас в автобусе пропала сумка и вместе с ней эта книга, которую я собиралась читать семилетнему сыну. Он встал и достал из своего шкафа роскошное издание. В иную, глубокую минуту так же, достав из шкафа, он подарил мне иконку, которая по сей день всегда со мной. Он понимал меня в моем, я его – в важном для него: антропософия, религия – мое; искусство умирать, *Ars moriendi* стихов – его. Я вовлекла его в то, что мне было дорого, и он был прекрасным спутником.

Общим были – стихи. Мы и читали стихи, и писали их набело, как, например, на большой пачке «Герцоговины», которую тогда курили... Но здесь я не могу не прервать себя и (хоть у меня совсем немного места в этой книге) не рассказать попутно: он особенным, изящно-галантным жестом всегда предлагал зажженную спичку, я как-то это отметила, и он рассказал следующее. Его «учила хорошим манерам» его московская тетушка. Прежде чем представить гостям своего племянника из провинции, она экзаменовала его: «Что ты будешь делать, Константин, – грозно спрашивала она среди прочего, – если дама возьмет в руки сигарету?» Он отвечал: «Я поднесу ей зажженную спичку». «Хорошо, а что ты будешь делать, Константин, если ты допустишь оплошность, и дама уже успеет сама зажечь спичку?» – «Я возьму спичку из ее рук и поднесу к сигарете». Долгий экзамен прошел как будто успешно. «Но когда вечером, – продолжался рассказ, – я, совершенно лишенный всякой уверенности в подобающей воспитанности, увидел с ужасом, что сидящая рядом дама уже зажгла спичку, я, под взглядом тетушки, уверенно взял спичку из ее рук, и зажег – свою сигарету...»

Так вот, после того, как спичка зажигалась даже не в тот момент, когда я брала сигарету, но когда я бросала взгляд на пачку «Герцоговины», я начинала: «Константин Сергеевич, совместно // Выкуренные сигареты // Наши – не дымом и пеплом // Останутся – но согреты... Он подсказывал, и мы завершали: ...Их огнем и туманом – // Мы останемся». Эта коробка лежала у него на книжном стеллаже и в следующие мои приезды. Или же его экспромт: «Суровый Дант

не презирал сонета... // Хоть Танечки с ним не было при этом». Подобные незатейливые импровизации были окрашены в тона теплой, всегда с улыбкой, обоюдной симпатии.

Но серьезные и пронзительны были его тщательно отделанные и исполненные истинной поэзии сонеты, которые он считал главным своим делом – в них была его подлинная жизнь, жизнь из глубины. Прочитанные им, стихи звучали особенным тоном его души с ее строгостью, суровостью и скорбью – и одновременно с трогательной нежностью. Итак: стихи, их жизненные подтексты, воспоминания, постепенно вся его жизнь... жизнь в тупике... Его открытость всем таила за собой столь глубокую боль, что, однажды поняв ее, я содрогнулась, так пронзителен был роман его жизни, сокрытый в стихах и угаданный мною по его желанию.

Были хороши и прогулки по Тбилиси: он любил этот город, особенно его храмы. Казался же атеистом, так полагалось. В первых письмах он так и называл себя – «закоренелым атеистом», потом – скептиком, Фомой. При этом коллекционировал грампластинки с мессами. И в стихах атеистом совсем не был, когда я говорила об этом, то не возражал, а молчал как-то загадочно. Важнее же всего было для меня: не был неверующим в храмах, там он был как у себя, все жесты его говорили о глубоком сродстве с этим миром, и мне виделось здесь корневое, наследственное. Но знал он в себе и следы «советского» – против воли впитанного скепсиса. Они порой явно проявлялись, но и тогда, с самого начала, как писал он, споры наши были – «не споры, а усилия к еще большему взаимопониманию» (письмо от 11.04.88). Позднее разговоры о религии зазвучали не диссонансом, а созвучием. Не случайно последние его годы – это преподавание в Духовной семинарии, Славянский Дом, Дворянское собрание (об этом я знала уже только из редких, переданных с оказией писем).

Замечательны были и беседы втроем: Константин Сергеевич, Натела, я. Чаще же Натела заходила ненадолго, иногда приносила еду и уходила в свой дом, порой заметив небрежно, что ей наши разговоры не интересны. Как бы ни были сложны их отношения (это, кажется, все знали), они были хороши вместе. Нателой можно было залюбоваться и в ее поздние годы, она была очень резкой, очень яркой, очень красивой. Порой они чудесно рассказывали вдвоем. Как сейчас, до малейших интонаций помню их рассказ о «памятнике Жюль Верну». Он: «Ты не знаешь, Танечка, что в Тбилиси есть памятник Жюль Верну?» Улыбается, я чувствую подвох, жду, Натела улыбается тоже, тогда он продолжает: «Мы шли однажды с Нателой по Тбилиси, она меня спрашивает: кому поставлен этот памятник? А я понятия не имею, ну и говорю – я был молод, не мог же я признаться – Жюль Верну». Она подхватывает, обращая ко мне: «Я ему тогда так верила, во всем... Конечно, Жюль Верну! И вот, пред-

ставьте, Таня! Через несколько лет я показываю Тбилиси своим гостям, говорю, так восторженно, что вот это – памятник Жюль Верну, и как же это чудесно, что в Тбилиси – есть памятник Жюль Верну... Мы подходим ближе, а это памятник... (Я не помню сейчас имени, но – какому-то грузинскому революционеру.) ...Это был такой стыд! Как он мог!» Натела договаривает с таким глубоким возмущением, что, кажется, сейчас будет семейная сцена. Он, перебивая, продолжает: «Ты представляешь, Танечка, как мне вдруг досталось в тот вечер за Жюль Верна?!» Натела смеется, мы тоже смеемся, долго и светло... Так, верно, в Обломовке смеялись – как олимпийские боги. Такого больше не было – никогда.

Я любила этот дом. И люблю по-прежнему: и в раю должен быть уголок, подобный тому тбилисскому дому с книгами. Ведь человеку всегда нужен не только весь мир с его безграничностью, но и то малое пространство взаимопонимания и взаимоприятия, которое называется домом.

Да, много света и тепла подарил этот человек другим. Но в его жизни гораздо больше было – отчаяния. Его мироощущение было трагическим, и коренилось оно не в личной судьбе, по крайней мере не только в ней. Он был одинок в советском мире, невероятно чужд ему, с его безнадежным одичанием (его слова). Эту чуждость духу времени и всему окружающему видел он как наследственную, начиная с прадеда, сосланного на Кавказ. История семьи глубоко в нем жила, с ней было связано много боли. Однажды, когда я предложила, почти всерьез, при наступлении голодных времен всем вместе отправиться в Вологодскую губернию, где еще стоял дом моих предков среди опустевших и зарастающих полей, он отозвался глубоко, поняв мое чувство, и рассказал о своем поместье в Черниговской губернии, где не был ни разу – не потому, что не пришлось, а по непереносимости осквернения.

Защиту, временную, от мира давала ему ночь: «Еще несколько часов в обезьяннике будет тихо...» – не раз, варьируя, писал он мне, и я мысленно и сейчас слышу этот его тон брезгливого презрения к советской бессмыслице, звучавший и в стихах. Здесь он ощущал именно бездну: совсем не та страна, совсем не то время («Не те моря. Созвездия не те»). И, далее, жизнь – не та. В ней не случилась, попросту оказалась невозможной единственная встреча, по которой он обречен был тосковать всю жизнь. Как будто произошла невероятная ошибка и дух его воплотился в жизнь не ту... А с ней, данной, – надо как-то быть. Он и умел с ней обходиться – всегда через конкретного и отдельного человека находя возможность что-то в ней делать, чем-то заниматься, филологией, например. Однажды я сказала, в его, скептическом, тоне: когда нас сюда выпускали, то не гарантировали... Он тут же поймал меня на слове, неосторожно: «Выпускали – как ты это сказала! Да! И при этом на каждого

из нас выпустили по десять идиотов, чиновников и глупцов». В подобных сарказмах порой проговаривалась его горечь: из-за дикости и трагической бессмыслицы этого мира как будто он всерьез не обрел и иного, смыслоного, разуверившись в смысле из-за этой как будто бессмысленной ошибки своего – этого воплощения. Она отражалась постоянной скорбью, недоумением, сетованиями, обращенными к Творцу, – мир в целом был миром безнадежности, зло в нем было необоримо и бездонно. В его стихах звучали эти три темы: холодный Космос, одичавший мир, одиночество. «Жизнь в тупике...» Тупик Джавахишвили: в одном из последних писем он написал мне, что тупик – переименован, в шестой раз на его памяти, отчего не перестал быть тупиком.

Из него был исход, один – поэзия, Слово, которое всегда писалось им с большой буквы, но которое (у меня хватало бестактности его в этом укорять) он понимал в конечном итоге лишь как Слово поэтической. За редкими исключениями, когда в стихах рождалась вспышка света, – он старался, оправдываясь, найти для меня именно такие стихи. В поэзии – было средоточие его жизни и ее смысл, в стихах своих и стихах всех иных поэтов, живших ранее и живущих ныне. Так что среди его привязанностей, а таких дружб, как со мной, у него было немало на протяжении жизни и в тот ее недолгий период, который был открыт мне, – среди его привязанностей, всегда особенных, когда к другому обращены разные грани жизни и души, самым значимым – так я вижу – для него было то, где объединяющим началом были стихи. Его любовь была трагической именно потому, что была закрыта его поэзия, и счастливой (на короткие мгновения), когда встреча была – и в стихах. И я с горечью читаю сейчас строки его письма: «Таня, лучшее, что я слышал от другого человека в этой жизни – это то, что говорила мне ты, и в частности – то, что ты говорила мне о моих стихах» (письмо от 1.09.89). А ведь я сказала так мало! Я не сказала ему, что всю дальнейшую жизнь после него мне будет по-прежнему казаться, что всегда можно взять билет и приехать в Тбилиси. Но меня утешает то, что только и может дать утешение: смутное и странное ощущение его длящегося и открытого в будущее участия в моей жизни.

НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ,

ОН БЫЛ НЕРАЗЛУЧЕН С КНИГАМИ

Константин Сергеевич (для нас Котик) Герасимов всегда был украшением филологического факультета нашего университета. Так было и в годы его студенчества, и тем более позднее, когда он сам стал обучать новые поколения русистов.

Мое знакомство с ним началось с того времени, когда он был студентом первого курса, а я совсем молодым лектором, только что защитившим диссертацию. В те давние времена кафедра русского языка и литературы нашего университета пользовалась заслуженной славой не только в самой Грузии, но и за ее пределами. Желающих учиться по этой специальности было много, конкурс при поступлении был, что называется, сумасшедший, и без стабильно высокого уровня подготовки на успех рассчитывать было невозможно. Но даже на этом фоне курс, на котором учился Котик, отличался исключительно сильным составом. Известна шутка о филологическом факультете как «женском царстве». Но в тот год так уж случилось, что, помимо прекрасно подготовленных девочек, интерес к русской филологии проявили и довольно много способных юношей. Немалая часть студентов этого выпуска впоследствии продолжили серьезную работу в области филологии, стали сотрудниками нашего университета и других высших учебных заведений. Но и в условиях такой интеллектуальной конкуренции Котик ненарочито выделялся какой-то особой литературной фундаментальностью, глубиной, остротой и свежестью мысли.

Я читала курс истории зарубежной литературы на русском секторе филологического факультета. Изучению этого предмета уделялось тогда большое внимание, и лекции читались в течение шести семестров. Помимо лекций практиковались и семинары, на которых студенты выступали с докладами о виднейших памятниках литературы европейских стран. Какие темы обсуждались в тот год я, конечно, не упомяну. Исключение составляет лишь доклад Котика Герасимова, посвященный «Божественной комедии» Данте. Меня поразило, что студент первого курса не устранился взяться за это сложное произведение, сумел разобраться в критической литературе и так логично и убедительно выстроил свой доклад, что все студенты с неслабевающим вниманием и интересом слушали его.

Мне было приятно узнать, что Котик прекрасно проявляет себя и по другим предметам, и особенно серьезно и увлеченно работает в области своей основной специальности – русской литературы. Тем более удивительным и неприятным оказалось известие, что по окончании университета он не получил рекомендацию для поступления в

аспирантуру. Но подлинные способности и целеустремленность помогли Константину Сергеевичу не сойти с избранного им пути. Много лет он преподавал русский язык в Государственном Политехническом институте. В то же время он продолжал работать в сфере истории русской словесности, поддерживал связь с кафедрой истории и теории русской литературы нашего университета и защитил диссертацию на тему «Научные интересы В.Я. Брюсова в его поэтическом творчестве». Вскоре после защиты он начал читать в ТГУ отдельные спецкурсы, а затем и полностью посвятил себя работе в Alma Mater.

Именно в то время мы стали чаще встречаться и подолгу беседовали. А с ним было о чем поговорить, собеседником он был замечательным. Всегда с увлечением рассказывал о своих литературных изысканиях, о книгах, которые для него были как драгоценные трофеи. О его богатейшей библиотеке ходили легенды. И это были не просто тысячи ярких корешков, заполняющих книжные полки. В его библиотеке были собраны по-настоящему ценные, редкие книги, среди которых – немало уникальных. А сам Котик был подлинным знатоком-библиофилом. Не стирается из памяти его образ с туго набитым старым, «заслуженным» портфелем в руках. Из него он при встрече извлекал и показывал мне какие-нибудь раритеты.

Особый разговор – о любви студентов к профессору Герасимову и его лекциям. Особой популярностью пользовался его спецкурс по истории книги. Константин Сергеевич не просто излагал материал – он принесил в аудиторию и показывал студентам «героев» своих лекций – редчайшие древние издания. Книги и Герасимов были неразлучны...

Но при всей своей любви к книгам, Константин Сергеевич был не только кабинетным ученым, погруженным в замкнутое пространство книжных полок и письменного стола. Он живо интересовался современностью, держался в фарватере научных достижений и общественных проблем. Когда, в конце прошлого столетия, в Тбилиси было учреждено Дворянское собрание, Константин Сергеевич стал активным его членом. Он был желанным гостем Брюсовских чтений в Ереване, научных конференций в Крыму, России, Германии...

Необычайно смелым, даже дерзновенным шагом с его стороны была организация в 80-е годы прошлого века в ТГУ Всесоюзных симпозиумов по истории и теории сонета. Узнав об этой его инициативе, я была чрезвычайно удивлена. Трудно было представить себе, что в наш прозаический век этот романтический почин будет возможно осуществить. Но жизнь показала, что поэзия не забыта. А сонет и в наши дни привлекает внимание любителей литературы и исследователей. Эти симпозиумы прошли на высоком уровне, было прочитано много запоминающихся докладов.

Как и все коллеги Константина Сергеевича, я была глубоко опечалена его безвременным уходом из жизни. В моей памяти он остается образцом серьезного ученого, истинного педагога и подлинно достойной личности.

ВИКТОРИЯ ПОПОВА

ИЗ ГЛУБИНЫ

Почему именно так назвал Константин Сергеевич свою книгу сонетов ? Едва ли кто-то, кроме самого автора, мог бы совершенно точно ответить на этот вопрос. Но уж, конечно, не из глубины времени или прожитых лет.

Мне всегда казалось, что жил он в каком-то другом измерении, в интеллектуальном пространстве, где были свои масштабы и времени, и расстояний, эпох и личностей. И до сих пор для меня остается загадкой, как умудрялся он бытие своего мира, где царили безукоризненный вкус, рафинированный аристократизм духа и мысли, совмещать с тем бытом, в который все мы были погружены. Это были годы керосиновых ламп, проглоченных зябкой темнотой улиц и какого-то непроходящего ощущения всеобщей фрустрации. Буквально на глазах рушились привычные жизненные ценности, менялись ориентиры. Назвать эти времена днями торжества поэтического слова пришло бы в голову разве что безумцу. Но для меня, в моей памяти, дни, когда рождалась книга сонетов Константина Сергеевича, навсегда останутся счастливым временем, роскошным подарком, возникшим из глубины герасимовского мира.

Я хорошо помню тот вечер, когда на мой стол легла увесистая пачка рукописей. «Вот, читай! Это сонеты, и их нужно проиллюстрировать. У тебя в запасе один день и еще ночь. В понедельник утром в «Мерани» будет ждать Герасимов. Все уже решено и других вариантов просто нет».

Сначала безапелляционный тон моего друга Ефима Курганова, собственно автора этой авантюры, вызвал у меня бурю негодования, смешанного с ужасом. (В те времена Фима – будущий преподаватель Сорбонны, доктор философских наук, автор множества литературоведческих книг и исторических романов, был безошибочно выделен Герасимовым из числа многих молодых диссертантов и встречался с Константином Сергеевичем почти каждый день). И как ему в голову пришло рекомендовать меня Герасимову! Ведь Константин Сергеевич никогда не видел моих работ – к тому времени у меня еще не было ни одной персональной выставки, я никогда не занималась иллюстрацией и даже не представляла, как это делается.

Комплекс дилетанта-самоучки тут же нарисовал мне картину – непроницаемо вежливое, отстраненное выражение на лице Гераси-

мова, рассматривающего мои жалкие эскизы. Такое лицо бывает, когда хотят сказать: «Извините, произошла ошибка», но подбирают выражения, чтобы не оскорбить даму.

В общем, я была в отчаянии.

И тогда Фима стал подробно мне объяснять, что эта книга давно ждет своего художника, что все представленные варианты других иллюстраторов, к сожалению, в чем-то не совпадали с ожиданиями Герасимова, что есть наброски великолепных художников Марка Полякова и даже Эрнста Неизвестного, но в их работах, действительно, блестящих, Герасимов увидел талантливое индивидуальное самовыражение, но, к сожалению, никак не отражение того мира, которым были наполнены его сонеты.

Понятно, что такое объяснение вогнало меня в еще больший комплекс. А Фима продолжал, что они с Константином Сергеевичем пришли к выводу – эти стихи, скорее всего, должен иллюстрировать именно филолог – линия должна соответствовать нагрузке слова, нужен голос, вторящий солисту – дуэт, поющий одну мелодию, а не соло двух авторов. И что-то еще в этом же духе. Все это меня не убеждало, и только последний аргумент заставил, скрепя сердце, согласиться – эта книга может так и не увидеть свет. «Мерани» на грани закрытия, главный редактор издательства Ушанги Рижинашвили по приглашению английского медиамагната Роберта Максвелла уехал в Москву и издает там журнал «Наше наследие». Для Тбилиси потеря такого блестящего и смелого редактора была очень болезненна. Ведь благодаря именно ему, преодолев барьеры запретов и жесткой цензуры, «Мерани» напечатал «Сны о Грузии» опальной тогда Беллы Ахмадулиной, Гумилева, Пильняка, Бабея, Зинаиду Гиппиус, Елену Рерих... Книга сонетов Герасимова была прощальным подарком Ушанги Ильича его другу-автору и всем читателям, ценящим настоящую литературу.

Времени было в обрез. Я начала читать рукопись. И захлебнулась. Это была поэзия, рассчитанная на немногих, на читателя, близкого автору по интеллекту, широте знаний и культуре. Живое, пульсирующее чувство, мне казалось, намеренно зашифровано, закрыто для непосвященного. Латынь, так естественно вплетенная без перевода в русский стих, обращение к Библии, Корану, Торе, к откровениям святых мудрецов Аюрведы, к эллинским и древнеримским авторам, культуре Древнего Египта, Вавилона, свободное, естественное цитирование европейских классиков от Возрождения до наших времен...

Когда исчезнуть навсегда придет
Из памяти немногих и неблизких –
А не было других – и мой черед,
Останутся сонетов этих списки.

Он сам жестко обозначил четкие границы своих отношений – «не

было других». Или ты из числа «немногих» – и тогда эта поэзия адресована тебе. Или ты в ряду «неблизких» – и тогда лучше не утруждать себя чтением сонетов, а заняться чем-нибудь другим, не требующим напряжения ни мысли, ни чувства.

В назначенный час я была в редакции. Позвонили Герасимову. «Бегу!» - коротко ответил он и повесил трубку.

От переулка Джавахишвели, где он жил, до «Мерани» не больше десяти минут ходьбы. Ждем десять минут, полчаса, час. Константина Сергеевича нет, его телефон молчит. Я чувствую себя жертвой, ожидающей казни. Лихорадочно жую вязкую хурму, подsunутую кем-то из сострадающих. Единственная мысль – кинуть папку с эскизами куда-нибудь в корзину и сбежать. Кто-то не выдерживает напряжения и отправляется на поиски Герасимова. Через минуту возвращается. Оказывается, Константин Сергеевич стоит в вестибюле и нервно курит. Судя по груде окурков у его ног, стоит давно, не может заставить себя зайти в редакцию – боится очередного разочарования. Наконец, решился – пятьдесят на пятьдесят. Если хотя бы на пятьдесят процентов рисунки совпадут с текстом, нужно соглашаться – выхода нет. Дверь стремительно открывается – на пороге, молча, Герасимов. Я от неожиданности роняю папку. Эскизы летят куда-то под стол. Герасимов, так же стремительно и молча, ныряет под стол за ними. Я тоже. Мы, сталкиваясь лбами, почти ползаем под столом, Он нетерпеливо пытается там же рассмотреть собираемые листки – я тяну их на себя, хочу что-то объяснить, но предательская хурма сдавила горло. За молчаливой возней под столом изумленно наблюдает вся редакция. Он, все также безмолвно, забирает эскизы из моих рук, рассматривает, наконец, поднимается и выносит приговор: «Нет, это не пятьдесят процентов!» Аккуратно раскладывает листочки по столу, долго и внимательно изучает каждый, совершенно не замечая моего отсутствия. А я все там же – на грани слез, раздавленная, онемевшая от хурмы и приговора и совершенно точно уверенная, что никакие силы теперь меня отсюда не выкурят, пока Герасимов не уйдет.

Неожиданно передо мной возникает строгое и удивленное лицо Константина Сергеевича: «Как? Вы до сих пор здесь? Что-нибудь еще нашли?» Я молчу. И только теперь он, кажется, понял, что со мной происходит. Он присел на корточки, лицо осветилось мягкой добротой: «Простите, я, кажется, не совсем понятно выразился. Вы попали в точку – это не пятьдесят процентов, это все сто. Спасибо! Если Вы согласитесь оказать мне честь, я буду рад. Поднимайтесь! Дайте Вашу руку!» Вот с этой щедро протянутой в мою сторону руки и началось наше сотрудничество, перешедшее в дружбу.

С тех пор, когда меня спрашивают, каким образом я стала иллюстратором этой книги, где нашел меня Герасимов, я коротко отвечаю: «Под столом!»

И началась совершенно необыкновенная, яркая, насыщенная событиями и открытиями полоса в моей жизни. Первым и самым значительным открытием для меня был, конечно, сам Константин Сергеевич. Все мои (его бывшей студентки) представления о сухо-вато-вежливом, отстраненно неприступном Герасимове рушились с каждой встречей. В памяти остались долгие осенние и зимние вечера. Я сижу в уютном кресле, завернутая в плед. Герасимов на кухне колдует над кофе по своему, какому-то новому, совершенно экзотическому рецепту. По комнате, освещенной керосиновой лампой, по возвышающимся до потолка книжным полкам и картинам гуляют тени, на полу жарко потрескивает керосинка. Откуда-то из темных углов, привлеченные теплом, появляются коты – это законные домочадцы, священная и неотъемлемая часть герасимовского мира. Они чинно устраиваются вокруг раскаленной керосинки. У каждого свое место. По-видимому, здесь какая-то строгая субординация. Один из котов затевает ссору, пытается отвоевать себе место получше. Скандалиста за шиворот выпроваживают в соседнюю холодную комнату – «Посиди и подумай!» Кот молча отбывает наказание за закрытой дверью – перечить здесь не принято. На журнальном столике, прямо на разложенных рукописях по-хозяйски располагается тот, которому можно все. «Он мудрый, - замечает Константин Сергеевич, - мы с ним уже не первый год пишем вместе».

Да лорд Хранитель Рукописей – кот – Нем и недвижим, все кого-то ждет.

Кофе готов, разлит по крошечным чашечкам, и начинается ритуал посвящения в Искусство Наслаждения. Каждый глоток нужно прочувствовать, ощутить и оценить вкус, аромат, послевкусие. Меня отправляют в увлекательнейшее, наполненное поэтическими легендами путешествие по странам, где взращиваются эти божественные зерна, посвящают в тонкости обжаривания и секреты приготовления. Мне кажется, что на моих глазах рождается Поэма о кофе. Ее автор – Герасимов, изысканный поэт-импровизатор, в который раз неожиданный и непредсказуемый. А чашечка кофе – всего лишь повод для вдохновения.

Наконец, начинается работа над книгой. Хотя едва ли можно назвать словом «работа» то действие, в которое превращал этот процесс Константин Сергеевич. Я по одному достаю из папки с очередным «домашним заданием» эскизы иллюстраций. На оборотной стороне каждого листка – номер сонета. Но Герасимов намеренно не заглядывает на оборотную сторону. Он внимательно рассматривает очередной рисунок, а потом безошибочно начинает читать наизусть нужный сонет. Причем, не только читает – с бесподобной щедростью делится воспоминаниями о днях, когда рождались эти строки, рассказывает о своей жизни, людях, событиях и, конечно же, книгах.

Книги – это предмет его особой, всепоглощающей, нежной и даже ревнивой страсти. Мне иногда казалось, что его отношения с людьми были куда менее эмоциональны, чем отношения с книгой. Надо было видеть, как влюбленно светилось его лицо, с какой бережной нежностью перелистывал страницы какого-нибудь редчайшего фолианта из своей уникальной коллекции. Он мог годами охотиться за книгой, выслеживал ее, добивался, экономя на всем, покупал или выменивал. А когда, наконец, становился ее обладателем, был совершенно счастлив. Это был герасимовский мир, в котором и его книги, и его рукописи, и его коты были связаны с ним непостижимой родственной, пожизненной связью.

Уж не знаю, за что и почему впущенная в этот мир, я втайне часто терзалась ощущением собственной неполноценности – слишком убог и мал был в этом необъятном мире багаж моих знаний, которые давало нам искореженное всяческими запретами, обрезанное цензурой образование. Видимо, интуитивно чувствуя мое состояние, хозяин дома как-то незаметно и очень деликатно умел создавать такую атмосферу, при которой мое невежество просто не принималось в расчет. «Поднимайтесь! Давайте вашу руку!» Он действительно мог поднимать собеседника «из-под стола» до своего уровня, никогда и ни в чем не подчеркивая своего превосходства.

В какой-то мере мое невежество даже сыграло, как ни странно, положительную роль при создании книги. Однажды я осмелилась предположить, что большинству будущих читателей сонетов, к сожалению, будет недоступно в полной мере наслаждение чувством, заложенным в них, что не обладающий такой же, как автор, глубиной знаний читатель сможет увидеть лишь верхнюю часть айсберга. На это Герасимов отреагировал как-то сухо, но совершенно убежденно. Он сказал, что его нисколько не интересует количество читателей – он предпочитает качество. Есть книги, рассчитанные на любого и каждого – такое однодневное чтение. А есть книги, читателями которых могут быть всего лишь человек десять, но избранных – не всеядный, а элитарный читатель, и ему тоже нужна именно его литература, по которой он испытывает голод. Пусть даже такая литература будет издана тиражом всего лишь в десять экземпляров. И тут я взбунтовалась: «За что вы нас, и меня в том числе, приговариваете к пожизненному невежеству?! За что казните и так уже наказанных невозможностью получить знания, которых так ощутимо не хватает?! Разве всем жаждущим выпадает такое счастье, как мне, слышать сонеты с вашими комментариями, открывать для себя такой космос, о котором даже не мечталось!» В запальчивости, на грани слез, я наговорила что-то еще в защиту себе подобных и остановилась, увидев его растерянное лицо. К ужасу своему я поняла, что, не желая того, замахнулась на весь его мир, на него самого. Ведь действительно, не мог же он быть в своих сонетах иным, чем он был на самом деле. Герасимов был расстроен: «Где же выход? Я не вижу. Не делать же пояснительные сноски к каждой строке. Это будет не книга, а урод».

Неделю я боялась появиться в его доме, терзаемая муками со-

вести. Мне казалось, что одним махом я разрушила всю степень доверия, откровенности и взаимопонимания, сложившиеся между нами. Наконец, раздался телефонный звонок: «Куда вы потерялись? Я сочинил потрясающий коктейль – вы непременно должны его продегустировать! Никаких возражений! Жду!»

Я поняла, что прощена, и помчалась в дом, атмосферы которого мне теперь уже физически не хватало. Конечно же, был коктейль. В составлении коктейлей Герасимов был непревзойденным композитором и неприкрыто гордился каждым своим новым произведением. Но главный сюрприз ожидал меня впереди. Константин Сергеевич вынес стопку листков, плотно исписанных его четким мелким почерком: «Это вам подарок! Ваша правда – простите! Я не имею права быть скупым».

Так появились в конце его книги сонеты «Примечания», чтение которых доставляет не меньшее удовольствие, чем чтение самих стихов. Мир был восстановлен, и наши доверительные вечера, наполненные беседами, стихами, своими и чужими, продолжались.

Врожденный аристократизм и деликатность Константина Сергеевича никогда не позволяли ему перейти за грань душевного самообнажения – всегда оставалось что-то, что было за пределами его рассказа, сугубо личное, неприкосновенное. И все равно до сих пор у меня осталось ощущение какого-то незаслуженного мною, ничем не оправданного доверия, которым одаривал меня в те дни Константин Сергеевич. Так откровенны мы бываем лишь с очень близкими (к которым я себя ни в коем случае не смею причислить) или со случайным попутчиком, зная, что ты с ним никогда больше не встретишься. Могла ли я знать, что это самое «никогда» уже вплотную приблизилось к жизни Герасимова! Не помню случая, чтобы он пожаловался или хотя бы намекнул на свою смертельную болезнь.

Ars moriendi – искусство умирать.

Он даже свой уход сумел превратить в искусство. И только когда его не стало, я вспомнила, как однажды, перелистывая уже почти сложившуюся книгу, Герасимов с каким-то горьким и неожиданно беззащитным отчаянием признался: «Мне кажется, я не доживу до того дня, когда ее издадут!» Мне он виделся жилистым и вечным, и его отчаяние я тогда отнесла к очередному препятствию, которых так много было на пути рождения книги.

Судьба книги действительно была сложной. Началась гражданская война. До сонетов ли было городу, который обстреливался снайперами! Даже стены храма Кашвети на проспекте Руставели были искорежены снарядами. Огромные стеклянные витрины «Мерани» были разгромлены и заложены мешками с песком. Ходили слухи, что пострадала и типография, были рассыпаны наборы русских шрифтов. По молчаливому сговору мы с Константином Сергеевичем старались не говорить о книге. Просто это надо было как-то достойно пережить. А когда все, казалось бы, более или менее улеглось, грянула инфляция. Сумма, отпущенная на издание книги, превратилась в чисто символическую. Добавить было неоткуда –

мы все тогда перебивались на сухарях. Подорожала бумага, да и обнаружилось, что ее попросту нет – всю хорошую бумагу пустили на политическую мишуру, плакаты и листовки, которые никто не читал. Ветер разносил по опустевшим улицам этот мусор, и как-то Константин Сергеевич, глядя под ноги, горько сиронизировал: «Это могло стать страницами моей книги. Но, видно, в этом мире свои сонеты».

Как ни странно, чем больше препятствий возникало на пути у книги Герасимова, тем сплоченнее становился круг людей, упрямо, вопреки всему, желавших дать этой книге жизнь. Это было сопротивление интеллекта, духа несломленных тбилисцев. Вызов тому хаосу, в который, как в воронку, ввинчивалась наша жизнь. Безусловно, это был еще и показатель того огромного уважения, которое вызывала сама личность Константина Сергеевича.

Ведь вопреки всему я не был нем
Там, где Бедламом стал мой Вифлеем.

Возникла идея набрать книгу на компьютере. Опыта не было никакого. Операторы-самоучки набирали текст медленно, заглядывая в шпаргалки. Но рискнули – и получилось. А потом кто-то обнаружил среди хлама так и не разобранный со времен гражданской войны баррикады, чуть ли не в тоннеле, ведущем в Ботанический сад, припрятанный или забытый кем-то рулон хорошей типографской бумаги. Хозяина этого рулона не обнаружилось, и ко всеобщей радости бумажная проблема сборника Герасимова чудесным образом была решена...

И наконец, пришел тот день, когда раздался телефонный звонок, и сдавленный волнением голос Константина Сергеевича позвал: «Приезжайте! Срочно! ОНА У МЕНЯ ДОМА!»

На фоне высокомерно поблескивающих золотыми обрезами, роскошно изданных книг, поселившихся в доме Герасимова, маленькая, невзрачная, отпечатанная на остатках плохой типографской краски эта книжечка выглядела почти уродцем. Но это было такое выстраданное годами, долгожданное его дитя, родившееся из глубины безмерного мира по имени ГЕРАСИМОВ.

И сегодня для меня эта небольшая книга сонетов остается самым ценным подарком того мира, в котором продолжает жить ее автор, учивший и нас Искусству Жить – ARS VITAE.

НОДАР ПОРАКИШВИЛИ

ЧЕЛОВЕК, ДОМ И ВРЕМЯ В АНОМАЛЬНОМ МИРЕ

В «случае» Константина Сергеевича Герасимова, умершего два поколения назад, есть то, что называют «приостановкой бытия», включающей всякого рода повторения, но предполагающей разворачивание в другом не только качестве, но и масштабе.

Самое любопытное и удивительное заключается в том, что протяженное неподвижное бытие в новом качестве тех, кто умер, ориентировано на в какой-то степени игровой вариант: человек исчезает, не исчезая. По природной логике протягивается неизбежная, неистребимая связь между уходом в мир иной близкого тебе человека и тобой или другими, в которых К.С. и его умершие коллеги прочно расположились в исторической памяти. Говоря словами О.Мандельштама, «в медленном водовороте» «времени бремя избывается», «и в легкой стуже» становится все труднее убедить «новых варваров» непредпочтительного возраста в очевидном: «Держу пари, что я еще не умер, И, как жокей, ручаюсь головой, Что я еще могу набедокурить На рысистой дорожке беговой». И не важно, что они «возмужали», как «дождевые черви» - в иной форме их существование элементарно невозможно.

Спору нет, герой нашего материала не принадлежит к той разновидности деятелей, которые подлежат возвращению на потребу дня по юбилейной надобности. «Говорят, что юбилей – это день заслуженных преувеличений. Но наша литература знала столько незаслуженных преуменьшений!» - писал В.Каверин. На К.С. в определенной степени выпало «незаслуженное преуменьшение». Часть вины лежит на его коллегах, друзьях, учениках, но в еще большей степени дело осложнялось, как говорится, «текстами бытия», т.е. политической современностью и тяжелой реальностью.

Своего законного прояснения требует еще один устрашающий нерядовой сюжет: умонепостигаемое участие в жизни К.С. проходивцев, каким-то образом оприходовавших домашнее пространство одинокого человека, трепавших ему нервы, а потом с исключительной наглостью объявивших себя душеприказчиками покойного.

В нашем повествовании в центре внимания оказывается не жизнеописание К.С. со всеми подробностями, а серия биографических узлов и блоков, явившихся для автора данного материала событиями, пережитыми в синхронном плане – и в буднях, и в праздниках. Подчеркивая важность некоторых из них, мы, по понятным соображениям, отсекаем от сюжета другие, что не повлияет на общий контур и не вызовет особых возражений читателей.

Как отложились в К.С. пласты трагических биографических событий и как он «совершался», говоря словами А.Блока «не в одном воображении», об этом – по понятным причинам – в двух словах. Когда «медленно сходили На землю сумерки зимы», цивилизованное календарное время стало неудержимо распадаться, естественное пространство заполнилось инертным «осадочным материалом» и жить стало совсем уж невмоготу, житейские процедуры К.С. сузились до опасного предела: это оказалось, по А.С. Грибоедову, «сильным положением в сюжете» репрессивной контркультуры. У трагического лихолетья, разбудившего кровожадных варваров, имелась мощная линейная концепция, которой противостоять, по сути дела, невозможно на равных условиях и в рамках элементарного приличия. Вульгарная сила имела неограниченное преимущество перед правом. К.С. не мог не совпадать в физическом плане с сопутствующим временем, но происходило это в осложненном режиме и в сочетании с драматическими переживаниями, фундаментально воздействующими на общее самочувствие потомственного дворянина и горожанина. В данном случае мы имеем в виду не только набор усложнений личного плана, но и его деятельность, т.е. учебу, службу, быт...

Принудительное расположение в политическом пространстве и обязательная подотчетность государственным структурам в любом раскладе влияли на К.С., сдавливали и сжимали в нем человека, но в мировоззренческом и системном отношении он до конца дней оказался несломленным. Отгородиться от «бедствия века» (А.Безансон), проигнорировать большевистскую непостижимость было свыше его сил, возможностей, и – кроме того – смертельно опасно было и молчать: «свою лояльность необходимо было доказать ежедневно и недвусмысленно» (Ю.Олеша). Но К.С., будучи ориентирован на другие ценности и предпочтения, не стал органической частью монолитного комплекса или его задворками. Как и подобает, по М.Бахтину, «реальному действительному человеку», он совместил в себе «акт деятельности» с «актом поступка», всецело оказался во власти «нравственных, этических норм» и тем самым уберег себя от «развеществления».

Ситуация, в которой оказался наш герой более века назад, была определена одним из героев раннего А.П.Чехова: «Пойдешь направо – волки тебя съедят, пойдешь налево – сам себя съешь». Полагаю, К.С. не был сосредоточен ни на антисоветизме, ни на просоветизме, а располагался над затянувшейся бедой, обозревая большевизм с угрюмым недоумением. И событийный кровавый карнавал хотя и воздействовал на него, «вытягивая жилы» (И.Бродский), но вывернуть наизнанку оказался не в состоянии.

Для того чтобы с еще большей определенностью объяснить переживание актуальности скромным тбилиским интеллигентом и

интеллектуалом, позволим себе сослаться на три, условно говоря, модели поведения.

1. Во времена французской революции аббата Сийеса спросили, что он делал во время террора. Он ответил: «Я оставался жив».

2. А.А.Фет: «Живя, умеи все пережить».

3. Оксман говорил: «Я служил большевикам не за страх, а за совесть, но не доверял им ни минуты. А другие служили за страх, но верили. Поэтому я выжил, а они нет».

И тут неизбежно возникает законный вопрос: по какой мотивации в нарастающем безобразии К.С. удалось «удержаться в пределах осуществимого»? А по той причине, что помимо социального пространства в виде среды на первый план выдвигается физиологическая обозначенность, закреплённая такими важными блоками, как «характер», «природа», «ген». Без этого личность как ценностная структура не конструируется.

Усовершенствования в сфере родословных опорных элементов начисто исключены. Мы, к сожалению, мало что знаем о родителях К.С. и, боюсь, что вопиющая непосвящённость в частности и детали не только индивидуального свойства вряд ли когда-нибудь будет прояснена. И, тем не менее, то, что произошло всего поколение назад, может быть отмечено как одна из важнейших форм культурной и гражданской биографии К.С.

Формулу, сочинённую М.Горьким: «Если враг не сдаётся, его уничтожают», строители «нового мира» реализовывали по полной программе, усердно, от души, с выдумкой. Жертвой безжалостной ликвидации стал отец К.С., который, по утверждению сына, отрицательно относился к фантазмагорическим процессам эпохи, но физически не участвовал в борьбе против большевистской заразы.

Портрет нашего коллеги на фоне «бедствия века» будет неполным и превратится в вялую, невыразительную параллель, если мы проигнорируем уход из жизни его матери.

Не по рутинной необходимости семья будущего ученого в ускоренном темпе сократилась наполовину – вторжение рабоче-крестьянского хамства извне в частную сферу наглядным образом продемонстрировало вульгарный террор, утяжелённый безусловным бандитизмом. Беспощадная лавина своим мощным потоком накрыла цивилизацию, вытравивала из нее все живое, общечеловеческое, высокохудожественное.

При таком состоянии общества дело приходилось иметь с репрессивной контркультурой, окутанной «погребальной паутиной», по выражению Л.Гинзбург, где «на службу вышли Ивановы В своих штанах и башмаках». Именно они энергично и инициативно раздвигали пространственный горизонт повседневности, с маниакальной настойчивостью навязывая всем собственные условия существования. Результат не замедлил сказаться: «Я плавно думать не могу – Мешает страх» (Д.Хармс).

В значительной степени изначальный положительный ресурс «правильного» поведения К.С. в протяжённую эпоху безвременья

состоял в его индивидуальных свойствах и устойчивости семейной системы. Представляя другую не вполне заметную тенденцию современной жизни, он не состоял в комсомоле, партии и считался, говоря словами Ю.Лотмана, «человеком без биографии и его знания, профессиональные навыки не давали даже минимального преимущества перед «человеком с биографией», что не способствовало благополучию в материальном и духовном планах и не «уравнивало их культурного статуса». В атмосфере политического напряжения и повсеместных репрессий будничная жизнь К.С. постоянно подвергалась риску потери внутренней свободы, и он, зная об этом, ни разу не пошел на попятную. «Свободным оказывается тот, кто действительно не мог иначе» (М.Харитонов).

К.С. далеко не единственный, кого беда втянула в свой миф в качестве скрытого антигероя – антигероя по личному трагическому опыту, опыту постоянно переживаемому, незатухающему, безысходному и исчезнувшему вместе с ним.

Коснемся такой непростой проблемы, как «программа поведения», без которой жизнеустройство с его многочисленными тревогами не поддается расшифровке. Помимо «мифологического мира» существует еще и реальный мир со своими моделирующими механизмами, игнорируя который невозможно понять поведение взрослого человека. Партийные предначертания и почвеннические пристрастия не в состоянии проникнуть в сердцевину домостроительства и выесть из нее неустранимую способность хранить и передавать первородную информацию. Дом и семья Герасимовых на протяжении многих десятков лет – лично я был вхож в него с 1960 года по самый день смерти К.С. – непрерывно, даже в годы тяжелых невзгод, выражаясь словами Т.Цивьян, «представляли собой одну из основополагающих семантем» тифлисской городской культуры с ее неповторимыми проявлениями. Располагаясь в переулке Джавахишвили – в укромном уголке старого города, он устойчиво привлекал своим гостеприимством и радушием разного рода визитеров, в том числе, как любил с особенной теплотой выражаться наш коллега, «чужестранцев». И здесь мы обязаны вновь прибегнуть к помощи известного культуролога и филолога Т.Цивьян, твердо уверенной в том, что «с одной стороны дом принадлежит человеку, олицетворяя целостный вещный мир», а с другой стороны, «дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека».

Кроме того, дом «предполагает обязательное присутствие внутри него человека» - большевики возобновили варварскую традицию каменного века, «невовлеченных» подвергали системному «изъятию из жизни». Обычное течение времени искусственно приостанавливалось, и члены семьи «врага народа» в одночасье оказывались на улице в полном смысле этого слова. Герасимовы располагали

достаточными сведениями о живодерных экзекуциях и пережили немало ужасных минут в ожидании «тяжело-звонкого скаканья по потрясенной мостовой» (А.С.Пушкин).

Весьма затруднительно сейчас в полном виде восстановить наши с К.С. немногочисленные беседы на «чрезвычайные» темы в подробностях, но ссылки на «Медного всадника» запомнились отчетливо, как и то, что он никогда не прибегал к злобным изобличениям большевизма не в силу покорно-вялой позиции. Ее особая значимость, на мой взгляд, состояла в том, что К.С. ни минуты не сомневался в том, что по законам природы «грома грохотанье» прекратится, а «жадный вал» исчезнет так же неожиданно, как и появился.

К.С. не просто выжил – он выжил достойно, ни минуту не поступившись честью и не нарушив этические нормы. Фактическое отстояние от системных процессов ни в коем случае не свидетельствует о гражданском провале героя, о его моральном бессилии, уходе в «футлярную» жизнь, напротив, вызов времени вынуждал его к постоянной умственной работе. В иных условиях выжить в обществе, где враждебность человеческих – бытовых, служебных, политических, идеологических, межнациональных, частных и т. д. – отношений достигла всех мыслимых и немыслимых пределов, было невозможно.

«Количество умов», как заметил Л.Зорин, «не совпадает и не может совпадать с количеством голов». А это создает идеальные условия для легко предсказуемых трагедий – противостоять инициаторам уродливых «проектов» невозможно по всем причинам – от чисто человеческих до политических.

Там, где была возможность нравственного выбора в условиях разгрома, насилия и казней возможность жизни реализовывалась в контексте общего существования, «тайну же благодати» исследователи мотивированно усматривают в «тайнах домостроительства», без чего осуществить выход из «закатастрофированности» было невозможно.

Злободневные события не могли обходить его дом стороной, ибо в равной мере влияли на всех. «Безродный, круглый сирота» - голдранец из сельской глухомани, основное «лицо» вселенских пертурбаций – первым долгом свое классовое возбуждение реализовывал на уровне домашней пространственности, на первом же этапе репрессий выжив из нее владельцев и нарушив фундаментальное условие цивилизованного свойства: наличие в жилом помещении человека. Приливная волна, спровоцированная «подлым людом», сметала на своем пути целые сословия – на ее пути оказалась коллега К.С. Л.Д.Хихадзе, профессор, известная исследовательница и педагог, ныне покойная – ее родителей репрессировали, а малолетних детей выкинули на улицу, и дом в одночасье оказался нежилым, т. е. обрел статус «мертвого».

В свое время на примере судьбы персонажей «Мастера и Маргариты» Ю.М.Лотман убедительно продемонстрировал, как «ото всех сторон крадется дрянь, шурша своим ковром», и «мелким, стратегическим пунктиром» коварно и бездушно разрушает границы между «допустимым» и «недопустимым». Новое «домостроительство» в условиях интенсивных рабоче-крестьянских пертурбаций мощно и повсеместно внедрило в быт «новаторскую» форму обитания-проживания – «коммунальные» квартиры, постоянно курируемые «жактом». «Дом» надолго, если не навсегда, потерял двойную семантику, т. е. перестал быть и местом обитания, и средством защиты от «злых сил».

Если действительно существуют «покровительственные боги пространства», то именно с их помощью удалось Герасимовым избежать «чудес с исчезновением».

Когда речь заходит о человеке с биографией, т. е. таком, как К.С., выдвинутом трагическими обстоятельствами в невыносимые обстоятельства, чрезвычайные коллизии, то драматургия жизнедействия, выражаясь словами Б.Рассела, опирается на три установки мировоззренческого толка, а именно: «практическую, мистическую и научную»: а) «что я буду делать?»; б) «во что я буду верить? или: «что я могу знать?»; в) «что я буду чувствовать?» Ясное дело, обраться в «черной дыре» и быть свободной, полностью отстраненной от нее личностью исключалось. Можно сказать о том, что «государственные тяжды и воительства», говоря словами М.Харитоновой, не сломили К.С., и он с честью прошел «испытание пагубой и порчей, проверку унижением и стыдом». И здесь мы вновь возвращаемся к такой порождающей реальности, как дом с его внутренним специфическим смыслом и отличительными особенностями.

«Что такое «домность»? Вот перед нами пять домов. И что? Понятие «дом» - это «домность». Поскольку каждый дом единичный, а «дом» - это дом вообще? Идея дома? Нет, очевидно, если мы понимаем, что такое идея, когда думаем о том, что у каждого из нас должен быть действительно дом, что жизнь человеческая без дома, т. е. без какого-то пространства, вокруг которого могут возводиться круглые стены, квадратные и т.д. – практически невыносима. Ведь почему-то должна быть еще и крыша. Это ритм и одновременно горизонт, и режим человеческой жизни, которая производится в таком виде тысячелетия. Мы не представляем себе жизни вне дома. Куда бы мы не пришли – мы замыкаем пространство вокруг себя, обязательно вспоминаем или думаем о доме. «Дом» есть идея, а мы – внутри идеи. Жизнь «домности» и есть жизнь идеи» (М.Мамардашвили).

Когда мы говорим о «Доме Герасимовых», то имеем в виду и связь его с внешним миром» - он входит в качестве составляющей в общую культуру без всяких регламентирующих условий. Избежать контактов с противостоящим враждебным пространством и «духом

эпох» не было никакой возможности, благодаря чему шансы выживания сводились к минимуму. Все же пересечение с уродливой системой не разрушило семейный очаг Герасимовых, в условиях невероятной уязвимости им удалось выстоять, сохранить душевное равновесие, честь и достоинство.

Само собой, мы обязаны остановиться и на месте жилья, и на его обитателях. В фасадной части находилась одна сравнительно небольшая комната, в глубине – другая, к ним примыкал коридор с подсобным помещением, где располагалась кухня. Первая с минимальным набором мебели служила гостиной, где хлебосольный К.С. принимал бесчисленных визитеров, во вторую, смежную, доступ посторонним был запрещен. Лишь дважды за время нашего долговременного знакомства – в связи с недомоганием К.С. – я оказался на «заветной» территории и физически ощутил, что именно здесь оказалась сохранена особая форма жизни, нетеатральная, не занавесочная, не дубликат чего-то маргинального. В небольшой комнате – слегка затемненной – господствовал своеобразный режим реальности в виде простой совокупности старинных вещей – шкафа, гардероба, ломберного столика, нескольких стульев, кровати и столика – именно они воспроизводили своим старомодным, ненарядным видом и неменяющимся порядком непередаваемый аромат прежней семейной жизни, неподвластной времени...

Органическая сопричастность К.С. со старомодной, по тогдашним представлениям, культурой и ее фундаментальными категориями напрямую связана с влиянием деда, на долю которого выпала тяжелая участь – воспитать сироту-внука. Молодому человеку следовало помочь не только материально, но и дать освоиться в разрушенной системе координат с господством жестокости, агрессии, черствости, безбожия...

Опасность, подстерегающая К.С. за пределами дома и в нем самом, не могла не накладываться на безоружное сознание молодого человека, и кто знает, как сложилась бы его судьба, не будь рядом с ним дедушки. Это был потомственный дворянин и первоклассный печатник, нерядовой член гильдии книгоиздателей, в обыденной же жизни – добрый и благородный человек, безмерно влюбленный в обездоленного судьбой единственного внука. Он умело приобщал К.С. к книгам, последовательно вводя его в мир семейных и городских традиций, ничего общего не имеющих с повальным умопомешательством. Именно в ходе этого процесса зародилась и оформилась на всю жизнь любовь к древностям – книгам, рукописям, многовековым фолиантам. Иного способа преодоления оплеванного детства, отрочества и юности не было – вот почему К.С. не пополнил собой толпу неудачников и неврастеников.

Естественно предположить, что после окончания школы вопрос о выборе профессии не стоял, и он коллега с первого захода стал

студентом – русистом филологического факультета ТГУ, как потом выяснилось, на всю оставшуюся жизнь связав себя с этим учебным заведением. Он оказался в родной стихии, где одаренного студента ожидала многолетняя судьба: отличная учеба, работа в библиотеках и книгохранилищах, доклады, научные семинары, без которых и речи не может быть о настоящей науке. После аспирантуры и успешной защиты диссертации К.С. постоянно привлекался к чтению общих и специальных курсов, работал с дипломниками, диссертантами, рецензировал разного рода сочинения – одним словом, трудился не покладая рук.

Начинающего филолога ни под каким предлогом нельзя было «вывести за скобки» собственного бытия, оторвать от первородной культуры и прописать по другому ведомству, даже если эта процедура сулила мгновенную выгоду и имущественную пользу по солидным расценкам. Бытовые прелести, вокруг которых вращались обывательские предпочтения, мало интересовали его: для К.С. решающее значение имели внутренняя свобода и независимость, вольное осуществление в сложном и трагическом мире.

Полнота жизни состояла в занятии любимым делом – интеллектуальный же ресурс эпохи в силу вульгарности и грубой материальности лишал ученого возможности претворять замыслы с учетом личных вкусов.

Для того чтобы найти свое место в мире, К.С. обратился к двум в одной плоскости находящимся проблемам: вечно актуальной древности и к такому мировому феномену, как русская поэзия конца XIX-начала XX века. Исследовательские «переживания» К.С. сконцентрировал не на модной, примитивной, но прибыльной проблематике, а на фигуре В.Я.Брюсова – поэте знаковым, одним из самых образованных людей не только своего времени. По разным причинам к «старшему символисту» предъявлялись какие-то непонятные, несуразные претензии, отмеченные военизированным смыслом и мотивацией.

Опыт работы в области брюсоведения сделался отправной точкой и пунктом всей биографии К.С., в которой не было места забавам, банальным фокусам и провокативным комбинациям. Противостояние тенденциям можно считать состоявшимся фактом, и мы обязаны заявить: заслуга К.С., его учеников (в первую очередь С.А.Хангуляна) и единомышленников в том и состоит, что они «вписали» творчество Брюсова в литературный процесс и продемонстрировали высокий статус поэта.

Концепция творчества В.Я.Брюсова, складывавшаяся у К.С. на протяжении почти полного полувека, отличается и добротой филологической оборудованностью, и редко встречающейся в науке о литературе элегантностью. Разрыв и расхождение со стандартными схемами осуществлялись не в рваном темпе или спонтанными

взрывами, а последовательно, линейно, по мере накопления как фактического материала, так и профессионального опыта, без чего определить место В.Я.Брюсова в поэтической культуре было невозможно. К.С. в оценке поэта исходил из того, что тот ни с кем не пересекался, не вписывался с кем-то в симметричные плоскости и тем более не подчинялся стадным инстинктам.

К.С. – автор таких блистательных исследований, как: «Сонет в творческом наследии Брюсова», «В.Брюсов и диалектика сонета», «Образы будущего в поэзии В.Брюсова», «Научная поэзия Брюсова», «Штурм неба в поэзии Брюсова», «Диалектика канонов сонета» и др.

Главное, стержневое, опорное дело всей жизни К.С. – помимо собирательства – это протяженное во времени священнодействие вокруг имени В.Я.Брюсова с обретением в этом процессе особого состояния, отграниченного от нудной обывательской суеты, ложной многозначительности, с безусловным соблюдением самостоятельности, собственного достоинства.

Сегодня для тех уже немногих, кто десятки лет находился рядом с ним, ясно и обыденно: К.С., в порядке, наведенном Всевышним, в неприспособленном для этого мире превратился, выражаясь словами Л.Зорина, и в «лицо из исторической хроники», и попутно стал «историческим персонажем» – в этом и следует видеть истоки долговечности особого качества его как человека, гражданина, ученого. В непроглядном мраке с редкими световыми озарениями по условиям игры он был «горд и смел – и дух имел суровый» (А.С.Пушкин).

Можно смело говорить о том, что целеустремленный интерес к такой сложной фигуре, как В.Я.Брюсов, и абсолютное равнодушие к «инженерам человеческих душ», «востребованным революционной эпохой», плотно увязан с внутренним стержнем К.С. То, что называлось «социальным заказом», не находило и не могло найти места в исследовательской практике К.С. В эпоху фундаментальных сдвигов, утверждения новых ценностей, считал К.С., выдвигаются не только громогласные «говоруны» с проспектов, площадей, подворотен типа В.В.Маяковского, но и совершенно неангажированные, камерные сочинители – интеллектуалы, всецело погруженные в литературные дела, как В.Я.Брюсов. В.В.Маяковский не был близок брюсоведу с его изысканными манерами, вкусом, «королевским этикетом» - клочущая мятежность поэзии «агитатора и горлана» не вписывалась в герасимовские нормативы с их гармонической упорядоченностью, изысканностью, благородством.

Однажды во время очередных бдений на литературные темы, он, имея в виду конъектурные веяния в обществе, вспомнил весьма важные слова А.А.Фета: «Живя, умей все пережить», а потом со снисходительной иронией процитировал стихи Демьяна Бедного:

Брюсов, Белый и компания,
Вот какой шмелиный рой
Втиснул ваши начинания
В свой упадочный настрой.
Яд условности и сложности
В души юные проник,
Замутив до невозможности
Пролетарских дум родник.

Не в характере К.С. было ввязываться в литературные баталии и опровергать тех, кого жизнь упокоила в дремучих архивах кладбищенского хозяйства, но серьезный научный анализ творчества В.Я.Брюсова на фоне сложнейшей эпохи позволил ученому с фактами в руках не просто восстановить историческую справедливость, но установить место «старшего символиста» в литературной культуре XX века без некорректных искажений, выведя его из-под воздействия ограничительных, а то и вовсе дисквалифицирующих различий.

Мы лишены возможности наметить контуры литературоведческих штудий К.С., но культурный статус ученого будет неполным если мы хотя бы в двух словах не упомянем основоположную по всем показателям книгу «Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета», которая «освещает различные составляющие теории и истории сонета как жанра философской лирики в литературах народов СССР и стран Запада». Без всяких пояснений и дополнительных обоснований заявляем: данный труд, имевший масштабный резонанс, не имел бы никаких шансов увидеть свет, если бы не гигантские усилия К.С., сумевшего в сложнейших условиях довести дело до победного конца.

Однообразные, противоестественные, уродливые обстоятельства, в эпицентре которых волею судьбы оказался К.С., не столь однозначны, как это может показаться с первого взгляда. Их осмысление и разгадывание требует исследовательской осторожности, человеческого участия, учета индивидуальных психологических особенностей этого человека. Мы попробуем прояснить такие важные аспекты жизнедеятельности нашего коллеги, как поэтическое творчество и собирательство, которые уже в юношеском возрасте сложились в жизненный смысл в условиях «бесчисленных обид».

В большевистской модели мира две пространственные плоскости, отчужденные друг от друга беспрецедентными препятствиями, обусловлены противопоставлением: «этот, верхний мир – жизнь, тот, нижний мир – смерть», между ними «проходит жесткая граница, переступать которую опасно» (Т.Цивьян). Несмотря на то, что на К.С. вплоть до конца шестидесятых годов лежал «приговор вины», с его стороны не наблюдалось попытки «смены направления» и недостой-

ного блуждания по «искривленным переулкам» - он с риском для жизни не покидал «своего особого пространства», в котором и осуществлялось «лабиринтное движение», состоящее одновременно и из «неожиданных поворотов и кружением на месте» (В.Розанов). Один из результатов такого необычного состояния личности – ускоренное самоосуществление человека с неотвратимой самореализацией в каком-то важном, большом и имеющем протяженное продолжение деле.

Для автора этих строк, как, впрочем, и для многих из его окружения, К.С. являл собой типичного «тифлисского» аристократа, хорошего человека, первоклассного исследователя, высококвалифицированного преподавателя, необыкновенного знатока и собирателя древностей, не имеющего себе равных библиофила. А между тем – и мы заявляем об этом со всей ответственностью – никто, повторяем, никто, не знал, что К.С. несколько десятков лет серьезно и профессионально занимался поэтическим творчеством, которое ни в коем случае нельзя воспринимать в отрыве от всех других занятий этого необыкновенного человека.

Особый разговор о поэтическом творчестве К.С. еще впереди – наша задача скромнее.

Однажды после какого-то званого обеда К.С. традиционно затащил меня к себе домой на чаепитие – у него постоянно имелся чай из кладовых знаменитого заводчика князя Лобанова-Ростовского. За чаем очень неожиданно он начал читать какие-то стихи – читал неважно, не в свойственном ему стиле, невнятно произносил окончания, «сбивал» темп, искажал мелодику, короче, процедура оказалась на редкость беспомощной, и К.С., от которого не ускользнуло мое нескрываемое равнодушие, быстро перевел разговор на другую тему. На следующий день он, по раз и навсегда заведенному обычаю, перед лекцией зашел в деканат, где я тогда работал, и справился о самочувствии. И тут неожиданно всплыл вчерашний эпизод с чтением стихов. Попытка прояснить ситуацию привела к фантастическому результату. Сперва К.С. упрямо переводил общение на другую тему, а потом, поняв, что отвертеться не сумеет, скороговоркой заметил, что время от времени пишет стихи. С удвоенной энергией, интуитивно чувствуя за всем этим какую-то мистику, я стал настаивать на повторении вчерашней «процедуры», и он нехотя согласился после лекций удовлетворить мое любопытство. Одним словом, через какое-то время в моих руках оказались два листочка из обыкновенной ученической тетради, исписанные ровным, аккуратным почерком. Знакомство с поэтом К.С.Герасимовым началось с двух стихотворений, тогда еще неозаглавленных:

1. Без сожаленья думаю, что в прах,
В ничто вот это обратиться тело.

Знать – «я» исчезает – боль уже остра;
Не чувствовать, не мыслить...

2. Восторженным захлебываясь визгом,
Трущевное топталось поголовье
Там – за стеной моей хибарки низкой
С заложенными окнами – и вновь я...

Для того чтобы понять непричастность подобного рода поэзии к каким-то направлениям, течениям, группировкам или школам, мне достаточно было ознакомиться с приведенными текстами – очень необычными по всем показателям: от оригинального словорасположения до необычной мелодики, ритмики, синтаксиса. Понятия не имея о технической стороне поэтических штудий К.С., я сумел «разговорить» его и установить, что он давно пишет «в стол», и за это время собралось достаточно много текстов, которые никоим образом не могут быть отнесены к важному «событию» жизни их автора. Лишь после того, как у меня сложилось представление о характере занятий К.С., их объеме, появилась серьезная мотивация для нарушения в определенной степени сложившегося стиля жизни с последующим выходом из ее жесткой размеренности, замкнутого домашнего уюта в непривычный и шумный мир большой литературы с недвусмысленной публичной престижностью, что органически не совмещалось с герасимовским мироощущением.

Нам стоило немалых труда, времени, терпения убедить К.С. в том, что пребывание в состоянии отвлеченного идеализма с безразличным отношением к реализации результатов стихотворчества – дело, мягко говоря, беспечное, непонятное и легкомысленное. У этой загадочной коллизии просматривалась еще одна составляющая, которая требовала объяснения: с точки зрения здравого смысла выпадение из общих правил было налицо – казалось необычным, как можно сорок лет интенсивно, самозабвенно сочинять первоклассные стихотворения, обрамляя их рамками циклов, и в то же самое время проявлять полное равнодушие к общественной реакции?

Сейчас, когда пишутся эти строки, возникла возможность реконструкции результатов герасимовских свершений – да и то в очевидно неполном виде к тому же с большим опозданием. Начнем с того, что общий объем произведений, необходимый для формирования точки отсчета, не установлен и вряд ли будет учтен по объективным причинам – основная из которых носит почти криминальный характер. Во-вторых, непосредственный и долголетний опыт общения с К.С. в человеческом и служебном планах, признаемся откровенно, мало что дают для прояснения принципов работы над изданием сборника «Из глубины» - все это в конечном итоге увязывается с естественным поведением автора, индивидуальными особенностями

ми его натуры – человека закрытого, когда дело касалось научного или художественного творчества.

Отвратительный мир со своими несуразностями и альбомными аляповатостями вторгся в «последнее» К.С. в виде хорошо отрепетированной напористой завоевательности и, как выяснилось впоследствии, надолго законсервировав наследие Мастера то ли в чулане, то ли в подвале, то ли на чердаке. Злосчастный архив, наконец, нашелся – у этой мрачной истории имеется реальное объяснение, и мы его обнаружили в известной статье А.А.Блока «Крушение гуманизма»: «Если же мы будем говорить о приобщении человечества к культуре, то неизвестно еще, кто кого будет приобщать с большим правом: цивилизованные люди – варваров, или наоборот».

Так было угодно Богу, чтобы я дважды был последним – не считая двух близких дам – кто видел угасание К.С.Герасимова и И.С.Богомолова. Ни в том, ни в другом случае не было видно, что смерть уже вторглась беспощадным образом в свои владения. К.С. был внутренне сосредоточен, почти все время молчал, в то время как И.С. шутил, много говорил, держался достойно и умер через два часа после моего визита.

Итак, К.С. не удалось «из горящих вырваться рядов» – он «ушел на дно иного мира», миновав «провалы тошнотворные», «идя спиной вперед» (О.Мандельштам). И, тем не менее, в порядке тифлисской городской культуры образовалась пустота, которая зияет до сих пор.

Завершая, считаем нужным «заупокойную службу по нему» актуализировать шедевром Ильи Габая:

А время каменеет, и у фраз
Нет свойства передать из дальней дали,
Что люди жили, мучились, страдали,
А не свершали действия напоказ.
Когда-нибудь, при яркой вспышке дня
Грядущее мое осветит кредо:
Я в человеках тож: я вас не предал
Ничем.
Друзья, молитесь за меня!

ПОЗДНЕЙШИЙ КОММЕНТАРИЙ.

Личная жизнь К.С. была бесконечно драматической, сложной, временами принимая характер самой настоящей трагедии с трудными переносимыми обстоятельствами, которые проживались им с невероятными мучениями. Она может быть обозначена коротко и ясно: К.С. сплошь и рядом «держал» рядом с собой людей (включая малочисленных, прости меня Господи, дам), не совсем привлекательных по стержневым особенностям, но крайне «продуктивных» в

смысле безбрежного цинизма.

«Философия» этой публики даже по касательной не соприкасается с фундаментальным тезисом М.Л.Гаспарова: «Я мало даю, но стараюсь еще меньше брать».

Сошлемся на В.Мильчину: «...в языке Пушкина и Вяземского большую роль играют слова «общежитие», «общежительность», которые Вяземский приравнивает к «терпимости, так сказать, гостеприимству чужих мнений, особенно замечательному и достойному уважения в лицах власть имущих к чуждому тем «мелким и узким умам», у которых «только есть темный уголок, чтобы держать в сохранности свои исключительные и доморощенные мнения и понятия». В этой системе, лишенной даже самых щадящих допусков и конкурсных преимуществ, филологическим «снегурочкам» уже солидного возраста место на «входе-выходе абсолютно не гарантировано, посему о них говорят: «Досада ты».

Вопиющая безнравственность «чужеземок», проявляющаяся в первородной мещанской форме и плебейском стиле, уже превратилась в вещественную данность с замахиванием на основополагающий порядок, органический чуждый им.

Рассуждая о проявлениях в разных формах добра, зла, ненависти, благовоспитанности, хамства и т.д., автор с первого слова книги «О МАСТЕРЕ, филологических фитюльках и «глухоте паучьей» времени», из которой заимствован настоящий материал, до последней точки ни на минуту не упускал из вида замечательные слова П.А.Вяземского: «В наше время надобно мертвых ставить на ноги, чтобы напугать и усознать живую наглость, отлучить от нее ротозеев, которые ей дивятся с коленапреклонением».

(Печатается с сокращениями)

ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ

ОН ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ

В грузинской русистике работали звезды первой величины – Серги Данелиа, Вано Шадури, Игорь Богомолов... Но чаще всего вспоминают о Константине Герасимове.

Кафедра истории русской литературы ТГУ им. И.Джавахишвили посвятила памяти Константина Герасимова сборник трудов «Грузинская русистика. Книга 3» (Тбилиси, 2008), опубликовала некоторые его стихотворения, его статью «Сонет в творческом наследии Валерия Брюсова (к 250-летию русского сонета)», с воспоминаниями в сборнике выступили Нодар Поракишвили, Мила Каландаришвили, автор этих строк.

И все-таки я еще раз обращаюсь к его личности, еще раз вспоминаю...

С Костей Герасимовым я познакомился после окончания аспирантуры: наш коллега Отар Лорткипанидзе искал охотничьего пса, а у Кости тогда, как оказалось, бывали лучшие охотничьи псы (кошки появились потом). Он жил в тупичке на Вере, в отдельной квартире, правда, с туалетом во дворе. Собаку для Отара мы не нашли, но зато с тех пор с Костей уже контактировали.

С первого посещения меня поразила его библиотека. По тем временам создание такого уникала было делом трудоемким. Он дрожал над книгами, никому их не одалживал. Среди его книг было множество раритетов.

Со временем Герасимов стал членом кафедры, которой заведовал Вано Шадури. Затем освоился, и сам стал вовлекать на кафедру понравившихся ему людей. (Хочу отметить, что это ему дорого обошлось. Во время его предсмертной болезни вокруг знаменитой библиотеки закружились несколько человек... После смерти Кости стали поговаривать о мародерстве – именно привлеченные им на кафедру мужчина и женщина, как говорят, впоследствии участвовали в его ограблении).

Лекции Герасимова по истории книги, и не только, были очень интересны. Весомым было его участие в научных мероприятиях. Герасимов хорошо знал и любил творчество Валерия Брюсова, хорошо знал сонет, ездил на многие Брюсовские и сонетные конференции в Ереван, Ставрополь, Москву, Коктебель... Ряд лет он руководил студенческим научным кружком, лично читал кружковцам полные новых данных доклады. Костя замечательно выступил на нескольких

Пушкинских конференциях, прошедших в Тбилиси, сам организовал конференции по сонету. Обе прошли с большим успехом, материалы первой были изданы в сборнике трудов «Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета» (Тбилиси, 1985). Материалы второй конференции после смерти Кости полностью затерялись. Близкие определили: и здесь определенно видна рука мародера.

Костя был не только умным и образованным ученым, но и просто человеком. И ничто человеческое ему не было чуждо. Он очень любил гостей – и званых, и незваных, не менее и иностранных. Правда, его угощения всегда были скромными: на тарелочке две шпротинки, два прозрачных кусочка колбаски, две маслинки. Более обильными бывали выпивки. Затем он вместе с собутыльниками начинал обходить друзей. В нашем доме он постоянно находил радостный прием. Дочь Майя с радостью сообщала: «Дядя Котик пришел, кофе пить будем!», пока моя супруга Зоя не заменила эфемерный кофе насущным обедом. Дома ему было некому варить обед.

Последний раз я и Зоя побывали в гостях у Кости после свадьбы нашего сына – на этой свадьбе Костя был тамадой. Разве можно было выбрать тамаду удачнее на грузинско-русской свадьбе? Он оказался блестящим руководителем стола. Вот мы и пришли его поблагодарить, и оказались на дне его рождения.

Здоровым увидели его в последний раз...

Он был человеком не очень счастливым, не вполне ухоженным. Детей у него не было, семейная жизнь как-то не сложилась. Ушел он из жизни рано, не успел реализовать своих больших возможностей. При его научном потенциале доктором наук так и не стал, печатных работ у него оказалось не так много.

Наша коллега Лина Хихадзе вообще считала, что он постоянно отвлекается, много времени уделяет второстепенным и малозначимым явлениям, а не работает над публикациями. Наверное, она имела в виду в том числе и стихотворство Кости. Я его стихи слышал, мнение свое о них ему высказывал, но Косте больше нравилось мнение моей жены Зои – она с интересом читала его произведения и не раз обсуждала их с автором.

А потом Костя заболел, очень серьезно заболел. Мы все ему помогали, особенно Гиви Чахава и Нодар Поракишвили. Но Костя умер!..

Ушел из жизни знающий и талантливый человек. Как жаль, что он не получил таких подарков судьбы, как счастье и удача...

ОЛЕГ ФЕДОТОВ

*Светлой памяти К.С.Герасимова,
теоретика-сонетолога и поэта-сонетиста*

СОНЕТЫ О СОНЕТАХ И СОНЕТИСТАХ

Сонет, впрочем, как и любая другая традиционная твердая форма отличается изрядной долей нарциссизма. Он любит говорить о себе сам, любит самовыражаться. Впрочем, и оснований для самолюбования у него хоть отбавляй. Это, во-первых, весьма почтенный возраст (ему без малого 800 лет); во-вторых, исключительно чистая, «аристократическая» родословная (сонет практически не знал мезальянса, а если и контактировал иной раз с другими жанрово-строфическими формами, например, с канцонами и балладами, то держался подчеркнуто отчужденно, всячески выказывая свою самость и привилегированное положение); и, наконец, в-третьих, верность традициям, которую можно рассматривать как признак, определяющий специфику жанра (те немногие «монстры», которые образуются с резким искажением канонических правил, не столько варьируют, сколько не без вызова отрицают, но, отрицая, еще сильнее поддерживают незыблемый жанровый эталон).

Жанрово-тематическое разнообразие сонета общеизвестно. Среди самых колоритных его модификаций в интересующем нас аспекте метапоэтики выделяется сонет о сонете. Его представляют два традиционных вида: 1) собственно сонет о сонете¹, повествующий или о его структуре, или о процессе (обычно трудном) его написания; 2) сонет о сонетистах, прославляющий мастеров, выстраивающий их корифейный ряд или порицающий ремесленников².

1.

Метапоэтический дискурс сонета о сонетах нередко вступает во взаимодействие с шутивными сюжетами мадригального толка. Яркий образчик такого рода – сонет Лопе де Вега в вольном переложении В.А. Жуковского (1806):

За нежный поцелуй ты требуешь сонета,
Но шутка ль быть творцом четырнадцати строк
На две лишь четки рифм? Скажи сама, Лилета:
«А разве поцелуй безделка?» Дай мне срок!
Четыре есть стиха, осталось три куплета,
О Феб! о добрый Феб! не будь ко мне жесток,
Хотя немножечко парнасского мне света!

Еще строфа! смелей! уж берег недалек!
Но вот уж и устал! О, муки, о, досада!
Здесь Лила – поцелуй! тут рифма – и надсада!
Как быть! Но бог помог! еще готов терцет!
Еще б один – и все! пишу! хоть до упада!
Вот!.. вот!.. почти совсем!.. О, радость, о, награда!
Мой, Лила, поцелуй, и вот тебе сонет!³

Разновидность сонета о сонете в процессе его написания получила довольно широкое распространение. Чуть позже аналогичный сонет был написан Августом Шлегелем:

Вяжу одною цепью два катрена,
Две пары строк в две рифмы облакаю,
Вторую пару первой обрамляю,
Чтобы двойная прозвучала смена.

В двойном трехстишье, вырвавшись из плена,
Уже свободней рифмы расставляю,
Но подвиги, любовь ли прославляю -
Число и строй держу я неизменно.

Кто мой отверг строфический закон,
Кто счел его бессмысленной игрою,
Тот не войдет в число сонетной касты.

Но тем, кто волшебством моим пленен,
Я в тесной форме ширь и глубь открою
И в симметрии сплавлю все контрасты.⁴

В России рефлексию написания сонета впервые поэтически воспроизвел в своем «Сонете» («Однажды дома я весь вечер просидел...»), 1796, И.И.Дмитриев. Как уже отмечалось, своим вольным переводом⁵ сонета Лопе де Вега его поддержал Жуковский.

Исключительную популярность сонеты о сонетах, как и вообще стихи о стихах, получили в серебряном веке. Так, предпослав в качестве эпиграфа первую строку перевода Жуковского, Георгий Иванов помещает в свой сборник «Горница» 1914 года «Альбомный сонет»:

За нежный поцелуй ты требуешь сонета...

В. Жуковский

Как некогда потребовала Лила
В обмен на нежный поцелуй — сонет,
Так и моя сказала Маша: «Нет!»
И девы той желанье повторила.

Напрасно говорил я ей: «Мой свет,
Капризами меня ты истомила,
Я напишу беспламенно, уныло
Не то что романтический поэт».

Но спорить как с девицей своенравной?
Изволь влагать пустую болтовню
В сонетный ямб, торжественный и славный.

Кончаю труд. Хоть мало в нем огню,
Недостает и прелести, и яда,
Но все ж моя приятная награда!⁶

Наконец, в наши дни сначала в 60-е гг. Новелла Матвеева публикует серию сонетов, посвященных этой жанрово-строфической форме, поражающих четкими образными характеристиками:

На четырех на бронзовых своих
Широких ножках, вроде львиных лап,
Четырнадцатистрочный прочный стих
Стоит в веках – и сдвинулся хотя б. (К сонету),

а вслед за ней Тимур Кибиров пишет цикл «20 сонетов к Саше Запоевой» с лукавой оглядкой на аналогичное произведение Иосифа Бродского «20 сонетов к Марии Стюарт». Заметим, что сонеты Бродского в составе стюартовского цикла уже перестают быть сонетами в собственном смысле и превращаются в регулярно повторяющиеся строфы – четырнадцатистишия; действительно, никому не придет в голову изымать из цикла какой-то один сонет как самостоятельное суверенное произведение; каждый из них воспринимается как звено в цепи вполне определенного лиро-эпического дискурса, приблизительно так же, как строка в составе строфы. Еще сложнее насквозь пропитанная интертекстуальными аллюзиями, центонными вкраплениями, ироническими эquivoками и даже стиховедческой авторефлексией структура аналогичного Кибировского цикла. Шестая по счету строфа – так же может рассматриваться как вариант сонета о сонете, написанного поэтом с хоршим филологическим образованием:

Чтоб как-то структурировать любовь,
избрал я форму строгую сонета.
Катрена два и следом два терцета.
abba. Поэтому морковь

Я тру тебе опять. Не прекословь! –
как Брюсов бы сказал. Морковка эта
полезнее котлеты и конфеты.
abba. И вот уже свекровь
какая-то (твоя, наверно) прется
в злосчастный стих. cсdc. Бороться
нет сил уж боле. Зря суровый Дант

не презирал сонета. Остается
dd, Сашура. Фант? Сервант? Сержант?
А может, бант? Нет, лучше бриллиант.

Как отметила в своем тонком докладе на III Симпозиуме Школы сонета, опубликованном в «Литературной учебе», Л. Федорова, «помимо упоминания Брюсова» в приведенном сонете бросаются в глаза «реминисценции из Пушкина: отсылка к «Сонету», который, в свою очередь, является «сонетом о сонете», ироническое подборание рифм имеет в подтексте «Евгения Онегина»: «Читатель ждет уж рифмы розы?/ На, вот возьми ее скорей!». Строгая форма – как и вообще стремление что-либо структурировать – для постмодернистского произведения неожиданна, тем не менее, заявленная рифмовка действительно соблюдается, при всем ее несоответствии дурашливому, на первый взгляд, содержанию». ⁷ «Упоминание Брюсова» мотивируется, конечно, не мнимой из него цитатой («Не прекословь!»), а, скорее всего, его «Сонетом к форме» и общей эстетической позицией («избрал я форму строгую сонета»). С ним же, и не только с «Онегиным», но и с «Домиком в Коломне», связано «ироническое подборание рифм»: шутливое пушкинское замечание «Ведь рифмы запросто со мной живут: / Две придут сами, третью приведут!» Брюсов переиначивает на свой лад: «Не всегда рифмы “приходят” к поэту, иногда надобно их «приводить»...». ⁸ Тут же, видимо, необходимо упомянуть еще одно имя – Саши Черного, в стихотворении которого «Переутомление» разучившийся рифмовать поэт, некая «исписавшаяся популярность» манипулирует подозрительно схожими созвучиями: «Нет, не сдамся: «папа – мама» / «Жатва – дратва», «кровь – любовь» / «Рама – драма - панорама» / «Бровь – морковь – свекровь – носки!»». Еще одну мимолетную встречу с Пушкиным сулит прозаичный enjambement: «Бороться / нет сил уж боле», вызывающий в памяти тщетную борьбу поэта с его «прислужницею странной» в первой части стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне? Я скучаю...».

Впрочем, азартная и увлекательная охота за многочисленными аллюзиями в кибиризовских текстах напоминает бесприигрышную лотерею.

2.

Еще более мощную традицию имеет разновидность сонета о сонетистах, в котором выражение субъективных чувств пищевого уступает объективному описанию истории европейского сонета с перечислением общепризнанных заслуг ее выдающихся мастеров. Застрельщиками этой традиции были на Западе У. Вордсворт («Scorn not the Sonnet, Critic...», 1827) и переложивший его сонет о сонете О. Сент-Бев («Ne ris point des sonnets, o critique moqueur!...»), в России же – А. Дельвиг («Н.М. Языкову», 1822) и А. Пушкин («Суровый Дант не презирал сонета...», 1830).⁹

В дальнейшем пушкинская строчка стала крылатой. Она или начинала сонеты о сонетистах (Л.Н. Трефолов. Пушкин и ... Манухин, 1884), или фигурировала в качестве эпиграфа (Н.П. Огарев. II. GIORNO DI DANTE, 1865,) или соблюдалось то и другое в комбинации (В.С. Курочкин. Реальные сонеты. I. Современный сонет), или, наконец, просто варьировался канонический ряд сонетных корифеев (И.Северянин. Сонет XXX, 1919). В последнем случае нарушение традиции приходится даже оговаривать: «Петрарка, и Шекспир, и Бутурлин/ (Пусть мне простят, что с гениями рядом/ Поставил имя скромное парадом)/ Сонет воздвигли на престол вершин».¹⁰

Особенно преуспели в данной жанровой модификации стихотворцы, сочетавшие поэтов и стиховедов в одном лице. Леонид Гроссман, поэт и прозаик, литературовед, исследователь творчества Достоевского, Пушкина, Тургенева, Сухово-Кобылина, автор первой серьезной теоретической работы по поэтике русского сонета¹¹ и обстоятельного описания сонетного идиостиля Пушкина и Онегинской строфы¹², в 1919-1922 гг. написал и опубликовал два цикла своих сонетов «Плеяда» и «На полях Пушкина».¹³

Первый цикл состоит из 16 сонетов, объединенных одной общей темой и интегрирующим ее литературоведческим сюжетом. Его основу составляют сонеты-медальоны (à la Северянин) – своеобразная галерея литературных портретов поэтов так называемой «Пушкинской плеяды»: Веневитинова, Гнедича, Языкова, Козлова, Дениса Давыдова, Василия Пушкина, Жуковского, Боратынского, Зинаиды Волконской, Батюшкова, Вяземского, Кюхельбекера, Дельвига и Пушкина с характерными эпиграфами-цитатами из их или посвященных им произведений и писем. Их обрамляют два программных произведения: 1) «Русский сонет» с эпиграфом «Суровый Дант не презирал сонета...»: «Раскрыл нам Дельвиг таинство сонета,/ Чей трудный шифр был Тредьяковским дан,/ И принял Пушкин кованый чекан/ Для строгой дум о подвиге поэта.// С тех пор игра квадранта и терцета/ Манит певцов Гиперборейских стран./ И стих Ронсара вьется, как аркан,/ У Каролины Павловой и Фета.// Его размерам царственность придав,/ Венок сплетает пышный Вячеслав/ Строфой, чей лад торжественно роскошен.// Бальмонт и Брюсов чтут

канон его,/ И хищный облик тезки своего/ Обводит им Максимильян Волошин»¹⁴ и 2) сонет, давший название всему циклу, – «Плеяда»: «Проходят мерной поступью поэты:/ Вот Батюшков, певец ахейских жен./ Василий Пушкин, книжник-саладон,/ И Кюхельбекер, выходец из Леты.// Языков мечет строфы, как ракеты,/ Давыдов их стремится, как эскадрон,/ Медлительно роняет их барон,/ И Вяземский их точит, как стилеты.// Жуковский, Веневитинов, Козлов,/ Несут Волконской дань цветущих слов,/ И дышит Гнедич древним дифирамбом.// Ждет Боратынский смертного ковра,/ И всех животворит гремучим ямбом/ Ваятель Командора и Петра» (177).

Архитектоника гроссмановского цикла имеет адекватно знаковый характер: помимо двух обрамляющих сонетов в нем сосредоточено ровно 14 сонетов по числу канонического количества сонетных строк и совпадающего с ним количества избранных персонажей. Разносторонняя одаренность Гроссмана позволила ему дать на редкость объективную и точную панораму всего пушкинского периода (золотого века) в развитии русской поэзии и замечательно тонкие, лаконичные характеристики каждого из упомянутых им поэтов. Вместе с тем ему удалось воспроизвести две наиболее репрезентативные модели русского романтического сонета: французскую *AbbA AbbA ccD eeD* (в различных ее модификациях) и итальянскую *AbbA AbbA cDc DcD*, обе с метрической доминантой – Я5.

Точно так же, в счастливом резонансе поэтического и научного озарения, используя к тому же нечаянные биографические обстоятельства (родился и провел юные годы в Царском Селе, где воспитывались музы Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера, Фофанова, Анненского, Гумилева и Ахматовой), Всеволод Рождественский в своих петербургских сонетах сопоставляет серебряный век с золотым, протягивает невидимую, но прочную нить преемственности, изящными штрихами активизирует многослойную ауру образных ассоциаций («Гатчинский сонет», «Царское Село», IV).

В 1992 году в Тбилиси вышла книга стихов известного сонетолога К.С. Герасимова «Из глубины», большую часть которой занимают сонеты. Два из них, не имеющие названия, начинаются одной и той же, хорошо знакомой нам строчкой:

...В размер его стесненный...

Пушкин

«Суровый Дант не презирал сонета»,
Ему не слишком Пушкин предан был.
Что ж – почему не искушать судьбы
И мне взыскательнейшей формой этой?

Каноны – вековые... Но либретто
И музыка – мои: лишь если бы
Рабами воли не были рабы,
Свободного стеснить могли бы «вето»...

Простору Океана берега
Нужны: взметать прибою брызги – в небе!
Не будь рука гранильщика строга,

Тогда б сияньем бриллианта не был
Алмаз! Чем келья бытия тесней,
Тем выше дух возносится над ней.

«Суровый Дант не презирал сонета»,
В нем Пушкин вдохновенье обретал...
И сквозь его магический кристалл
Такие дали виделись поэтам!

Как же не помнить и теперь об этом?
Как драгоценный зазвучать металл
Строк не заставить, чтобы Словом стал
Веков вовеки он, и стал бы – Светом?

Что ж. Таинство Творения – одно!
И будет без него мертва музыка
Разъятая, как труп; беззвездным – дно

Тьмы одинокой, безысходной, дикой;
Поэзии – не будет! Не зови
Ее, не причастившейся – любви.

Продолжая заложенную Леонидом Гроссманом традицию, К.С. Герасимов сочетает чисто теоретические интенции с собственно поэтическим дискурсом. Его обращение к знаменитым пушкинским строкам служит поводом выразить свое отношение к сонетному вкладу великого поэта («Ему не слишком Пушкин предан был...»; «В нем Пушкин вдохновенье обретал...») и к его творческому наследию, ставшему вдохновляющим примером для последующих поколений («И сквозь его магический кристалл / Такие дали виделись поэтам!»), в том числе и для самого автора («Что ж – почему не искусить судьбы / И мне взыскательнейшей формой этой?»).

Таким образом, как мы могли видеть, пушкинский почин (сонет о сонетистах «Суровый Дант») создал резко определенную традицию, устанавливающую эталонные образцы для подражания и тем

самым оказывающую мощное воздействие на эволюцию русского сонета в целом. В частности он предопределил легитимизацию и развитие такого ее ответвления, как лиро-эпическое по своей родовой принадлежности описание истории отечественной сонетистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Бехер И.Р. Философия сонета, или Малое наставление по сонету. (Опыт)//Бехер И.Р. О литературе и искусстве. М. 1981. С. 205; Касаткина Г.Г. Поэтика жанра «сонет о сонете» и сонет Джона Китса// Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1985. С. 142-152; Полуяхтова И.К. Романтический сонет о сонете// Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. Вып. 2. Красноярск, 1977.

2. Уникальный прецедент такого рода можно усмотреть в сонете Сумарокова с пространным заголовком: «Сонет нарочито сочиненный дурным складом для показания того, что есть ли мысль изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискusном, грубом и принужденном сложении все то сочинителю никакого плода кроме насмешства не принесет» («Вид, богиня, твой всегда очень весь всем нравный...»), 1755 (Русский сонет. XVIII – начало XX века. М., 1983. С. 6-7).

3. Русский сонет. XVIII – начало XX века. М., 1983. С. 30. См. также более точный перевод С. Гончаренко «Ну, Виоланта! Задала урок!..» (Западноевропейский сонет. Л., 1988. С. 166).

4. Западноевропейский сонет... На форзаце.

5. Возможно, он воспользовался немецким или французским посредничеством и это был уже перевод перевода.

6. Иванов Георгий. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1994. Т.1. С.110.

7. Федорова Людмила. Суровый Дант и насмешливый Кибиров//Литературная учеба. 1998. Кн. 2. С. 110.

8. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 томах. М., 1975. Т. VI. С. 395. Подробнее см.: Федотов О.И. В.Я. Брюсов о рифме//Брюсовские Чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 7-24.

9. См.: Яковлев Н. В. Сонеты Пушкина в сравнительно-историческом освещении// Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 122-124; Гроссман Л.П. Поэтика русского сонета// Гроссман Л.П. Борьба за стиль, М., 1927; Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830).М., 1967. С. 438-440.

10. Русский сонет... С. 409.

11. Гроссман Л.П. Поэтика русского сонета// Гроссман Л.П. Борьба за стиль. М., 1927; Он же. Собр. соч.: В 4-х т. Т.1. М., 1928. Он же. Мастера сонета// Там же.

12. Гроссман Л.П. Онегинская строфа//Гроссман Л.П. Собр. соч.: В 4-х т. Т.1. М., 1928.

13. Из более обширного, очевидно, замысла до нас дошло четыре сонета: «I. Импровизатор», «II. Ганнибал», «III. Князь верейский» и «IV. Сальери», поэтому они и именуются «Из цикла сонетов».

14. Русский сонет. Сонеты русских поэтов начала XX века и советских поэтов. М., 1987. С. 167.

МАРИЯ ФИЛИНА

ПОКЛОН УЧИТЕЛЮ-ПОЭТУ

Константин Сергеевич был необычен во всем, в первую очередь, своим обликом интеллектуала и поэта из давних времен. Своей подчеркнутой академичностью он не вписывался ни во время, ни в пространство, в котором обитал. И в то же время полностью вписывался в тбилисскую научную жизнь, был истинным сыном города, который привлекал и собрал самых разных выдающихся людей. Константин Сергеевич вел у нас спецкурс по истории книги не как текста, а как материального и духовного единства. В 1970-е годы большинство нужных нам книг было таким дефицитом, что почти никто из нас не обращал внимания на их оформление. Лишь бы достать, пусть это будет «самиздат» или листы машинописи. А он был влюблен в книгу как в художественную ценность, в историю ее появления на свет и оформление. У него в библиотеке не было только инкунабул – первоизданий эпохи Гутенберга. Все остальные образцы имелись. И он приносил студентам и давал поддержать в руках книги итальянских полиграфов, знаменитых немецких и французских издателей XVII-XVIII веков. У него была уникальная коллекция Библий. И во времена густого застоя мы причащались к искусству издания Библии, иллюстраций житейной литературы. Для учеников Герасимова книга навсегда стала чудом человеческого создания, до нас доходили флюиды владельцев прошлых времен, это было прикосновение к культуре через столетия.

В 1980-е Герасимов организовал в Тбилисском университете два международных симпозиума по сонету. В них участвовала элита ученых-стиховедов, и для всех, кто причастился к этим встречам, сонет – капризное детище европейского стихосложения – открылся по-иному. Это были особые встречи, элитарные, как все, к чему имел отношение Герасимов. Элитарными были и его стихи, сонеты, напоенные эстетикой Серебряного века, он сам казался его посланцем. И в то же время его стихи несли в себе ощущение его молодости и зрелости. Но широкий читатель его произведений так и не узнал. И в Константине Сергеевиче порой прорезалась эта обида на непризнанность, на неполную свою воплощенность. За его академической внешностью и манерой общения ощущалась страстная, творческая натура, требовавшая признания, постоянного действия.

В 1980-е годы я встречалась с Герасимовым часто, приводила в его дом интересных гостей из Москвы, Петербурга и Польши. Я познакомилась с Константином Сергеевичем с молодым тогда, но уже известным блестящим литератором и музыковедом Святославом Бэлзой. Слава был пленен атмосферой герасимовского дома, оценил его библиофильскую страсть, его масштаб. Всем гостям становилось очевидно,

что они встретились с явлением неповторимым, с истинным филологом. И было, было что-то не просто магическое в нем, но нечто мистическое, не поддающееся описанию во всем, что его окружало...

В середине 1990-х Константин Сергеевич тяжело заболел, и вскоре его не стало. А посмертная его судьба трагична. В 1997 году, через несколько дней после вечера в театре им. А.С.Грибоедова, организованного к годовщине кончины Герасимова, была зверски убита в своем доме его супруга Натела. Его библиотека рассеялась по свету, частично досталась ученикам, хотя это было уникальное собрание раритетов, достойное того, чтобы стать отдельной библиотекой имени Герасимова. Как-то я оказалась в переулке Джавахишвили и увидела, что их дома нет, на его месте – новое здание. Так ушли, словно их вместе с эпохой смело с лица земли, и обитатели дома, и библиотека, из которой даже в голодные 1990-е хозяин не продал ни одного экземпляра, и сам дом. Может, недаром одно стихотворение называлось «Когда исчезнуть навсегда придется...» Таким образом, Константин Сергеевич остался лишь в наших душах, в каждом из его близких и учеников живет частица этого удивительного эстета.

В последние годы жизни Герасимов руководил обществом-студией молодых поэтов «Обитаемый остров» и вместе с драматургом Александром Мейпариани – «Пушкинским обществом Грузии». Это были времена, когда общества создавались потому, что людям хотелось согреться рядом друг с другом, тогда еще не было речи о грантах и проектах. И потому было приятно, что вечер его поэзии в прошлом году в «Кавказском доме» организовали младшие, можно сказать, последние ученики Константина Сергеевича. Организатором стало Пушкинское общество «Арион», а инициатором и автором постановки – молодой литературовед и поэтесса Ирена Кескюль. Она написала сценарий литературной композиции из стихотворений Герасимова. В три разных периода жизни с Поэтом ведут диалог Леди сонетов, Узница и Смерть. Мне довелось выступить там со словом о нашем учителе, и я искала глазами в полном зале тех, кто мог любовно назвать поэта Котиком Герасимовым. Никого не было. Конечно, кто-то из поколения его друзей жив и даже работает, но их мало, и с каждым годом все меньше. Однако нечасто в наши дни так творчески вспоминают ушедшего мэтра его молодые последователи, безусловно, испытавшие на себе влияние Учителя.

А теперь вот ученики взялись за издание его произведений, части его многообразного архива. И надеюсь, им заинтересуется следующее поколение филологов, которое знает Герасимова уже только по нашим рассказам. Поклонимся Константину Сергеевичу еще раз. Может быть, и не до конца он исчез...

СЕРГЕЙ ХАНГУЛЯН

ЗАПАХ КНИГИ И АРОМАТ ВРЕМЕНИ

(Из воспоминаний о Константине Сергеевиче Герасимове, учителе и поэте)

Кажется, впервые я увидел Константина Сергеевича Герасимова на лекции по истории книги, когда учился на третьем курсе филологического факультета ТГУ. В аудиторию вошел человек, сразу показавшийся мне похожим на французского актера Жана Рошфора, которого многие и сегодня помнят по роли адвоката Дегрэ в популярном тогда французском художественном фильме. Слушая повествование о споре двух городов, Майнца и Страсбурга, борющихся за право называться городом, в котором впервые в мире заработал типографский станок, о тяжбах, экономических проблемах и других сложностях жизни Гутенберга, я вдруг поймал себя на мысли о том, что сам наш новый лектор не совсем от мира сего, что его самого занесло сюда, в Тбилиси, каким-то удивительным ренессансным ветром из той далекой эпохи, о которой он так красочно и увлеченно рассказывал. Мне казалось, еще секунда и Герасимов-Рошфор обернется, крикнет «Сорбонна, ко мне!», и откуда-то сверху из-за его плеча прямо в аудиторию прыгнет огромных размеров волкодав, названный именем известного французского университета... В то время я, конечно же, и предположить не мог, что много лет спустя благодаря рекомендации этого человека я в качестве преподавателя ступлю под своды другого европейского университета, вполне достойно все последующие века конкурировавшего с парижской Сорбонной, - университета старинного немецкого города земли Баден-Вюртемберг – Гейдельберга, так похожего, по более позднему определению самого Герасимова, «на бонбоньерку»... Тогда на третьем курсе под руководством Константина Сергеевича я начал писать курсовую работу по истории польской первопечатной книги. Признаюсь честно, это была первая работа, выполненная мною не по студенческому долгу, а, действительно, что называется, от души. Сама тема казалась необычной - благодаря лекциям Герасимова сложившееся у меня задолго до этого почтительное отношение к книге на глазах превращалось в эстетическую ценность высшей категории – «вещи в себе», где важны цвет бумаги, типографский шрифт, графические заставки и тому подобные «мелочи», составляющие конституцию объекта, называемого книгой... Много позже выяснилось, что Константин Сергеевич мою работу запомнил и сохранил – несколько лет спустя я видел ее среди других папок,

хранящихся у него на одной из книжных полок. Сегодня я думаю, что работа показалась ему интересной по той причине, что большая часть источников, по которым я работал, была на польском языке (на русском они были не доступны): несколько дней в одну из своих летних поездок в Польшу (в 1973 году) я провел в библиотеке Лодзинского университета.

Осенью 1976 года, уже после окончания университета, мне довелось несколько раз встречаться с Герасимовым в сололакском доме Степана Ананьева, тбилисского диссидента, антропософа и музыканта, - в его квартире происходили своего рода посиделки тбилисских интеллектуалов. Тогда впервые, пожалуй, я увидел Константина Сергеевича вне университетской обстановки, но с тем же неизменным портфелем и трубкой, с которой он в те годы не расставался. Еще пару месяцев спустя я, волею судеб, вновь оказался в университете, но уже в качестве преподавателя-почасовика польского языка на кафедре сначала экономической географии, а потом кафедры русского языка, которой в то время заведовала Наталья Алексеевна Хидашели. С этого момента я стал невольно встречаться с моими бывшими преподавателями, в том числе и с Герасимовым, в университетской профессорской. Именно в этот период меня в качестве аспиранта, соискателя ученой степени кандидата филологических наук, рекомендовал Константину Сергеевичу мой друг Владимир Чередниченко, учившийся когда-то курсом старше (Владимир Ильич Чередниченко ныне доктор филологических наук, заслуженный профессор Кубанского государственного университета). Тема «Античность в поэтическом творчестве Брюсова» всплыла как-то сама собой в первую же встречу, поскольку напрямую увязывала мои увлечения античностью и эпохой Серебряного века с одним из основных направлений академического интереса самого Герасимова, чья кандидатская диссертация также была связана с творчеством мэтра русского символизма Валерия Брюсова. С момента утверждения этой темы на кафедре истории русской литературы ТГУ, которой в то время заведовал известный лермонтовед Ваню Семенович Шадури, началась моя «брюсовиана» - совместные поездки с Герасимовым на Брюсовские Чтения в Ереван и Москву, работа в рукописном отделе ГБЛ над архивом Брюсова и личное знакомство с учеными-филологами, авторами книг, служившими тогда учебниками для многих поколений студентов-филологов – Б.И.Пуришевым, Н.А.Трифоновым, А.А.Ниновым, А.А.Белецким, наконец, М.Л.Гаспаровым. Здесь следует упомянуть знаменательный факт: Герасимов был неизменным участником всех Брюсовских чтений, которые регулярно проводились в Ереване, Москве, а затем в Ставрополе – с 1962 по 1992 г. Константин Сергеевич был душой и организатором едва ли не всех неурочных собраний участников конференций, и в шутку называл Брюсовские Чтения «Брю-

совскими Бдениями», поскольку такие «симпозиумы» длились, как правило, до раннего утра. Именно в процессе таких «бдений» наступали сокровенные моменты, когда из герасимовского портфеля извлекалась заветная узкая тетрадь в черной коленкоровой обложке. Герасимов начинал читать свои стихи. Читал он их совершенно неподражаемо, как-то нараспев, не повышая и не понижая тона, но в наиболее драматических местах стихотворения голос его начинал как-то по-особому вибрировать и, казалось, заполнял собою все окружающее пространство:

Поэзия – слова, слова, слова.
Глагол времен. Служение отчизне.
Бред пифии. Отображенье жизни.
Дверь в вечность, приоткрытая едва.

Она есть Бог в святых мечтах земли,
Рифмованная жвачка агитпропа.
Потоп. Ковчег спасенья от потопа.
Нет – Вавилон! Нет – Иерусалим!

Поэзия – Песнь Песней. Кляп во рту.
Трусливого холуйства словоблудье
И Высший Судья. И взятка судьям,
И певчий дрозд, убитый налету.

Сияющей квадриги Аполлона
Полет, решение спора, вечный спор,
Смерть и бессмертье, слава и позор.
Кандальный звон. Всезвездная корона.

Она – глагол, сжигающий сердца
И немоты бессилие – и сила.
Слепящий блеск алмазного венца
И Тьма. И Слово, что в Начале было.

Осыплется в часах судьбы песок,
Но всех вещей не человек ли мера,
Хотя б сменяла болтовню Руссо
Кровавая машина Робеспьера?

Так томик тот, который донесешь
До гильотины, эшафота, зоны,
Могилы братской – слышишь, погребенный,
Поэзия. А прочее все – ложь.

В те времена это были более чем крамольные стихи, и услышать их дано было лишь немногим избранным. До появления в печати книги стихов «Из глубины» вообще мало кто знал, что Герасимов писал стихи, и несмотря на то, что в глазах подавляющего большинства окружающих его людей он был преподавателем и ученым, сам он считал себя в первую очередь поэтом и именно поэзию называл главным делом своей жизни. Единственная его книга избранной лирики увидела свет в Тбилиси в 1992 году. Бумага, шрифт, качество печати текста и иллюстраций оставляли желать много лучшего, но это были времена, когда такие стихи уже могли быть опубликованы, и сам факт публикации радовал Константина Сергеевича безмерно. «Трудно в это поверить, - говорил он. - Еще три-четыре года назад я и представить себе такого не мог!» Потом шутливо добавлял: «Теперь вы, Сергей, можете написать труд об античных мотивах в поэзии Герасимова, Вова (Владимир Ильич Чередниченко - С.Х.) – о временных отношениях в его лирике, а Таня (Татьяна Григорьевна Мегрелишвили – С.Х.) – о философских концепциях...». Кое-кого, вероятно, удивляло, почему Герасимов, выбирая стихотворения для публикации «Избранного», поставил в качестве верхнего временного предела 1987 год. Станным казалось то, что в книгу не вошли стихотворения, которые были написаны в течение почти пятилетнего промежутка времени – между 1987 и 1992 годами. Дело в том, что Константин Сергеевич планировал издание основного корпуса своей лирики в одной большой книге, построенной, как он говорил, «по архитектурному принципу готического собора». С его точки зрения книга стихов «Из глубины» была всего лишь пробным шаром. «Многие части моего готического храма готовы, некоторые еще предстоит написать, - говорил Герасимов после публикации «Избранного». И добавлял: «Надеюсь успеть». Тот факт, что рукописи Константина Сергеевича спустя много лет после его ухода все-таки обнаружались (как эффектно и как неожиданно подтверждается иногда знаменитый булгаковский постулат!) и готовятся к публикации, наполняет каждого, кто знал о его творческих планах, особой радостью. Вряд ли, конечно, теперь все эти стихотворения удастся собрать именно в той архитектурной «готической» последовательности, в которой предполагал сделать это сам Константин Сергеевич. Но, так или иначе, многие из его друзей и учеников, - наконец, просто многие из ценителей истинной поэзии, - с особым нетерпением ждут публикации тех стихотворений, которые по той или иной причине не были включены самим автором в «Избранное», и тех, которые были написаны после 1987 года... Таких стихотворений должно быть немало, ведь между 1987 годом и годом ухода Константина Сергеевича пролегло почти полное десятилетие...

Герасимов с неизменным и искренним уважением относился к каждому, кто пытался писать стихи, поддерживал, поощрял, давал

конкретные рекомендации и советы. По его инициативе был создан знаменитый Поэтический кружок, который долгие годы функционировал при Тбилисском Доме Офицеров под руководством ученицы Константина Сергеевича, Татьяны Мегрелишвили, ныне доктора филологических наук, профессора Грузинского технического университета. Участие в кружке было открытым, туда приходили, образно говоря, и физики и лирики, - объединяющим фактором была любовь к поэзии. Кто-то был профессиональным филологом, кто-то - нет, и Герасимов предложил мне прочесть для кружковцев курс по истории и теории стихосложения. Кроме метрики и ритмики, речь на курсе шла и о различных стихотворных формах, в том числе, конечно, о сонете, об истории и теории которого Константин Сергеевич написал ряд основополагающих для сонетоведения работ. Часто в конце занятия кружковцам предлагалась написать сонет на некую заданную тему. Это могли быть темы «сквозные» для мировой поэзии – «Одиссей», «Клеопатра», «Калиостро», но были и такие, которые волновали в первую очередь самого Константина Сергеевича, - например, «*Arg moriendi*» - «Искусство умирать», - тема, восходящая к средневековому трактату «*Speculum artis bene moriendi*» и хорошо знакомая европейским художникам и поэтам. Написанное приносилось на следующее занятие, подписывалось псевдонимом и зачитывалось, а все присутствующие выставляли соответствующие баллы и выбирали лучшее. Сам Герасимов в такого рода конкурсах участия не принимал, но с присущим ему чувством юмора мог преподнести победителю свою фотографию с шутливой надписью, повторяющей известную надпись, сделанную Жуковским на собственном портрете, подаренном Пушкину – «Победителю-ученику от побежденного учителя»...

Выше я перечислил имена выдающихся ученых-филологов, с которыми мне, благодаря Константину Сергеевичу, удалось когда-то познакомиться и общаться. Об одном из этих корифеев именно в связи с Герасимовым мне хотелось бы сказать отдельно. Я имею в виду Игоря Стефановича Поступальского, московского филолога, поэта и переводчика, которого Константин Сергеевич не раз называл своим учителем, а в минуты особой открытости, - образно, разумеется, - даже отцом... В далеком 1933 году Поступальский подготовил и издал том избранной лирики Брюсова в издательстве Academia (позднее в серии «Литературные памятники» им были подготовлены и изданы «Цветы зла» Шарля Бодлера и томик поэзии Артюра Рембо). Герасимов познакомился с Игорем Стефановичем (а через него и с вдовой Брюсова Жанной Матвеевной Рунт) в первые послевоенные годы, когда приехал в Москву поступать во ВГИК – на сценарный факультет. Тетушка, у которой он остановился и которая, кажется, была литературным редактором во МХАТе, по его словам, едва не упала в обморок от тбилисского акцента, который слышал-

ся в грамматически и синтаксически безупречной русской речи ее тбилисского родственника. Кажется, полностью избежать такого акцента не дано ни одному русскоговорящему тбилисцу, прожившему в этом городе более одного десятилетия. Я помню, как на одной из Волошинских конференций в Коктебеле после нашего выступления к Константину Сергеевичу подошел Павел Нерлер, известный специалист по творчеству Мандельштама, пожал руку, поблагодарил за интересный доклад и сказал: «Особое спасибо за ваш тбилисский русский – душа радуется, будто вновь побывал в Тбилиси».

Совершенно особую ауру имела небольшая квартира Константина Сергеевича в одном из узких верийских переулков. Квартира не принадлежала Герасимову, она являлась собственностью человека, жившего по соседству, а сам Константин Сергеевич унаследовал статус квартиросъемщика от своего деда. Об отце Герасимова я слышал очень мало, известно только, что он был репрессирован, мать - фотография красивой темноволосой молодой женщины всегда стояла на письменном столе Герасимова – умерла очень рано. Воспитывал его дед, работавший в одной из тифлиских типографий. Он-то и привил внуку любовь к книге. Кстати, не многие знали, что Герасимов был на пару лет старше своих однокурсников на филологическом факультете Тбилисского университета. Дело в том, что вернувшись из Москвы, он поступил на математический факультет и проучился на нем два полных года, пока не решил, что призвание его – филология и только филология. Так вот, небольшая квартирка Константина Сергеевича состояла из узкой галереи и двух маленьких комнат, гостиной (побольше) и кабинета (поменьше), который служил и спальней. В обеих комнатах стояли застекленные стеллажи и открытые полки, вплотную заставленные книгами. Кроме того, книги лежали стопками повсюду – на письменном столе, на журнальном столике на спинке дивана и на стульях.. В те времена книги были, - назовем это так, - престижным дефицитом, и знакомство с заведующим книжным складом считалось весьма важным и для тех, кого манила жажда чтения, и для тех, кто думал об украшении интерьера (увы, увy, для истинных любителей книги!). Книги Герасимову поставляли люди, сделавшие добычу и перепродажу книг в то время своей профессией или, если угодно, средством выживания (он не без юмора называл их «чернокнижниками»). Меня удивляла широта спектра герасимовского интереса – он приобретал и современную фантастику, и военные мемуары, и научно-популярные издания по биологии и физике, но почему-то особенно поражал меня тот факт, что он охотно покупал детективы, которые по его собственному выражению, часто бывали «ниже всякой критики»... Гордостью его библиотеки была коллекция старопечатных книг. Герасимов говорил, что собирает римских авторов, «изданных на языке оригинала до 17 века». Некоторые из этих раритетов он приносил в аудиторию для

демонстрации на курсе по истории книги. Основное ядро коллекции, насколько мне известно, сформировалось сразу же после войны, когда в букинистических магазинах буквально за копейки стали появляться в немалом количестве трофейные книги из поверженной Германии. Сдающий зачастую понятия не имел об истинной ценности старинной книжки, написанной на непонятном языке... В начале 90-х, если я не ошибаюсь, еженедельная газета «Книжное обозрение» опубликовала интервью с Константином Сергеевичем, в котором он подробно говорил об этой части своей библиотеки.

Беседы с Герасимовым относятся к разряду моих самых сильных эстетических впечатлений. Эти разговоры в окружении книжных полок и стопок книг забыть невозможно – мы говорили о Брюсове, Волошине, Серебряном веке, античной культуре, о поэзии вообще, вообще о жизни, о нашем месте в ней... В такие часы мне казалось, что законы земного времени и пространства переставали функционировать привычным образом, а сам Константин Сергеевич, сидящий напротив в кресле, превращался в мага, волшебника Мерлина, по воле которого вдруг начинали свое плавное вращение отдельные звезды, целые созвездия и галактики литературных эпох всех народов и культур, давно исчезнувших, существующих и даже будущих... Для того, чтобы вновь представить себе эту магическую картину, увидеть Герасимова, сидящим в кресле в маленькой черной шапочке Мастера на голове (надевалась во время простуды или в холодные зимние вечера), с дымящейся сигаретой или трубкой в руке на фоне неизменных книг, мне не нужно делать никаких усилий. Достаточно взять в руки любимую старую книжку, перелистать ее, вдыхая запах минувших десятилетий, или раскрыть еще нечитанный том с текстом, который вызывает мой интерес, и ощутить своеобразный, неопиcуемый аромат типографской краски и бумажного листа...

Май-июнь 2011,
Атланта, США.

ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО

СИЛУЭТ

*О жизнь! Благодарю за берега.
Где не ступала смертного нога.
К.С.Герасимов.
Сонет 130 из книги «Ars moriendi»*

Вот он сидит на фоне книжной горки – нет, книжной Горы – в доме, расположенном на одной из кривых верийских улочек, – такой доступный для общения, что самые близкие из учеников отваживаются обратиться к нему на «ты» (о ужас! амикошонства он не терпел) и такой неприступный для всех и каждого в отдельности, ибо – и об этом самые проникательные догадываются – его взгляд устремляется из мира мнимостей куда-то мимо вас в мир сущностей, куда каждая книга подобно эдгаровскому Ворону отбрасывает свою сокровенную тень. Всякий, кто приближался к подножию этой Горы (преодолев Джавахишвилевский подъем!), испытывал смущение, глядя на ее вершину, ибо даже мысленное восхождение на нее вызывало ощущения, близкие к головокружению. Всякий – но не сам хозяин, который с раннего детства «старинных книг» вдыхал «неуловимо горький аромат», «сафьян лаская переплетов редких».

Воздвигать Гору начал еще его дед, работник небольшой тифлисской типографии, отставной военный и страстный библиофил.

Дом Котика (так ласково звали его за глаза ученики) был стар, живописен и тих. Именно в таком доме мог обитать (и обитал на самом деле, ибо что такое всамделишность?) «хранитель рукописей» и враг суеты, последний «собеседник» поэта, его «собрат» и «коллега» – мудрый кот (кот Котика!). Во всем облике Константина Сергеевича сквозил тот самый аристократизм духа, который Эдгар провозгласил уделом избранных. На лекции он приносил вещи, сводившие студентов-семидесятников с ума – это были альдины, эльзевиры и даже новгородские берестяные грамоты. Тот, кто дотрагивался до этих сакральных предметов, заражался болезнью книгоискательства (что хуже кладоискательства), от которой страдало целое поколение и избавиться от которой было труднее, чем от алкоголизма или наркомании. В его голосе, стиле одежды и манере держаться было нечто неискоренимо старомодное и неистребимо снобистское (еще один штрих – он обожал поэзию Киплинга). С провинциалами духа он не общался, профанов не жаловал. Социальное положение че-

ловека его не интересовало – в его гостеприимной гостиной можно было встретить и важного сановника, и философствующего бродягу. Известно, что своим вниманием его одаривал сам Святейший Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия Второй.

Судьба каждого истинного тбилисца очень тесно связана с судьбой города – уникальная, присущая одному лишь Тбилиси, творческая атмосфера свободного «платоновского» общения и великодушных уступок не могла не оказать своего благотворного влияния и на Константина Сергеевича, воспитанного на традициях русской культуры.

Курс по истории книги едва ли можно было прочесть лучше Герасимова, ибо на ладонях его покоился «ultima ratio» – живая инкунабула (или почти инкунабула). К Валерию Брюсову и вообще к русскому символизму он сохранял пожизненную приязнь, если не сказать, любовь, еще со времен защищенной им под руководством Игоря Поступальского брюсовской диссертации. Его далеко не традиционная филологическая ориентация сказалась в стремлении исследовать научные (и, прежде всего, физико-астрономические) идеи русских поэтов (статья «Из истории научно-философских интересов русских поэтов XVIII века») – правда, здесь он почему-то продемонстрировал грубо-материалистический подход вольтерианского толка. (Герасимов-поэт и Герасимов-ученый могли конфликтовать). Бесспорно одно – именно служение Сонету как Прекрасной Даме составляло главный подвиг этого рыцаря нерыцарской эпохи: «... или приснится / В сонета глубине мне одному / Неведомое стольким лжепровидцам?» («Сонет к интуиции»). Ряд его статей по диалектике канонов сонета (в первую очередь, «Сонет в творческом наследии Валерия Брюсова» и «Диалектика канонов сонета») – едва ли не лучшее, что написано на эту тему. Он был инициатором проведения Первого Международного симпозиума по сонету в Тбилиси и редактором специально подготовленной к симпозиуму книги по сонету (Гармония противоположностей: Аспекты теории и истории сонета / Редакторы: О.А. Баканидзе, Г.Д. Джавахишвили, К.С. Герасимов. Тбилиси, 1985). После К.С. Герасимова говорить о сонете как об одной из твердых стихотворных форм в ряду других как-то неудобно. Он сумел поверить гармонию сонета ему одному ведомой алгеброй, и это не канет в пустоту.

К.С. Герасимов не нажил больших материальных благ и не стяжал громкой славы. Он не был удостоен высших ученых степеней и званий, хотя профессором почитали за честь снимать перед ним шляпу. Энциклопедии и справочники стыдливо умалчивают о К.С. Герасимове, хотя вместе с ним ушел очень специфический пласт культуры. О том, что он пишет стихи, знали только самые близкие. Как бы подводя итоги жизненному пути, он решился-таки выйти со своим единственным – но каким! – сборником (Константин Герасимов. Из глубины: Избранное (1947–1987). Тбилиси, 1992) к своему читателю.

лю, для которого знание латыни есть знак отмеченности. Книги многолетней выдержки, как и коньяки, вызывают невольное уважение. На единственной предваряющей текст фотографии поэт изображен на фоне все той же знаменитой книжной Горы. Взгляд его строг, хотя и лишен обычной метафоричности – она как бы без остатка «одожена» тексту. Поэзия для Герасимова – это смычка двух крайних полюсов, это «Вавилон» и «Иерусалим», это «кандалный звон» и «всезвездная корона», это «слепящий блеск алмазного венца» и «тьма». Начав свое программное стихотворение скептическим зачином-аллюзией «Поэзия – слова, слова, слова», он завершает его торжественно-патетически «А прочее все – ложь», как бы вторя галактионовскому «Поэзия – прежде всего» (1920). Без преувеличения можно сказать, что вошедшая в сборник стихотворений Герасимова книга из поделенных на семь разделов и 17 циклов 154 сонетов «Ars moriendi» (искусство умирать) – уникальное творение Мастера, не просто дань «любви к несравненным сонетам Шекспира», как он пишет в примечаниях, а мистический роман «пасынка века».

Мой город мертвецов, который раз
Стою я в одиночестве безмолвном
У стен из книг, у книжных башен, словно
Последний луч над ними не угас...

Как будто не руины мой некрополь
В слепой пустыне непроглядной тьмы,
Как будто можем, смеем помнить мы
Немые эпитафии Европы.

Кого же по развалинам твоим,
О Город Книг, к святилищам забытым
Вести, кому на полустертых плитах
Читать о том, что был – и сгинул – Рим?

Один, один в конце земных путей,
Кого я жду в предсмертной темноте?
Сонет 7 из книги «Ars moriendi»

В его неповторимом Городе Книг видное место занимали «квартилы» Эдгара По. К творчеству великого американца К.С.Герасимов обращался не раз. Эпиграфом к 100-му сонету из «Ars moriendi» служат строки «Annabel Lee», а заключительное двустопное сонета венчает образ «Королевства на краю земли». Предлагаемое вниманию читателей стихотворение «Nevermore» (1984) не вошло в книгу стихотворений К.С.Герасимова 1992 г. Оно носит слишком личный и провиденциальный характер, чтобы играть в собрании роль элемента некоего множества. (Вообще же концепт «Никогда» – один из главных в творчестве Герасимова). История получения автографа такова. По моей просьбе поэт и переводчик Владимир

Саришвили (один из близких учеников Герасимова) передал Константину Сергеевичу первый эдгаровский сборник (Эдгар Аллан По. Эссе. Материалы. Исследования /Ред.-сост. В.И.Чередниченко, Ю.В.Лучинский. Краснодар, 1995. Вып. 1) с моей дарственной надписью. В письме я приглашал его к сотрудничеству. Не верилось, что дни его сочтены. Он нашел силы написать ответное (по всей видимости, свое последнее) письмо, приложив автограф со стихами. В письме, между прочим, сказано: «Огромное спасибо за чудесную книгу! Поздравляю с ее изданием. Это прекрасный дар всем, любящим Эдгара По! Рад, рад за Вас! Мои дела теперь довольно плохи: тьма, голод, холод, нищета, да еще неважно со здоровьем. Да еще отсутствие свободной минуты – для себя лично, своих дел. Посылаю лишь стихотворение» (письмо от 8 февраля 1996 г.). Глубоко символичным оказался этот последний дар поэта и ученого. В солнечном городе, где каждый день – праздник, уверенной рукой выводил Мастер катрены отчаяния и терцеты тоски, не забыв ни одной из «внежизненных обид». И хотя «рожденный на рассвете» сонет Герасимова, по его собственному признанию, «зачат во тьме», без света он обойтись не может. В эти минуты «из глубины» сердца поэта вырывается благодарение:

Но, жизнь моя, спасибо за рассвет,
За то, что долго шел в кипящей пене,
За то, что опустился на колени,
Увидев на песке твой узкий след.
Сонет 130 из книги «Ars moriendi»

КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ

NEVERMORE (ЭДГАРУ ПО)

Казавшегося бесконечным детства
Я миновал неведенье едва,
Как предъявило на меня права
Отчаяния давнего наследство.

Земного «рая» глад, и меч, и мор,
И что присниться не могло былому...
Так чьей души обязан я надлому
Донесшимся из мрака «Nevermore»?

Нет. Беспощадней встреч или разлук,
Неведомых уделу моему,

Мольба так и не встретившихся рук,
Из темноты протянутых – во тьму.

А за рефрен – благодарю, все чаще
Перед концом путей во мне звучащий.

Июнь 1984

Примечания

СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэтический архив К.С.Герасимова строго систематизирован автором и озаглавлен им «Всеобщим Хронологом», куда в хронологическом порядке внесены все стихотворения, поэмы, поэтические циклы, танки, эпиграммы, дружеские послания в стихах, написанные с февраля 1942 г. по март 1994 г. Каждое произведение пронумеровано автором. Поэтические циклы, помимо того, либо переписаны в специальные тетради, либо собраны воедино в виде отдельных рукописных листов.

Во «Всеобщий Хронолог» автором не внесены, за редким исключением, сонеты из цикла циклов «Ars moriendi», количество которых составляет 154.

Некоторые из стихотворений, включенных автором в прижизненный сборник «Из глубины», видимо, были объединены в различные циклы именно во время подготовки сборника – в рукописях они значатся как самостоятельные произведения и не приписаны ни к каким циклам.

Количество пронумерованных и озаглавленных тетрадью «Всеобщего Хронолога» составляет 10:

Первая тетрадь стихов. «Грезы». Февраль 1942 – август 1943 гг., 8 произведений. «Лиловый сборник» - январь 1943 – декабрь 1944гг., 22 произведения.

«Желтый сборник». Январь-сентябрь 1945г., 35 произведений.

«Третий сборник». Сентябрь 1945-январь 1946 гг., 52 произведения.

«Четвертый сборник». Январь 1946-август 1947 гг., 181 произведение.

«Пятая Книга». Сентябрь 1947-март 1952 гг., 142 произведения «плюс 16 эпиграмм, плюс 1 стихотворение, фактически 159».

«Книга Шестая». Март 1952-февраль 1961 гг., 145 произведений.

«Книга Седьмая». Февраль 1961-май 1968 гг., 61 произведение.

«Книга Восьмая». Июль 1968-ноябрь 1972 гг., 105 произведений.

«Книга Девятая». Декабрь 1972-февраль 1976 гг., 86 произведений.

«Книга Десятая». Февраль 1976-июль 1978 гг., 103 произведения.

Начиная с 1980 года, «Всеобщий Хронолог» представляет собой собрание рукописных листов.

Кроме того, в архиве имеются зафиксированные в отдельных тетрадях следующие циклы стихотворений, большинство из которых включено и во «Всеобщий Хронолог»:

- «Песни Моря». Октябрь 1943-декабрь 1946гг., 28 произведений.

Эпиграф к циклу: «Море смывает страдания человека». Эврипид.

- «Эотен». Март 1946-май 1948гг., 26 произведений. Эпиграф к

циклу: «Вслед за мной идет Строитель. Скажите ему – я знал. «Дво-

рец». Киплинг.

- «Jolly Rodger». Октябрь 1945-июнь 1947гг., 50 произведений. Эпиграф к циклу: «Тост (его мы тихонько выпьем)//За тот отчаянный сброд,//За наших предтеч безымянных,//Джентльменский пиратский род!» Киплинг.

- «Лики Вечности». Ноябрь 1949-февраль 1958гг., 18 произведений. Эпиграф к циклу: «Когда вверху небо еще не получило имени и внизу земля не была названа...» «Энума Элит». («Миф о сотворении мира», посвященный Мардуку, богу-покровителю Вавилона, известный по первым строчкам: «Энума Элит» - «Когда вверху...» - Н.З.).

- «Harmonices Mundi» (Музыка Сфер). Февраль 1947-октябрь 1949г., 14 произведений. Эпиграф к циклу: «Кто цепь разбил, кто распахнул широко//Врата, что лишь немногие открыли?» Giordano Bruno, «De l'infinito, universo e mondi».

- «Шопот песчинок» (Авторский вариант: Горсть песчинок – Н.З.). Танки. Январь 1947-август 1955гг., 101 произведение. Эпиграфы к циклу: «Хранит моя рука//Горсть зернышек песка;//Как мало! Как спешат//Меж пальцев все назад!». Э.А.По. «К ***». «Так и оставлю//Никому не сказав//Свои думы!//Ведь нет никого,//Кто был бы со мною». Исэ-моногатари. (Памятник японской классической литературы, собрание новелл, каждая из которых содержит танки. Авторство повести приписывается аристократу, поэту, художнику Аривара-но Нарихира – Н.З.).

- «Изольда». Июнь 1947-январь 1950г., 24 произведения. Эпиграф к циклу: «Горек любовный напиток,//Горечь и боль в груди...//Почему же, открой, по ошибке какой//Пытку пыток//Испил его я один?» (Возможно, авторский эпиграф – Н.З.)

- «Голоса». 1971-1972 гг. Публикуемый в данном сборнике цикл – первый из задуманных и, вероятно, так и ненаписанных автором. В архиве хранятся наброски и планы к существующему и будущим частям цикла - в виде схем и таблиц, с трудом поддающихся, иногда не поддающихся вовсе, расшифровке.

- Книга «Верность – Salva fide».

Часть первая. Ex voto (лат. «по обету») - цикл «Прогресс» и ряд стихотворений – 1976-77гг. 16 стихотворений. Эпиграф: «I nunc anima anseps, et sit tibi Deus misericors»;

Часть вторая. Nuns dimittis (лат. «ныне отпускаеши») - циклы «Да будет!» - созвездие сонетов; «Знание» – венец сонетов; «Орфей», «Память», «Иов», «Жемчужина из тления», «Хранитель», «Да будет» (терцины), «У подножья», «Самосожжение», «Третья смерть», «Собор» и ряд стихотворений – 1973-82 гг. – всего 104 стихотворения. Эпиграф: «Nunc dimittis servum tuum, Domine» (лат. «Ныне отпускаеши раба твоего, Господи») Лука, II, 29.

- Книга сонетов «Ars moriendi» представляет собой совершенно законченный поэтический цикл из 154 сонетов, написанных с декабря

1977 по апрель 1981 года, полностью включенный К.Герасимовым в сборник «Из глубины» и прокомментированный им же. Внимательный читатель без труда заметит значительный хронологический разрыв в стихотворном разделе данного сборника – с 1979 года по 1984 год, то есть именно тот временной отрезок, когда К.Герасимов работал над книгой «Ars moriendi». В архиве хранятся, как обозначено автором, «первый черновик» и «второй черновик (предпечатный) – последний рукописный вариант», а также «материалы к книге сонетов – 1.Композиция. 2. Эпиграфы, заметки, загл[авия], исправл[ения]. 3. Материалы конспекта. 4. Архив. 5. Примечания».

Некоторые циклы стихов, указания на которые встречаются в рукописях (Glory, Lumen cordis, Пролог, Dramatis personae, Все подробности, Votum, «... this country...», 20, Два мира, Apud, Сумаеа, Сонеты с Понта), в систематизированном виде не сохранились. Учитывая, что все остальные поэтические циклы зафиксированы автором в отдельных тетрадах и блокнотах, закономерным является предположение, что часть стихотворного архива утрачена.

В архиве К.С.Герасимова также хранятся тетради с прозаическими произведениями (вернее будет назвать их романтико-приключенческими стилизациями): повесть «Воды Леты», июль 1941г., рассказы «Стратегия», май 1943г., «Предсказание», июнь 1943 г., «Ошибка Фредди», ноябрь 1943 г., «Пять центов», июнь, 1944 г., «Первая иллюзия», август 1944 г., а также черновики и наброски романа, повестей и новелл.

Работая над примечаниями к стихотворениям К.С.Герасимова, составители не ставили перед собой задачи представить читателю академическое издание текстов. Несомненно, что это станет целью и задачей будущих исследователей доступного ныне архива, ибо серьезной и кропотливой литературоведческой работы стоит все, написанное К.С.Герасимовым. Поэтому составители для своих пояснений взяли за образец авторский стиль примечаний к сборнику «Из глубины».

Составители не скрывают, что надеются на то, что когда-нибудь (конечно, на это потребуется не один год) станет счастливой реальностью академическое издание полного собрания сочинений поэта и ученого.

Учитывая, что сложная архитектурная структура Хронолога, предполагавшая определенные связи между книгами, циклами и циклами циклов, нигде не обозначена автором в понятном и однозначном виде, составители выбрали единственно возможный вид публикации стихотворений – хронологический.

Следует подчеркнуть, что составители сохранили в некоторых случаях своеобразную авторскую орфографию и пунктуацию.

В архиве обнаружено следующее авторское замечание: «февр. 42 – авг. 47. Почти все эти стихи – а их 300 – очень слабы. Это – шаг первый. Со сборника 5 начинается новый – настоящий период подлинного поэтического творчества». Тем не менее, составители – для полноты и точности – взяли на себя смелость и включили в данный сборник (в т.ч. - в раздел «Примечания») ряд стихотворений из указанных 300, которые сам автор считал недостаточно профессиональными. Таким образом творческий путь поэта прослеживается яснее и ярче.

ГРЕЗЫ

Из цикла ГРЕЗЫ

Когда я среди людей – играю роль искусно
Существователя, довольного собой.
И, к сожалению, нередко увлекаюсь,
Я забываю скрытый образ мой.

Но в те часы, когда совсем один я,
И грязный мир людей, жестокий мир далек,
Тогда с презрением я сбрасываю маску
И погружаюсь в призрачный мирок

Затерян он в безбрежном океане
Он далеко от суеты людей
И место мое там – на острове-мираже
В тени высоких пальм, вдвоем с мечтой моей.

О, знаю я,- моя мечта прекрасна,
Хоть грезится так смутно мне она
И я люблю, люблю ее так страстно,
Как буря страсти может быть сильна.

Люблю волос ее изящный беспорядок
Их пышную волну на мраморных плечах,
Люблю оттенок золотистых прядок,
Улыбку нежную на розовых губах.

Люблю в воде лагуны отраженье
Нагого тела юной красоты,
Люблю прохладу ее гладкой кожи

Благоухающей, как майские цветы.

Люблю веселый взгляд ее очей лучистых
Когда в их синеве искрится смех немой,
Люблю звук голоса – такой хрустально-чистый
Он проникает в сердце, он влечет с собой...

Но вот прекрасных грез виденья отлетели
А я остался – жалкий и смешной,
И снова приняв вид спокойно равнодушный
Влачу свой крест с мучительной тоской.

Февраль 1942

ГРЕЗЫ

Из цикла ГРЕЗЫ

Среди людей, устало замыкаясь,
Играю роль довольного собой
И, часто мигом счастья увлекаюсь,
Я забываю скрытый образ свой.

Но в те часы желанного покоя,
Когда жестокий, грязный мир далек,
С презреньем сбросив серенькую маску,
Я погружаюсь в призрачный мирок.

Затерян он в безбрежном океане,
Он далеко от жадности людей,
И я в мечтах – на острове-мираже,
В стране цветов с любимой моей.

О, знаю, знаю я: она прекрасна,
Виденье ярко-радужного сна!
И я люблю, люблю ее так страстно.
Как буря страсти может быть сильна.

Люблю оттенок кожи золотистой –
След поцелуев солнечный лучей,
Люблю я взгляд взволнованно-лучистый
Искрящих смехом, радостных очей.

Люблю в воде лагуны отраженья
Нагого тела юной красоты,

Люблю волос изящное сплетенье,
Душистых, как весенние цветы.

Подруга грез! Друг-женщина! С тобою
У нас сейчас тот лучезарный век,
Которым столько тысяч лет с тоскою
Живет, борясь, надеясь, Человек.

Но вот виденья тихо отлетели.
А я остался – жалкий и смешной...
И, приняв вид спокойно-равнодушный,
Влачу свой крест с мучительной тоской.

Февраль 1942 – август 1943

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СТУДЕНТЫ!

Друзья, не довольно ль корпеть день и ночь?
Очнитесь, швырните учебники прочь!

Теряя листы, пусть Вергилий летит,
Его на лету догоняет Эвклид.

Великий ученый был некто Декарт,
Но лучше сидеть за колодою карт.

Беспорно, велик был философ Сократ,
но ласки Жаннет мне милей во сто крат!

Искатели истин наскучили мне,
Я ту признаю лишь, какая в вине.

Я их уважаю, но все же готов
Отдать за бутылку вина сто томов.

За книгой минуты так вяло идут...
Друзья! В погребке нас товарищи ждут!

Там многих веселых студентов найдем
И «Гаудеамус» все хором споем.

Я книги советую в угол сложить:
Ведь главное – весело век свой прожить!

Не знаю, как вы, но из многих богов
Я Бахусу вечно молиться готов!
Март 1943

ВАЛЬС

Жаркий июльский безоблачный день,
Море синеет вдали,
Пальмовых листьев зубчатая тень
Спит на горячей пыли.

Спущены шторы, лишь тоненький луч
Платье твое золотит,
Голос твой чистый так нежно-певуч,
Вальс увлекает, манит...

Запах пьянящий: любимая, ты?
Иль на рояле букет?
Дивной мелодией льются мечты
Юных и радостных лет.

Звуки, понятные только твоим,
Ласки чудесной полны...
Сердце мое бьется в ритме с твоим,
Вместе так счастливы мы.

Замерли звуки чарующих снов...
Нужно ль сказать что сейчас
Лучше прекрасных восторженных слов
Выдал мне взгляд твоих глаз?

Август 1943

БОГ – СОЛНЦЕ

Из цикла ПЕСНИ МОРЯ

О, Солнце! Ты струишь потоки жаркой лавы
Прозрачно-золотой на бронзу наших тел.
Здесь с нею мы вдвоем – что мне до глупых дел
Людей, их суеты, до жалких лавров славы!

Свершай обычный путь в лазури величавый,
Пылай, чтоб твой огонь в глазах закрытых рдел
Мы, остров, океан и солнце – вот предел
Того, что было сном в дали, что сон кровавый.

Теперь, во власти чар чудесного покоя,
Отдавшись целиком пьянящей неге зноя
Смуглеющим цветком прекрасной наготы,

Порой на поцелуй ответит мой влюбленный
Она, и взгляд ее смеется, полусонный,
Сияя меж ресниц... о, счастье, - это ты!

Октябрь 1943

1. Хозе Мария (Жозе-Мариа) де Эредиа (1842-1905) – французский поэт, кубинец по происхождению. Автор сборника 118 сонетов «Трофеи» (1893).

2. На полях рукописи имеются авторские карандашные пометки: «Мой первый сонет и первое ст[ихотворение], которое стало частью законченного (композиционно-тематически) целого – «Песни моря». Впечатление Маугли».)

3. Авторский вариант: «вдруг Сиддарта». Брама (Брахма) - одно из трех главных божеств в индийской мифологии. Сиддарта (Сиддхартха Гаутама) – имя, полученное при рождении Буддой Шакьямуни, основателем буддизма.

4. Розайт – военно-морская база английского Королевского флота.

5. Ла Хог – небольшое селение на полуострове Котантен, где в сражении 1692 года английские эскадры уничтожили 12 французских линейных кораблей. Вошло в историю как «сражение при Ла Хог».

6. Трафальгар, Трафальгарская битва – легендарное морское сражение 1805 года между английским и франко-испанским флотом у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании, завершившееся победой Англии, которая не потеряла в этой битве ни одного корабля и подтвердила свое полное превосходство на море. В этом сражении погиб командующий английским флотом вице-адмирал Нельсон.

7. Гранд-Флит, Большой Флот – название главных сил английского флота во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. Употребляется в качестве собственного имени..

8. Ютландский бой – большое сражение с флотом Кайзеровской Германии, единственное за всю Первую мировую войну, в котором участвовал Гранд-Флит. Несмотря на подавляющее превосходство в силах, Гранд-Флиту не удалось разгромить германский флот.

9. Дэвид Битти (1871-1936) – адмирал британского флота, Первый лопд адмиралтейства.

10. Рейнхард Шеер (1863-1928) – адмирал, военный деятель, командующий германским флотом Открытого моря в Ютландском сражении.

11. Линейный корабль – парусное деревянное военное судно, имевшее до трех рядов пушек.

12. Дромон – быстроходное парусное военное судно в V-VII вв. Главным его вооружением были катапульты, метавшие огненные снаряды на большое расстояние.

13. Галион – старинное испанское и португальское военное парусное судно.

14. Уолтер Ралей (1552-1618) – английский государственный деятель, писатель, поэт. Основатель первой английской колонии в Америке. Автор «Всемирной истории», написанной в Тауэре, в заключении за участие в оппозиционном заговоре. Дрэк, Фрэнсис Дрейк (1545-1597) – английский мореплаватель. Предпринимал плавания в Ост-Индию, во время которых занимался научными исследованиями. Совершил первое после Фернана Магеллана кругосветное плавание.

15. Дек – палуба парусных военных судов.

16. Авт. вариант: «Путем апостолов и Дьявола путем».

17. Авт. вариант: «неслыханный колосс».

18. Флот двух океанов – американский флот во Второй мировой войне.

19. Примечание автора: Первое ст[ихотворение], внесенное в Верность. Второй вариант окт[ябрь] 72».

20. in quarto – полиграфический термин, размер в четверть листа.

21. Авт. вариант: «Пусть одиночество забавно в восемь лет».

22. Авт. вариант: «Жить вне реальности, и правды, и обмана».

23. Абукир – остров и мыс в Египте, около которого 1-2 августа 1798 г. во время Египетской экспедиции 1798-1801 гг. (поход французской армии во главе с Наполеоном Бонапартом в Египет) произошло сражение между английским и французским флотами под командованием контр-адмирала Нельсона и вице-адмирала Брюэса. В результате сражения французский флот был разбит.

24. Бенарес – Варанаси, или Банарес, или Каши – главный город одноименной области в северо-восточной Индии. В индуизме считается самым главным святым местом в мире. Один из старейших городов мира и, возможно, старейший в Индии. Согласно индуистским историческим хроникам – первый город на земле, с которого началось сотворение Вселенной.

25. Франсуа Поль де Брюэс – вице-адмирал французского флота.

26. Авт. вариант: «был пигмей».

27. Авт. вариант: «замысел державный».

28. Авт. вариант: «где».

29. Авт. вариант: «да».
30. Капитан Инглэнд – один из прославленных пиратов XVIII века. Настоящее имя – Эдвард Сигер. Не был кровожаден, чем резко отличался от большинства корсаров.
31. Авт. вариант «и чуть».
32. Авт. вариант «спорах».
33. Авт. вариант «ласки».
34. Рапа-Нуи – полинезийское название острова Пасхи, расположенного в южной части Тихого океана, на территории современного Чили.
35. Арики – вожди у полинезийцев.
36. Хоту Матуа – жители острова Пасхи считают себя потомками племени, возглавляемого вождем по имени Хоту Матуа. Согласно одной из легенд, Хоту Матуа, жил в далекой земле Марая-ренго, где стояли каменные статуи, и после междоусобной войны вынужден был покинуть родину.
37. Остров Пасхи известен гигантскими скульптурами, сооруженными предположительно с 1100 по 1680 год. Все изваяния имеют продолговатые туловища и лица, вытянутые мочки ушей, клиновидные подбородки и высечены из желто-серого туфа.
38. U-Boot – от нем. Das U-Boot – подводная лодка.
39. Минреп – трос для удержания якорной мины на определенном расстоянии от поверхности воды.
40. Авт. вариант: «не взор твой – ласку милых глаз».
41. Авт. вариант: «на войну».
42. По указанию Адмиралтейства Англии с 1776 года во все корабельные канаты для военного флота стали вплетать красную нить по всей их длине. По наличию в канате красной нити можно было совершенно точно установить его принадлежность английской короне.
43. Анкер – старинная мера объема, использовавшаяся в разных странах для вина, коньяка и масла.
44. Гуд-Хоуп – город в штате Алабама, США.
45. Перим – остров вулканического происхождения в Баб-эль-Мандебском проливе.
46. Джон Эйвери по прозвищу Долговязый Бен – британский пират. В 1719 году была опубликована книга Даниэля Дефо «Король пиратов». Ее полное название – «Король пиратов: изложение знаменитых приключений капитана Эйвери, якобы короля Мадагаскара. С описанием его путешествий и пиратства, с разоблачением всех ранее опубликованных о нем вымыслов. В двух им самим сочиненных посланиях, одно из которых написано во время его пребывания на Мадагаскаре, и другое после его исчезновения».
47. Первый вариант названия – «Начало войны».
48. Перв. вар. назв. – «Судьба».

49. Перв. вар. назв. – «Где ты?»
50. Авт. пометка: «испр. март 61»
51. Эотен – глава LVII Эотен (Eothen) романа «Ярмарка тщеславия» и имя героя книги «Эотен» («На рассвете») друга У.М. Теккерея Александра Уильяма Кинглейка (1809-1891), посвященной его путешествиям по Востоку.
52. Карнак – египетская деревня на восточном берегу Нила, где расположен храм Амона – самый большой во всем древнем мире.
53. Пирамида Хефрена – вторая по величине древнеегипетская пирамида.
54. Pax Britannica – период доминирования в мире Британской империи (1815-1918 гг.).
55. Юнион-Джек – неофициальное название флага Великобритании.
56. Авт. вариант: «был».
57. Авт. пометка: «27 июля 1946 года. Юбилей. 100 сонетов».
58. Ex humili potens – выражение из текста Квинта Горация Флакка «Ad Melpomenen» («К Мельпомене») – «Exegi monumentum aere perennius...» («Я памятник воздвиг прочнее меди»). Означает «возвысившийся из низов». В контексте у Горация – «первый, кто сделал то, чего ранее не было».
59. Исправлено: «тлен».
60. Авт. пометка: «Февраль 42 – Февраль 47. Юбилей...»
61. Авт. вариант: «ценою высшею».
62. Фрагмент из авторского либретто музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда»: «Свежий ветер дует в направлении родины: мои ирландские дети, где вы сейчас?»
63. Odi et amo – «ненавижу и люблю» лат.
64. Tat tvam asi – предложение на санскрите, переводится по-разному: «Это ты», «Ты что», «Вы что», «Что вы». Иносказательное значение – «громкие обещания».
65. Авт. вариант: «что же это».
66. Ахерон – в др.-греческой мифологии «река скорби», река в подземном царстве мертвых, через которую Харон перевозил в челноке души умерших, по другой версии - он перевозил их через Стикс.
67. Эреб – в др.-греческой мифологии олицетворение вечного мрака, сын Хаоса, брат Ночи.
68. Авт. вариант: «втайне: твой литературный вкус».
69. Авт. вариант: «о работяга бедный».
70. Авт. вариант: «холодом скользких плит».
71. Панталасса – воображаемый океан, покрывавший около половины земного шара.
72. Авт. вариант: «не то чтобы совсем плохи».

73. Памятник японской культуры начала X века – лирическая повесть «Исэ моногатари» («Повесть из Исэ»).

74. Пьяцца – видимо, имеется в виду площадь в Венеции – Пьяцца Сан-Марко.

75. Риальто – самый первый и древний мост в Венеции.

76. Кублай-хан – имя, подо которым, благодаря Марко Поло, стал известен монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай.

77. Рустичиано – житель Пизы (по другим данным, венецианец), который в 1298 г. оказался в геновской тюрьме вместе с Марко Поло. Согласно устоявшейся версии знаменитая книга о путешествиях Поло была надиктована им Рустичиано. Последний поместил в нее не только сведения и наблюдения рассказчика, но также легенды и рассказы о странах, в которых Поло не бывал. Рустичиано пользовался репутацией мошенника, поэтому различные слухи и домыслы дожили до наших дней, и окончательной исторической трактовки данных событий не имеется.

78. «Orbe fracto, spes illaesa!» – «Хоть мир погиб, надежда остается непоколебимой», лат.

79. Авт. вариант: «И каждый шаг во тьму измерен».

80. Томас Роберт Мальтус – английский священник, ученый, экономист, автор теории, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения должен привести к голоду на Земле.

81. Холизм – от др.-греч. «целый, цельный», идеалистическое учение, рассматривающее мир как результат творческой эволюции. Весь мир с точки зрения – это единое целое, а выделяемые нами отдельные явления и объекты имеют смысл только как часть общности. Соответственно, развитие мира должна направлять некая внешняя по отношению к нему сила. Холизм господствовал в европейском мышлении с древности и до XVII столетия. Пример холистического утверждения из трудов Гиппократов: «человек есть универсальная и единая часть от окружающего мира», или же «микрокосм в макрокосме».

82. De l'infinito, universo e mondi – один из главных трудов Джордано Бруно – «О бесконечности вселенной и мирах», 1584 год.

83. Авт. вариант: «мировым».

84. «Lovely hula hands» – название композиции Марти Роббинса (1925-1982), американского певца и киноактера, получившего признание в качестве исполнителя кантри-энд-вестерна.

85. Дискос – один из литургических сосудов в православной церкви, блюдо на подставке с изображением сцен из Нового Завета, чаще всего — младенца Иисуса Христа. Иносказательно означает и ясли, и пещерный гроб, в который было положено тело Иисуса после снятия с Креста.

86. Рекс сакрификус – должность, установленная римлянами после изгнания правителей для жреца, заступившего на их место. Эта должность оставалась неприкосновенной до позднейших времен Империи.

87. Авт. вариант: «А синева небес – пуста».

88. Перв. вариант: «Молитва автора»

89. Молитва «Credo» – «Верую»: «Credo in unum deum, hatrem omnipotentem, factorem celi et terre, visibilium omnium et invisibilium» – «Верую в Бога единого Отца всемогущего, создателя неба и земли, видимого всего и невидимого», лат.

90. Пресуществление – богословский термин, используемый для уточнения смысла преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа в таинстве Евхаристии. Смысл использования данного термина в том, что он еще более акцентирует объективную реальность этого таинства.

91. Данная строфа – поздняя вставка от сентября 1976г.

92. «De profundis» – начало покаянного псалма, который читается как отходная молитва над умирающим: «De profundis clamavi ad te, Domine; Domine, exaudi vocem meam» – «Из глубин я воззвал к тебе, Господи! Господи, услышь голос мой» (Псалтырь, 130. 1-2), лат.

93. Перв. вариант: «трое».

94. Поэма представляет собой синтез поэтического повествования о героях Джен, Питере, мистере Уэсте и др. (их монологи - это основной текст поэмы) и тех баллад, которые разбросаны по Всеобщему Хронологу, но названы автором частями «Посвящения»: «Песня о трех Благородных, но Объятых Скорбью Девах. Песня о Тщете всех Земных Стремлений. Песня о дерзком малом. Лазурная с золотом Баллада об Осуществлении Мечты. Баллада о Брауни. Звездно-синяя баллада о Недостойном Избраннике. Черная с алым Баллада о Благе Бытия. Баллада об Англичанине. Баллада об Адмиральском Дубе. Баллада о Слепом Капитане. Баллада-мистерия о Таинстве Святого Причастия. Баллада о Молчании Провидца. Третий Хор. Действо о рабстве, баллада-миракль. Отчасти апокалиптическая Баллада о Задумчивом Полисмене. Баллада о неизбежности грехопадения. Баллада о Мертвом Капитане. Баллада о Крысолове. Баллада о Выборе». Также автором отмечено: «Здесь была бы помещена «Баллада о Цветке в Пустыне», будь она написана... Здесь автор опускает вставную «Балладу о Шопоте Жителей Гор» по известным только ему соображениям... Автор вынужден признать бесспорную уместность предполагавшегося помещения здесь – увы, отсутствующей – вставной «Баллады о Путьх Бытия».

95. Возможно, есть внутренняя отсылка к роману Артур Конан Дойла «Тайна Клубера».

96. *Nic jacet* – «здесь покоится...», лат.

97. His country – «эта страна», англ.

98. Iniquos odio habui, et legem tuam dilexi – «Я ненавижу несправедливо, и закон Твой люблю», Псалом 113, лат.

99. Томмасо Торквемада (1420-1498) – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании.

100. Caute – «осторожно», лат.

101. Органон – комплекс логических принципов понимания мира, его познания, освоения человеком. Исходным началом органа служит субъектно-объектное отношение. Автором первого в истории научно-философской мысли «Органона» был Аристотель, который, основываясь на умозрительных принципах, дал свод основных логических правил познания мира. Полемицируя с Аристотелем, Ф. Бэкон написал «Новый органон».

102. Рич – речь, саман – дыхание, удгитха – слог Ом. Рич и саман образуют пару. Слог Ом, состоящий из трех звуков а, у, м, символизировал три веды – Ригведу, Самаведу, Яджурведу.

103 Чхандогья-упанишада представляет собой часть Чхандогья-брахманы, состоящей из десяти глав. Первые две главы этой брахманы посвящены ритуалу жертвоприношений. Остальные восемь составляют собственно Чхандогья-упанишаду. По мнению некоторых ученых, Чхандогья-упанишада является древнейшей из Упанишад. Ее можно считать первой философской частью Вед).

104. «Plaudite, acta est fabula» – «Рукоплещите, представление окончено», итал. Обычное обращение к зрителям в конце римской комедии. Со времен императора Августа зрители аплодировали по правилам – последний из артистов, заканчивавших действие, говорил: «Valete et applaudite!», один из музыкантов давал тон, и публика, разделившись на два хора, скандировала формулу восхищения представлением.

105. Exeunt omnes – «все выходят», лат.

106. Приписка автора: «Вставить в прим[ечания]. «Может быть, жизни удастся побороть слепую природу и переделать Вселенную применительно к своим целям. И вполне может оказаться, что все устройство неживой Вселенной не так уже независимо от потенциальных возможностей жизни и разума, как это пытались предположить ученые двадцатого века». Ф.Дайсон. Энергия Вселенной. ЗС 1972 №6».

107. Джодрелл Бэнк – радиоастрономическая обсерватория при университете Манчестера. В 1970-х годах большие антенны трех обсерваторий – Джодрелл Бэнк, радиоастрономического института Макса Планка и обсерватории Паркс – были задействованы для составления карты всего неба.

108. Верулам – провинциальный городок близ Лондона, ныне не сохранился. Камулодун – ныне Колчестер, колония легионеров-ве-

теранов.

109. Скриптория – мастерская по переписке рукописей, преимущественно в монастырях.

110. Introitus – «вступление, вход», лат. Входное песнопение, один из элементов католического и лютеранского богослужения, открывающий собой мессу.

111. Эльзевир – семья голландских издателей и типографов XVI-XVII вв. и название их изданий, отличавшихся своеобразной красотой, малым форматом, скромностью оформления, четкими шрифтами. Являются гордостью любого библиофила. Эльзевиры, принадлежавшие К.С.Герасимову, не сохранились. Альдины – книги, отпечатанные в типографиях Альдо Мануцци (Мануччи) и его потомков в XV-XVI вв. – венецианской фамилии типографов, издателей и ученых. Характеризуются небольшим форматом, переплетом из тисненой золотом кожи, идеальной подготовкой текста и высочайшим полиграфическим исполнением.

112. Новокаролингский, или гуманистический, рукописный шрифт появился во Флоренции в начале XV в., имеет округлые формы и является более совершенной разновидностью шрифта.

113. Гипнэротомехия Полифила – «Сон Полифила», «Любовное бдение во сне Полифила», эзотерический роман, один из наиболее примечательных памятников итальянской литературы XV века, самый красивый из всех альдинов. Книга была опубликована анонимно в типографии Альдо Мануцци, который применил модернизированный, удобный для чтения шрифт. Издание очень высоко ценится библиофилами.

114. Ксилография – гравюра на дереве, древнейшая техника гравюры.

115. Средокрестие – в церковной архитектуре место пересечения главного нефа и трансепта, образующих крест. Средокрестие, как правило, венчается куполом или башней.

116. Дельфин, обвивающий якорь – издательская марка Альдо Мануцци.

117. Festina lente – «торопись медленно», лат.

118. Флорентийская лилия – издательская марка флорентийца Лукантонио Джунта, взявшего себе герб родного города.

119. Odi et amo – «ненавижу и люблю», крылатая латинская фраза из знаменитого двустишия Катутла.

120. Иоганн Фробен (ок. 1460-1527) – знаменитый базельский печатник. С 1514 г. – основной издатель сочинений Эразма Роттердамского. Изобразил на печатной марке кадуцей (жезл, скипетр), сопроводив его голубями как символом простоты и змеями – символом осторожности. Восходит к библейскому: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты,

как голуби». (Матф.10,16).

121. In principio. Constantia et labore - «в принципе», «постоянство и труд», лат.

122. Duodecimo - «двенадцать», лат. Формат книги в двенадцатую часть листа.

123. Eppur si muove – «И все-таки она вертится!», ит.

124. Дидо – династия французских книготорговцев, типографов и словолитчиков, внесших огромный вклад в развитие полиграфии в XVII и XIX веках.

125. «Капричос» – «Причуды», серия офортов Франсиско Гойя.

126. «Дезастрес» – «Бедствия», серия гравюр Ф.Гойя.

127. Che vuoi – что вы хотите? Ит.

128. Акватинты – разновидность офорта, самый распространенный способ гравирования тона.

129. Стихотворение «Век XIX» написано в июле 1969 г. включено автором в сборник «Из глубины».

130. Примечание автора: «Век XXI – без текста, одни точки».

131. Кампо ди Фиоре – площадь Цветов в Риме, на которой взошел на костер Джордано Бруно.

132. Струльдбруги – герои Джонатана Свифта, существа, от рождения наделенные бессмертием, но не вечной молодостью, после восьмидесяти лет превращающиеся в больные, немощные создания.

133. Цикл «Голоса» не был закончен, и является обширным и серьезным материалом для будущего специального исследования. Текст цикла в рукописи сопровождается подробными, но во многом загадочными комментариями автора, шифрованными записями, таблицами и схемами. Однозначно, что под «голосами» первой части автор имеет в виду Конан-Дойла, Киплинга, Уэллса, Честертона, Голсуорси, Хаксли и Олдингтона, хотя на плане цикла и есть пометка: «Не растяг(ивать)! Не называть авторов».

134. «Торговый дом Герлдстон» (1890) – первый социально-бытовой роман А. Конан-Дойла.

135. «Белый отряд» (1891) – роман Конан-Дойла, посвященный эпохе второй половины XIV века, когда две сильнейшие европейские монархии, Англия и Франция, вели войну, вошедшую в историю под названием Столетней.

136. «Этюды в багровых тонах» (1887) – первая повесть о Шерлоке Холмсе.

137. «Великая тень» (1892) – исторический роман Конан-Дойля, своего рода посвящение великому шотландцу Вальтеру Скотту. Другие названия: «Тень великого человека», «Тень Бонапарта», «Гигантская тень».

138. Кирасиры – тяжелая рыцарская кавалерия, появившаяся

в XVI веке во многих странах Европы, одетая в недорогие неполные латы, называвшиеся кирасирскими, от которых к XIX веку постепенно остались только шлем и кираса.

139. Стеньги – первое удлинение нижних мачт для крепления рангоутного дерева, несущего парусное вооружение, сигнальных фалов и судовых огней.

140. «Когда вскрикнет Земля» (1929) – рассказ о профессоре Чаленджере, который мечтает стать первым человеком, добравшимся до жизни, расположенной под земной корой.

141. «Отравленный пояс» (1913) – повесть о новом открытии профессора Чаленджера – о том, что вскоре Земля должна пройти через полосу отравленного эфира, способного погубить на ней все живое.

142. «Затерянный мир» (1912) – повесть о профессоре Чаленджере, который вместе с британской экспедицией в Южную Америку обнаруживают некий мир, заселенный динозаврами, человекообразными обезьянами и «каменными людьми».

143. Парафраз первой строки «Баллады о Востоке и Западе» Р.Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток...»

144. Имеется в виду стихотворение Киплинга «Дворец»: «Каменщик был и Король я...»

145. Карела – лиана семейства тыквенных, получившая распространение в странах Азии.

146. Бандар-логи – обезьяноподобные персонажи «Книги джунглей» Киплинга.

147. Хайберский проход – проход в горном хребте, расположенном рядом с границей между Афганистаном и Пакистаном. Издревле имел важное стратегическое значение, а также был торговым путем между Южной и Центральной Азией.

148. Имеется в виду фантастический роман Герберта Уэллса «Остров доктора Моро» (1896). В лаборатории, которую жители острова назвали «домом страдания», Моро превращает зверей в людей. За ними надзирает «чтец закона», который грозит возвращением в «дом страдания» тем, кто нарушит «закон» – «не ходить на четвереньках», «не лакать воду языком», «не охотиться за другими людьми». Вслед за чтецом люди-звери повторяют, как заклинание, «разве мы не люди?»

149. «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (1916) – антивоенный роман Г.Уэллса.

150. Имеется в виду роман Уэллса «Мистер Блетсуорси на полуострове Рэмпол» (1928). Дикари острова – людоеды, но говорить об этом не принято. «Дар друга» – это человеческое мясо, полученное в дар неким мистическим образом.

151. Речь идет о романе Уэллса «Война миров» (1897) о вторже-

нии марсиан на Землю. Треножники служили средством передвижения марсиан на Земле.

152. Морлоки - существа, встречающиеся в различных произведениях фантастического жанра. Изначально - персонажи фантастического романа Уэллса «Машина времени».

153. Имеется в виду алмазный скальпель доктора Моро.

154. «Пища богов» (1914) – роман Уэллса.

155. «Современная утопия» (1903) – беллетризированный трактат Уэллса.

156. Авт. вариант: «Разум в конце пути».

157. Отсылка к фамилии героя романа Г.К.Честертон «Перелетный кабак» (1914) Хэмфри Пэмна.

158. Отсылка к тексту фантастического романа Честертон «Наполеон из Ноттинг-Хилла» (1904): «- За Красного Льва! - заревел он. - Смыкайте мечи вокруг Красного Льва!... У нашей розы есть шипы! - Стяг Красного Льва еще ни перед кем не склонялся! - гордо крикнул Вэйн, не переставая потрясать знаменем».

159. Отсылка к «двум сотням лиловых северных кенсингтонцев» из романа «Наполеон Ноттингхильский».

160. Лендс-Энд – крайняя западная точка Великобритании.

161. «Лебединая песня» (1928) – один из трех романов «Современной комедии» Голсуорси, второй трилогии цикла о Форсайтах наряду с романами «Белая обезьяна» (1924) и «Серебряная ложка» (1926).

162. «Цветок в пустыне» – часть последней трилогии Голсуорси, посвященной семье Чаруэлл, выпущенной в 1933 г. женой писателя под заглавием «Конец главы».

163. «Темный цветок» (1913) – роман из первого цикла произведений Голсуорси об аристократии.

164. «Сдается в наем» (1921) – роман из первой трилогии «Саги о Форсайтах» наряду с романами «Человек-собственник» (1906) и «Мертвая хватка» (1920).

165. Возможно, скрытая цитата из рассказа Конан Дойла «Пустой дом»: Ватсон замечает у старика, под видом которого Холмс возвратился в Лондон, книгу «Происхождение культа деревьев», а чуть позже тот же «старик» предлагает Ватсону приобрести книгу «Птицы Британии».

166. «Шутовской хоровод» (1923) – интеллектуальный роман-фарс Олдоса Хаксли.

167. Saecus stercoris – «век навоза», лат.

168. «Контрапункт» (1928) – роман Хаксли о быте и нравах английского высшего света.

169. «О дивный новый мир!» (1932) – роман-антиутопия Хаксли, в котором опровергается теория научного оптимизма Герберта Уэллса.

са. «Возвращение в прекрасный новый мир» (1958) – роман анти-«О дивный новый мир!», утверждающий, что на самом деле все будет значительно хуже и страшнее.

170. «Слепец в Газе» (1936) – пацифистский роман Хаксли.

171. «Время должно остановиться» (1944) – сатирический роман Хаксли.

172. «Обезьяна и сущность» (1948) – трагическая антиутопия Хаксли, в которой изображен мир, переживший атомную войну.

173. Балиел – Велиал, Дьявол.

174. «Гений и богиня» (1955) – фантазмагорическая повесть Хаксли.

175. «Остров» (1962) – последний роман Хаксли, положительная утопия,

176. «Все люди — враги» (1933) – антимилитаристский роман Ричарда Олдингтона, продолжающий тему «потерянного поколения».

177. «Суший рай» (1937) – роман Олдингтона о герое, полном смятения и «потерянности».

178. Йеху – мерзкие человекоподобные существа в стране добродетельных лошадей-гуингнмов в IV части «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта.

179. Крылатое латинское выражение – «Были мы, троянцы, был Илион».

180. «Смерть героя» (1929) – во многом автобиографический роман Олдингтона, один из самых известных антивоенных романов в мировой литературе.

181. Dolce – «сладкий», ит.

182. Decorum – «приличия», ит.,лат.

183. Видимо, имеется в виду мифический (или исчезнувший) остров у берегов Греции.

184. Гирканское море – одно из названий Каспийского моря. Гирканская область – область Иранского нагорья на севере Ирана, входившая северо-западной частью за пределы Азербайджана.

185. Nulla dies – «ни дня...», лат.

186. Мессер, месарь – нож, кинжал (жарг.)

187. Текст стихотворения сохранился в рукописях сборника «Из глубины», но в итоге не был включен автором в книгу.

188. Hiatus – «пробел», лат.

189. Missa nigra – «черный посыл», лат.

190. Примеч. автора: «Вводное стихотворение ко второму «Избранному».

191. «Натяну» – условно. В рукописи это слово неразборчиво.

192. Текст этого стихотворения сохранился только в виде черновика.

193. Arud – предлог в эсперанто, выражает близость, соседство:

около, рядом, возле, у.

194. События книги Иова происходят в земле Уц (Иов 1,1), предположительно, соответствующей Едому (Быт. 36,28). Септуагинта (собрание переводов Ветхого Завета на др.-греч. язык III-II вв. до н. э.) упоминает землю Уц как страну айситаев, народа, который Птолемей называл жителями Аравийской пустыни.

195. Авт. пометка: «Стоит ли включать во Всеобщий Хронолог?» Но текст был включен и пронумерован.

196. *Plebs habitat diversa locis* – «люди обитают в разных местах», лат.

197. Б.С. Мейлах (1909-1987) – литературовед, лауреат Сталинской премии, автор работ о А. С. Пушкине, Льве Толстом, поэтах-декабристах, общих вопросах литературоведения, психологии художественного творчества, сотрудник Пушкинского дома.

198. Ананке – др.-греч. мифологии богиня неизбежности.

199. Шикзаль – «судьба», нем.

200. *Per tупик ad astra* – «по [тупику] – к звездам», лат.

201. Приписка автора: «Рогов».

202. Приписка автора: «Максимов».

203. Приписка автора: «Рогов».

204. Примечание автора: «В письме А.А.Китлову (Китли) для личного пользования (только) от обитателя тупика К.Герасимова после празднования 100-летнего юбилея В.Брюсова 5 X 76 г.»

205. Иосафат Барбаро – крупный политический деятель Венецианской республики, дипломат, автор сочинения о путешествиях в Тану (1436-1452 гг.) и Персию (1473-1479 гг.).

206. Авеста – старейший памятник древнеиранской литературы, собрание священных текстов зороастрийцев, составленный на особом языке, называемом в иранистике «авестийским». Традиционно делится на пять книг, наиболее значимая из которых – Ясна – содержит 72 главы различного содержания и наиболее почитаемую часть всего собрания – гимны, авторство которых большинством ученых приписывается пророку Заратустре).

207. Ахурамазда – «Господь Мудрый», в Авесте – Единый бог, творец и властитель всего.

208. Абракса – слово встречается у гностиков и алхимиков Средневековья. По цифровому значению греческих букв равно 365. Т. Мор говорит, что утопийцы чтили бога Митру, а у гностиков слово «абраксас» часто соединялось с именем Митры.

209. Примечание автора: «*Ars moriendi* – 144. Хронологически - № 1 *Ars.m.*», то есть данный сонет – первый из написанных для цикла *Ars moriendi*, вошедший в цикл под номером 144.

210. Имеется в виду авторский цикл стихотворений.

211. Приписка автора: «*Arid* тоже?»

212. Приписка автора: «В книге не так. В книге: В чьей памяти не я запечатлен / Курсивом нашим, вязью ли Востока».

213. Стихотворение было включено в рукопись «Из глубины», но не вошло в книгу.

214. Авт. вариант: «библиофил он и эстет».

215. Гаспаров Михаил Леонович (1935-2005) – филолог, литературовед, историк античной литературы и русской поэзии, переводчик, эссеист, стиховед. Академик РАН.

216. Гиголов Георгий Михайлович (1915-1996) – доктор филологических наук, профессор Тбилисского государственного университета.

217. Титаренко, Светлана – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы СПбГУ.

218. Вацуро Вадим Эразмович (1935-2000) – доктор филологии, пушкинист, сотрудник Пушкинского дома, выдающийся специалист научного комментария.

219. Тухарели Дмитрий Александрович (род. в 1925 г.) – доктор филологических наук, профессор Тбилисского государственного университета.

220. Поракишвили Нодар Леванович – доктор филологии, профессор Тбилисского государственного университета.

221. Иоанн Секунд, настоящие имя и фамилия – Ян Эверартс (1511-1536) – нидерландский поэт, автор поэтического сборника на лат. языке «Поцелуи». Мотивы его поэзии использовались Шекспиром, «Поцелуи» упоминаются в «Опытах» Монтеня. Эпиграмму Секунда в 1814 г. перевел А. С. Пушкин.

222. Первый вариант: «И каждому в себе нести свой ад».

223. Парки – три богини судьбы в древнеримской мифологии. Нона прядет нить человеческой жизни, Децима – наматывает кудель на веретено, определяя судьбу, Морта – перерезает нить жизни человека.

224. Лев Кропивницкий (1922-1994) – художник-нонконформист, поэт, искусствовед, «лианозовец». В 1946 году был осужден на 10 лет лагерей, освобожден в 1954 г. Сын поэта, художника, композитора Евгения Кропивницкого – центральной фигуры «лианозовской» школы – творческого объединения поставангардистов конца 1950-х –середины 70-х гг. Группа поэтов и художников андеграунда собиралась в квартире барачного дома в поселке Лианозово. В их числе были поэты Генрих Сапгир, Игорь Холин, Ян Сатуновский, Всеволод Некрасов, художники Оскар Рабин, Николай Вечтомов, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин. В конце 60-х годов появлялся молодой поэт из Харькова Эдуард Лимонов.

225. Приписка автора: «Напечатано в Мансарде». «Мансарда» – художественно-поэтический альманах, вдохновителем и состави-

телем которого был Л.Е.Кропивницкий.

226. «Жизнь и поэзия – одно» – цитата из стихотворения В.А.Жуковского «Я музу юную, бывало...» (1824): «И для меня в то время было / Жизнь и поэзия одно».

227. Кошемчук Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета СПбГУ.

228. «Ответный сонет» – название сонета Вячеслава Иванова из книги «Сог ardens» (Пламенеющее сердце). На своем экземпляре книги Иванов карандашом поставил подзаголовок «Буримэ». Он отвечает одновременно и Верховскому, и Кузмину.

229. Баевский Вадим Соломонович (р.1929) - заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории и теории литературы Смоленского государственного университета, член Союза российских писателей.

230. Подольская Галина – доктор филологических наук, член Союза писателей России, Израиля.

231. Шутливый сонет, написанный для учеников Поэтической студии, созданной К.С.Герасимовым в 1990 году.

232. Комментарий **Александра Сватикова**, главного редактора журнала «Русский клуб», на протяжении четверти века – главного хранителя Пушкинского мемориала – Дома Смирновых:

«Дом Смирновых (г. Тбилиси, ул. Галактиона, 20) – выдающийся памятник культуры, где, начиная с 70-х годов XIX века, три поколения Смирновых не только сохранили реликвии блестящего петербургского литературного салона А.О.Смирновой-Россет, но и продлили его лучшие традиции как центра общения представителей разных культур. Перевезенный еще в XIX веке в Тбилиси салон стал местом встреч русских и грузинских писателей, ученых, актеров, музыкантов. В пределах бывшего Советского Союза только здесь сохранилась историческая обстановка салона.

В 1975 году Михаил Георгиевич и Евгения Владимировна Смирновы создали Дом литературных взаимосвязей – Пушкинский мемориал при Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям (председатель – О.Ф. Нодия). Спустя десять лет они же передали в дар Грузии дом и уникальное семейное собрание.

22 октября 1992 года было зарегистрировано Международное общество А.С.Пушкина (президент – М.Г. Квливидзе, вице-президент – О.Ф. Нодия). С первых же дней одним из лидеров общества стал К.С. Герасимов – старый друг М.Г. Смирнова и частый гость в его доме. Заседания Пушкинского общества еженедельно проходили в одной из комнат Дома Смирновых. На заседания под председательством К.С.Герасимова собирались тбилисские литераторы – поэты, писатели и переводчики, ученые-филологи, студенты фило-

логического факультета ТГУ. Пушкинское общество было призвано сохранить идеалы высокого общения, дружбы, благотворительности и объединить всех, кому были дороги давние традиции русско-грузинских литературных, исторических и общественных взаимосвязей.

Здесь, среди реликвий пушкинской эпохи, в начале 1990-х годов, была осуществлена видеозапись с участием К.С.Герасимова перед очередными выборами президента Грузии, в которой, как представитель тбилисской русской интеллигенции, он обратился к избирателям с призывом принять участие в выборах и голосовать за достойного кандидата. Комментируя эту запись, Константин Сергеевич с гордостью подчеркивал, что в своем обращении ни разу не упомянул имя Звиада Гамсахурдиа. В тот период подобное поведение можно было расценивать как гражданский подвиг.

В 1994 году Константин Сергеевич, зайдя в Дом Смирновых, попросил меня открыть на чистой странице альбом, в который посетители по доброй обычаю записывали свои впечатления. Альбом в голубом переплете с тисненым пушкинским профилем лежал в гостиной Дома на круглом столике, за которым, согласно семейному преданию, не раз сживали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь и многие другие выдающиеся современники Александры Осиповны, а здесь, в Тбилиси, среди этих вещей отмечал столетие со дня рождения Пушкина Илья Чавчавадзе. За этим столиком в 1983 году в Доме Смирновых собрались участники гоголевской конференции, последней в судьбе М.Г.Смирнова.

Константин Сергеевич остался наедине с чистой страницей и чернильной ручкой медленно, без правки вписал в альбом набело свое стихотворение «Ты памятник себе воздвиг нерукотворный...», поставил дату и расписался.

В 1994 году Дом Смирновых возглавила Н.В. Гелашвили, 16 мая того же года в результате очередной реорганизации Дом стал называться Центром культурных связей Грузии – «Кавказский дом».

В рамках совместного проекта «Кавказского дома» с французскими организациями «Phare» и «Tacis» (по инициативе Европейского Союза) Пушкинское общество впервые получило возможность издавать собственный периодический бюллетень.

Однако, в связи именно с этим проектом, постепенно отношения между Пушкинским обществом и «Кавказским домом» приняли характер конфронтации, со временем обострившийся.

На очередном собрании члены Пушкинского общества приняли решение об избрании на пост президента общества А. Мейпариани, собрание же учредителей избрало президентом Вахушти Котетишвили.

Весной 1996 года К.С.Герасимов вместе со всеми членами Пушкинского общества, придя на очередную еженедельную встречу, наткнулся на закрытые изнутри двери «Кавказского дома».

Впоследствии в газете «Речь» (главный редактор – А.Мейпариани) было опубликовано последнее интервью К.С.Герасимова «Пушкины и Дантесы», позже переведенное на грузинский язык, в котором была дана оценка происшедшему.

В июле 2010 года Президент Грузии Михаил Саакашвили издал Указ о ликвидации государственной организации Центр культурных связей Грузии – «Кавказский дом» и создании на его базе «Музея Смирновых».

Однако и сегодня в здании Музея продолжает действовать общественная организация Союз «Центр культурных связей Грузии – «Кавказский дом», а музейная дверь опечатана и собрание реликвий недоступно как для специалистов, так и для посетителей».

Примечания **Н.Зардалишвили**

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

1. Мишель де Монтень (1533-1592) – французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор книги «Опыты».

2. Среди великодепных, нередко шедевральная, кинолента списка, в нем вдруг оказывается агитпрофильмовская немая короткометражка о кулаке и героических рабочих. Однажды Константин Сергеевич обронил такую фразу: «Хорошо, что Павлика Морозова порешили еще змеенышем. Ты представляешь, в какое чудовище вырос бы ребенок, подставивший под высшую меру родного отца и деда?» С учетом этой фразы, можно представить себе, с каким настроением смотрел КС эту ленту и какие чувства при этом испытывал. К слову, он весьма саркастически отзывался о «Веселых ребятах» Георгия Александрова, возмущаясь «издевательством над интеллигенцией», профанацией музыкального профессионализма и, в частности, дирижерского искусства. А однажды на мой вопрос – каким образом Ильф и Петров избежали репрессий, он многозначительно усмехнулся и сказал: «Вдумайся. Ведь в «12 стульях» совершенно уничтожаются два наиболее уважаемых сословия царской России – дворянство и духовенство. А за такой «нокаутующий удар» на многие «мелочи» стоит закрыть глаза, тем более что они добавляют интереса к повествованию...»

3. Следует отметить, что интерес к творчеству Э. По К.С. Герасимов питал с юных лет и до последних дней жизни. Именно он стал «крестным отцом» знакомства В. Саришвили с крупнейшим эдгароведом на пространстве бывшего СССР Владимиром Чередниченко. Плоды этого знакомства явственно проявились спустя более четверти века, с выходом в свет наиболее масштабного труда на русском языке о «Вороне» Э.По – подготовленном доктором Чередниченко и изданном Российской Академией наук в Москве, в серии «Литературные памятники», полного свода русских переводов этого шедевра мировой лирики, с ценнейшими примечаниями и дополнениями. (По Э.А. Ворон. М., 2009). Вдохновителем этого издания, в которое вошли и два независимых перевода автора этих строк, также следует считать К.С. Герасимова.

4. Пер. Altalena – В.Жаботинского(1880-1940), публициста, поэта-переводчика, драматурга. Некоторые свои переводы, в частности, перевод «Ворона», подписывал псевдонимом Altalena.

5. Здесь и в дальнейшем ОГ означает стиль О-Генри.

6. Кодрингтон Эдвард (1770-1851), британский адмирал.

7. Немеря – древнегреческий город и долина в Арголиде, где Геракл убил Немейского льва.

8. Тиринф – город в древнегреческой Арголиде, на полуострове Пелопоннес.

9. Чимборазо – потухший вулкан, самая высокая точка Эквадо-

ра.

10. Вотонахи – вершина неподалеку от Чимборазо.

11. Бетельгейзе – красный сверхгигант, переменная звезда в созвездии Ориона.

12. Андреев Леонид Николаевич (1871-1919) – русский писатель, родоначальник русского экспрессионизма.

13. Веспер – в римской мифологии бог вечерней звезды, соответствующий греческому Гесперу.

14. Илифия – в греческой мифологии богиня – покровительница рожениц. Гомер называет нескольких Илифий – дочерей Геры.

15. «Старый моряк» – баллада английского поэта Сэмюэля Колриджа (1772-1834).

16. Авторство фраз и афоризмов с пометками КГ и ГК, а также неподписанных заметок, принадлежит К.С. Герасимову.

17. Чель-Минар – развалины персидского дворца, разрушенного Александром Македонским. На них сохранилась клинопись, расшифрованная в 1835-1847 гг.

18. Великий Каньон – один из глубочайших каньонов в мире, находится в США, в штате Аризона.

19. Веллингтоны. Веллингтон Артур Уэсли (1769-1852), 1-й герцог Веллингтон, английский полководец и государственный деятель, победитель сражения с Наполеоном при Ватерлоо.

20. Виктория – водопад на реке Замбези, в Южной Африке, один из крупнейших водопадов в мире. Назван шотландским исследователем Дэвидом Ливингстоном в честь королевы Великобритании Виктории, в 1855 г.

21. Саргассово море – район антициклонического круговорота вод в Атлантическом океане.

22. Танка – 31-слоговая 5-строчная нерифмованная японская стихотворная форма.

23. Поликрат (535-522 г. до н.э.) – тиран островного Самоса (Элада). Комплексом Поликрата психоаналитики называют сопровождающие жизненные удаchi опасения грядущей беды.

24. Вальдтейфель Эмиль (1837-1915) – французский композитор и дирижер, автор многих известных вальсов.

25. Марриет Фредерик (1792-1848) – английский писатель, автор приключенческих романов.

26. Рэлей Уолтер (ок. 1552-1618) – английский мореплаватель, авантюрист, поэт, драматург и историк.

27. Кориолан Гней Марций – римский полководец (?470-е гг. до н.э. - ?). На сюжет исторических преданий о нем Шекспиром написана трагедия.

28. Газель, а также газелла, газела – поэтическая форма, представляющая собой небольшое лирическое стихотворение (чаще любовное или пейзажное) в поэзии народов Востока.

29. «Бустан» – от перс. сад, цветник. Произведение персидского поэта XIII в. Саади.

30. Илоты – в древней Спарте земледельцы, находившиеся на промежуточном положении между крепостными и рабами.

31. Маковский Сергей Константинович (1877-1962) – историк искусства, художественный критик, поэт, издатель, редактор, организатор художественных выставок

32. Петр Иванович Панин (1721-1789) – граф, генерал-аншеф, сенатор.

33. Старожилы планеты – сосны *bristlecone*, или «долговечные» – живут в Уайт-маунтинз (Белых горах) на востоке штата Калифорния. Их еще называют «калифорнийский Мафусаил» – это древнейшее дерево земли. Загадка их долголетия поныне не разгадана.

34. Эти гиганты растут в горах Калифорнии. Ученые называют их секвойядендрон, или веллингтония. Высота такого дерева превышает 100 метров. Ствол бывает до 10 метров в обхвате! Ученые думают, что мамонтовы деревья живут 1500 лет и даже больше.

35. КГ ненавидел советскую империю, но симпатизировал Российской царской империи и восхищался Британской империей, «даровавшей остальным народам культуру и просвещение». Как-то он процитировал лермонтовское «злой чечен ползет на берег» и на комментарий одного из собеседников: «На свой берег ползет, заметьте, Константин Сергеевич», огорчительно покачал головой: «И ты туда же»...

36. В 1348 году в этот день король Англии Эдуард III учредил орден Подвязки – высшую награду Великобритании за преданность и доблесть. Одна из легенд утверждает, что орден был учрежден, чтобы увековечить известную победу англичан над французами при Креси в 1346 году, когда король Эдуард подал знак к началу битвы привязанной к концу копья голубой лентой от своего костюма. По другой версии, во время бала король как галантный кавалер поднял с пола подвязку, оброненную одной из дам, чем вызвал смешки и улыбки придворных. Король сказал: «Многие из вас будут счастливы и горды, надев на себя в один прекрасный день такую ленту! Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает». Последние слова стали девизом ордена, а подвязку в качестве орденской ленты стали носить на левой икре поверх лат. Патроном ордена был назван святой Георгий.

37. Койн Ирмгард (1905-1982) – немецкая писательница.

38. Не презирай сонета, критик! Вордсворт. Эпиграф к «Сонету» А.С. Пушкина.

39. Моран Поль (1888-?) – французский писатель, ненавистник СССР.

40. Хеллман Лилиан (1905-1984) – американская писательница, сценарист и драматург.

41. Воган Генри (1622-1695) – валлийский врач и метафизический поэт.
42. Вересаев Викентий Викентьевич (1867-1945) – русский писатель.
43. «Хрустальный мир» (1937) – поэма английского писателя Ричарда Олдингтона (1892-1962).
44. Шенгели Георгий Аркадьевич (1894-1956) – русский поэт, переводчик, критик, филолог-стиховед.
45. Сельвинский Илья Львович (1899-1968) – русский советский поэт.
46. Форш Ольга Дмитриевна (1873-1961) – русская советская писательница.
47. Эленшлегер Адам Готлиб (1779-1850) – датский писатель, драматург, поэт.
48. Спаги – подразделения легкой кавалерии, входившие в состав французской армии и набравшиеся в основном из местного населения Алжира, Туниса, Марокко.
49. Нгоньяма. «Нгоньяма желтогривый» - повесть английского писателя Эрнста Гленвилла.
50. Фей Сидней Бредшоу (1867-1967) – американский историк и пацифист.
51. Моррис Уильям (1834-1896) – английский поэт, художник, издатель.
52. Багрицкий (Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895-1934) – русский советский поэт и драматург.
53. Сетон-Томпсон Эрнест (1860-1946) – канадский писатель, художник-анималист и естествоиспытатель.
54. Сольнес – герой драмы норвежского драматурга Генрика Ибсена (1826-1906) «Строитель Сольнес»; епископ Николас, Скуле – персонажи драмы Ибсена «Претенденты на корону».
55. Стриндберг Юхан Август (1849-1916) – шведский писатель, драматург.
56. Яничек Мария (1859-1927) – немецкая писательница.
57. Пшибышевский Станислав (1868-1927) – польский писатель.
58. Луначарский Анатолий Васильевич (1875-1933) – русский советский писатель и общественный деятель.
59. Генри Миллер (1891-1980) – американский писатель.
60. Демсей. Демпси Дэвид – популярный американский литературный критик времен «потерянного поколения».
61. Последняя книга Уэллса. Последняя книга английского писателя-фантаста Герберта Уэллса (1866-1946) – «Ум на грани» (1945) выражает пессимизм относительно будущих перспектив человечества.
62. Берг Лео (1862-1908) – немецкий писатель и литературовед
63. Щипачев Степан (1899-1980) – советский поэт.

64. Беннетт Арнольд (1867-1931) – английский романист и драматург.
65. Фурье Шарль (1771-1837) – французский философ.
66. Галеви Даниэль годы жизни не найдены – автор известной биографии Фридриха Ницше.
67. Триолет – одна из твердых стихотворных форм, состоящая из 8 стихов на 2 рифмы.
68. Гондвана – название предположительного крупного континента, существовавшего в Южном полушарии.
69. Гэпли – герой рассказа Г. Уэллса, энтомолог.
70. «Работа и ритм» – «Arbeit und Rhythmus» - известная в области искусствознания книга Карла Бюхера (1847-1930) - выдающегося немецкого экономиста, автора многочисленных трудов по истории первобытной культуры, народного хозяйства и рабочего движения.
71. Спенсер Эдмунд (1552-1559) – английский поэт.
72. Руанский собор – готический собор в городе Руан, национальный памятник Франции.
73. Клемансо Жорж (1841 – 1929) – политический и государственный деятель Франции.
74. Овсяннико-Куликовский Дмитрий (1853-1920) – русский литературовед и лингвист.
75. Кидд Бенджамин (1858-1916) – английский социолог.
76. Тэн Ипполит (1828-1893) – французский философ.
77. Pesus – раб, лат.
78. Готье Теофиль (1811-1872) – французский поэт и критик.
79. Грот Николай (1852-1899) – русский философ.
80. Рейно – видимо, имеется в виду Эмиль Рейно (1844-1918), французский художник и изобретатель, один из создателей мультипликации.
81. Гофман Модест (1887-1959) – русский поэт, критик, литературовед.
82. Белая (структурная) логика – способность устанавливать логические связи, определять соотношения, анализировать. В противоположность черной (деловой) логике – восприятию мира через поступки и оценку их рациональности.
83. Hier stehe ich! Ich kann nicht anders. Gott helfe mir! amen - «Я здесь стою! Я не могу иначе. Да поможет мне Бог! Аминь» — эти слова произнес Мартин Лютер на рейхстаге в Вормсе 18 апреля 1521 г. в ответ на требование отречься от своих идей.
84. Сатам Рональд. Очевидно, речь идет о Роберте Сатаме (1812-1888), английском лингвисте и этнологе.
85. Зенонизм – философское учение, названное по имени его основателя, древнегреческого философа Зенона (490-430 до н.э.). То же, что и стоицизм.
86. Ренье Анри (1864-1936) – французский поэт и писатель.

87. Ренан Эрнест (1823-1923) – французский писатель, историк.
88. Гиннекен Якобус (1877-1945) – голландский языковед.
89. Марр Николай (1865-1934) – русский и советский востоковед и кавказовед.
90. Брийя-Саварен Жан (1755-1826) – историк кулинарии, автор книги «Психология вкуса».
91. Шкловский Виктор (1893-1984) – писатель, литературный критик.
92. «Суший рай» – роман Р.Олдингтона.
93. Шторм Георгий (1898-?) – писатель, историк литературы.
94. Бретон Андре (1896-1966) – французский писатель и поэт, основоположник сюрреализма.
95. Александриан (335-405 до н.э.) – древнегреческий философ.
96. Семантики. Очевидно, имеются в виду последователи научно-философского направления, основанного на семантике – науке о понимании (значении) определенных знаков, символов и других условных обозначений.
97. Эвфония – инструментовка, звуковая организация художественной речи (преимущественно стихотворной).
98. «Дневной свет в субботу» – роман Д.Пристли.
99. Лозина-Лозинский Алексей (1886-1916) – поэт, прозаик, переводчик, критик.
100. Dolce stil nuovo - новый сладостный стиль – нововведение Данте Алигьери и его соратников в итальянскую и европейскую культуру эпохи раннего Ренессанса.
101. «Гейнрих фон Офтергинен» незавершенный роман немецкого писателя и поэта Новалиса (1772-1801). Его герой Гейнрих фон Офтергинен – легендарный миннезингер XIII в.
102. Фридрих фон Гарденберг – настоящее имя Новалиса.
103. Карлейль Томас (1795-1881) – британский писатель. историк, философ.
104. Джеймс Генри (1843-1916) – американский писатель, теолог, философ.
105. Бирс Амброс (1842-1913) – американский писатель и журналист.
106. Торо Генри (1817-1962) – американский писатель и натуралист.
107. Бульвер-Литтон Эдвард (1803-1873) – английский писатель.
108. Журден Франсис (1876-1958) – французский писатель, художественный критик.
109. Синклер Эптон (1878-1968) – американский писатель.
110. Фокс Ральф (1900-1937) – английский писатель.
111. Леконт де Лилль (1818-1894) – французский поэт.
112. Тернер Уильям (1775-1851) – британский живописец.
113. Ганимед – сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои.

Плененный красотой Ганимеда, Зевс похитил его, приняв облик орла.

114. Саррей Генри (1518-1547) – английский поэт, один из родоначальников сонета в Англии.

115. «Аннабель Ли» – стихотворение американского поэта Эдгара По (1809-1849).

116. Тримурти – т.наз. «индуистская триада», объединяющая трех главных богов индуистского пантеона – Брахму, Вишну и Шиву.

117. Лилит – первая жена Адама в еврейской мифологии. Согласно преданию, расставшись с Адамом, Лилит стала злым демоном, убивающим младенцев.

118. Лемуры – приматы в подотряде мокроносых обезьян; в римской мифологии – вредоносные тени, призраки мертвецов, не получивших должного погребения.

119. Антропоцентризм – философское воззрение, согласно которому человек есть цель всех совершающихся в мире событий

120. Мейер Кристиан (Христиан) Филиппович (1789-1848) – немецкий архитектор, всю жизнь прослуживший в Санкт-Петербурге.

121. Агностик – последователь агностизма – учения, отрицающего возможность познания истины в вопросах существования Бога или вечной жизни, а также познания объективной действительности иначе как через ее объективные проявления.

122. Схоласт – последователь схоластики – систематической средневековой философии, представляющей собой синтез католического богословия и логики Аристотеля. Схоластика характеризуется принципиальным подчинением примату теологии, соединением догматических предпосылок с рациональной методикой и особым интересом к формально-логической проблематике.

123. Венок сонетов – архитектурная (твердая) форма поэтического произведения. Состоит из 15 сонетов. 1 строка 2 сонета совпадает с последней строкой 1 сонета, 1 строка 3 сонета совпадает с последней строкой 2 сонета, и т.д. 14-й сонет завершается 1 строкой 1 сонета. 15-й сонет (магистрал) состоит из первых строк предшествующих 14 сонетов. Сонет – твердая стихотворная форма с жанрообразующими признаками. Состоит из 14 строк, образующих 2 катрена (четверостишия) на 2 рифмы и 2 терцетов (трехстиший) на 2 или 3 рифмы.

124. Прешерн Франце (1800-1849) – словенский поэт, вершиной творчества которого считается «Венок сонетов» (1834), ставший первым произведением подобного жанра, переведенным на русский язык.

125. Гроссман Леонид (1888-1965) – литературовед, писатель.

126. Полифония (вид многоголосия в музыке) - термин введен в литературоведческий научный обиход М. Бахтиным (1895-1975).

127. Банвилль Теодор (1823-1891) – французский поэт, драматург, критик.

128. Джодд – персонаж романа английского писателя Генри Хаггарда (1856-1925).
129. Эмпедокл (ок. 484-424 до н.э.) – древнегреческий философ.
130. Анаксагор (500-428 до н. э.) – древнегреческий философ.
131. Сциентизм – система убеждений, утверждающая основополагающую роль науки как источника знаний и суждений о мире.
132. Гиль Рене (1862-1925) – французский поэт.
133. Гюйо Жан (1854-1888) – французский философ.
134. Зенкевич Михаил (1886-1973) – поэт, переводчик.
135. Морозов Михаил (1897-1952) – шекспировед, филолог-англист.
136. Гуревич Борис (1919-2004) – философ, публицист, поэт, юрист и правовед.
137. Беляев Александр (1884-1942) – писатель-фантаст.
138. Гераклит (540-480 до н.э.) – древнегреческий мыслитель, один из родоначальников диалектики.
139. Демиург – созидающее, творческое начало во вселенной. Первым это слово в указанном значении использовал Платон.
140. Державинское «Я царь, я раб, я червь, я бог» КГ цитировал очень часто.
141. Элеатическое «бытие». Здесь КГ приводит цитату из «Писем об изучении природы» А. Герцена. Элеаты – древнегреческие философы, представители Элейской школы. Для Элейской школы был характерен строгий монизм в учении о бытии. Согласно которому кажущиеся различными виды бытия или субстанции в конечном счете сводятся к единому началу, общему закону устройства мироздания.
142. Гус Ян (1369-1415) – проповедник, мыслитель, идеолог Чешской реформации.
143. Кроманьонцы – ранние представители современного человека в Европе, жившие 40-12 тыс. лет назад.
144. Фрэйзер Джеймс (1854-1941) – английский антрополог, фольклорист и историк религии.
145. Хо Ун Пе – корейский поэт.
146. Азазель – по верованиям древних евреев – демон пустыни и название обряда «Козла отпущения грехов».
147. Енох – библейский пророк, потомок Сифа, седьмой патриарх по Адаме.
148. Авгуры – члены почетной римской жреческой коллегии, выполнявшие официальные государственные гадания.
149. Тотем (покровитель) – образы священных животных. У древних индейцев – объекты религиозного почитания и покровители.
150. Иосиф Аримафейский – иудейский старейшина, тайный последователь Иисуса Христа.
151. Кюстин Адольф (1790-1857) – французский литератор, составивший описание своих путешествий по Англии, Шотландии, Швей-

царии, Италии, Испании и России.

152. де Местр Жозеф (1753-1821) – французский католический философ, литератор, дипломат, основоположник политического консерватизма. Повесть «Параша-Сибирячка» (1815) написана не им, а его братом, Ксавье де Местром (1763-1852), французским писателем, в годы Французской революции эмигрировавшим и обосновавшимся в России, где он дослужился до генеральского чина.

153. Монтескье Шарль (1689-1755) – философ, представитель французского Просвещения.

154. Болингброк Сент-Джон Генри (1678-1751) – виконт, английский государственный деятель и писатель.

155. Боян – легендарный певец и сказитель, «песнотворец», персонаж «Слова о полку Игореве».

156. Блейк Уильям (1757-1827) – английский поэт и художник, мистик.

157. Дидро Дени (1713-1784) философ, представитель французского Просвещения.

158. Тимирязев Климент (1843-1920) академик, основоположник русской научной школы физиологии растений.

159. Бэр Карл (1792-1876) – естествоиспытатель, основатель современной эмбриологии.

160. Беранже Пьер (1780-1857) – французский поэт-песенник.

161. Стапель, или стапельный помост – сооружение для постройки ки судна и спуска его на воду.

162. форштевень – брус, образующий носовую оконечность судна.

163. Перцов Петр (1868-1947) – литератор и художественный критик, редактор журнала «Новый путь».

164. Кэкстон Уильям (1422-1491) – английский первопечатник.

165. Стерн Лоуренс (1713-1768) – английский писатель.

166. Беркли Джордж (1685-1753) – философ, наиболее значительный представитель английского эмпиризма, направления в теории познания, признающего источником знания чувственный опыт.

167. «Страна Муравия» (1934-1936) – поэма Александра Твардовского (1910-1971), в которой изображается коллективизация и утопические мечты о «новой деревне».

168. КГ любил читать это стихотворение в оригинале и говорил, что плясовой - «тра- та-та-та-та-та» - ритм Лермонтова никак не соответствует философски-размеренному ритму оригинала. Отзывался о лермонтовской трактовке с желчью и легким презрением, в чем сходиллся с профессором античной литературы Г. Шенгелия, который в пух и прах разносил словосочетание «свежая мгла», утверждая, что этот эпитет применим к мясу или булочкам.

169. Джон Джерард Брэйи – английский романист. «Путь наверх» («Room at the Top», 1957) – первый роман писателя, получив-

ший громкий резонанс в качестве одного из программных произведений «сердитых молодых людей».

170. Maschienengewehr – ручной станковый крупнокалиберный пулемет

171. Голиков Иван (ок. 1734 или 1735-1801) – историк, предприниматель, надворный советник, автор труда «Деяния Петра Великого». Впервые в записных книжках упоминается книга из библиотеки раритетов, выдвинувшей впоследствии КГ в число крупнейших библиофилов.

172. Лефорт Франц (1655-1699) – российский государственный и военный деятель, генерал-адмирал, сподвижник Петра I.

173. Редиф – термин поэтики народов Ближнего и Среднего Востока, обозначающий слово или группу слов, которые неизменно повторяются на протяжении всего стихотворения в конце каждого стиха после рифмы. Смысл состоит в том, что повторяющееся слово постоянно попадает в иной контекст и осмысливается по-новому. Редиф является одной из ярких внешних примет некоторых форм восточной поэзии – газель, рубаи и др. В русской и большинстве европейских поэтик редиф чаще всего соотносят с припевом и рассматривают как вариант рифмы – редифная рифма.

174. Дискретность – свойство, противопоставляемое непрерывности, прерывность.

175. Гейзенберг Вернер (1901-1976) – немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Принцип неопределенности, открытый Гейзенбергом в 1927 г., является одним из краеугольных камней квантовой механики.

176. Бор Нильс (1885-1962) – датский физик-теоретик, один из создателей современной физики. Известен как создатель первой квантовой теории атома и активный участник разработки основ квантовой механики. Внес значительный вклад в развитие теории атомного ядра и ядерных реакций.

177. Колмогоров Андрей (1903-1987) – математик, один из основоположников современной теории вероятностей.

178. Этот конспект, как и все остальные, в архиве отсутствует.

179. Элиот Томас (1888-1965) – американско-английский поэт, драматург и литературный критик, представитель модернизма в поэзии.

180. Триллинг Лайонел (1905-1975) - американский поэт, драматург, публицист и литературный критик.

181. Маркиш Симон (1931-2003) – переводчик, филолог, литературовед.

182. «Трафальгар» – повесть испанского писателя Переса Бенито (1843-1920), основоположника испанского реалистического романа.

183. Хабеас корпус акт – законодательный акт, принятый парламентом Англии в 1679 г., определяющий правила ареста и привлече-

ния к суду обвиняемого, предоставляющий право суду контролировать законность задержания и ареста граждан, а гражданам — требовать начала такой процедуры, известной под названием хабеас корпус.

184. Пирогов Николай (1810-1881) – хирург и анатом, основоположник военно-полевой хирургии.

185. Берглер Эдмунд (1899-1962) – австро-американский психоаналитик, последователь З. Фрейда.

186. Ориген (185-ок. 254) – раннехристианский богослов и писатель.

187. Логий из Оксирнха. Логии из Оксирнха – изречения, взятые христианами писателями II-III вв. частично из не дошедших до нас евангелий, в том числе из сборника речений, которыми могли пользоваться и составители канонических евангелий. Эти изречения (логии) записаны на оксирнхских папирусах. Оксирнх – греческое название древнеегипетского города Педжде, в 160 км. от Каира.

188. Утнапишти или «аккадский Ной» – персонаж «Эпоса о Гильгамеше», древнейшего литературного памятника народов Междуречья.

189. Спиноза Бенедикт (1632-1677) – нидерландский философ.

190. Этьенн Робер (1503-1559) – парижский издатель и печатник

191. Гегарт – старинный монастырь в Армении, комплекс памятников средневековой армянской архитектуры.

192. Альфонс Кастильский – Альфонс X Кастильский (Мудрый) (1221-1284) – король Кастилии и Леона.

193. «Девятое Термидора» (1923) – первая часть тетралогии «Мыслитель» писателя Марка Алданова, освещающая эпоху Робеспьера в истории Франции.

194. Пуфендорф Самуил (1631-1694) – немецкий юрист и историк.

195. Бернал Джон (1901-1971) – английский физик и социолог науки.

196. В пору нашего знакомства, давно разменявший пятый десяток КГ, не мог до конца определиться в вопросах веры/неверия. Однажды он сказал мне: «Я – неверующий, верующий в христианскую культуру». Но последовавшее знакомство с Патриархом Илией II и беседы с архимандритом Рафаилом (Карелиным) позволили ему к концу жизни встать на путь веры. Думаю, что о. Рафаил объяснил ему (как и мне), что светская культура отличается от церковной страстями, не угодными Всевышнему, и что вера в культуру – не более чем идолопоклонство.

197. КГ с симпатией относился к циклу рассказов о Шерлок Холмсе. Всякий раз, когда я неумело пытался открыть бутылку вина, он забирал ее, изощренно откупоривал и приговаривал, усмехаясь: «Элементарно, Ватсон».

198. «Из глубины» – название первого и единственного сборника

стихотворений КГ.

199. Видал Гор (р. 1925) – американский писатель, эссеист, кино- и театральный драматург.

200. Дейвидсон Джон (1857-1909) – шотландский поэт, драматург.

201. Хенли Уильям (1849-1903) – английский поэт, издатель произведений Р. Бернса.

202. Ньюболт Джон (1862-1938) – английский поэт.

203. Ферсман Александр (1883-1945) – геохимик и минеролог, один из основоположников геохимии.

204. Мердок Айрис (1919-1999) – английская писательница, философ.

205. Бердяев Николай (1874-1948) – философ-идеалист.

206. «О граде Божьем» (413-427) – один из основных трудов христианского философа и богослова Августина Блаженного (354-430).

207. Лившиц Бенедикт (1887-1938) – русский поэт, переводчик, исследователь.

208. Оруэлл Джордж (1903-1950) – английский писатель и публицист.

209. Гермес Трисмегист (Триждывеличайший) – имя синкретического божества, сочетающего в себе черты древнеегипетского бога мудрости и письма Тота и древнегреческого бога Гермеса. Синкретизм – объединение различных религий (или их отдельных элементов) в единую религиозную систему.

210. Шпенглер Освальд (1880-1936) – немецкий философ и культуролог.

211. Нитти Франческо (1868-1953) – итальянский политический и государственный деятель.

212. Ллойд Джордж (1863-1945) – британский политический деятель.

213. Деманжон Альбер (1872-1940) – французский географ.

214. Бомон Морис – историк, специалист по вопросам политики и морали, директор Института Франции (1966).

215. Банахово пространство – нормированное векторное пространство, основной объект изучения функционального анализа. Названо по имени польского математика Стефана Банаха (1892-1945).

216. Поражает широта интересов КГ. Что касается футбола, он был горячим поклонником англо-саксонского стиля и с желчной иронией отзывался о «фокусниках-южноамериканцах».

217. Аррефоры – девочки от 7 до 11 лет, которые жили в самом почитаемом в Афинах храме Эрехтейон и на год отдавались в служение Афине Палладе, принимая участие в таинственных обрядах.

218. Дикинсон Эмили (1830-1886) – американская поэтесса.

219. Гессе Герман (1877-1962) – немецко-швейцарский писатель и художник.

220. Баррес Морис (1862-1923) – французский писатель.
221. «Строматы» – трактат греческого Учителя церкви, проповедника Священного Писания Климента Александрийского (ок. 150-ок. 215).
222. Даниелу Жан (1905-1974) – французский католический теолог, публицист.
223. Фрайбургский мюнстер – крупная городская церковь немецкого города Фрайбурга, построенная в готическом (большей частью) и романском стиле.
224. Якоб Буркхардт (1818-1897) – швейцарский историк, искусствовед. Назвал 116-метровую башню главную башню собора самой красивой башней христианства.
225. Бодлер Шарль (1821-1867) – французский поэт и критик.
226. Хянга – литературный жанр классической корейской поэзии. Поэмы Хянга могут состоять из четырех, восьми или десяти строк. Поэмы в десять строк – наиболее развиты и разбиты на три секции по 4, 4 и 2 строки соответственно.
227. Лорка Федерико (1898-1936) – испанский поэт и драматург.

Примечания **В.Саришвили**

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

1. Статья опубликована в сборнике «Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета», Тбилиси, 1985 г. Сборник был издан по материалам Первой Международной конференции по сонету, организованной К.С.Герасимовым.
2. Статья хранится в архиве в машинописном виде.
3. Статья хранится в архиве в машинописном виде. Годовая научная работа доцента кафедры русского и грузинского языков Грузинского политехнического института имени В.И.Ленина К.С.Герасимова за 1973 год.
4. Статья хранится в архиве в машинописном виде. Написана в 1992 г.

Научный раздел архива К.С.Герасимова, видимо, подвергся жестокому разграблению.

При хорошо известных аккуратности, педантизме и дотошности ученого, систематизировавшего всякий им написанный текст, в архиве не сохранилось ни одной (!) строчки, имеющей отношение к истории русской литературы, истории книги, истории научной фантастики, психологии художественного творчества и пр. – то есть, курсам и спецкурсам, которые он читал студентам на протяжении

многих лет. Исчезли материалы по истории и теории сонета.

Не вдаваясь в позорно известные подробности того, как некая персона пыталась обосновать свое весьма сомнительное право читать авторские курсы К.С.Герасимова, напомним, что после смерти ученого заведующий кафедрой русской литературы профессор Игорь Богомолов изъяс из факультетской программы курс по истории книги.

Ученый Герасимов не ушел бесследно. Сохранилось не только его имя, высоко чтимое в научных кругах, но и блестящие публикации, посвященные творчеству В.Брюсова, В.Иванова, теоретическим и историческим аспектам сонетологии, а также ряд статей и набросков к статьям, которые безупречно характеризуют высокий уровень филологического рассуждения, который и по сей день может служить ориентиром для ученых, дерзающих трудиться в области литературоведения.

В данном сборнике опубликованы беловые варианты статей К.С.Герасимова из архива ученого.

Кроме того, в архиве сохранился авторский план статей о сонете и наброски к каждой из предполагаемых статей:

«План моих статей о сонете.

1. Двуединство сути сонета (плюс аполлонич[еское] и дионис[ийское] начала сонета)
 2. Сонет – модель мироздания (плюс сонет и собор)
 3. Магия чисел в сонете (сакральные числа сонета)
 4. Сонет и онегинская строфа
 5. Эволюция представлений о сонете (плюс будущее сонета)
- (плюс S[сонет] в русск[ой] критич[еской] лит[ературе])
6. Сонеты Бунина
 7. Теория венка сонетов
 8. Первые русские венки
 9. Предисловие к «Гармонии-II»
 10. Сонеты-послания (посвящения) Серебряного века
 11. Сонет и другие «твердые формы»
 12. Сонеты о сонетах (с моими SS [сонетами])
 13. Сонеты Брюсова и Эредиа
 14. Сонеты Себ[астьяна] Грифиуса (с моими переводами его SS [сонетов])

[Возможно, описка. Себастьян Грифиус (1493-1556) – известный типограф и издатель; Андреас Грифиус (1616-1664) – немецкий поэт и драматург, один из самых знаменитых сочинителей сонетов в XVII веке].

15. Сонет в русской любовной лирике
16. Астрофил и Стелла (англ[ийский] сонет)

(«Астрофил и Стелла» – цикл из 108 сонетов, объединенных единым замыслом, Филипа Сидни (1554-1586), английского поэта и об-

щественного деятеля – Н.З.)

17. Волошин и Эредиа

18. Сонет как жанр научно-философской п[оэзии] рус[ской] п[оэзии] Серебряного века

19. Сонет Казановы в «Фениксе» [имеется в виду сонет, прочитанный Казановой в картине второй «Знать» пьесы М.Цветаевой «Феникс»]

20. Венок сонетов М.Волошина Lunaria

21. Философия символизма и диалектика S [сонета]

22. S [сонет] и творческий акт (Грузенберг)» [Грузенберг Семен (Соломон) Осипович (1876-1938) - историк философии, критик, доктор философии Петербургского университета. Автор книг «Психология творчества. Введение в психологию и теорию творчества», «Гений и творчество: основы теории и психологии творчества»].

К пунктам 7, 15-22 плана статей дано примечание автора: «В папке «Книга». Папки с таким названием в архиве К.С.Герасимова не сохранилось.

КОНСТАНТИНУ ГЕРАСИМОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бэлза Святослав – заслуженный деятель искусств России, народный артист России, академик Академии Российского телевидения, действительный член Академии Российского искусства, почетный член Российской академии художеств.

Вацуро Вадим (1935-2000) – выдающийся филолог, историк русской литературы, признанный знаток русской литературы и культуры пушкинской поры.

Давыдов Захар – доктор филологии. С 1998 г. преподает на кафедре славянских языков и литератур Торонтского университета. Основатель и соредатор журнала Toronto Slavic Quarterly и филологической серии Toronto Slavic Library.

Отец Георгий (Звиададзе) – протопресвитер, ректор Тбилисской Духовной Академии, руководитель благотворительного фонда Патриархии Грузии «Лазаре».

Кошемчук Татьяна – доктор филологических наук, зав.кафедрой международной деловой лингвистики, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского Аграрного Университета, профессор

филологического факультета СПбГУ.

Орловская Наталья – доктор филологических наук, профессор Тбилисского государственного университета.

Попова Виктория – художник, педагог, поэт. Автор иллюстраций к сборнику стихотворений Константина Герасимова «Из глубины». Член Союза писателей Грузии. Руководитель Социально-культурно-образовательного Центра имени Ж.Шартава. Картины находятся в галереях и частных коллекциях 13 стран мира.

Поракишвили Нодар – доктор филологии, профессор Тбилисского государственного университета.

Тухарели Дмитрий – доктор филологии, профессор Тбилисского государственного университета.

Федотов Олег – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, председатель постоянно действующего научно-творческого семинара «Школа сонета».

Филина Мария – доктор филологических наук, профессор Тбилисского государственного университета.

Хангулян Сергей – доктор филологии. Составитель антологии «Серебряный век русской поэзии. Модернизм: символизм, акмеизм». С июня 2009 г. живет и работает в Атланте (США).

Чередниченко Владимир – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики, издательского дела и литературы Кубанского социально-экономического института, заслуженный профессор Кубанского государственного университета, академик Академии гуманитарных наук.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ КАТОЛИКОСА-ПАТРИАРХА ВСЕЯ ГРУЗИИ ИЛИИ ВТОРОГО	3
--	---

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ АРИСТОКРАТ ЯМБИЧЕСКИХ КРОВЕЙ	4
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н.ЗАРДАЛИШВИЛИ. СЛОВО МАСТЕРА	18
НАДПИСЬ НА «ТРОФЕЯХ» ХОЗЕ МАРИИ ДЕ ЭРЕДИА	20
ГОРОД В ДЖУНГЛЯХ	20
ПОЧТИ ШУТКА	20
ТАИТИ – САН-ФРАНЦИСКО	21
ОСТРОВ-КОРАБЛЬ	22
VICTORIA REGIA	22
РОЗАЙТ	23
ЮТЛАНДСКИЙ БОЙ	23
GRAND – FLEET (БОЛЬШОЙ ФЛОТ)	24
ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ	24
БЕССМЕРТИЕ	25
В ГОРОДЕ	25
СОПЕРНИК	26
СМУТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ	27
СМУТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ	27
АБУКИР	28
БРЕД	28
КАПИТАН ИНГЛЭНД	29
КОРАБЛЬ	30
РАПА-НУИ	30
ШОРОХ СМЕРТИ (Письмо домой)	31
КРАСНАЯ НИТЬ	31
СЕРЕБРЯНЫЙ ОСТРОВ	32
КОРОЛЬ ПИРАТОВ	32
СОНЕТ РИЧАРДУ	33
СОНЕТ ПИТЕРУ	33
СОНЕТ ДЖЕННИ	34
МЕЧТА	34
ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ	35

ПРЕДКИ	35
КАРТА МИРА.....	36
РАХ BRITANNICA XIX ВЕК.....	36
«ЖИВУ СРЕДЬ НИХ, НО КАК МНЕ СТРАННО...»	37
«ТВОРЮ ДЛЯ ЧЕРНОГО ЗАБВЕНЬЯ...»	37
«ТЯНИТЕ ЛЯМКУ, ТУПО ВЕРЯ...»	37
УДАЧА	37
ТАК НАДО	38
ТАНКИ.....	38
ПАМЯТНИК	40
СТАРАЯ ДОРОГА (ОТРЫВОК)	40
ТАНКИ.....	41
ЦЕНА ВЕРЫ	42
РОБАИ	42
ТАНКА.....	42
ЭПИГРАММЫ.....	43
РОБАИ	43
ИЗОЛЬДА	44
«ИЗ ВСЕХ ДАРОВАННЫХ НАМ ПРАВ...»	44
НИЩИЕ	45
ЭПИГРАММЫ.....	45
ТАНКИ.....	46
ВСЕ ТАК ПРОСТО	46
НИЩЕТА	47
«ПРОРЕХИ, ПЯТНА, СЕТЬ МОРЩИН КРУГОМ...»	48
ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ НАЗВАЛА МЕНЯ «СУХАРЕМ»	48
ТЬМА.....	49
ЭПИГРАММА НА СЕБЯ.....	50
РОЖДЕНИЕ ОКЕАНА	50
НАДПИСЬ НА КНИГЕ	50
«О, ЭТИ ЕДКИЕ СЛОВА...»	51
ИТОГ	51
ЭКСПРОМТ	52
ДЛЯ ОДНОГО	52
РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРА	52
«КАК УЗНИК НА ВОДЕ И ХЛЕБЕ...»	53
«ОДНА МУЧИТЕЛЬНАЯ ТАЙНА...»	53
«НА МЕРЦАЮЩЕМ ШЕЛКЕ...»	54
«Я БЛИЖНИХ ВОЗЛЮБИЛ, КАК САМОГО СЕБЯ...»	54
«СЕБЯ ЛЮБЛЮ Я С ДАВНИХ ПОР...»	54
«О, ВРЕМЯ, КАК МНЕ...»	55

«НЕ ПОТОМУ, ЧТО...»	55
ИЗ ГАФИЗА.....	56
ИЗ ПАСКАЛЯ.....	56
«БЕЗ НЕНАВИСТИ НЕТ ЛЮБВИ...»	57
КАРБОН.....	57
ВРЕМЕНА	57
ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ.....	58
«О, МУДРЫЙ СУЛЕЙМАН...»	58
«МНЕ ОТ СЕБЯ УЙТИ...»	58
ТЕНИ (Плейстоцен).....	58
О!.....	59
ТРИПТИХ.....	60
ВЕРНОСТЬ.....	61
ЧЕРНАЯ С АЛЫМ БАЛЛАДА О БЛАГЕ БЫТИЯ	63
ТРЕТИЙ ХОР	64
ПРОЛОГ К ПРОЛОГУ	66
«ПОСЛЕДНЕЙ НЕ КОСНУТСЯ ПУСТЬ...»	67
ПЕСНЯ О ТРЕХ БЛАГОРОДНЫХ, НО ОБЪЯТЫХ СКОРБЬЮ ДЕВАХ.....	67
ПЕСНЯ О ТЩЕТЕ ВСЕХ ВЫСОКИХ СТРЕМЛЕНИЙ.....	67
ПЕСНЯ О ДЕРЗКОМ МАЛОМ.....	68
МАЛЬТУЗИАНСКАЯ МОЛИТВА М-РА УЭСТА	68
ТАЙНОЕ ПРАВО	69
Переводы ИЗ ГЕТЕ.....	70
ХОЛИЗМ, ИЛИ DE L'INFINITIO, UNIVERSO E MONDI.....	70
ИТОГ	71
ИЗВИНЯЮЩАЯСЯ АВТОРСКАЯ БАЛЛАДА О БАЛЛАДАХ.....	71
«НАДЕЖДЫ ТРЕПЕТНОЙ...»	73
«LOVELY HULA HANDS»	73
БАЛЛАДА-МИСТЕРИЯ О ТАЙНЕ СВ. ПРИЧАСТИЯ	73
ДЕЙСТВО О РАБСТВЕ (БАЛЛАДА-МИРАКЛЬ).....	74
«К ПРОЗРЕНЬЮ ВЕЧНОСТИ...»	75
«ПРИГОВОРЕННЫЙ К ПЫТКЕ ЖИЗНИ...»	75
DE PROFUNDIS	75
НА ОБЛАЧНОМ БЕРЕГУ.....	77
ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭМА-ФЕЕРИЯ (отрывки)	78
СПАСЕНИЕ	82
ПЕРВЫЙ ХОР.....	83
СНЫ – ЭТО СНЫ	99
«СРЕДИ ПИРУЮЩИХ...»	100
«СМЕШАЛИСЬ ЧЕРЕПКИ...»	101

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН	101
INTROITUS	102
ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ	104
ИЗ САМОЙ НОВОЙ КНИГИ ДЖУНГЛЕЙ.....	109
ВО ВЕКИ ВЕКОВ.....	110
«ДИВАН СТИХОВ МОИХ...»	111
«О, ПРАВОВЕРНЫЙ...»	111
ВТОРОЙ СОНЕТ РИЧАРДА.....	111
ГОЛОСА	112
МОЙ САД	118
ИЗ РОДОСЛОВНОЙ АВТОРА	122
NULLA DIES...	123
«БОЛЬШОЙ». ГРЕМИТ «ИВАН СУСАНИН»...	124
ВЫЖИВАЮТ ХУДШИЕ.....	124
ДАВНО	125
ОБРЕТЕНИЕ (отрывки)	126
«ВСЕГДА – ОТ ВЕКА И ДО ВЕКА...»	127
БЕССМЕРТИЕ.....	127
«НА БЕРЕГАХ ЕФРАТА, ТИГРА...»	129
СВИНОЕ	130
ВЕНОК	130
ФИЛОБИБЛОН – XX	132
ОНА.....	133
ИЗ ГЛУБИНЫ	134
КОРАБЛИК	135
БАЛЛАДА О БЕЗМОЛВИИ КОРОЛЕВЫ.....	136
«В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ...»	139
АКВАРИУМ (бред)	139
ИЗ ЦИКЛА АРУД	140
ИЗ ЦИКЛА АРУД	140
ИЗ ЦИКЛА ИОВ	140
ИЗ ЦИКЛА ХРАНИТЕЛЬ	141
ДИАЛОГ	143
«ЛЮД ПО УЛИЦАМ, ПО ПЕРЕУЛКАМ ЖИВЕТ...»	145
У ПОДНОЖЬЯ	148
ВЕК XX.....	151
ВЕК XVII.....	151
ВЕК XVI.....	152
ИЗ ЦИКЛА СУМАЕА	153
«ОНА ЛЮБИТЬ ДРУГОГО РОЖДЕНА...»	153

ПЬЕСА ДЛЯ ТРОИХ	154
НЕ СУЖДЕНО	154
НАД ВРЕМЕНЕМ	155
ИЗ ЦИКЛА ARS MORIENDI	156
ДА БУДЕТ (терцины)	156
«ЭТО УТРО, ГОРЕЧЬ ЭТА...»	158
«ХОТЕЛ БЫ Я БЫТЬ ДЕВОЙ...»	158
«СМОТРЮ, СМОТРЮ, СЧИТАЯ ДНИ...»	158
Ф.П.	159
ИЗ ЦИКЛА СОНЕТЫ С ПОНТА	159
NEVERMORE	160
«БЛАГОСЛОВЕННО...»	160
«КАК ХОРОШО, В ЖИЛЕТКУ ДРУГА...»	160
ИЗ ЦИКЛА DRAMATIS PERSONAE	161
«АЛИСЫ КЭРОЛЛОВОЙ ПРОФИЛЬ...»	162
«БЛАГОСЛОВЕННЫ – ЧАС, ДЕНЬ, ЛЕТО...»	162
АВТОЭПИГРАММА.....	163
ЭПИГРАММЫ 1985 года	163
«ТВЕРДИМ, К НЕБЫТИЮ СПЕША...»	164
«БЛЕДНАЯ ДЕВА...»	164
«О, ПОЧЕМУ...»	164
ТЕБЕ, ЗНАЮЩЕЙ СОНЕТ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ О СТАРОСТИ В ПЬЕСЕ «ФЕНИКС»	164
НАДПИСЬ НА КНИГЕ ИОАННА СЕКУНДА «ПОЦЕЛУИ»	165
ИЗ ЦИКЛА 20	165
ИЗ ЦИКЛА 20	166
ГЛОТОК СИНЕВЫ	166
ИЗ ЦИКЛА 20	167
ИЗ ЦИКЛА 20	168
ИЗ ЦИКЛА 20	168
ИЗ ЦИКЛА 20	169
ТЕАТР	169
ИЗ ЦИКЛА 20	170
ИЗ ЦИКЛА 20	170
«ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ - ОДНО»	171
«СЛИЯНЬЕ ДУШ? СОЮЗ СЕРДЕЦ?...»	171
«С ЛЮБОВЬЮ... НЕЖНОСТЬЮ...»	172
«РЕЧЕ ГОСПОДЬ...»	172
SONETTO DI RISPOSTA	172
ИЗ ЦИКЛА СВЕТ	173

МОИМ СОНЕТНЫМ ГРАЦИЯМ	
СВЕТЛАНЕ, ТАТЬЯНЕ, ГАЛИНЕ	173
РУССКОЙ ПОЭТЕССЕ АЛЕКСАНДРЕ	
ТУЛУНОВОЙ-КОЖЕВНИКОВОЙ В АНГЛИЮ	174
ИЗ ЦИКЛА СВЕТА	175
ИЗ ЦИКЛА СОНЕТЫ С ПОНТА	175
«НАМ ЗАДАНО...»	176
«В СТРАНЕ АЭТА...»	176
«ТЫ ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ...»	177

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

В.САРИШВИЛИ. ЗАПИСКИ БИБЛИОФИЛА	179
I Book	184
II В[ook]	207
III В[ook]	220
IV В[ook]	240
V В[ook]	262
VI В[ook]	281
VII В[ook]	292
VIII В[ook]	306
IX В[ook]	318

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

ДИАЛЕКТИКА КАНОНОВ СОНЕТА	327
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ	
РУССКОГО СИМВОЛИЗМА	351
ИДЕЯ ПОЗНАВАЕМОСТИ МИРА	
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ.....	389
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	411

КОНСТАНТИНУ ГЕРАСИМОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

СВЯТОСЛАВ БЭЛЗА.	
ПОКЛОННИК ГАЛАКТИКИ ГУТЕНБЕРГА.....	427
ВАДИМ ВАЦУРО	
БУНТ ЭРУДИТА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОСТИ.....	431
ЗАХАР ДАВЫДОВ	

НАШ ДОЛГ	435
ОТЕЦ ГЕОРГИЙ (ЗВИАДАДЗЕ)	
СЛОВО О УЧИТЕЛЕ.....	438
ТАТЬЯНА КОШЕМЧУК	
ОДНАЖДЫ.....	440
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ	
ОН БЫЛ НЕРАЗЛУЧЕН С КНИГАМИ.....	447
ВИКТОРИЯ ПОПОВА	
ИЗ ГЛУБИНЫ	449
НОДАР ПОРАКИШВИЛИ	
ЧЕЛОВЕК, ДОМ И ВРЕМЯ В АНОМАЛЬНОМ МИРЕ	456
ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ	
ОН ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ.....	470
ОЛЕГ ФЕДотов	
СОНЕТЫ О СОНЕТАХ И СОНЕТИСТАХ	472
МАРИЯ ФИЛИНА	
ПОКЛОН УЧИТЕЛЮ-ПОЭТУ	480
СЕРГЕЙ ХАНГУЛЯН	
ЗАПАХ КНИГИ И АРОМАТ ВРЕМЕНИ	482
ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО	
СИЛУЭТ.....	489

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ	495
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ	519
ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ	531
КОНСТАНТИНУ ГЕРАСИМОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ.....	533
СОДЕРЖАНИЕ	536

კონსტანტინე სერგოს ძე გერასიმოვი (1924-1996) – გამოჩენილი ლიტერატურადმცოდნე, სონეტმცოდნე, პოეტი, ბიბლიოფილი, პედაგოგი, ენციკლოპედიკოს-ერუდიტი, თბილისის ი.ჯავახიშვილის სახელმწიფო უნივერსიტეტის პროფესორი. იგი ფართოდ იყო ცნობილი სამეცნიერო სამყაროში და სამართლიანად ითვლებოდა ერთ-ერთ ნამყვან სპეციალიტად სონეტის ისტორიასა და თეორიაში და წიგნის ისტორიაში. კრებულ „დაბრუნებაში“ უმეტესწილად შევიდა დღემდე გამოუქვეყნებელი მასალები კონსტანტინე გერასიმოვის არქივიდან – პოეტური ნაწარმოებები, უბის წიგნაკები, სამეცნიერო სტატიები, ასევე მოგონებები და ნარკვევები მისი რამდენიმე კოლეგის და მოწაფისა, რომელთა უმრავლესობაც ამჟამად ფილოლოგიური მეცნიერების სიამაყეა. წიგნი დააინტერესებს, როგორც ფილოლოგიის სპეციალისტთა ვინრო წრეს, ასევე რუსული სიტყვიერების ყველა მოყვარულს. გამოცემა ეძღვნება მეცნიერისა და პოეტის გარდაცვალებიდან მე-15 წლისთავს.

Konstantin Gerasimov (1924 - 1996)

- distinguished philologist, sonetist, poet, bibliophile, pedagogue, person of encyclopedic knowledge, the professor of Iv.Javakhishvili Tbilisi State University. He was very famous in the scientific world and was mentioned to be the leading specialist in the theory and history of the sonnet, also in the history of the book.

In the collection "Returning" the most of the materials are from K.Gerasimov's archive, that were not published before – poetry, note-books, scientific articles. There are also memories and reflections of his colleagues and students, who became the pride of philological science.

The book will be interesting for the inner circle of specialists in philology for amateurs and connoisseurs of Russian literature.

The publication is devoted to 15th anniversary of scientist's and poet's death.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ПРОЕКТ РЕАЛИЗОВАН ЗА СЧЕТ ГРАНТА,
ПРЕДОСТАВЛЕННОГО ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР»

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ ГЕРАСИМОВ
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Авторы-составители
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Редактор
АРСЕН ЕРЕМЯН

Художник-дизайнер
ИРАКЛИ КИПИАНИ

Технический редактор
ДАВИД АБУЛАДЗЕ

Компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ
АЛЕНА ДЕНЯГА
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
НАТАЛИЯ ЦИТЛАНАДЗЕ